

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

Сентябрь — Октябрь

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

ВОЗГОДСКАЯ
общественная библиотека
им. М. В. Бабушкина

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян, Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова (зам. глав. редактора), Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова, С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин (зам. глав. редактора), В. Н. Чернецов

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

В. В. Покшишевский

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ СССР И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Соотношение городского и сельского населения изменяется во всем мире, притом очень быстро. Сейчас уже не менее трети человечества живет в городах; во многих странах доля горожан превышает половину населения (например, в СССР горожане составляют сейчас более 55 % всех жителей), а в некоторых — даже три четверти.

Такой стремительный ход урбанизации обязывает этнографическую науку уделять городскому населению несравненно больше внимания, чем это было по традиции в прошлом. На VII и VIII Международных конгрессах антропологических и этнографических наук с большой силой прозвучал призыв к повороту этнографии «лицом к городам», наряду с требованием сильной «демографизации» широкого фронта этнографических исследований. В последнее время проблематика городского населения стала занимать в этнографических исследованиях все более видное место.

В настоящей статье автор ставит несколько целей. Во-первых, на основании данных переписей и других демографических сведений проследить в ряде городов СССР этническую структуру и ход этнических процессов, происходивших за советский период; во-вторых, показать некоторые закономерные тенденции в развитии этнических процессов в городских поселениях. Пока автор устанавливает их лишь для СССР, но полагает, что в дальнейшем следовало бы рассмотреть, насколько действуют эти же тенденции за пределами нашей страны (видимо, по-разному в странах с разным общественным строем). И, в-третьих, автор вводит некоторые этногеографические понятия, существенные, по его мнению, для анализа структуры городского населения, а также предлагает соответствующие методические приемы использования их в ходе этого анализа.

Уже априорно можно было бы ожидать, что этнические процессы протекают по-разному в сельской местности и в городах, особенно в крупных. В. И. Ленин писал, что «крупные города, фабричные, горнозаводские, железнодорожные, вообще торговые и промышленные поселки неизбежно отличаются наибольшей пестротой населения... Это — явление не случайное, а закон капитализма во всех странах и во всех концах мира»¹. Ниже будет показано, что и после победы социалистического способа производства города остаются средоточиями гораздо более пестрого в национальном отношении населения, чем сельская местность. Этническая однородность сельской местности — одна из причин традиционного представления о сельском населении как своеобразном «хранителе» традиционных черт данной этнической общности.

Именно это различие этнической структуры городов и сельской местности вызвало как бы их противопоставление в этнографии. Город с

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 220.

его национальной пестротой и порождаемой ею утратой этнической определенности выглядел менее выигрышным объектом для этнографического изучения, чем сельская местность с более однородным в национальном отношении населением, где к тому же сама ограниченность числа обитателей облегчала применение классических методов этнографической науки — интервьюирования, анкетирования и визуальных наблюдений.

Однако в условиях советской действительности этнические судьбы городского населения существенно меняются.

Прежде всего города становятся не просто мозаичными скоплениями разнонациональных групп людей, а центрами активного их сближения. Из 130,9 млн. горожан СССР (данные на 1 января 1968 г.) 52,8 млн. жило в городах, расположенных вне РСФСР; кроме того, в пределах РСФСР в городах автономных республик, автономных областей и национальных округов жило еще 9,8 млн. чел. Для этой части городского населения СССР численностью в 62,6 млн. чел. процесс сближения представителей различных наций конкретно сводился прежде всего к сближению коренного населения этих городов и тяготеющих к ним сельских местностей с русским народом; в свою очередь, проживающие в соответствующих городах русские воспринимали многие элементы национальной культуры коренного населения союзных республик и автономий.

Названные только что цифры наглядно показывают «объемные масштабы» лишь одной (правда, численно наиболее мощной) линии сближения наций, наблюдающейся в советских городах. В действительности же таких линий имеется много больше. Ведь происходило не только сближение русского народа с коренными народами союзных и автономных республик, но также сближение этих народов друг с другом (например, в городах Закавказья, Средней Азии); кроме того, и в городах «русских областей» РСФСР живет по меньшей мере несколько миллионов лиц нерусской национальности.

Мы здесь (как и всюду в этой статье) касаемся лишь количественной стороны, освещаемой данными демографии. Такие явления, как двуязычие, культурные взаимозаимствования, а также механизм сближения наций через школу, печать, радио и т. п., требуют, разумеется, дальнейших специальных исследований.

Вторая, характерная именно для СССР как социалистического государства черта происходящих в городах этнических процессов заключается в том, что города становятся более активными, чем раньше, центрами процесса консолидации наций, особенно, тех, которые стали нациями, минуя капитализм, лишь в результате победы социалистического строя. Эта консолидация часто сопровождается ассимиляцией более крупными народами, сложившимися уже в нации, других менее многочисленных народов, равно как и мелких этнографических групп.

Эти процессы подчас ускользают от внимания исследователей, так как они затемняются притоком в города инонационального населения и быстрой адаптацией коренного населения городов к общесоветским формам быта и культуры. В действительности же сторона эта очень важна. Сейчас в СССР активно-творческое развитие этнического самосознания все в большей степени переносится на городскую почву. Формированию национального самосознания способствуют такие чаще всего расположенные именно в городах очаги национального искусства, как театры, литературные и другие творческие объединения², учебные заведения, в

² Становление национального искусства нередко как бы воскрешает многие полузабытые сюжеты народного эпоса и фольклора, которые после переноса на городскую почву приобретают новое, более важное значение для формирования национальной культуры.

том числе и высшие, с преподаванием на коренном языке³, научные центры по изучению национальной культуры и т. п.

Разумеется, в наибольшей мере эти черты «оформления» национальной культуры осуществляются в столицах союзных или автономных республик или в центрах автономных областей⁴; города, не несущие ведущих политико-административных и культурно-организационных функций, участвуют в процессах национальной консолидации значительно в меньшей степени.

Существенно подчеркнуть, что роль городов как центров развития и консолидации национальной культуры во всех случаях обуславливалась и возрастание в этих городах численности населения коренной национальности за счет механического притока. Сами культурные функции городов привлекали в них кадры коренной национальности. Правда, доля населения коренной национальности могла при этом относительно не расти, а даже сокращаться вследствие того, что мощный экономический подъем городов на национальных территориях вызывал еще более мощный приток трудовых контингентов (в первую очередь — с готовой уже квалификацией) из районов с другим этническим составом населения; но все же абсолютная численность коренного населения городов неизменно возрастала.

Это определялось в ряде случаев (в первую очередь в республиках, развитие которых к моменту социалистической революции отставало еще от РСФСР) миграцией в города сельского, в основном коренного населения из тяготевших к ним ареалов, а также специально проводившейся политикой создания кадров национального пролетариата и подъема национальной культуры. Притоку коренного населения способствовала и концентрация в городах учебных заведений для подготовки кадров интеллигенции (сосредоточение здесь студентов коренной национальности и т. п.).

В целом можно считать, что этнические процессы в городах союзных и автономных республик протекали под влиянием двух противоположных тенденций, из которых одна обуславливала приток инонационального (по большей части русского) населения, другая — возрастание численности населения коренной национальности.

Сравнивая механизм проявления этих тенденций, мы вправе схематически связать вторую главным образом с развитием в городах, особенно в столицах, функций управления, просвещения, культуры; эта тенденция лишь частично обуславливалась и развитием промышленного производства. Первая же тенденция в основном была связана именно с ростом промышленного производства, транспорта и некоторых других вспомогательных отраслей, также требующих квалифицированных кадров.

С помощью каких фактов можно было бы проверить наличие этих двух различных тенденций и численно измерить их «результанту»? Проследим соответствующие количественные сдвиги сперва на данных о населении столиц союзных республик.

³ Заслуживала бы методической разработки задача выражения «в мере и в числе» объективного хода этих этнических процессов через показатели посещения национальных театров, тиражи периодических изданий и книг на национальных языках, обороты книг в национальных библиотеках, численность учащихся в национальных школах (все это — в отношении к численности в городах населения коренной национальности) и т. п.

⁴ Реализация этого «оформления», явившегося важным этапом этнического становления народов СССР, ранее лишенных всех признаков государственности и самостоятельного политического бытия, неразрывно связана с практикой социалистического национального строительства, естественными центрами которого делались города, в первую очередь те, что несли функции столиц. Роль их в этнических процессах заслуживает поэтому более подробного изучения.

Важный объективный материал, позволяющий уловить характерные тенденции, содержится в переписях населения — 1897⁵, 1926 и 1959 гг.⁶ В табл. 1 приводятся данные этих переписей. Конечно, не во всех случаях возможно (да и целесообразно) приводить «сквозные» данные по всем трем переписям (часть современных столиц союзных республик в 1926 г. лежала вне границ СССР, другие были в 1897 г. слишком незначительны и т. п.).

Естественно, что сопоставление отмеченных только что тенденций требует в первую очередь выявления изменений в общей массе населения процентного соотношения коренного народа и русских. Однако при более детальном рассмотрении вопроса возможны и дальнейшие уточнения. Прежде всего в состав населения городов, расположенных на национальных территориях, входил ряд народов, само появление которых на какой-либо территории (а в данном случае в городе) было неотделимо от появления тут русских, часто — от факта вхождения соответствующей территории в состав Российской империи. В этом ограниченном смысле мы называем их «спутниками русских».

Перечень народов, которые можно отнести к этой категории, разумеется, различен для разных городов (а иногда и разных периодов). Так, очевидно, что украинцы и белорусы (вне своих республик) были явными «спутниками русских» применительно ко всем современным столицам, кроме Киева и Вильнюса — для белорусов и Минска, Алма-Аты, Фрунзе и Кишинева — для украинцев. Для столиц же среднеазиатских и закавказских республик такими «спутниками» оказывались также представители народов Прибалтики и Поволжья (кроме татар, проникавших сюда и «самостоятельно»), молдаване, поляки и ряд других. Конкретные исторические условия формирования пришлого населения среднеазиатских столиц позволяют отнести к «спутникам русских» и представителей основных народов Кавказа⁷. Иным является состав «спутников русских» для столиц прибалтийских республик и т. п.

Несомненный интерес представляет выявление притягательной силы городов, особенно столиц союзных и автономных республик, для соседних народов, равно как и их участия в экономическом и культурном

⁵ При использовании переписи 1897 г. следует помнить, что, согласно ее программе, национальная принадлежность «подразумевалась» по родному языку. В тех случаях, когда регистрируемый язык решительно отличался от русского или другого господствовавшего в пределах какой-либо территориальной единицы (т. е. в данном случае в определенном городе), языковые данные были в общем достаточно показательными. В конце XIX в. еще не было того значительного сближения населявших Россию народов, которое сейчас часто делает показатели этнической принадлежности и родного языка сильно не совпадающими. Можно считать, что в 1897 г. численность коренных нерусских народов даже в крупных городах, ставших впоследствии столицами союзных республик, обычно довольно близко соответствовала численности людей, показавших в качестве родного язык соответствующего народа. В несколько ином положении, однако, здесь оказывалась группа славянских языков. Русский (великорусский) язык в условиях царского строя и проведения русификаторской политики имел как бы дополнительный «искусственный престиж», и данные о числе его носителей часто не отражали действительной языковой ситуации — этот язык объявляли своим «родным языком» многие украинцы и белорусы.

⁶ Что же касается переписи 1939 г., то здесь данные о национально-этнической принадлежности были разработаны очень схематично и дробные материалы по отдельным городам опубликованы не были.

⁷ Известное сомнение может возникнуть в отношении довольно больших групп армян, особенно значительных в Ашхабаде (в 1926 г. 6,2 тыс. или 12,1% от всего населения, а в 1959 г. 9,1 тыс., т. е. 5,4%). Но анализ конкретного состава армян-ашхабадцев по занятиям еще в 1897 г. показывает явное преобладание среди них чиновников и других государственных служащих, железнодорожников, конторщиков частных фирм и т. п., т. е. рисует их именно как «спутников русских». Азербайджанцев в Ашхабаде было в 2—3 раза меньше, чем армян, в других столицах еще меньше. Характер их занятий точно так же рисует их как «спутников русских». Из других кавказских народов роль «спутников» в наибольшей мере очевидна у осетин, которым и в пределах самого Кавказа часто представлялись низшие должности на государственной службе в Российской империи (это можно объяснить тем, что большая часть осетин отличалась от других горцев Кавказа своим православным вероисповеданием).

подъеме этих городов. Наличие в составе горожан какой-либо национальной территории значительных групп непосредственно соседствующих народов может быть иногда результатом исторических обстоятельств расселения (таджики в Самарканде или армяне в Тбилиси), иногда проявлением осуществляемого шаг за шагом межнационального сближения (притяжение к Казани народов прилегающих республик Волго-Вятского и Уральского районов). При этом среди географически соседствующих народов (и уже в силу этого испытывающих экономическое и культурное тяготение) особое место занимают те, которые имеют в рамках данной республики собственные этнические территории, а иногда и автономии. Так, механизм притяжения к Тбилиси абхазов и осетин, конечно, иной, чем, скажем, азербайджанцев или кабардинцев.

Для «силы притяжения» к столице союзной или автономной республики коренного народа немаловажное значение имеет ее географическое положение по отношению к этническому ареалу коренного народа (см. рис. 1). Столица может быть расположена «в гуще» этнического ареала — в этом случае ее роль политического и культурного «сердца» республики как бы совпадает с ролью географического центра, к которому со всех сторон сходятся нити производственного и организационно-хозяйственного тяготения. Противоположный случай — расположение столицы на краю этнического ареала расселения коренного народа республики. Такое периферийное положение столицы может быть вызвано «оттягивающим» влиянием каких-либо важных в жизни всей республики ресурсов или транспортных путей (особенно морских) — примером здесь могут служить Баку, Таллин, Чебоксары; но подчас периферийное положение обусловлено чисто историческими причинами, сделавшими именно данный город традиционным «сердцем нации» — даже несмотря на то, что он лежит на окраине современного этнического ареала (пример — Вильнюс) ⁸.

Иногда положение столицы выглядит периферийным только с «геометрической точки зрения», а на деле она лежит достаточно центрально по отношению к расселению основной массы коренных жителей республики (так, Ереван расположен почти в центре Араратской котловины, где сосредоточена большая часть населения всей Армянской ССР, Сыктывкар лежит в глубине южной половины Коми АССР, где именно и преобладают коми).

Особым является случай, когда столицы занимают положение, которое можно условно назвать «альтернативным»: ареал расселения коренного народа как бы разорван (например, горами), и местоположение столицы по необходимости приурочено либо к одной, либо к другой его части (Киргизия, где местом для столицы мог бы оказаться либо Фрунзе, либо Ош; или Таджикистан — здесь альтернатива состояла в противопоставлении старинному Ленинабаду населенных пунктов южной части страны, где в период создания республики вообще практически еще не было городов). При наличии такой «альтернативы» более центральным представляется расположение столицы в той части этнического ареала, которая сосредоточивает большую численность населения ⁹.

⁸ Периферийным можно было считать расположение Харькова, являвшегося до 1934 г. столицей УССР; то, что в это время для столицы республики был выбран именно Харьков, обуславливалось более пролетарским составом его населения. Успехи в индустриализации всей Украины сделали целесообразным перенос столицы в Киев — традиционный центр духовной жизни украинского народа. Но и положение Киева стало близким к центральному только после возврата в состав Украины ее западных земель, т. е. с 1939 г.

⁹ Как бы разновидностью «альтернативного» решения является случай выбора места для столицы в пределах кольцеобразного «уплотнения» этнического ареала. С этим случаем наше национальное строительство столкнулось в Казахстане. Столицей Казахской ССР мог стать один из городов либо в Северном или Восточном Казахстане (Петропавловск или Семипалатинск), либо на юге, в пределах Семиречья. Именно на юге казахское население было наиболее густо и в наибольшей мере стало переходя-

Таблица 1

Национально-этническая структура населения современных столиц союзных республик
(по данным переписей)*

Город и годы переписи	Абс. числ. населения, тыс. чел.	Доля в процентах				
		коренного народа	русских	«спутников русских»	соседних народов	прочих
Киев 1897	247,4	22,2	54,4	2,5	20,6	0,3
1926	513,6	42,2	24,5	0,7	32,2	0,4
1959	1104,3	60,0	22,7	Не выд.	>15,8	1,5
Харьков 1897	174,3	25,9	63,1	4,4	5,7	0,9
1926	417,3	38,6	37,2	4,3	19,6	0,3
Минск 1897	90,9	9,0	25,5	~1,0	62,6	~1,9
1926	131,5	42,5	9,6	3,1	44,5	0,3
1959	509,5	63,7	22,9	Не выд.	>8,6	<4,8
Баку 1897	111,9	36,0	33,4	4,2	23,4	3,0
1926	425,9	26,3	35,3	8,9	27,2	2,3
1959	987,2	37,7	34,2	>4,4	>19,7	<4,0
Тбилиси 1897	159,6	26,4	28,0	6,3	31,7	7,6
1926	294,1	38,2	15,6	4,4	41,2	0,6
1959	694,7	48,5	18,2	>4,6	>27,0	<1,7
Ереван 1897	29	43	10	2	43	2
1926	64,6	89,0	1,7	0,4	8,9	0,1
1959	509,3	93,0	4,4	0,5	1,2	<0,9
Ташкент 1897	155,4	75,1	9,7	3,5	10,5	1,2
1926	323,6	52,6	32,4	9,4	2,2	3,4
1959	911,9	33,9	43,8	>9,5	>1,4	<11,4
Ашхабад 1926	51,6	2,2	52,5	23,4	19,8	2,1
1959	169,9	29,0	50,3	>11,1	>0,8	<8,8
Алма-Ата 1959	456,5	8,1	73,2	>0,6	>7,5	<10,6
Фрунзе 1959	219,7	9,5	71,8	>3,1	>10,1	<5,5
Душанбе 1959	227,1	18,9	47,7	>10,4	>10,2	<12,8
Вильнюс 1897	154	2	20	1	76	1
1959	236,1	33,9	29,7	2,8	32,6	0,2
Рига 1897	282,2	45,0	15,6	Не выд.	27,3	<12,1
1959	604,7	44,7	39,4	>8,9	1,2	<5,8
Таллин 1897	64,6	62,8	15,5	0,3	21,3	0,1
1959	281,7	60,5	32,0	5,2	>0,6	<1,7
Кишинев 1897	108	17,6	27,0	4,2	50,0	1,2
1959	216,0	32,1	32,1	>1,0	33,5	<1,3

* Москву, являющуюся столицей не только РСФСР, но и СССР, мы сознательно не включили в абл. 1. Доля русских в населении Москвы составляла в 1897 г. более 9/10, позже — почти 9/10.

Возможен и случай «мнимо-периферийного» положения, характерный для Ташкента. Там, где надо было выбирать место для столицы в одном из оазисов, всегда также возникала своеобразная «альтернатива». В Узбекистане и Ферганская долина, и Зеравшанский оазис, и низовья Амударьи были бы действительно эксцентричны по отношению к территории Узбекистана. А Ташкентско-Ангренский оазис, хотя и лежит у границ республики, занимает в сущности наиболее центральное место из всех оазисов¹⁰. Вместе с тем положение Ташкента «у порога» всей Сред-

на оседлость; к тому же и экономически наиболее развитой была тогда именно южная полоса между горами и пустыней. В результате Кызыл-Орда стала столицей республики лишь временно; постройка Турксиба позволила вскоре перенести ее в Верный — Алма-Ату.

¹⁰ Это особенно хорошо видно, если взглянуть на начертание транспортной сети. У станции Урсатьевская, лежащей несколько южнее Ташкента, разветвляются пути: одна линия идет в Ферганскую котловину, другая — в западную группу оазисов Узбекистана.

ней Азии, на стыке пустынь и сухих степей с зоной оазисов, всегда было очень благоприятно для торговых связей; а когда через этот «порог» протянулась от Оренбурга железная дорога — выигрышность положения Ташкента по отношению не только к узбекскому этническому ареалу, но и ко всей Средней Азии стала особенно наглядной.

Ареал притяжения к столице зависит также от ее величины. С точки зрения нашей темы важно, то, что, чем обширнее в пространственном отношении ареал притяжения, тем больше вероятности, что в него «попа-

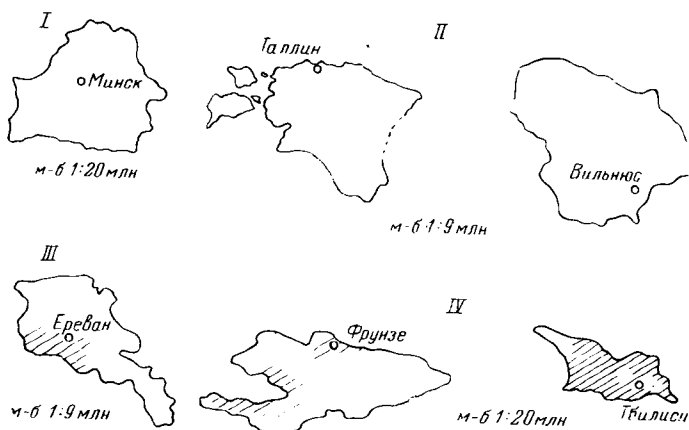

Рис. 1. Варианты географического положения столиц ССР: I — центральное; II — периферийное; III — мнимо-периферийное (заштрихована территория сосредоточения главной массы населения); IV — «альтернативное» (заштрихованы ареалы расселения главной массы коренного народа)

дут» этнически разнородные территории и что, следовательно, усилится этническая мозаичность населения столицы. Так, большая национальная пестрота миллионного Баку, конечно, связана с обширностью традиционного ареала притяжения к нему народов всего Кавказа; то же в известной мере можно сказать и о Ташкенте, ареал притяжения которого обширнее, чем других, менее крупных столиц союзных республик.

Отметим здесь еще одно колесико в механизме, способствующем этнической пестроте населения столиц союзных и автономных республик: двуязычие (иногда и многоязычие) в той сфере нематериального производства, в которой создаются культурные ценности. Нам уже приходилось обращать внимание на то, что доля населения, занятого в этой сфере, оказывается во многих союзных республиках относительно выше, чем в РСФСР, вследствие как бы параллельной реализации на местном и русском языках национальной и общесоветской культуры (что получает отражение в организации школьной сети, работе прессы, радио, издательском и театральном деле и т. п.)¹¹: Это явление, естественно, получает особо сильное выражение именно в столицах. Если вполне можно представить себе «одноязычную» культурную жизнь сельской местности

¹¹ Закономерность повышенной доли населения, занятой в сфере культуры, на национальных территориях (в связи с фактором двуязычия) была показана в статье: В. В. Покшишевский, О географии населения, занятого в СССР в сфере нематериального производства и обслуживания, в кн.: «География населения и населенных пунктов СССР», Л., 1967. На примере ряда русских и национальных территорий в этой статье мы установили даже количественную меру указанной повышенности; на вторых доля населения, занятого в сфере культуры, была на 5% (от всего населения) больше, чем на первых (стр. 115 назв. статьи). Это превышение в основном складывается за счет столиц с их неперменным двуязычием.

на национальной территории, где к русскому языку нет необходимости прибегать даже в служебном делопроизводстве, то в городах необходимость эта уже явственно чувствуется, а в столицах союзных республик создает ярко выраженную двуязычную среду, не только стимулирующую рост русской прослойки для обеспечения бесперебойного функционирования этой среды, но и namного облегчающую адаптацию притягиваемого (разумеется, не только в сферу культуры) русского населения.

Существенно отметить, что притоку русского населения в столицы союзных республик очень способствует то, что в этих столицах достаточно велика доля уже живущего русского населения (исключение составляет только Ереван). В трех столицах она ныне колеблется между 15 и 25% всего населения, в четырех — между 25 и 35%, в трех — между 35 и 50%; в трех столицах (не считая Москвы) эта доля составляет более половины населения. Благодаря этому для прибывающего в столицу нового русского населения практически почти снимается психологический рубеж адаптации к иной, часто непривычной этнической среде. Исследователь влияния этнических факторов на современные миграции населения В. Т. Переведенцев по этому поводу писал: «Может показаться, что этнические факторы должны сильно сдерживать... вселение в города национальных союзных республик выходцев из РСФСР. На самом деле, ... переселяясь в города союзных республик, русское население других районов попадает в родственную этническую среду». Разумеется, особенно это очевидно применительно к столицам союзных республик. К тому же здесь всегда «имеется значительная доля нерусского пришлого населения, усвоившего русский язык и культуру до такой степени, что значительная его часть считает родным не язык своей национальности, а русский. В ряде случаев и значительная часть основного населения республики также считает родным языком русский»¹². Далее автор напоминает о двуязычии и выражает сожаление, что перепись не регистрирует владения «вторым языком», которым, как правило, является русский.

Вернемся снова к табл. 1. Она хорошо показывает, что в тех случаях, когда коренное население республик располагало достаточными контингентами «городских» профессий, экономический подъем и рост населения их столиц сопровождались и возрастанием доли коренного народа — как за счет притока из других городов и «переработки» сельского населения, так и за счет изменения национального самосознания. Если же форсированный подъем экономики требовал притока кадров из-за пределов республики (наличные местные контингенты были недостаточны, а подготовка новых не могла угнаться за экономическим ростом) — неизменно наблюдался рост доли русского населения¹³. Характерно, что коренное и русское население суммарно оказывается резко преобладающим; остальные этнические группы вымываются или подвергаются значительной ассимиляции.

Интересна и закономерная связь долей коренного и русского населения в столицах по отношению ко всему населению соответствующих республик. На графике (рис. 2) показана эта связь по данным переписей 1926 и 1959 гг. Чем однонациональнее республика, тем выше в ее столице доля коренного населения; с другой стороны, чем больше русского населения проживает в республике вообще, тем, естественно, более высокой становится и доля русских среди населения столиц. Крайними случаями здесь являются, с одной стороны, РСФСР (выше мы уже ука-

¹² В. И. Переведенцев, О влиянии этнических факторов на территориальное перераспределение населения, «Изв. АН СССР. Серия географическая», 1965, № 4.

¹³ Исключение составляет Ереван, куда шел значительный приток армянского населения (притом владевшего уже всем необходимым набором «городских» профессий) из других союзных республик, а также из-за рубежа (репатриация почти 0,2 млн. армян, осевших в значительной части в столице). При наличии такого притока экономический подъем Еревана почти не потребовал миграций русских кадров.

зывали, что около 9/10 населения Москвы — русские) и Армения, с другой — Казахстан и Киргизия.

Если перейти от столиц союзных республик к столицам автономных республик и центрам автономных областей, то подтверждается та же закономерность: при быстром индустриальном росте приток русского населения как бы «перекрывает» стягивание коренного населения в его

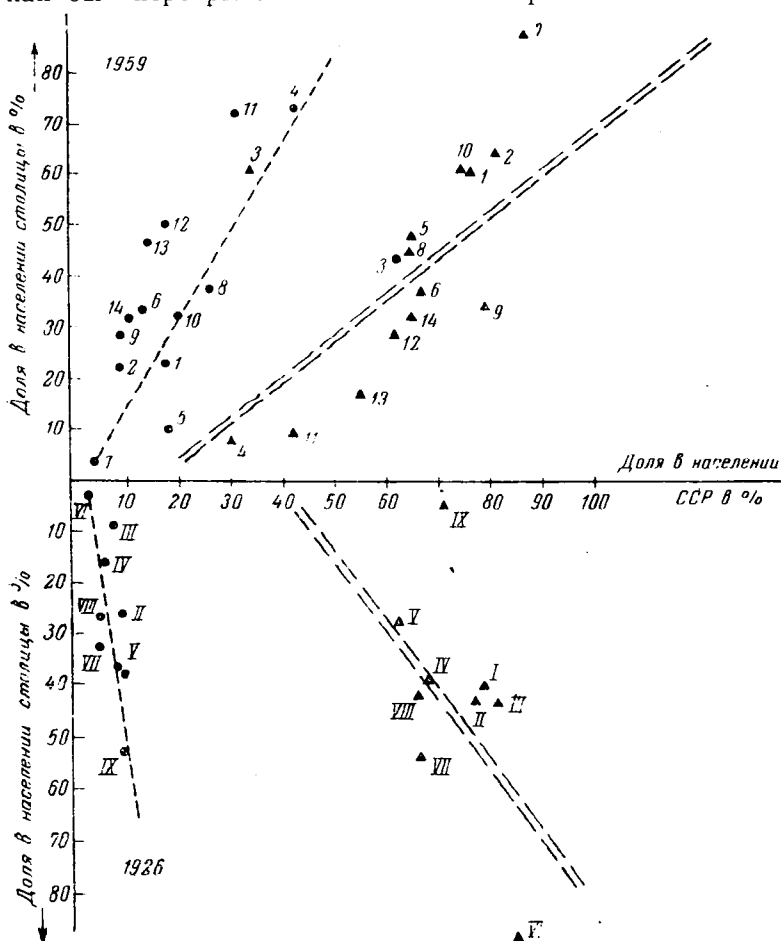

Рис. 2. Влияние долей коренного народа (треугольники) и русских (кружки) в составе населения Союзных республик на их доли в составе населения столиц. В верхней части графика (1959 г.): 1 — Киев и УССР; 2 — Минск и БССР; 3 — Ташкент и УзССР; 4 — Алма-Ата и КазССР; 5 — Тбилиси и ГрузССР; 6 — Баку и АзербССР; 7 — Ереван и АрмССР; 8 — Рига и ЛатвССР; 9 — Вильнюс и ЛитССР; 10 — Таллин и ЭстССР; 11 — Фрунзе и КиргССР; 12 — Ашхабад и ТуркмССР; 13 — Душанбе и ТаджССР; Кишинев и МолдССР. В нижней части графика (1926 г.): I — Харьков (II — Киев); III — Минск; IV — Тбилиси (V — Баку); (VI — Ереван); (VII — Ташкент); VIII — Самарканд, IX — Ашхабад

национально-этнический центр, при более замедленном росте экономики доля коренного народа в населении оказывается более высокой. Нами было рассмотрено соотношение численности коренного народа и русских в трех группах столиц автономных республик и административных центров автономных областей по итогам переписи 1959 г. К первой группе с наиболее высоким темпом роста индустрии (и вместе с тем — и наиболее высоким темпом роста общей численности населения) мы отнесли Казань, Чебоксары, Саранск, Йошкар-Олу, Ижевск, Улан-Удэ, Орджоникидзе и Грозный. К третьей группе с наиболее замедленной индустриализацией — Сухуми, Цхинвали, Нахичевань, Сте-

панакерт, Кызыл. Во вторую, промежуточную по этому признаку группу были включены Батуми, Махачкала, Нальчик, Якутск, Нукус. В табл. 2 показаны результаты проведенных подсчетов.

Для проверки влияния темпов и степени индустриализаций на соотношение коренного и русского населения в городах, расположенных на

Таблица 2

Группы	Доля в общей численности населения, %			
	Коренного народа*		Русских	
	среднеарифм. по группам	крайние значения	среднеарифм. по группам	крайние значения
I (8 городов)	19,9	9,0—48,0	73,5	47,2—91,0
II (5 городов)	29,9	23,0—49,1	45,4	16,5—74,2
III (5 городов)	61,9	12,3—95,0	27,1	0,4—83,5

* В республиках, где основное коренное население представлено не одним, а несколькими народами, учитывалась совокупная их доля. Для Махачкалы суммировалась численность аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин, ногайцев, табасаранов; для Нальчика взята сумма кабардинцев и балкарцев; для Грозного — чеченцев и ингушей; для Сухуми и Цхинвали в рубрику коренного населения включались грузины; для Степанакерта оно рассматривалось как состоящее из армян и азербайджанцев. В Нукусе среди населения преобладают казахи и лишь на втором месте стоят каракалпаки; доля узбеков, которых можно было бы по аналогии с грузинами в Сухуми и азербайджанцами в Степанакерте отнести к коренному населению, оказалась вовсе незначительной (меньше, чем русских).

национальных (нерусских) территориях, было целесообразно привлечь более широкий круг городов. При этом, чтобы избежать субъективности в оценке степени индустриализированности, мы воспользовались имеющимися в экономико-географической литературе схемами классификации городов по их функциям. Из трех обстоятельных работ¹⁴ были отобраны все фигурировавшие в них примеры городов на национальных территориях, которые их авторы отнесли либо: 1) к категории «городов — индустриальных центров», «городов — многофункциональных центров», с развитой промышленностью» (Э. В. Кнобельсдорф), «городов с преимущественным значением промышленных и промышленно-транспортных функций» (В. Д. Пресняков), «комплексных городов с развитой промышленностью» и «городов — индустриальных центров» (А. А. Минц и В. С. Хорев); либо 2) к категории «городов — многофункциональных центров с относительно малоразвитой промышленностью», «городов с преимущественным значением непроеизводственных функций» (Э. В. Кнобельсдорф), городов, где в промышленности работает менее 40% всех занятых (В. Д. Пресняков), «комплексных городов с относительно малоразвитой промышленностью», «городов с преимущественным значением непроеизводственных функций» (А. А. Минц и В. С. Хорев). К первой категории мы добавили еще лишь г. Рустави как бесспорно имеющий по преимуществу промышленную природу. В этих трех исследованиях оказалось 13 городов первой (промышленной), 19 городов второй (малопромышленной) категории, расположенных на национальных территориях. Соотношение долей коренного народа и русских для обеих категорий городов показано в табл. 3.

Хотя общую закономерность, о которой мы говорили выше, и в этом случае можно проследить (что особенно видно из итоговой строки), раз-

¹⁴ Э. В. Кнобельсдорф, О синтетической типологии советских городов, «Изв. ВГО», 1965, № 2; В. Д. Пресняков, Развитие малых и средних городов Волго-Вятского экономического района, в кн. «Пути развития малых и средних городов центральных экономических районов СССР», М., 1967; А. А. Минц и В. С. Хорев, Некоторые вопросы экономико-географической типологии городов, в сб.: «Вопросы географии населения СССР», М., 1961.

брос соотношений все же довольно велик. Там, где были достигнуты значительные успехи в формировании рабочих и технических кадров из среды местного населения, рост города не создавал такого большого притока русского промышленного населения. С другой стороны, русское население наличествует (а иногда даже преобладает) и в некоторых го-

Таблица 3

Города промышленного типа				Города с менее развитой промышленностью			
Название	Числ. насел. (1959 г.)	Доля в 1959 г. насел.		Название	Числ. насел. (1959 г.)	Доля в 1959 г. насел.	
		коренного народа, %	русских, %			коренного народа, %	русских, %
1. Караганда	397,1	8,7	74,4*	1. Самарканд	202,5	36,1*****	33,3
2. Ижевск	285,3	12,8	75,2	2. Бухара	69,3	53,4	21,1
3. Кутаиси	128,2	75,2	12,6	3. Нукус	47,7	26,4	16,5
4. Кировабад	116,1	54,5	14,4	4. Ургенч	43,8	68,6	15,5
5. Маргелан	68,0	70,1	10,7	5. Чу	29,4	25,5	50,0
6. Рустави	62,4	44,3	31,6	6. Янги-Ер	24,5	17,5	51,0
7. Балхаш	53,0	14,9	56,6	7. Боржом	23,2	57,7	14,0
8. Сумгаит	52,2	40,9	30,0**	8. Арысь	22,7	41,0	41,0
9. Волжск	33,4	4,5	74,1***	9. Каган	21,1	20,8	57,2
10. Джезказган	32,4	11,7	56,7****	10. Козьмодемьянск	20,0	8,0	75,7
11. Шумерля	30,2	16,5	75,2	11. Хива	17,5	90,3	4,6
12. Нарва	27,6	11,2	83,4	12. Салехард	16,6	1,8*****	63,6
13. Козловка	8,5	53,0	38,9	13. Цхалтубо	11,6	35,6	40,4
14. Янги-Юль	2,6	11,5	53,7	14. Ковылкино	10,5	18,0	80,0
				15. Марнинский посад	8,8	40,9	56,7
				16. Ядрин	6,3	36,5	60,1
				17. Темников	6,2	19,3	76,1
				18. Цивильск	5,9	57,6	40,7
				19. Инсар	5,8	8,6	91,4
Всего и средне- взвеш. доли	1297,0	27,3	54,7	Всего и средне- взвеш. доли	593,4	38,3	35,7

* После русских на втором месте стоят украинцы (9,5% всего населения).

** Значительна также доля армян (13,4% всего насел.); их, как одну из основных национальностей соседнего Баку, можно было бы также отнести к коренному населению.

*** Кроме того, 13,8% населения составляли «соседи» — татары.

**** После русских на втором месте стоят украинцы (12,9% всего населения).

***** В состав коренного населения включены и таджики—исконные обитатели района, где расположен город.

***** Суммирована численность хантов и манси.

родах с замедленными темпами индустриального развития. Очевидна также тесная связь доли русского населения с транспортной доступностью (характерен пример Хивы, а также резкая разница доли русского населения в Кагане и Бухаре). Кроме того, правая часть таблицы (как, впрочем, и левая) хорошо иллюстрирует повышенную долю русского населения в городах тех районов, где коренной народ оказался исторически менее подготовленным к городскому образу жизни или абсолютно малочисленным (Салехард).

Представляла бы интерес проверка выдвигаемой нами основной закономерности в рамках отдельных республик, т. е. в условиях, когда и профессиональная подготовленность коренного населения к городским занятиям, и его исторически сложившиеся традиции были бы сходны применительно ко всем формирующимся городам. В качестве примера такой «однореспубликанской» разработки была взята Башкирская АССР, причем старые и более крупные города (в том числе столица) в разработку не включались, так как здесь велик слой русского населения, «унаследованного» от прошлого. Новые города Башкирии были разбиты на две группы: 1) в которых более 50% занятого населения работает

в промышленности и 2) где в промышленности работает менее 45% занятых¹⁵. В первую группу попали Салават, Белорецк, Учалы, Благовещенск; во вторую — Октябрьский, Ишимбай, Сибай, Давлеканово, Среднеузенская доля башкир оказалась в первой группе 8,6%, во второй — 12,1%; русских соответственно 72,2% и 63,1%. Таким образом, можно говорить (хотя число вошедших в разработку городов и недостаточно, чтобы быть вполне репрезентативным) о подтверждении отмеченной выше тенденции и на материале отдельной республики.

Существенный интерес представляет выявление зависимости соотношения в городах национальных территорий долей коренного и пришлого населения (а таковым, как правило, являются русские) от людности самих этих городов. Здесь мы вправе исходить из следующей гипотезы. Столицы и более крупные города, величина которых в сильной степени обусловлена их промышленным развитием, как правило, больше притягивают население из-за пределов республик; поэтому здесь следует ожидать, несмотря на формирование кадров рабочих и интеллигенции из коренного населения прилегающей местности, повышенную долю русских среди всего населения города. В средних, а тем более малых городах, напротив, более высокой может быть доля коренного народа. Однако на противоположном полюсе «полюсе» стоят поселки городского типа, из которых многие являются промышленными новостройками; здесь снова может оказаться более высокой доля русских.

Проверка этой гипотезы сделана на примере Литовской ССР и Таджикской ССР (см. табл. 4). Результаты показывают хорошее ее под-

Т а б л и ц а 4

Доля коренного и русского населения в городах разной людности (1959 г.)

Тип гор. поселений по людности (в скобках — их число)	Литовская ССР		Таджикская ССР	
	Доля в населении, %		Доля в населении, %	
	корен. народа	русских	корен. народа	русских
Столицы и города с насел. свыше 100 тыс. жит. (3)	56,5*	21,0*	18,9	47,7
Города с насел. 50—100 тыс. жит. (3)	66,0	26,7	51,7	29,0
Города с насел. 10—50 тыс. жит. (8)	79,7	9,8	50,2	26,7
Города с насел. до 10 тыс. жит. (52)	84,5	9,3	87,5	8,5
Поселки гор. типа (60)	72,0	10,4	24,4	27,4

* В том числе в Вильнюсе доля литовцев составляла лишь 33,6%, доля русских — 29,4%, в Каунасе — соответственно 82,5 и 11,8%. Таким образом, доля русских оказалась в этой группе сравнительно невысокой именно за счет Каунаса.

тверждение в части городов: по мере уменьшения их людности закономерно растет доля коренного населения, падает доля русских. В отношении поселков городского типа — картина пестра; вероятно, здесь следовало бы дифференцированно рассмотреть эти поселки, выделив из них те, которые действительно являются новостройками.

Дальнейшими направлениями исследования этнических процессов в советских городах, как представляется автору, должны стать следующие.

1. Подтверждение высказанных выше гипотез на более массовом материале, в том числе с проведением специальных обследований. Когда

¹⁵ Данные о доли занятых в промышленности (1966 г.) взяты из статьи Н. С. Гинзбург, «Формирование промышленных комплексов новых городов Башкирской АССР», «Доклады Географического общества СССР», вып. 1, Л., 1967, национально-этническая структура дается по материалам переписи 1959 г. Несовпадение дат, разумеется, снижает ценность сопоставления, но не настолько, чтобы оно теряло свое значение. Предстоящая перепись позволит получить полностью синхронный материал.

мы будем располагать данными переписи 1970 г. о национальном составе населения всех городов, об их людности, о структуре населения по занятиям, можно будет найти и численную меру влияния последних двух показателей на этническую мозаичность; при этом важно установить и методику определения самого «индекса мозаичности»¹⁶.

2. Более углубленное рассмотрение этнических процессов с привлечением не только использованных в настоящей статье демографических данных, но и сведений о языке и языковой ассимиляции, а также национально-языковой статистики школьной сети, материала о фактическом распространении периодических изданий и книг на разных языках и т. п. Следует изучить и проблему предпочтения, отдаваемого отдельными национальностями и даже этнографическими группами определенным занятиям, о большей или меньшей легкости приобретения ими производственных навыков и профессиональной подготовки и, соответственно, о возможностях вовлечения их в те или иные отрасли, представленные в городах, и т. п. Здесь создается важный стык собственно-демографических и этнографических показателей с целым комплексом характеристик, которые могут быть получены лишь в результате конкретных социологических исследований.

S U M M A R Y

Ethnographers are stimulated by the current processes of intensive urbanization to a greater interest in urban population and ethnic processes in urban places. By comparing census data on ethnic composition for a number of USSR cities (particularly for capitals of Soviet Union republics) in 1926 and 1959 (and in some cases in 1897) the author reveals two characteristic tendencies of the Soviet period: 1) migration citiwards of the autochthonous population (especially to the capitals which have become centres of national culture development); 2) the migration to these cities of labour force belonging to other nationalities from outside the republic as a result of their rapid industrial growth (training of local skilled workers lags behind economic development). The second tendency has resulted in a considerable rise of the Russian population in a number of cities outside the RSFSR.

It is shown how ethnic communities are being drawn together as a result of these trends. A more profound analysis of modern ethnic processes demands, besides direct demographic data, the study of cultural evolution, language problems as applied to schools, libraries, press, etc.

¹⁶ Вопрос этот далеко не так прост, как может показаться. Хотя очевидно, что город, в котором основная национальность составляет 90% населения, менее пестр (мозаичен) по своей этнической структуре, чем город, где эта национальность занимает лишь 60%, представилось бы не столь простым оценить, где мозаичнее население: в городе с соотношением трех народов, как 50 : 30 : 20 или с соотношением 40 : 35 : 25, а ведь на деле число живущих в городах народов измеряется подчас десятками. Проблема «индекса мозаичности» особенно важна для столиц, которые, как правило, весьма многонациональны. Очевидно значение этой методической проблемы и для изучения этнической структуры городов всего мира.

М. Н. Губогло

О ВЛИЯНИИ РАССЕЛЕНИЯ НА ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ¹

Интенсивные социальные и этнические процессы, происходящие в советском обществе, все увеличивающееся общение между различными народами и их взаимовлияние делают изучение проблемы языковых контактов, различных форм и типов двуязычия и многоязычия все более и более актуальным. Эта задача имеет важное значение не только с теоретической, но и с практической точек зрения.

Особенность языковых взаимодействий или языковых процессов состоит в том, что они являются весьма существенной гранью этнических процессов. Последние, как известно, чрезвычайно сложны и развиваются в результате изменения различных этнических определителей, к которым мы относим обычно язык, этническое самосознание, характерные черты хозяйственно-экономического уклада, специфику культуры и быта, социально-психологические особенности представителей данного этноса и т. д. Следует подчеркнуть, что при исследовании языковых процессов надо дифференцированно подходить к различным по уровню своего развития этническим организмам, которые представлены в нашей стране — от небольших по численности этнических групп до крупных социалистических наций.

Проблема языковых процессов достаточно обширна и многоаспектна. Некоторые частные вопросы в связи с двуязычием освещались в работах советских языковедов, философов и других представителей общественных наук. В этнографических работах проблема двуязычия и многоязычия затрагивалась в трудах П. Е. Терлецкого, П. И. Кушнера (Кнышева), В. И. Козлова, Л. И. Лаврова, Г. А. Сергеевой, Н. Г. Волковой и некоторых других этнографов². В зарубежной литературе проблема языковых контактов получила значительное освещение в работах Вейнрайха, Хаугена и ряда других авторов³.

¹ Данная статья подготовлена в связи с изучением проблемы двуязычия в рамках программы этносоциологического исследования, выполняемого сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР.

² П. Е. Терлецкий, Население Крайнего Севера, «Труды научно-исследовательской ассоциации Ин-та народов Севера ЦИК СССР», т. 1, вып. 1, 2, М., 1932; П. И. Кушнер (Кнышев), Этнические территории и этнические границы, М., 1951; В. И. Козлов, К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (опыт исследования на примере мордвы), «Сов. этнография», 1961, № 4; его же, Типы этнических процессов и особенности их развития, «Вопросы истории», 1968, № 9; Л. И. Лавров, О причинах многоязычия в Дагестане, «Сов. этнография», 1951, № 2; его же, Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XIX, М., 1953, стр. 4—13; Г. А. Сергеева, Арчинцы, М., 1967, стр. 181—184; Н. Г. Волкова, Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, «Сов. этнография», 1967, № 1, стр. 27—41, и др.

³ U. Weinreich, Language in contact, New York, 1953; E. Haugen, Bilingualism in America, New York, 1956; его же, Language in Africa, Cambridge, 1963; его же, Problems of bilingualism, «Lingua», 1950, № 2, pp. 271—290; его же, Dialect, language, nation, «American anthropologist», vol. 68, № 4, 1966; J. O. Hertzler, A Sociology of

Постоянные контакты носителей различных языков ведут к возникновению двуязычия. Двуязычие является необходимым (и обязательным) этапом в переходе одного человека или группы лиц от своего родного языка к другому. Следовательно, двуязычие необходимо рассматривать как важнейший период и как составную часть процесса языковой ассимиляции. Процесс этот обусловлен факторами разнопланового характера, которые действуют синхронно и диахронно. Факторов этих очень много, и все их трудно перечислить. Выделив наиболее, на наш взгляд, существенные, сгруппируем их так: 1) временные (хронологическая продолжительность языковых контактов); 2) пространственные (географическое распределение, компактность расселения разных групп населения); 3) этнолингвистические (степень генеалогического родства контактирующих языков и этносов); 4) статистические (численное распределение); 5) социально-экономические (уровень общественно-экономического развития).

С одной стороны, на каждую из выделенных групп факторов может быть наложена дополнительная сетка характеристик: 1) взаимное или невзаимное двуязычие; 2) смена языка у всей этнической группы или у какой-то ее отдельной части и т. д. С другой стороны, внутри каждой из групп может быть вычленена целая серия дополнительных факторов. Например, в группе факторов социально-экономического характера применительно к тому или иному региону можно выделить следующие: 1) исторические особенности данного края и расселения живущих в нем народов, 2) ускорение темпов экономического развития, строительство промышленных предприятий, усиление хозяйственной активности и трудовой деятельности; 3) миграции, рост подвижности коренного и пришлого населения, возникновение новых населенных пунктов и смешение национальностей в старых населенных пунктах; 4) формирование рабочего класса и интеллигенции у нерусских бесписьменных и младописменных народов; 5) социальное развитие колхозного крестьянства; формирование таких социально-продвинутых групп, как сельская интеллигенция, управленческий аппарат и механизаторы у нерусских народов; 6) рост образовательного уровня; ликвидация вековой неграмотности у множества нерусских народов СССР; 7) расширение семейно-брачных связей между представителями различных национальностей.

Как видно даже из этого перечисления, сформулированная в названии статьи проблема влияния расселения («статистического») на языковые процессы входит составной частью в круг более широких вопросов. Поскольку вопросы о влиянии перечисленных выше факторов на формирование двуязычия и многоязычия специально не ставились и совсем не изучались в нашей литературе, мы приступаем к изучению этой проблемы с частной для данного случая задачей — проанализировать зависимость указания родного языка от численности данного народа в среде других народов.

Попытки изучения языковой ситуации в связи с распространением двуязычия и многоязычия начали предприниматься еще с конца прошлого столетия. При создании некоторых классификаций форм и типов двуязычия и многоязычия, возникших в результате межнациональных контактов, в качестве основного критерия брались такие признаки, как культурный уровень носителей различных языков, уровень социально-экономического развития взаимодействующих этносов и т. д. Однако конкретное проявление форм и типов двуязычия и многоязычия было настолько многообразным, что изучить их без предварительной систематизации оказалось невозможным.

language, New York, 1965; R. H. Lowie, A case of bilingualism, «Word», 1945, № 1, p. 249—259; см. также: D. Hymes (ed.), Language in culture and society. A reader in linguistics and anthropology, New York, 1964.

Основным источником для подготовки настоящей статьи послужили материалы переписи населения 1959 г., в которых наряду с «национальностью» указывается «родной язык», не всегда совпадающий с национальной принадлежностью человека. Именно число таких несовпадений, на наш взгляд, и дает возможность приступить к изучению языковых процессов у народов Советского Союза. Смена одного языка другим свидетельствует в конечном итоге о наличии двуязычия как такого исторического процесса, в котором родной язык уступил место языку другой национальности. Финал двуязычия — смена языка — зафиксирован в переписи личным признанием людей, назвавших родным языком тот язык, который не совпадает с их национальной принадлежностью. К сожалению, материалы переписи маскируют те случаи реального двуязычия, в которых родной язык продолжает «сосуществовать» с языком вновь приобретенным. «Разделение труда» между этими двумя языками наряду со всем остальным комплексом языковых процессов может быть изучено только путем специального исследования с помощью дополнительной информации.

Для нас же принципиальное значение имеет лишь то обстоятельство, что усвоение второго языка — совершившийся факт, подтвержденный психологической оценкой его как своего родного языка.

Родной язык у татар РСФСР

Рассмотрим сначала данные переписи 1959 г. о расселении татар⁴ в городах и селах РСФСР. Из нерусских народов они после украинцев и белорусов наиболее широко расселены по территории РСФСР среди русского и других народов. Это создает наиболее благоприятные возможности для изучения влияния языковой среды на развитие двуязычия и многоязычия⁵.

По данным переписи 1959 г., более или менее значительные группы татар РСФСР проживали в городах 58 и селах 55 административно-территориальных единиц. Расположив эти административно-территориальные единицы с городским татарским населением по порядку возрастания доли татар, признавших русский язык своим родным языком, мы выделили пять групп, которые условно назвали языковыми зонами.

В первую языковую зону попало 11 административных единиц, географически сосредоточенных преимущественно вокруг Татарской АССР, от 2,9% до 8,73% городского татарского населения которых назвало русский язык своим родным языком.

Во вторую зону с интервалом перехода на русский язык от 10,34 до 17,8% городских татар вошло 20 единиц, в третью, с интервалом 20,07—29,08% включено 14 единиц; в четвертую, с интервалом 30,71—35,24% попало 10 единиц; в пятую, с интервалом 40,77—42,09% оказались 3 единицы. Географически вторая и третья зоны со всех сторон окружают первую и не выходят за пределы четвертой зоны. Последняя состоит из областей, расположенных на окраинах РСФСР. В пятую зону попали три дальневосточных региона: Хабаровский край, Сахалинская и Камчатская области.

⁴ К сожалению, материалы переписи населения 1959 г. не содержат расчлененных сведений о татарах Среднего Поволжья и Приуралья, среди которых выделяются различные территориальные группы: казанские татары (среди них выделяется, в свою очередь, северо-западная подгруппа), татары-мишари (окская правобережная, левобережная и приуральская подгруппы), и, наконец, крашены (См.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» М., 1967, стр. 39—53). Более того, перепись не дает отдельно сведений об астраханских, литовских, сибирских и других татарах, которые по существу даже мало связаны единством происхождения.

⁵ Дальнейшие рассуждения основаны на следующих расчетах: мы определили процент татар, живущих в городах, по отношению к русскому и всему городскому населению в каждой административно-территориальной единице, а также процент татар, сохранивших свой родной язык и указавших своим родным русский язык. Источник — «Итоги Всесоюзной переписи населения. РСФСР». М., 1962, стр. 312—386.

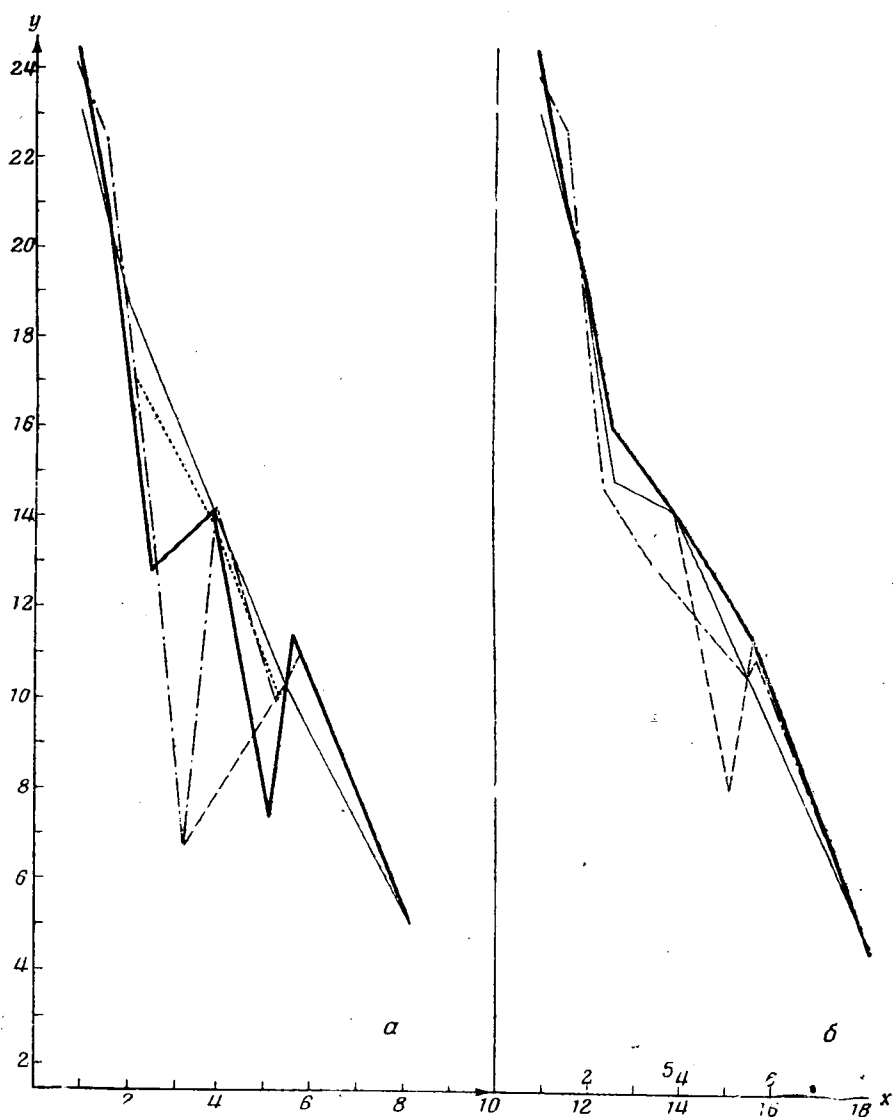

Рис. 1. Зависимость признания татарами русского языка своим родным языком от процента татар ко всему населению (городское население). Здесь, как и во всех рисунках, каждая линия соответствует средней величине — проценту проживания татар в данной языковой зоне и среднему проценту признания татарами этой зоны русского языка своим родным языком (процедурная сторона статистических исчислений изложена в сноске 6)

В каждой языковой зоне подсчитаем средний процент⁶ проживающих татар и средний процент татар, назвавших русский язык своим родным языком, и отложим эти данные соответственно по оси абсцисс и по оси ординат. Как видно из рисунка 1а, существует зависимость между го-

⁶ Для того чтобы получить среднюю статистическую величину, характеризующую зависимость между признанием татарами русского языка своим родным языком и долей татар во всем городском населении данной административно-территориальной единицы, произведем следующие вычисления. Разобьем интервал, заключающий всевозможные величины, которые определяют процент проживающих в данной административно-территориальной единице татар по отношению ко всему населению, последовательно на 5, 6, 7, 8, 9 равных отрезков, т. е. получим соответственно 5, 6, 7, 8, 9 групп. В каждую группу входят районы, в которых процент татар ко всему населению заключен в соответствующих границах каждого интервала.

родскими татарами, назвавшими русский язык своим родным языком, и долей татар во всем городском населении данного района. Эта зависимость носит обратно пропорциональный характер, т. е. чем больше доля татар в данной административно-территориальной единице, тем меньшая часть их называет русский язык своим родным языком. Несколько исключений (Чувашская АССР, Мордовская АССР, Ульяновская об-

ласть) не нарушают общей закономерности. Проведя те же статистические выкладки без учета трех перечисленных административно-территориальных единиц, мы обнаружили, что средняя зависимость сразу же приобрела более ярко выраженный характер, и разброс точек на графике значительно уменьшился (см. рис. 1, б). Что же касается указанных выше областей, не подтверждающих общую закономерность, особенно в первой языковой зоне, то, очевидно, в них географический фактор расселения действует на языковые процессы сильнее статистического.

В сельской местности случаи сохранения родного языка встречаются у татар гораздо чаще, чем в городской. В первую зону с интервалом указания русского языка родным от 0,38 до 9,81% проживающих в селах татар попало 27 административно-территориальных единиц вместо 11, как это было у городского населения. Расчеты показывают, что на сельское население, в отличие от городского, почти не влияет его географическая отдаленность от Татарской АССР. Выделенные выше географические зоны здесь не применимы. Так, в зону с интервалом 22,45—27,4% в данном случае попадают ад-

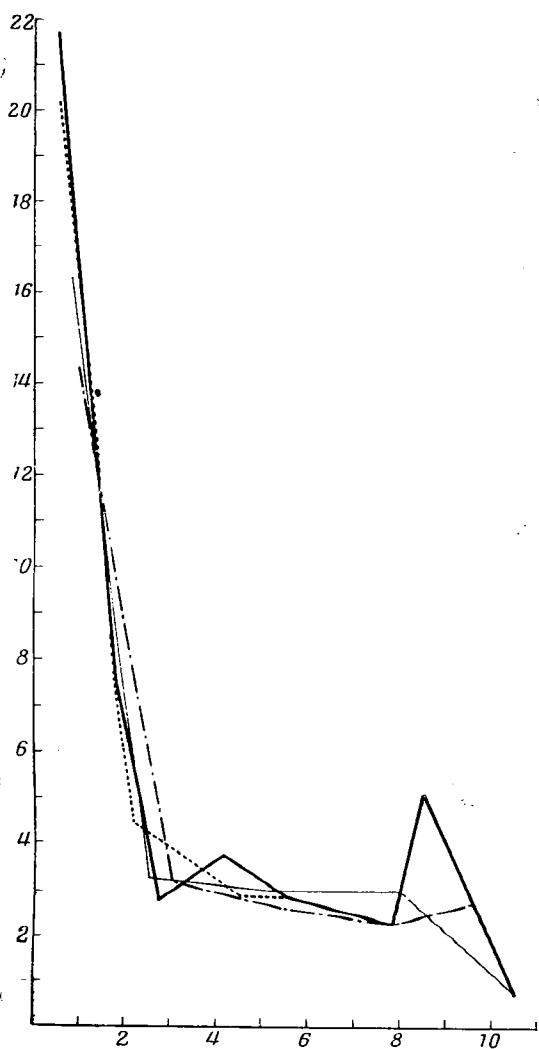

Рис. 2. Указание татарами русского языка своим родным языком в зависимости от процента татар по отношению ко всему населению (сельское население)

министративно-территориальные единицы, расположенные друг от друга в диаметрально противоположных направлениях.

Как видно из графика 3, построенного аналогично предыдущим, в тех территориально-административных единицах, где сельские татары составляют около 1%, признание русского языка своим родным языком достаточно велико, но в территориально-административных единицах, где доля сельских татар достигает 2—8%, зависимости между процентом татар с русским языком и процентом татар ко всему сельскому населению нет.

Графики дают самое общее представление о зависимости указания родного языка от расселения. Точнее теснота связи фиксируется путем ранжирования и последующего определения коэффициента корреляции рангов⁷. Определим коэффициент корреляции рангов по формуле $\rho = 1 - \frac{6\sum d^2}{n(n^2 - 1)}$, в которой $d = R_x - R_y$, т. е. разность между номерами

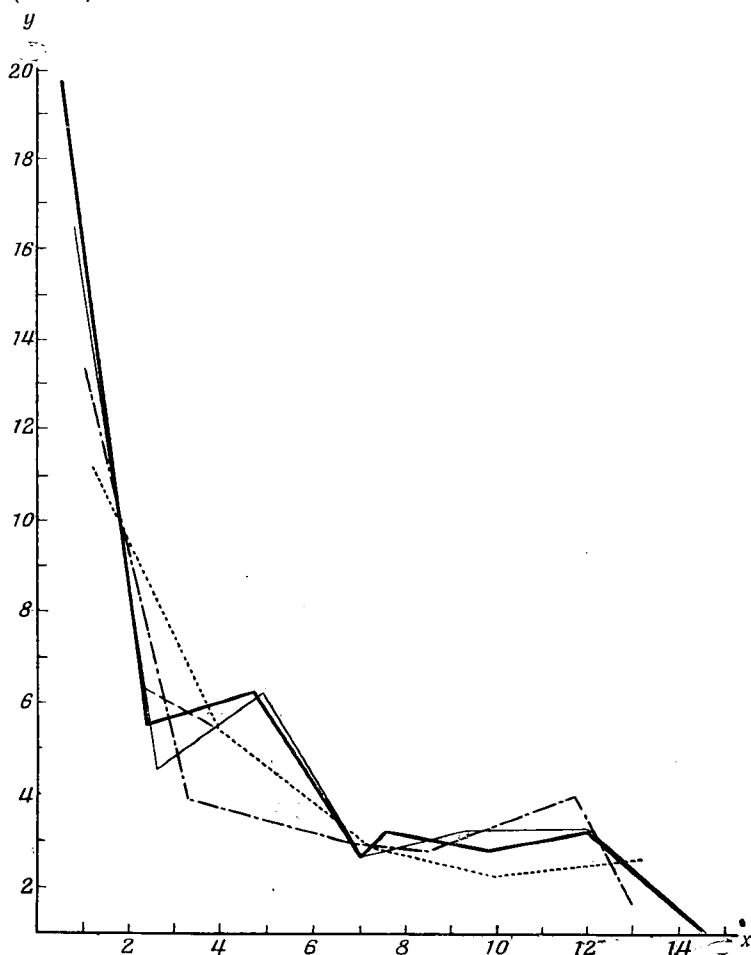

Рис. 3. Указание татарами русского языка своим родным языком в зависимости от процента татар к русскому населению (сельское население)

убывающих или возрастающих вариантов любого признака (рангами) у отдельных единиц совокупности, n — число взаимосвязанных пар значений X и Y . Если бы связь между долей татар среди всего населения данной административно-территориальной единицы и признанием татарами русского языка своим родным языком была полная прямая, то ранги по X и Y совпадали бы и $\sum d^2 = 0$, а $\rho = 1$. Наоборот, если бы связь была

⁷ Подробнее о коэффициентах ранговой корреляции и о применении их в социологическом исследовании см.: Дж. Э. Юл, М. Дж. Кэндэл, Теория статистики, М., 1960; A. A. B e r m e s t e i n, Handbook of statistical solutions for the behavioral sciences, New York, 1964; A. L. E d w a r d s, Statistical methods for the behavioral sciences, New York, 1962; «Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации», М., 1968, стр. 117—194; «Количественные методы в социальных исследованиях. Материалы совещания, прошедшего в г. Сухуми 17—20 апреля 1967 г.», «Информационный бюллетень», № 9, серия «Материалы и сообщения», М., 1968, стр. 18—19; ср.: Н. Бейли, Статистические методы в биологии, М., 1962, стр. 101—107.

полная обратная, то ранги по X шли бы в обратном направлении по отношению к рангам Y и тогда $\rho = -1$, и, наконец, если бы не было никакой связи, то $\rho = 0^8$.

Коэффициент меры тесноты связи между долей татар в городском населении и признанием ими русского языка своим родным языком составляет 0,67, в сельской местности этот коэффициент для татар равен 0,76.

Необходимо иметь в виду, что вычисление ранговой корреляции в каждом случае не лишено некоторой абстрактности, потому что этот коэффициент в принципе можно вычислить для любых признаков, между которыми заведомо нет никакой связи. Возникает вопрос, в какой степени достаточен показатель значения ρ , заключенный в интервале $-1 < \rho < +1$, чтобы его можно было без колебаний положить в основу наших суждений о наличии или отсутствии связи между расселением и языковыми процессами. Иными словами, необходимо установить, насколько показательны высчитанные нами коэффициенты корреляции, значимы ли они. Для проверки строим критическую область $|\rho| > t\delta_\rho$,

в которой δ_ρ вычисляется по формуле $\frac{1 - \rho^2}{\sqrt{n}}$. Из многочисленных значений вероятности доверия, например, при $p_1 = 0,95$, $t_1 = 1,96$, при $p_2 = 0,99$, $t_2 = 2,58$ и при $p_3 = 0,997$, $t_3 = 3$ выбираем последнее значение, как наиболее надежное достаточное и к тому же более простое в расчетах.

В этих примерах в первом случае $\rho = 0,67$, а $t\delta_\rho = 0,21$, во втором случае $\rho = 0,76$, а $t\delta_\rho = 0,15$. Коэффициенты корреляции значимы, так как $0,67 > 0,21$ и $0,76 > 0,15^9$.

Следовательно, в сельской местности масштабы признания татарам русского языка своим родным языком в большей мере, чем в городской местности, зависят от каких-то дополнительных, не зафиксированных переписью факторов. По-видимому, мы снова имеем дело непосредственно не со «статистической», а скорее с «географической» характеристикой (компактностью) расселения татар в каждом сельском районе. Если, к примеру, мы не можем назвать ни одного «татарского» города за пределами Татарской АССР, т. е. города, населенного преимущественно татарами, то в сельской местности чисто «татарские» поселения встречаются часто.

Вероятно, именно это обстоятельство (наличие или отсутствие татарских сел или даже целых районов с компактно расположенными в них «татарскими» селами) играет первостепенную роль в сохранении или утере татарами татарского языка. Влияние фактора расселения не одинаково по степени своего воздействия на языковые процессы разных на-

⁸ Для наших расчетов мы выбрали коэффициент корреляции рангов Спирмена. Другим способом измерения корреляции рангов может служить вычисление коэффициента корреляции рангов Кендэла по формуле $r = \frac{S}{\frac{1}{2}n(n-1)}$, в которой S — сумма

баллов, если баллом $+1$ оценивается пара рангов, имеющих по обоим признакам одинаковый порядок, а баллом -1 — пара рангов с обратным порядком; n — число взаимосвязанных пар значений X и Y (сопоставляемых пар).

⁹ Нами выявлено только наличие корреляционных связей. В дальнейшем можно будет перейти к интерпретации этой связи и к определению ее направленности. Но для этого потребуются более сложные математические расчеты. Нетрудно представить себе объем работы, если бы пришлось считать вручную корреляционные отношения, хотя бы между двумя признаками по формуле:

$$\rho_{x/y} = \sqrt{\frac{N \sum_y \frac{(\sum_x n_{xy})^2}{nx} - (\sum_x \sum_y n_{xy})^2}{N \sum_y n_y y^2 - (\sum_y n_y y)^2}}$$

Понятно, что без ЭВМ браться за эту работу не имеет смысла.

родов. Например, для украинцев, проживающих в городах РСФСР, коэффициент ранговой корреляции составил — 0,15, но и он не значим, так как согласно расчетам $t\delta_p = 0,3 > p = 0,15$. Между расселением украинцев в городах, а также и в сельской местности и признанием ими русского языка своим родным языком тесной связи нет. В отличие от украинцев, у городских и сельских чувашей РСФСР эта связь прослеживается достаточно четко и составляет соответственно: $q = 0,53 > t\delta_p = 0,48$ и $p = 0,68 > t\delta_p = 0,36$. Следовательно, можно полагать, что на языковые процессы у различных народов СССР фактор расселения действует неодинаково.

Родной язык у татар союзных республик

У татар, проживающих в союзных республиках, языковые процессы еще более сложны, чем у татар РСФСР, и с трудом поддаются изучению. Это связано с тем, что здесь не только возрастает число факторов, воздействующих на формирование родного языка татарского населения, но и усложняется само переплетение этих факторов. Одна из существенных причин — пестрота этнической картины союзных республик. Наряду с освоением русского языка как языка межнационального общения, определенная часть татар усваивает язык коренной национальности данной союзной республики.

Таблица 1

Родной язык у татар союзных республик* (%)

Союзные республики	Процент татар по отношению		Татары с родным языком	
	ко всему населению	к русскому населению	русским	татарским
Узбекская	10,53	31,49	8,09	89,65
Таджикская	7,03	19,91	9,19	89,77
Киргизская	6,17	11,92	8,46	90,75
Туркменская	3,69	10,43	14,35	83,43
Казахская	3,11	5,40	11,51	57,01
Азербайджанская	1,60	6,43	19,07	78,70
Украинская	0,29	0,97	5,84	62,72
Белорусская	0,23	1,21	49,23	15,90
Грузинская	0,21	11,24	29,31	65,96
Эстонская	0,20	0,65	26,76	71,68
Литовская	0,15	0,91	39,44	33,46
Латвийская	0,14	0,40	39,58	59,38
Молдавская	0,12	0,39	54,35	45,35

* Здесь и далее все статистические расчеты произведены по опубликованным материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г., М., 1932—1933.

Если бы в таблице 1 все союзные республики мы расположили в порядке сокращения доли татар по отношению не ко всему, а только к русскому населению, обратнo пропорциональная зависимость признания татарами русского языка родным от соотношения татар и русских приобрела бы несколько иной, чем в данной таблице, характер. Однако поскольку в союзных республиках татарам приходится общаться на русском языке не только с самими русскими, но и с народами других национальностей, представляется более целесообразным анализ языковых процессов татар в зависимости от процента татар по отношению ко всему населению республики.

Коэффициент корреляции рангов показывает достаточно тесную связь между родным русским языком городских татар и их расселением среди

русских в союзных республиках ($-0,83$) и еще более тесную связь между всем населением каждой союзной республики ($-0,90$)¹⁰.

В сельской местности статистические особенности расселения воздействуют на признание татарами русского языка родным в большей степени, чем в городах¹¹. Об этом свидетельствует высчитанная нами мера тесноты связи между расселением и родным языком. Соответствующие коэффициенты ранговой корреляции зависимости признания татарами родным русского языка от их расселения среди всего сельского населения республики $-0,98$ и от их расселения среди русских $-0,90$.

Как показывают расчеты, основной причиной признания русского языка родным языком является расселение татар среди всего населения союзной республики. Приближение показателя меры тесноты связи к -1 свидетельствует почти о полной обратной зависимости.

Язык коренной национальности у татар в союзных республиках

При анализе признания татарами своим родным языком языков коренных¹² национальностей союзных республик в первую очередь надо учесть специфику языковой среды. Некоторые представления о ней можно получить из табл. 2.

Таблица 2

Расселение татар в городах союзных республик

Союзные республики	Процент татар по отношению			Абсолютная численность татар
	к коренному населению	к русскому населению	ко всему населению	
Киргизская	46,77	11,92	6,17	42944
Узбекская	28,31	31,49	10,53	287433
Таджикская	22,12	19,91	7,03	45451
Казахская	18,64	5,40	3,11	126542
Туркменская	10,65	10,43	3,69	95842
Азербайджанская	3,12	6,43	1,60	28271
Украинская	0,47	0,97	0,29	55781
Молдавская	0,43	0,39	0,12	769
Грузинская	0,40	11,24	0,21	3626
Белорусская	0,35	1,21	0,23	5824
Эстонская	0,32	0,65	0,20	1349
Латвийская	0,27	0,40	0,14	1637
Литовская	0,22	0,91	0,15	1620

Обращает внимание тот факт, что наибольшее число татар (по отношению ко всему остальному населению союзных республик) проживает в тех республиках, где коренные жители говорят на одном из языков

¹⁰ Для некоторых других нерусских народов эти показатели распределяются соответственно: для чувашей: $-0,90$ и $-0,90$; для молдаван: $-0,50$ и $-0,60$.

¹¹ Отметим также, что в сельских местностях союзных республик перепись 1959 г. зафиксировала меньшие, чем в городах, масштабы признания татарами русского языка своим родным языком. Как верхняя, так и нижняя граница степени усвоения татарами русского языка в качестве родного в селах союзных республик меньше, чем в городах: в Молдавии эта разница составляет 18,74%, в Узбекистане — 4,16%. По остальным республикам эта разница распределяется следующим образом: Белоруссия — 25,88%, Грузия — 18,13%, Литва — 16,80%, Туркмения — 8,31%, Азербайджан — 7,83%, Украина — 5,46%, Латвия — 3,40%, Эстония — 3,64%, Таджикистан — 2,57%, Казахстан — 1,75% и Киргизия — 0,17% (см. табл. 1).

¹² В применении понятия «коренной» или «некоренной» народ, особенно по отношению к народам многонациональных союзных республик, в некоторых случаях возникает ряд трудностей. Об этом упоминалось в литературе. В данной статье мы называем коренным языком республики язык того народа, именем которого названа союзная республика.

тюркской языковой группы. В городах каждой из этих республик доля татар во всем населении достигает 2—11%, тогда как в городах республик с коренным нетюркоязычным населением эта доля не превышает 0,3%.

Принадлежность к одной языковой группе, почти все языки которой довольно близки друг другу, сыграла известную роль в преимущественном «соседании» татар в республиках с коренным тюркоязычным населением. В городах тюркоязычных республик Средней Азии процент населения, говорящего на тюркских языках, не так уж велик. В Ташкенте узбеки составляют 33,8% всего населения города, татары — 7%, казахи — 0,9%; во Фрунзе киргизы — 9,4%, татары — 3,46%, узбеки — 1,48%, казахи — 1,43% уйгуры — 0,5%; в Ашхабаде туркмены — 29,8%, азербайджанцы — 2,4%, татары — 2,2%, казахи — 0,8%, узбеки — 0,76%. В этих же городах по отношению к коренной национальности татары составляли соответственно 20,1, 36,9 и 7,47%. Наряду с лингвистической близостью и некоторыми другими факторами, концентрации татар в городах тюркоязычных республик способствовало наличие более высокой, по сравнению с коренными народами, потенциальной возможности татар для горизонтальной и вертикальной мобильности¹³.

В городах всех союзных республик, за исключением Молдавии, некоторая часть татар указала в качестве родных языки коренной национальности. Рассмотрим эти данные, исключив из числа республик Литву и Белоруссию, в которых влияние фактора расселения на языковые процессы у татар было в какой-то мере «перекрыто» фактором времени. В процентном исчислении показатели смены языка татарами, как видно из табл. 3, колеблются от 0,1% в городах Таджикистана до 2,9% в

Таблица 3

Родной язык у татар в городах союзных республик (в процентах к общей численности татар в городах каждой республики)

Союзные республики	Татарский язык	Русский язык	Язык коренного населения	Союзные республики	Татарский язык	Русский язык	Язык коренного населения
Киргизская	90,75	8,46	0,33	Эстонская	71,68	26,76	1,41
Таджикская	89,87	9,19	0,14	Грузинская	65,96	29,31	2,95
Узбекская	89,65	8,09	1,12	Украинская	62,72	35,84	1,29
Казахская	87,01	11,51	1,28	Латвийская	59,38	39,58	0,67
Туркменская	83,48	14,85	1,24	Молдавская	45,25	54,35	—
Азербайджанская	78,70	19,07	2,10	Литовская	33,46	39,44	16,11
				Белорусская	15,90	43,23	40,48

Грузии. Это свидетельствует о менее четком проявлении зависимости между расселением и тем родным языком, который татары «заимствовали» не от русских, а от коренных национальностей.

При анализе данных этой же таблицы обнаруживается действие на языковые процессы татар еще одного фактора — «временного». Наиболее высокий процент указания татарами лингвистически неродственных белорусского и литовского языков своими родными языками связан с тем, что предки татар были увезены в плен из Крыма в Польшу несколько веков назад. Там они перешли на белорусский и литовский языки, но сохранили свою религию (ислам) и в некоторой степени свое национальное самосознание¹⁴.

Несмотря на то, что тюркоязычная среда сыграла роль своеобразного «магнита» в непосредственном расселении татар, она в то же время

¹³ Например, о большой роли татарской интеллигенции в развертывании всеобщего в Узбекистане в довоенные годы см.: К. Х. Ханазаров, Сближение наций и национальные языки, Ташкент, 1963, стр. 106.

¹⁴ См.: В. В. Бартольд, Соч. т. V, М., 1968, стр. 561.

слабее, чем русскоязычная среда, повлияла на выбор татарами своего родного языка¹⁵. Признание татарами в городах Средней Азии своим родным языком русского и языков коренных национальностей было весьма незначительным. Перед нами снова фактор времени. Только здесь, в отличие от Белоруссии и Литвы, его действие было непродолжительным, вследствие чего татары достаточно прочно сохранили свой родной язык. Знакомство с материалами переписей 1926, 1939 и 1959 гг. показывает, что численность татар в тюркоязычных республиках Средней Азии и в Казахстане выросла в основном за годы Советской власти. Характерна в этом отношении история расселения татар в Узбекистане. В 1926 г. в Узбекской ССР насчитывалось 28 400 татар, из которых 27 758 человек (97,7%) указало татарский язык своим родным языком. К 1939 г. число татар здесь возросло до 158,6 тыс. чел., а к 1959 г. в городах и сельской местности Узбекистана проживало уже соответственно 287,4 тыс. и 157,4 тыс. татар.

Интенсивность воздействия языков коренных национальностей на языковые процессы у татар оказалась в большинстве случаев менее значительной, чем воздействие русского языка (см. табл. 4).

Таблица 4

Соотношение русского языка и языка коренной национальности
в роли родного языка татар в городах республик

Республики	Родной русский язык	Родной язык коренной национальности	Республики	Родной русский язык	Родной язык коренной национальности
Узбекская	87,83	11,17	Киргизская	96,31	3,69
Украинская	96,58	3,42	Белорусская	51,64	48,36
Казахская	89,96	10,1	Грузинская	90,85	9,15
Таджикская	98,49	1,51	Латвийская	98,33	1,67
Азербайджанская	90,06	9,94	Литовская	70,0	29,00
Туркменская	92,31	7,69	Молдавская	100	—
			Эстонская	95,00	5,00

При расселении татар в сельской местности союзных республик в основном действовали те же закономерности, что и в городах. Поэтому в тюркоязычных республиках наиболее велика доля сельских татар по отношению ко всему остальному сельскому населению республик (см. табл. 4).

Наибольший процент по отношению к коренному населению в сельской местности татары составляют в Узбекистане, Казахстане и в Киргизии, наименьший — в Молдавии. Совсем не зарегистрированы они переписью в селах Армении.

В сельской местности доля татар, указавших родным языком язык коренной национальности, превышает соответствующую долю в городах.

Всего по переписи 1959 г. в сельской местности союзных республик проживало 265,3 тыс. татар, из которых 16 тыс. (5,96%) указало в качестве родного языка коренных национальностей союзных республик. В городах этих же республик с общим числом населения в 627 тыс. человек соответствующая доля татар, назвавших родными языки коренных национальностей, составила всего 1,5%.

Узбекский, казахский, киргизский, туркменский и азербайджанский языки признали родными 13 тыс. татар, что составило 5,38% всего татарского сельского населения, проживающего в союзных республиках с

¹⁵ Ранжирование и вычисление коэффициента ранговой корреляции показали очень малую тесноту связи между признанием татарами любого другого тюркского языка своим родным языком и расселением татар в тюркоязычных республиках. Этот показатель оказался равен —37 в зависимости от тюркоязычной среды в городах и —0,23 в зависимости от всего городского населения. Оба показателя незначимы.

тюркским населением, тогда как в городах тюркоязычных республик всего лишь 1,15% татар указали в качестве родных тюркские языки.

В сельской местности Белоруссии более половины и в селах Литвы более трети татар назвали своими родными языками белорусский и ли-

Таблица 5

Расселение татар в союзных республиках (сельское население)

Республики	Процент татар по отношению			Абсолютная численность сельских татар
	к коренному населению	к русскому населению	ко всему населению	
Узбекская	3,91	88,39	2,93	157377
Казахская	3,09	4,00	1,25	65383
Киргизская	1,79	5,06	0,97	13322
Таджикская	1,35	33,34	0,86	11442
Туркменская	0,6	27,92	0,5	4054
Грузинская	0,11	2,13	0,08	1815
Литовская	0,10	2,64	0,08	1403
Азербайджанская	0,08	2,07	0,07	1281
Белорусская	0,06	1,58	0,05	2830
Эстонская	0,04	0,57	0,04	186
Украинская	0,03	0,42	0,03	5746
Латвийская	0,03	0,13	0,02	199
Молдавская	0,02	0,28	0,01	27

товский. Это никоим образом не нарушает общей закономерности зависимости процессов языковой ассимиляции от фактора расселения. Приведенные примеры, как уже отмечалось, свидетельствуют лишь о том, что в этих двух республиках действие фактора «времени» на язык татар оказалось сильнее всех остальных факторов.

Таблица 6

Родной язык у татар союзных республик (сельское население)

Республики	Родной язык		
	татарский	русский	язык коренного населения
Таджикская	88,64	6,62	0,74
Узбекская	87,89	3,83	4,44
Киргизская	86,66	8,29	3,36
Туркменская	85,02	6,54	7,45
Казахская	82,07	9,76	7,80
Грузинская	80,77	11,18	7,44
Азербайджанская	76,50	11,24	11,79
Эстонская	69,35	23,12	7,53
Молдавская	61,51	35,61	1,08
Украинская	59,76	30,38	9,64
Латвийская	58,79	35,68	3,52
Белорусская	28,06	17,35	52,77
Литовская	14,90	12,62	36,14

Таблица 7

Соотношение русского языка и языков коренных национальностей союзных республик у сельских татар (%)

Союзные республики	Татары с родным языком	
	русским	коренной национальности
Узбекская	46,31	53,69
Казахская	55,58	44,42
Киргизская	71,2	28,8
Таджикская	89,92	10,08
Украинская	75,91	24,09
Туркменская	46,74	53,26
Грузинская	60,06	39,94
Литовская	25,88	74,12
Белорусская	20,5	79,5
Азербайджанская	48,81	51,19
Молдавская	97,06	2,94
Латвийская	91,03	8,97
Эстонская	75,44	24,56

Для татар признать родным язык национальности внутри собственной языковой (лингвистической) группы гораздо проще, чем за ее пределами¹⁶. Если этот вывод правилен и отражает общую закономерность в современных языковых процессах, то мы вправе допустить, что и другие тюркоязычные народы должны обнаружить «лидерство» по срав-

¹⁶ Эта закономерность не распространяется на русский язык, который выполняет у нас в стране функции языка межнационального общения и поэтому обладает наиболее высокой притягательной силой для всех лиц нерусской национальности.

нению с носителями нетюркских языков в признании татарского языка своим родным языком в сельских районах Татарской АССР.

Действительно, указанная тенденция прекрасно иллюстрируется данными таблицы № 8, из которой видно, что в Татарии татарский язык признают своим родным языком преимущественно тюркоязычные народы: башкиры, казахи, азербайджанцы и т. д. Никто из грузин, литовцев, молдаван, латышей и других народов, за исключением армян и украинцев, не назвал в 1959 г. татарский язык свой родным языком.

Для того чтобы полнее проанализировать влияние особенностей расселения на двуязычие или переход на другие языки, необходимо рассмотреть данные по населенным пунктам.

Таблица 8
Родные языки народов Татарской АССР
(в %)

Народы	Языки		
	своей национальности	русский	татарский
Тюркские			
Кашкиры	35,09	2,88	44,03
Базахи	60,00	14,00	23,00
Узбеки	83,97	7,63	8,40
Азербайджанцы	84,07	7,08	7,96
Чуваши	97,41	2,32	0,26
Нетюркские			
Украинцы	48,81	50,51	0,48
Эстонцы	37,5	59,38	—
Литовцы	85,11	14,89	—
Латыши	70,91	29,09	—
Молдаване	75,00	22,92	—
Армяне	81,03	15,52	1,72
Грузины	95,89	4,11	—

Поскольку таких сведений в разработанных материалах переписи 1959 г. нет, нам приходится оперировать более крупномасштабными данными, которые в целом правильно отражают наиболее существенные стороны современных языковых процессов. Особенно это относится к разнице в тенденции признания родным языком русского или языка какой-либо иной национальности.

В Казахстане, например, 11,51% городских татар (см. табл. 3) и 9,76% сельских татар (см. табл. 6) указали русский язык своим родным языком. Имеющиеся материалы позволяют рассмотреть, из каких конкретных данных складываются эти показатели.

Для анализа данных табл. 9 вновь воспользуемся коэффициентом ранговой корреляции Спирмена

и определим тесноту связи между показателями, помещенными в четвертой и шестой графах. Этот коэффициент оказался равным —0,66. Следовательно, между удельным весом татар во всем городском населении и признанием городскими татарами Казахстана родным русского языка имеется некоторая связь. Этот же коэффициент корреляции между долей татар с родным русским языком и удельным весом татар среди русских (показатели третьей и шестой граф) равен —0,03 и является не значимым.

Таким образом, в областях и краях Казахской ССР, где расселены татары, первостепенное воздействие на языковые процессы у них оказывает не количество русского населения, а численность всего населения. Иными словами, чем больше превосходит инонациональная среда численность татар, тем скорее татары приобщаются к русскому языку. В этом состоит первое и главное направление взаимодействия татарского языка с языками народов Казахстана. Другое заключается в усвоении татарами казахского языка. Коэффициент ранговой корреляции между долей татар с родным казахским языком и долей татар, живущих среди казахов, равен —0,77. Он значим и свидетельствует о том, что чем меньшую долю составляют татары среди коренного казахского населения, тем большее число татар приобщается к казахскому языку, указывая его своим родным языком.

Исследование показывает, что все эти тенденции (с незначительными отклонениями) действуют аналогичным образом и в сельской местности.

В целом на языковые процессы фактор расселения оказывает несомненное влияние. В начале статьи, кроме этого фактора, были названы

Расселение и родные языки татар Казахстана

Области и края Казахстана	Абсолютная численность татар	% татар по отношению		Родной язык татар		
		к русскому	ко всему населению	татарский	русский	язык коренной национальности
В городах						
Целинный	28317	5,57	3,31	89,73	9,32	0,88
Южноказахстанский	26084	8,99	3,80	87,54	10,88	1,15
Карагандинская	22575	5,41	2,83	86,29	12,34	1,19
Западноказахстанский	16395	7,72	3,65	88,16	10,42	1,32
Чимкентская	16360	1128	4,91	88,52	1023	0,78
г. Алма-Ата	12458	3,74	2,73	81,57	16,90	1,22
Семипалатинская	10952	8,21	4,80	89,96	8,43	1,69
Североказахстанская	8867	7,16	5,67	92,25	7,39	0,35
Актюбинская	7518	10,15	4,31	88,48	10,31	1,16
Целиноградская	6670	5,16	2,59	88,75	9,39	1,74
Восточноказахстанская	6087	1,87	1,54	80,22	17,08	2,63
Джамбульская	5776	5,57	2,86	86,56	11,36	1,59
Кустанайская	5747	5,20	3,06	89,05	10,46	0,40
Гурьевская	4519	9,00	2,79	86,34	11,18	2,24
Уральская	4358	4,99	9,84	89,51	9,82	0,64
Кзыл-Ордынская	3948	9,55	2,59	84,92	12,87	2,08
Алма-Атинская	3674	2,97	1,86	83,54	14,42	2,52
Павлодарская	3531	4,95	2,86	85,61	12,83	1,53
Кокчетавская	3502	4,78	2,85	90,49	8,68	0,74

В сельской местности

Целинный	21692	2,95	1,14	81,47	12,31	5,93
Южноказахстанский	14284	9,82	1,27	84,15	6,80	8,28
Алма-Атинская	10080	3,64	1,35	82,10	10,71	6,76
Западноказахстанский	9501	8,59	1,53	85,92	6,65	7,39
Чимкентская	9122	14,21	1,55	88,13	5,79	5,12
Кустанайская	5963	3,30	1,44	80,59	15,28	3,84
Уральская	5758	8,14	2,15	87,33	5,59	7,07
Целиноградская	4737	3,32	1,25	83,36	11,04	5,43
Семипалатинская	4548	4,47	1,56	78,97	7,50	13,37
Кокчетавская	4298	3,24	1,16	84,80	8,91	6,05
Джамбульская	4027	5,56	1,12	74,09	9,76	15,74
Павлодарская	3687	3,43	1,14	78,76	12,12	8,81
Актюбинская	3342	10,99	1,47	84,85	8,35	6,70
Североказахстанская	3007	1,76	1,00	78,81	13,50	7,15
Карагандинская	2844	4,42	1,31	83,13	12,54	5,08
Восточноказахстанская	2384	1,21	0,70	65,43	13,42	20,81
Кзыл-Ордынская	1135	12,82	0,65	87,84	4,41	7,22
Гурьевская	401	4,23	0,32	74,56	7,73	17,71

еще четыре группы факторов, которые также играют немаловажную роль во взаимодействии языков.

Статистический анализ материалов переписи населения показывает, что содержащиеся в них данные могут шире применяться этнографами для изучения языковых процессов, чем это делалось до сих пор. Причем анализ этих данных возможен не только для изучения действия одного фактора, но и на более высоком уровне — для изучения всех факторов в их сложном взаимодействии и переплетении. Если, например, от данных всесоюзного, республиканского и областного масштаба, использованных в данной статье, спуститься ниже, к сведениям по отдельным населенным пунктам, то мы получим еще один, совершенно нетронутый источник для изучения влияния расселения с учетом конкретной географии населенных пунктов различных этнических групп. Возможны и другие пути. Сравнивая материалы двух или более переписей мы получим данные о влиянии фактора времени. И, наконец, если эти данные рассмотреть в связи с социально-профессиональной структурой каждого этноса, то мы

сможем скоррелировать языковые процессы с общим общественно-экономическим развитием народа. Перечисленные проблемы чрезвычайно перспективны, но требуют весьма сложной и трудоемкой статистической обработки имеющихся материалов. Тем не менее такая работа должна быть сделана, потому что изучение этнических процессов без учета языковых взаимодействий не может быть полным.

Актуальность исследования языковых процессов в нашей многонациональной стране необычайно велика. Переход народов СССР к повседневному общению на языке другого народа или признание этого языка своим родным языком свидетельствуют о состоянии и направленности этнических процессов.

SUMMARY

The influence of the ethnic composition of the population over processes of language change among the USSR Tatars is examined by aid of mathematical processing of statistical data. The majority of Tatars continue to speak their mother tongue, the Tatar language. The Tatar language interacts with languages of other Soviet peoples in two directions. One of them shares the main tendency of language evolution of the USSR peoples: this is the mass shift of the Tatars to Russian. The second direction is the transition of a part of the Tatars to languages of the main nationalities of the Union republics. On the other hand a certain part of non-Tatar population living in the Tatar Autonomous Republic learn to speak the Tatar language. In these cases the rise of bilingualism and the transition to a different language is favoured by a genetic relationship between the languages undergoing contact.

СЛОЖЕНИЕ ТАДЖИКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВАРЗОБА¹

Варзоб — небольшой историко-географический район в бассейне одноименной реки, пересекающей центральную часть южного склона Гиссарского хребта. В нижнем своем течении р. Варзоб под названием Душанбедарья выходит на равнину, на которой раскинулся г. Душанбе — столица Таджикской ССР, и западнее Душанбе впадает в р. Кафирниган. Интересующая нас территория лежит в пределах верхнего и среднего течения р. Варзоб и ее притоков; на севере ее ограничивают районы верховьев р. Зеравшан, с которыми она соединяется перевалами в Гиссарском хребте, на востоке — Рамитское ущелье, на западе — Гиссарская долина, на юге — г. Душанбе и окрестные селения. До Великой Октябрьской социалистической революции Варзоб в качестве амлокторства входил в состав Гиссарского бекства. По современному административному делению эта территория, состоящая из шести сельсоветов, входит в Ленинский район Таджикской ССР. В настоящее время Варзоб является одним из наиболее населенных и хозяйственно развитых горных районов. В долине реки построена Верхняя ВарзобГЭС, снабжающая электрической энергией столицу, имеется ряд горнодобывающих предприятий и разработок, связанных с промышленностью Душанбе. На одном из правых притоков Варзоба, в боковом ущелье на базе горячих минеральных источников функционирует курорт союзного значения Ходжа Оби-Гарм. Благодаря чистому горному воздуху, удивительной красоте и разнообразию пейзажей долина р. Варзоб является излюбленным местом отдыха жителей республики, там расположено много детских санаториев, оздоровительных и туристических лагерей, домов отдыха; есть также горно-лыжные спортивные базы.

По территории Варзоба проходит вдоль реки автомобильная трасса, соединяющая Центральный, Южный и Юго-Восточный Таджикистан с районами Северного Таджикистана. В XIX и начале XX в. по долине р. Варзоб через перевал Анзоб пролегли пешеходные и вьючные тропы, соединявшие верховья Зеравшана (местности Фальгар, Фан и Ягноб) с Гиссарским краем; в древности по этой же горной долине, возможно, проходил наиболее короткий, но очень опасный путь из области Согда в Тохаристан. Варзоб издавна является как бы естественным коридором, соединяющим бассейн верхнего течения р. Зеравшан с бассейном Кафирнигана. Доступ в эту долину был открыт и с севера, и с юга, что естественно, сказалось на формировании ее населения. В Варзоб постоянно в течение последних столетий перемещались довольно крупные группы населения, различного по своему происхождению. Здесь не могло поэтому быть однородного этнического массива, какой имеется в других районах горного Таджикистана, например в Каратегине или Дарвазе.

По характеру рельефа долина Варзоба делится на две части: горную, начинающуюся с истоков реки и простирающуюся до выхода ее из гор,

¹ В основу статьи положены полевые материалы автора, собранные в 1961—1963 гг.

и предгорную, раскинувшуюся на адырах, окаймляющих Гиссарскую долину. Горная часть населена таджиками и ягнобцами — малочисленной народностью, родной язык которой входит в группу восточноиранских языков. В настоящее время ягнобцы считают себя также таджиками. Предгорная часть характеризуется смешанным и более разнородным по происхождению населением. Основную массу жителей здесь составляют таджики, но кроме них есть ягнобцы (новые поселенцы этих мест) и являющиеся потомками тюрко-монгольских племен узбекские группы — карлуки, калътатаи, мугулы, частично сохранившие родо-племенные названия² и издавна расселявшиеся в Гиссарском крае. Границей между горной и предгорной частями долины служит кишлак Дахана, о чем свидетельствует и само его название³.

О численности населения рассматриваемого района до Октябрьской революции достоверных сведений нет. Русский путешественник, посетивший Варзоб в 1910 г., определил численность его населения в 5200 человек⁴. Цифра эта не соответствовала действительности, поскольку автор получил ее в результате расспросов и им была учтена лишь часть варзобских селений. По переписи 1926 г. в Варзобе насчитывалось 12 695 человек⁵. По нашим материалам, собранным в сельсоветах и правлениях колхозов, численность населения изучаемого района достигала в 1962 г. около 30 тыс. человек.

С точки зрения национальной принадлежности примерно 85% жителей района составляют таджики (в том числе и таджикоязычные чагатаи), около 6% — ягнобцы, 6% — тюркоязычные народности и около 3% — русские и другие национальности.

По социальному составу население Варзоба в основной своей массе — колхозники и рабочие, не порвавшие связи с сельским хозяйством. Контингент рабочих формируется, в первую очередь, из жителей кишлаков, расположенных вблизи промышленных предприятий. Рабочие по окончании сезонных работ на предприятиях остальное время года трудятся в колхозах. Известную часть населения составляют служащие, учителя, медицинские и торговые работники. Имеется и довольно большая группа производственной интеллигенции: мастеров горного дела, агрономов и зоотехников.

Большой интерес представляет вопрос о происхождении таджикского населения бассейна р. Варзоб.

Таджиков Варзоба можно разделить на пять основных территориальных групп, каждая из которых локализуется в определенных границах и имеет единое происхождение. Группы эти: *варзоби*, *вилояти*, *сугути*, *каратегини* и *кулоби*⁶. Из них каратегини и кулоби считаются пришлыми, а остальные — исконным населением Варзоба. В расселении этих групп намечаются два типа — сплошной и смешанный. При сплошном расселении кишлак или несколько кишлаков, расположенных в одной местности, либо целиком заняты одной группой, либо одна из групп в них численно значительно превосходит другие.

Помимо деления на территориальные группы, в Варзобе, как и в других районах горного Таджикистана, существует также деление населения, связанное с природными условиями. Так, жители горной части долины относят себя к *кухистони* (горцы), предгорий — к *вилояти* (в мест-

² См. Б. Х. Кармышева, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1.

³ «Дахана» — отверстие, вход: в данном случае — вход, начало горного ущелья.

⁴ Б. Л., Очерки Гиссарского края. Течение р. Варзоб, «Туркестанские ведомости», 1910, № 50, 51, 52.

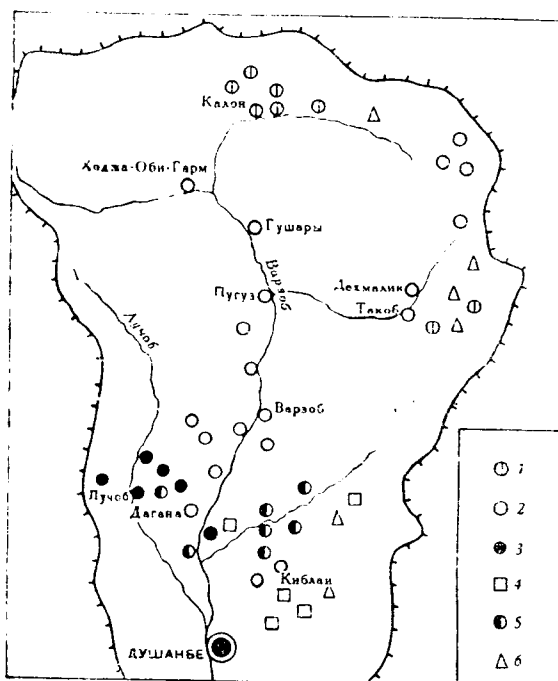
⁵ «Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР», вып. II — «Поселенные итоги Таджикской ССР», Самарканд, 1927, стр. 40—45.

⁶ Первые сведения об этих группах и их говорах см.: В. С. Соколова, Фонетика таджикского языка, М.—Л., 1950, стр. 105—107; В. С. Расторгуева, Варзобский говор таджикского языка. М.—Л., 1952, стр. 21—22.

ном понимании — обитающие на равнине). В свою очередь среди кухистони различаются *сархади* — обитатели высокогорных селений, *тагоби* — жители селений, расположенных по берегам рек — притоков Варзоба, в боковых ущельях⁷, и *руйови* — жители береговых селений по среднему течению Варзоба.

Варзоби (варзобцы) заселяют сплошь кишлаки, расположенные по среднему течению Варзоба выше кишлака Дахана и в боковом ущелье по левому притоку этой реки — Душоха (или Косона). Отдельные семьи варзоби живут в кишлаке Дахана и в кишлаках Харангонского ущелья. По утверждениям самих варзоби, они — исконные жители долины Варзоба. В кишлаках, населенных варзоби, нам рассказывали, что предки современных варзоби являются якобы давними выходцами из Самарканда. В кишлаке Дехмалик (в местном произношении Деи-Малик) бытует легенда о том, что этот кишлак был основан людьми, бежавшими из Самарканда при нашествии Чингисхана.

Как свидетельствуют устные предания, группа варзоби складывалась постепенно. Ядром ее, может быть, и были выходцы из Самарканда, под которым, вероятно, надо понимать не столько собственно город, сколько местность, лежащую в бассейне Зеравшана, главным образом в районе его левых верхних притоков. Возможно, конечно, что среди предков современных варзоби были и выходцы из Самарканда и из его окрестностей. В литературе есть упоминания о том, что целые группы кишлаков, расположенных на южных склонах Гиссарского хребта, в частности по р. Каратагдарья, заселены потомками выходцев из Самарканда. На это указывает, например, Л. В. Успенская: «Считая своих далеких предков выходцами из окрестностей Самарканда, каратагцы всегда стремились поддержать связь с этим городом»⁸. В Варзобе нам говорили, что до сих пор отдельные семьи имеют какие-то родственные связи с Самаркандом. Путь из Самарканда, как утверждают местные жители, лежал через Анзобский перевал, однако есть и единичные сведения о другом пути из Самарканда

Варзоб и его население. 1 — каратегини, 2 — варзоби, 3 — вилояти (чагатаи), 4 — сугути, 5 — кулоби, 6 — ягноби

⁷ О *тагоби* и *сархади* см.: Р. Л. Неменова, Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции, «Доклады АН ТаджССР», вып. IX, Душанбе, 1953, стр. 60; Б. Х. Кармышева, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашкадарьинской области Узбекской ССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXIII, М., 1960, стр. 55—56.

⁸ Л. В. Успенская, Каратагский говор таджикского языка, Душанбе, 1956, стр. 9. Е. М. Пешерева отмечает, что часть жителей Каратага считает себя выходцами из кишлака Дахбид под Самаркандом (Е. М. Пешерева. Гонимое производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 135).

Рис. 1. Кишлак Зуманд. Тип селения сархади. Фото А. С. Андреева

Рис. 2. Кишлак Деи-Малик. Тип селения тагоби (эта и остальные фотографии выполнены З. А. Широковой)

в Варзоб — через Карши и Гиссар, т. е. о пути, каким ездили обычно чиновники бухарского эмира в Восточную Бухару. Неизвестно, застали ли в Варзобе предки нынешних его жителей какое-либо местное население. В литературе сведений об этом нет. Однако тот факт, что местная топонимика (названия кишлаков, особенно заселенных варзоби, урочищ, ручьев) не таджикского, а восточноиранского происхождения, свидетельствует, как нам представляется, об обитании здесь народа, говорившего на языке восточноиранской ветви.

Язык современных варзоби — один из говоров таджикского языка, представляющий собой разновидность северной группы. В варзобском говоре обнаруживаются некоторые черты, сближающие его с зеравшан-

Рис. 3. Кишлак Зимчурд. Тип селения руйови

скими говорами⁹. Последнее обстоятельство как бы подтверждает сведения о зеравшанском происхождении основной части варзоби. В сложении рассматриваемой группы известную роль сыграли выходцы из кишлаков, расположенных в бассейне р. Кафирниган и Гиссарской долине, которую варзоби часто называют *валоют*, понимая под этим словом равнинную местность. Следует сказать о связях группы варзоби с жителями различных районов Таджикистана (Дарваза, Каратегина, Куляба), возникших вследствие браков. Нельзя не отметить также влияние тюркских элементов на формирование группы варзоби. Проникновение тюрков шло различными путями; сохранились предания, что отдельные современные таджикские кишлаки были основаны на местах прежних поселений тюрков (карлуков), чаще всего это были летовки последних. К таким кишлакам относятся Гусхарф, Оби-Сафед, Тагов. В некоторых кишлаках есть группы семей, основателями которых были тюрки — кишлаки Гушары (в местном произношении Хушъёре), Тагов, Пшамбе. Наконец, не только в настоящее время, но и в прошлом браки между таджиками и карлуками практиковались довольно широко, смешанные семьи засвидетельствованы нами в ряде кишлаков варзоби.

Вилояти (в местном произношении в а л о й я т и) — группа, живущая в районе правого берега р. Варзоб и ее правых притоков (Лучоб и др.). Территория расселения вилояти начинается на севере с кишлака Дахана и к югу подходит к границам г. Душанбе. Вилояти живут на территории сельсовета Чорбоб. Численность их примерно 3500 человек, что составляет половину всего населения этого сельсовета. Слово вилоят (валоят) имеет два значения: географическое и административное. О географическом его значении в местном понимании мы уже говорили (*вилоят* — равнина, негорная местность). Административное же значение термина *вилоят* — центр определенной территории; в этом смысле

⁹ Так, у варзоби, населяющих Такобское ущелье, употребляется архаичная форма причастия для выражения будущего времени, характерная для матчинских фальгарских диалектов (см. В. С. Расторгуева, Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, М., 1964, стр. 160).

Рис. 4. Таджики-чагатаи из кишлака Алахчин (сельсовет Чорбог)

слово является как бы синонимом слова *шахр* — город¹⁰. Само название *вилояти* по своему содержанию расплывчато, что проявляется в разном понимании его в различных районах: жители верхних кишлаков Варзоба, а также кишлаков по среднему течению р. Варзоб и Такобского ущелья относят к *вилояти* население предгорий, начиная с кишлака Дахана и ниже, включая исконных жителей Душанбе и Гиссара (как историко-географической области); в южных районах Узбекистана (Сурхандарьинская область) *вилояти* — это пришлая группа таджиков («пришельцы из разных мест равнины»)¹¹. Л. В. Успенская при исследовании таджикских говоров Гиссарского района отметила, что жители долинных гиссарских кишлаков, говор которых сходен с говорами кулябских таджиков, отделяли себя по языку от жителей горных кишлаков этого района, называя язык последних «вилояти» или «шахри», т. е. городским¹².

Варзобские вилояти считают себя таджиками-чагатаями. О себе они говорят «*мо вилояти — тоджикони таджои, чагатой*» — «мы вилояти — исконные жители, таджики-чагатаи». И, как чагатаи, они противопоставляют себя жителям Харангонского ущелья и группы кишлаков Киблаи, относя тех к сугути. О чагатаях, населяющих бассейн р. Варзоб (верховья и долину р. Душанбе), упоминается в материалах по районированию Средней Азии. Там же указывается, что в собственно Варзобе зарегистрировано 1600 чагатаев, а по Оби-Душанбе — 470¹³. По-видимому, речь идет о чагатаях, называемых в Варзобе еще и вилояти. Чагатаи, по предположению И. П. Магидовича, одна из пяти племенных групп джагатаидских монголов, т. е. тюркизованных монгольских племен, расселившихся в бухарском оазисе, главным образом в районах, примыкающих к заселенным таджиками территориям (верховья Кашкадарьи, бассейн Байсундарьи, верховья и среднее течение Сурхана,

¹⁰ Обычное словарное значение слова *вилоят* как область, провинция нами в районе Варзоба не выявлено.

¹¹ И. Хидояттов, К вопросу о формировании населения южных районов Узбекистана, сб. «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 113.

¹² Л. В. Успенская, Говоры таджиков Гиссарского района, Душанбе, 1962, стр. 5.

¹³ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I — «Территория и население Бухары и Хорезма», ч. I — Бухара, Ташкент, 1926, стр. 283, табл. 18.

долина Каратагдарьи, бассейн Кафирнигана, долина Кызыл-Су) ¹⁴. Большая часть племени чагатай ассимилировалась не узбеками, а таджиками ¹⁵. Новые данные об этой этнической группе содержат работы Б. Х. Кармышевой, посвященные исследованию состава населения южных и западных районов Узбекистана ¹⁶. Б. Х. Кармышева отмечает, что в Сурхандарьинской области термин *чагатай* применяется к исконному оседлому населению независимо от его языка ¹⁷. Наши материалы по варзобским чагатаям подтверждают это, правда, лишь в отношении таджиков-чагатаев, поскольку узбеки-чагатаи на изучаемой территории не зарегистрированы. Следует также добавить, что термин *таджик* для варзобских чагатаев является как бы синонимом термина *чагатай*; чагатаи Варзоба отграничивают себя от других этнических групп, например от калтатаев, турк, мугул, как утративших узбекский язык и говорящих сейчас по-таджикски, так и узбекоязычных.

Нам не удалось установить, связывают ли себя чагатаи Варзоба с чагатаями других районов, однако среди них сохранились предания, что предки их поселились в районе Варзоба уже 350 лет назад. Каких-либо рассказов о первоначальной родине их слышать не приходилось. Говор варзобских чагатаев, называемый ими вилояти, сходен с говором варзоби. Любопытно что представители группы кулоби, живущие вперемежку с чагатаями, называют и их, и соседей их сугути только термином *вилояти*.

Сугути — самоназвание таджиков, жителей кишлаков Харангонского ущелья, входящих ныне в сельсовет Айни и сельсовет Киблаи. По языку сугути не отличаются от своих соседей чагатаев-вилояти, не имеют они также каких-либо отличий в быту и культуре. Часто сугути называют себя так же, как и их соседи, — вилояти. Подобно вилояти, сугути живут перемежаясь с группой кулоби. В настоящее время кишлаков, сплошь заселенных сугути, очень мало, прежде их было больше. Чаще всего сугути живут в кишлаках со смешанным населением, однако вплоть до 1930-х годов они селились компактно и в брачные отношения с кулоби не вступали.

Сугути относят себя к исконному оседлому населению, называя себя *таджик сугути*, т. е. местные сугути. В этом отношении, а также по языку они, как и чагатаи, противопоставляют себя пришлой группе кулоби. Наиболее интересные сведения о происхождении сугути нам сообщили в кишлаках группы Киблаи, в частности в кишлаке Лойов. Сугути, как нам рассказали, именуют себя так потому, что местность, исконными жителями которой они считаются и откуда они происходят, называется Сугут. Это название, по представлениям самих сугути, не административное, оно отражает природные географические особенности данной территории. *Сугут* — низменная, болотистая местность, заросшая камышом, а также местность, где преобладают поливные земли. Границами Гиссарского Сугута на востоке в прошлом считались Рамит, Янгибазар (современный Орджоникидзеабад). В состав Сугута варзобские сугути включали Гиссарскую долину. Имеется ценная запись М. С. Андреева, где указывается, что термин *сугути* прилагался к долинному пространству к востоку от Денау, в которое входили современные районы: Денау, Сари-Осиё и Узун (в Узбекистане), Регар, Шахринау, Гиссар (в Таджикистане). Восточнее и южнее Душанбе термин *сугути* обычно относили к восточной части Кокташского района и к Орджоникидзеабадскому рай-

¹⁴ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1, ч. 1, стр. 221, 231.

¹⁵ Там же, стр. 231.

¹⁶ Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVII. М., 1957; е е же, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашкадарьинской области Узбекской ССР.

¹⁷ Б. Х. Кармышева, Этнические и территориальные группы северо-восточной части Кашкадарьинской области Узбекской ССР, стр. 15.

Рис. 5. Таджики-кулоби из кишлака Охток (сельсовет Киблан)

ону, который прилегает к предгорьям¹⁸. Свидетельства о варзобских сугути подтверждают это; по их словам, они как раз и заселяли северо-восточную окраину гиссарского Сугута.

Названия *Сугут*, *сугути* встречаются и в Узбекистане, в Шахрисябском оазисе¹⁹. Следует отметить, что в приложении термина *сугути* к оседлому исконному населению в Узбекистане и Таджикистане, в частности на рассматриваемой нами территории, разноречий нет. Однако интересен тот факт, что если шахрисябских узбеков, известных под названием сугути, их соседи узбеки даштикипчакского происхождения называют таджиками²⁰, то варзобских сугути их соседи таджики считают узбеками, точнее представителями группы тюрк, утратившими родной язык. По-видимому, для этого у них есть все основания, поскольку сами сугути (кишлак Лойов) говорят о себе, что они калтатаи из племени тюрк.

Кулоби расселены среди сугути и вилояти. Они живут с ними в одних кишлаках, но есть и кишлаки, сплошь занятые кулоби.

Пределом распространения варзобских кулоби на севере является Харангонское ущелье, выше они встречаются лишь единичными семьями. В группе кулоби можно выделить три подгруппы, разные по происхождению: а) выходцы из Каратегина (кишлаки Самсолик, Енахш, Тегирми, Лангар, Пита, Санджитак, Юс, Таи-Камар, Оби-Гарм); б) выходцы из Куляба (кишлаки Бальджуан, Ховалинг, Сари-Хасор, Муминабад); в) выходцы из Файзабада.

Кулоби первой подгруппы не причисляют себя, однако, к каратегинцам, поскольку население кишлаков Каратегина, откуда они переселились в Варзоб, по их утверждению, происходит из Куляба. В самом деле, по материалам Гармской этнографической экспедиции, обследовавшей Каратегин в 1952—1953 гг., население как правобережных, так и левобережных каратегинских кишлаков в районе слияния р. Сурхоб с Обихингоу происходит из Куляба. Язык варзобских кулоби относится к юго-восточной группе таджикских говоров и, обнаруживая сходство с кулябскими говорами²¹, примыкает, по-видимому, к долинному гиссарскому²², носители которого считают себя выходцами из Куляба.

По рассказам местных жителей, кулоби вначале поселились в Харан-

¹⁸ Запись эта хранится в архиве М. С. Андреева (Ин-т истории АН ТаджССР) и была впервые опубликована Б. Х. Кармышевой в ее работе «Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашкадарьинской области Узбекской ССР», стр. 58—59.

¹⁹ Б. Х. Кармышева, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашкадарьинской области Узбекской ССР, стр. 56.

²⁰ Там же.

²¹ В. С. Соколова, Указ. раб., стр. 106.

²² Л. В. Успенская, Говоры таджиков Гиссарского района, стр. 7, 72, 77.

гонском ущелье, и лишь затем спустились в Киблай и обосновались там в ряде кишлаков. Кулоби кишлаков сельсовета Чорбог происходят из Куляба, частично из Файзабада; сначала они появились в кишлаке Чорбог за пределами гузаров, занятых вилояти, и основали самостоятельный кишлак Чорбоги-Поен (сейчас он считается Нижним кварталом Чорбога). В 1920-е годы несколько семей кулоби переселилось в покинутый прежними жителями кишлак Чагатай, а также в другие кишлаки сельсовета Чорбог.

К кулоби, как к людям пришлым, до Октябрьской революции представители других групп населения (вилояти, сугути) относились зачастую враждебно. Между вилояти и кулоби происходили ссоры и кровопролитные драки из-за земли и воды. Каждая группа имела свои мечети. На празднествах, особенно на туях по случаю обрезания сына, когда устраивалось козлодранье (*бузкаши*), наездники делились на две партии — с одной стороны кулоби, с другой — вилояти. Брачные отношения вилояти и сугути с кулоби в старое время были односторонними: и вилояти, и сугути брали в жены девушек кулоби, но своих девушек им не отдавали. За годы Советской власти эти межгрупповые границы стерлись почти бесследно, и хотя люди отчетливо еще осознают свою принадлежность к той или иной группе, браки между представителями различных групп населения совершаются постоянно и без всяких преград. Свидетельством этому служат кишлаки со смешанным населением.

Первоначально, когда кулоби стали заселять изучаемую территорию, они стремились основывать свои поселения на свободных местах, либо в кишлаках, покинутых жителями. Так, нами записаны предания о том, что некоторые современные кишлаки, например Охток, Камчин, прежде были поселениями кочевых узбеков, а кишлак Чагатай раньше был заселен чагатаями, ушедшими, возможно, в соседние кишлаки. На месте современного кишлака Бувак (Харангонское ущелье) были густые заросли деревьев. Когда пришли кулоби, им пришлось очищать от растительности площадки для постройки жилищ.

Время прихода кулоби в долину р. Варзоб определить трудно. По рассказам жителей, первые поселенцы появились здесь около 200—250 лет назад. В кишлаке Бувак нам сообщили, что первые засельники этого кишлака бежали сюда из Куляба, теснимые Худой Назар Аталыком, т. е. примерно около 100 лет назад.

Каратегини населяют группу кишлаков Зидди (в местном произношении Зидде) и кишлаки Роге и Вармоник в Такобском ущелье. Довольно много кишлаков было заселено каратегини в районе притока Варбоза — р. Лучоб. Среди таджиков, живущих в кишлаках Зидди, бытуют предания, что их деды и прадеды переселились сюда из кишлаков, расположенных по правому притоку р. Сурхоб — Сорбог и его притоку Камароу. Ряд кишлаков Зидди носит названия тех каратегинских кишлаков, откуда пришли люди, — Насруд, Оби-Хирф, Хазора. Варзобские каратегини представляют собой довольно однородную по происхождению группу с двумя ветвями — среднекаратегинской (выходцы из кишлаков Гориф, Насруд, Шинглич, Варзгун) и верхнекаратегинской (выходцы из кишлаков Хаит, Ясман). Зиддинские каратегини сохранили свой каратегинский диалект и этнографически резко отличаются от остальных варзобских таджиков. В их материальной культуре (жилище, пища), семейном быту и хозяйственной деятельности до сих пор сохраняются черты, свойственные таджикам Каратегина.

Помимо описанных пяти основных таджикских групп населения, в Варзобе проживают таджики — переселенцы из других районов республики, не причисляющие себя ни к одной из этих групп. Например, в кишлаках Бакавул, Алхитой, Чорбог и др. наиболее значительны по численности выходцы из Фаны и Фальгара — местностей в верховьях р. Зеравшан. Среди них различаются ранние пришельцы, обосновавшиеся в

кишлаках варзоби и частично смешавшиеся с ними, и более поздние, переселившиеся в предгорные районы Варзоба уже в годы Советской власти.

Особую группу варзобского населения составляют ягнобцы (яг-на ви). Ряд кишлаков Варзоба они заселяют сплошь, в остальных их по несколько семей. Ягнобцы переселились в Варзоб из Ягноба. Первоначальным местом их поселения был кишлак Коктепе, входящий в группу кишлаков Зидди. Из Коктепе группа семей ягнобцев ушла в верхнюю часть Такобского ущелья, основав кишлаки Зуманд и Гаров, несколько семей заселили кишлаки Оби-Сафед в верховьях р. Такоб. В настоящее время ягнобцы покинули Оби-Сафед и обосновались в кишлаке Сафедорак в том же Такобском ущелье. Ягнобцы населяют также кишлак Дара в Харангонском ущелье и кишлак Курпай в сельсовете Киблай. Все перечисленные кишлаки однородны по населению (если не считать отдельных смешанных семей, в которых мать чаще всего таджичка), кроме вновь заселенного кишлака Курпай, где до недавнего времени жили таджики-кулобы; теперь там еще осталось 3—4 таджикские семьи, а остальные 13 семей — ягнобцы. Всего ягнобцев в долине р. Варзоб около 1000 человек, из них 720 проживает в кишлаках Такобского ущелья²³.

М. С. Андреев в отчете об экспедиции 1925 г. сообщает о переселенцах из Ягноба в Варзоб: «...переселение, по их словам, произошло лет 200—250 тому назад. Из этого ядра переселенцев в Коктепе 52 года тому назад (все ягнобцы, с которыми приходилось говорить об этом, совершенно единогласно указывали эту цифру — очевидно, счет велся точно) часть выселилась в Зыман»²⁴. Далее, М. С. Андреев указывает, что как коктепинские, так и зумандские ягнобцы считают себя выходцами из селений с «теновой», т. е. левобережной, южной, стороны Ягноба²⁵. В. С. Соколова, приводя краткие данные о расселении и численности варзобских ягнобцев, отмечает, что язык их относится к западной разновидности ягнобского языка²⁶.

Наши сведения о времени переселения ягнобцев на Варзоб совпадают со сведениями М. С. Андреева. По словам таджиков, населяющих кишлак Калон (Зидди), ягнобцы переселились в Коктепе около 250 лет назад. Причем одни считают, что ягнобцы поселились еще до того, как кишлаки Зидди были заселены таджиками, а другие (их большинство) — что ягнобцы заселили Коктепе уже при таджиках и что на месте кишлака тогда было высокогорное пастбище, где кочевые узбеки пасли летом свои стада. Последнее утверждение подкрепляется тем, что название кишлака Коктепе тюркского происхождения. Все зумандцы же в 1962 г. утверждали, что их кишлак был основан 86 лет назад, что их деды и отцы происходят в основном из четырех кишлаков Ягноба — Ноумиткан, Гармайн, Ворсавут, Шовета — и что прежде в Зуманде они расселялись по признаку территориального происхождения. Безводье не позволяет разрастаться Зуманду, поэтому часть ягнобских семей выселилась в соседний кишлак Сафедорак. Число ягнобцев в бассейне р. Варзоб из года в год увеличивается, в основном благодаря притоку выходцев из собственно Ягноба.

Варзобские ягнобцы все двуязычны, нередки в ягнобских кишлаках смешанные семьи, но в них основным языком всегда остается ягнобский. Таджикский язык зумандцев по своим особенностям приближается к

²³ По данным 1932 г., ягнобцев в варзобских кишлаках насчитывалось 645 человек, примерно ту же цифру указывает В. С. Соколова, определяя численность ягнобцев в Варзобском районе в 600—700 человек, см.: В. С. Соколова, Очерки по фонетике иранских языков, II, М.—Л., 1953, стр. 63.

²⁴ М. С. Андреев, Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г., в кн. «По Таджикистану», вып. 1, Ташкент, 1925, стр. 21.

²⁵ Там же.

²⁶ В. С. Соколова, Очерки по фонетике иранских языков, стр. 62.

языку каратегинцев, населяющих Зидди. Многие ягнобцы, как и окружающие их таджики, работают на местных горно-рудных предприятиях, главным образом на Такобском комбинате. Кишлаки, заселенные ягнобцами, — Зуманд, Гаров, Сафедорак — входят в колхоз «Таджикистан», который объединяет и таджикские кишлаки: Рог, Вармоник, Тагоб и Лен-Малик.

Этнографическое изучение территориальных групп населения Варзоба с привлечением данных диалектологии и топонимики позволяет высказать некоторые предположения. Во-первых, основным и исходным компонентом современного населения Варзоба, очевидно, являются таджики, связанные по происхождению с зеравшанским Согдом, главным образом с районами верхнего течения р. Зеравшан. Они и составили ядро группы варзоби, заселяющей центральную часть бассейна р. Варзоб. Во-вторых, население рассматриваемого района имеет общее происхождение с таджиками, населяющими горную часть Гиссара — долины Каратага и Хонакодари.

Обратимся к данным, на которых мы основываемся, высказывая эти предположения. Одним из существенных фактов, характеризующих этнографически тот или иной район, является наличие или отсутствие гончарного производства (ручного или станкового). Как известно, по всему горному Таджикистану широко распространено женское гончарное производство, при котором изделия изготавливаются вручную, без гончарного станка. Женское гончарство бытует и в районах, расположенных по южному склону Гиссарского хребта, распространено оно и на Варзобе, но только у каратегинцев в Зидди, у ягнобцев (в горной части) и у кулоби (в предгорной части). У варзоби же ни женского гончарства, ни вообще гончарства как промысла нет. Правда, в быту варзоби была широко распространена глиняная посуда, но они приобретали ее у варзобских каратегинцев и ягнобцев, несмотря на то что гончарные глины в изобилии имеются и в местах их собственного расселения. Интересно отметить, что летовки каратегини и варзоби до сих пор располагаются в одной местности (верховья р. Тагобдарьи), и женщины из группы каратегини занимаются гончарством на этих летовках, а варзоби нет. В былые времена мастерицы кулоби и каратегини приглашались для изготовления посуды в варзобские кишлаки.

Если мы обратимся к районам, лежащим в верховьях Зеравшана, то и там, за исключением Ягноба, женское гончарное производство не засвидетельствовано. Е. М. Пещерева отмечает, что как в Матче, так и в Фальгаре население в основном пользуется деревянной посудой, причем фальгарцы глиняную посуду приобретают в селении Урметан, где имеются гончары-мужчины, работающие на гончарном станке. Мастера эти либо приезжие из Пенджикента и Ура-Тюбе, либо ученики пенджикентских мастеров. Правда, в районе Матчи попадаетея иногда посуда, сделанная женщинами, однако есть все основания считать, что здесь производства посуды в настоящее время нет и это явление случайное²⁷.

По материалам Е. М. Пещеревой, женское гончарство засвидетельствовано в кишлаке Хакими, расположенном в верховьях Каратагского ущелья, жители которого являются выходцами из Каратегина, в то время как в самом Каратаге бытует мужское станковое гончарное производство. Конечно, трудно утверждать, что в странах Верхнего Зеравшана никогда не было женского гончарства, но вполне вероятно, что Варзоб заселялся выходцами из верховьев Зеравшана тогда, когда древнее ручное гончарство у них уже не существовало. Как нам представляется, отсутствие гончарства свидетельствует о близости происхождения верхнезеравшанских и варзобских таджиков.

²⁷ Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959, стр. 17—18.

Рис. 6. Сбивание масла в маслобойке кумпи, кишлак Тагов

Рис. 7. Сбивание масла в маслобойке чагдег, кишлак Тагов

Не распространено гончарство и у двух других исконных групп населения Варзоба — сугути и вилояти. Это, по-видимому, объясняется тюркским происхождением этих групп.

Следует остановиться еще на одном факте, вызывающем, на наш взгляд, связь варзобских таджиков с населением Верхнего Зеравшана. У горных таджиков известны три способа сбивания масла из заквашенного молока: в высокой выдолбленной из куска дерева маслобойке *кумпи* при помощи мутовки, которую двигают вверх и вниз; в ягнобской глиняной маслобойке *тугла* путем катания ее по земле и, наконец, в деревянном, или чаще глиняном, сосуде — *чагдег* (*чархдег*) при помощи мутовки, прикрепленной в вертикальном положении к столбу и приводимой

во вращательное движение ремнем. Третий способ, более совершенный по сравнению с двумя первыми, широко распространен по всему горному Таджикистану. Сбивание масла в куппи бытовало раньше в Фальгаре, Матче, Фанс²⁸. В Варзобе у таджиков варзоби до 1920-х годов масло сбивали только в куппи. До сих пор кое-где в боковых ущельях наряду со сбиванием масла в чархдеге пользуются и куппи.

Если обратиться к диалектологическим данным, то обнаруживается значительная близость между говорами варзобцев, каратагцев и жителей долины Хонакодари (говор последних получил в литературе название горный гиссарский)²⁹, с одной стороны, и существенное отличие всех их от говоров варзобских каратегини и кулоби и долинного гиссарского говора — с другой. По основным признакам фонетической системы и грамматического строя говоры таджиков Горного Гиссара относятся к северо-западной группе говоров таджикского языка, в то время как говоры варзобских каратегини и кулоби принадлежат к юго-восточной или южной группе говоров³⁰.

Вследствие недостаточной изученности верхнезеравшанских говоров (за исключением матчинских) мы не можем сопоставить с ними говоры таджиков Горного Гиссара. Известно лишь, что между современными верхнезеравшанскими говорами, относимыми к центральной группе, и говорами таджиков долины Варзоба, Каратага и Хонакодари имеются существенные различия, наблюдаются различия и внутри говоров таджиков Гиссара. Однако эти обстоятельства не исключают и не опровергают предположения о родстве рассматриваемых говоров и связях их носителей с Верхним Зеравшаном. Различия в этих говорах могли возникнуть уже в период самостоятельного развития каждого из них вследствие влияния соседних говоров и других причин. Варзобский говор, по-видимому, подвергался более сильному влиянию говора кулоби, чем, скажем, каратагский говор, и это проявилось в некоторых особенностях его фонетики, грамматического строя (в системе предлогов и послелогов, глагольных образований) и особенно в лексике.

Данные топонимики особенно наглядно демонстрируют связь Варзоба со странами Верхнего Зеравшана. В горной части Варзоба, особенно на территории, заселенной варзоби, да и в верховьях р. Варзоб, обнаруживается сходство, а иногда полное совпадение топонимов с верхнезеравшанскими: Варзоб (Матча, кишлак Пастигав), Камодун³¹, Зуманд, Порут, Гурке, Исповез, Нешпогар и др.

Ряд вопросов, связанных с заселением долины Варзоба исконной группой его населения — варзоби, остается пока нерешенным. Известно время заселения долины, поскольку никаких археологических исследований здесь не проводилось. До сих пор не обследованы обнаруженные в Такобском ущелье на склонах гор места древней выработки свинца, которые, по предположению Б. Н. Наследова, могли относиться к X—XII вв., когда в Мавераннахре была развита разработка свинцово-серебряной руды³². Трудно сказать, кого застали предки современных варзоби, переселившись в эту долину; возможно, что они и были исконными засельниками ее, а последующие переселенцы из Самарканда, точнее из бассейна Зеравшана, просто больше запомнились народом. Отсюда повсеместные предания о выходцах из Самарканда.

²⁸ Е. М. Пещерева, Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи, в кн. «По Таджикистану», вып. 1, Ташкент, 1927, стр. 45.

²⁹ Л. В. Успенская, Говоры таджиков Гиссарского района, стр. 76.

³⁰ В. С. Расторгуева, Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, стр. 157.

³¹ А. Л. Хромов, Говоры таджиков Матчинского района, Душанбе, 1962, стр. 206, 208.

³² С. З. Шифрин и др., Такоб. Месторождение плавикового шпата, «Труды Таджикско-Памирской экспедиции АН СССР», вып. 75, М.—Л., 1937, стр. 14.

Все эти вопросы будут, вероятно, освещены более полно, когда будет проведено историко-этнографическое изучение всего населения Гиссара, в частности Горного Гиссара, к которому приступает сектор этнографии Института истории АН Таджикской ССР.

Что касается двух других исконных групп варзобских таджиков — сугути и вилояти, то они, по-видимому, являются потомками тюрков из тюрко-карлукской группы полукочевых племен, населявших Южный Таджикистан до появления здесь в XV—XVI вв. узбеков даштикипчакского происхождения. С тюрко-карлукской группой связаны и чагатаи — потомки тюркизированных монгольских племен. Все эти тюркоязычные группы и племена расселялись полосой, окаймляющей высокогорные районы со сплошным таджикским населением, в частности в Южном Таджикистане. Варзобские сугути — это в основном калътатаи и тюрки, утратившие свой язык и полностью ассимилированные таджиками. Под названием вилояти фактически скрываются таджики-чагатаи, точнее — таджикоязычные чагатаи. Обе эти группы сложились, по-видимому, в результате постепенной ассимиляции их таджиками варзоби. Этот вывод позволяет нам сделать тот факт, что хотя в настоящее время чагатаи и сугути живут попеременно с кулоби, говор их, даже подвергаясь заметному влиянию кулоби, по своей системе и основным признакам отчетливо примыкает к говору варзоби, а не кулоби.

По нашим материалам создается представление, что сугути кишлаков Киблаи утратили свой язык позднее, чем сугути Харангона, хотя и те и другие, особенно сугути Киблаи, помнят свое тюркское происхождение; чагатаи же не считают, что у них мог быть другой, не таджикский, язык. Возможно, что ко времени их расселения на современной территории они уже были таджикоязычны; во всяком случае чагатаи — это таджики на протяжении уже не менее двух или двух с половиной столетий.

SUMMARY

The composition and trends of the present-day population of a mountain district of the Tajik SSR situated in Varzob River valley is examined. The Tajik population of this district is represented by five territorial groups (besides the Yaghnobis who also regard themselves as Tajiks). The variegated composition of Varzob District is due both to geographical and to social-historical factors. The study of ethnographic and linguistic data leads to the suggestion that one of these territorial groups — the *Varzobi* — who inhabit Varzob from earliest times is genetically linked with the Tajiks of the upper reaches of the Zeravshan — one of the regions of ancient Sogd; two other groups — the *Viloyati* (*Chagatai*) and the *Suguti* are descendants of Turkic-Mongol tribes long settled in Tajikistan and assimilated by the Tajiks. The two remaining groups — *Karateghini* and *Kulobi* are comparatively latecomers: the former stem from Middle Karateghin, the latter — from Kuliab and Lower Karateghin districts; both began to populate Varzob from about the beginning of the XVIII century.

Г. А. Носова

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ РУССКОЙ МАСЛЕНИЧНОЙ ОБЯДНОСТИ

(НА МАТЕРИАЛАХ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА)

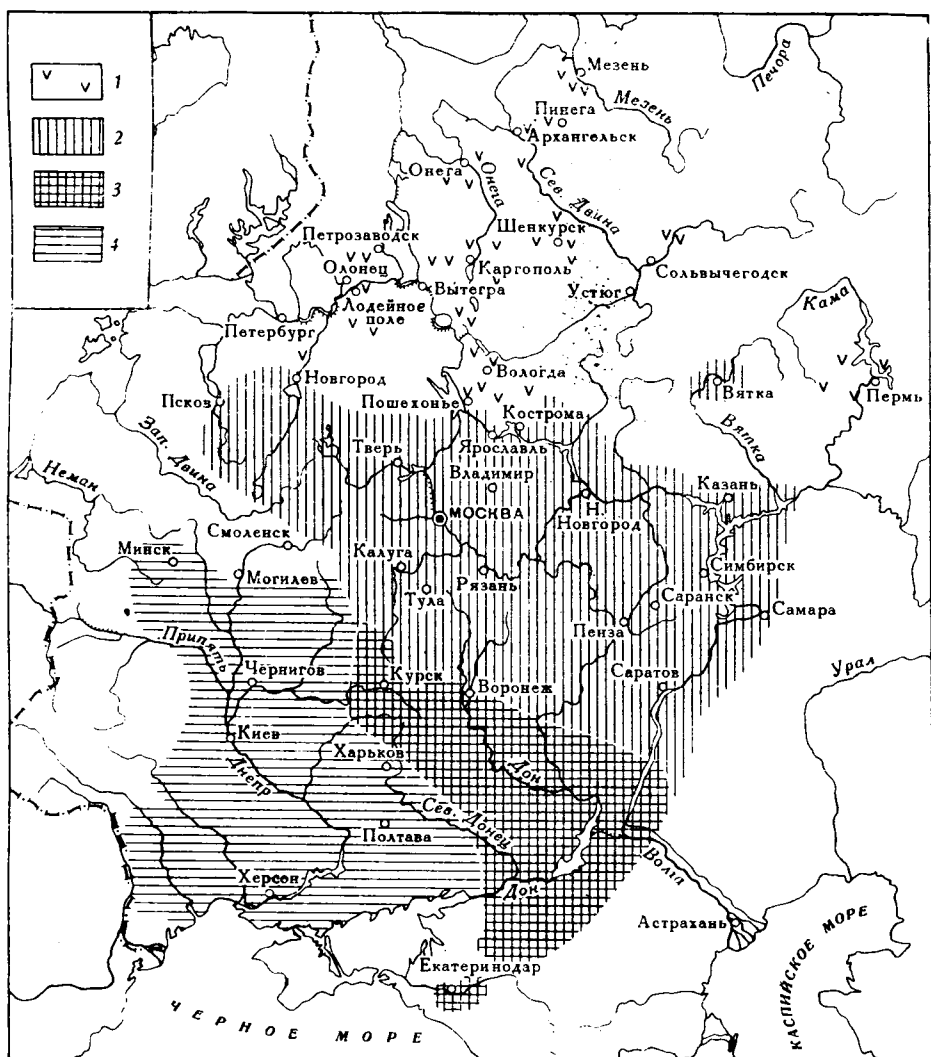
Русская аграрно-календарная обрядность складывается из ряда элементов, периодически повторяющихся в различные циклы земледельческого календаря. Происхождение и смысл аграрной обрядности, ее закономерности раскрыты в исследованиях дореволюционных и советских ученых¹. Однако вопрос о локальных особенностях обрядов, о границах распространения основных элементов праздников остается почти не затронутым. Одним из первых на этом остановился В. И. Чичеров, проследивший границы бытования разных типов русских новогодних песен — колядок². Между тем картографирование не только календарной поэзии, но и календарной обрядности, как и других явлений духовной культуры, представляет большой интерес для решения некоторых этногенетических проблем.

В настоящей работе предпринята попытка наметить границы бытования обрядов весеннего аграрного праздника — масленицы. Масленичный обрядовый комплекс характерен тем, что включил в себя большое количество элементов обрядности как зимнего, так и весенне-летнего периодов календаря. Он состоял из следующих обрядовых действий: встречи масленицы, поминания умерших, приготовления и употребления главного обрядового блюда — блинов, которое одновременно было и поминальным кушаньем, игрищ и увеселений (катания с «гор», ряженья, посещения родственников и знакомых), обрядов, посвященных молодоженам. Центральным моментом праздника в ряде областей были «проводы» масленицы.

При попытке проследить границы распространения основных масленичных обрядов в XIX — начале XX в. возникают трудности, вызванные разнородностью материалов. Одни сообщения, главным образом относящиеся к началу XX в., дают всестороннее описание масленичных обрядов в отдельных областях, другие содержат много интересных фактов, но часто без указания места и времени бытования того или иного масленичного обряда. Во многих источниках описаны единичные моменты обрядов в различных областях, своеобразные обычаи, привлекавшие внимание исследователей. Тем не менее картографирование элементов праздника на основе всех этих источников позволяет сравнительно четко проследить границы варьирования обрядов, дает возможность выде-

¹ Е. В. Аничков, Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. I. От обряда к песне, СПб., 1903; В. Ф. Миллер, Русская масленица и западноевропейский карнавал, М., 1884; А. А. Потёбня, О купальских огнях и сродных с ними представлениях, «Археологический вестник», вып. 3, М., 1867; В. И. Чичеров, Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков (очерки по истории народных верований), М., 1957; В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники. (Опыт историко-этнографического исследования), Л., 1963, и др.

² В. И. Чичеров, Русские колядки и их типы, «Сов. этнография», 1948, № 2.

Карта распространения вариантов масленичной обрядности: 1 — северный комплекс обрядов; 2 — среднерусско-поволжский комплекс обрядов; 3 — смешанный комплекс; 4 — колодка-масленица

лить их областные и местные формы. В данной статье будут рассматриваться лишь великорусские формы обрядности; украинские и белорусские материалы будут привлекаться лишь как сравнительные.

В пределах европейской территории России можно говорить о двух комплексах масленичной обрядности: северном и среднерусско-поволжском. В областях русского Севера издавна сложился определенный обрядовый комплекс. Так, обряд «проводов» масленицы, составлявший ядро праздника в центральных областях, на Севере не отмечен наблюдателями. Семейно-бытовая обрядность преобладала здесь над аграрной. Определяющими в северном комплексе были обряды, относящиеся к молодежи вообще, и к молодоженам в частности.

Многочисленные материалы рисуют праздничные гулянья, угощения, посещения родственников и знакомых, катание с «гор», игры и кулачные бои, катание на лошадях, обряды, посвященные молодоженам

(«столбы», «целовник» и др.)³. По издавна установленному обычаю порядку крестьяне небольших деревень съезжались на праздник в близлежащие торговые села, где устраивалось катание на лошадях, гулянье. О величине таких «съездов» свидетельствует количество лошадей, которых в крупных селах бывало от 600 до 800 «на кругу», отчего катания получили название «скопищ». В эти дни, как отмечал С. В. Максимов, русская деревня совершенно преображалась: «Многолюдная деревенская улица поет, смеется, шутит, катается на санях»⁴.

«Съездки» нередко превращались в настоящие смотрины «новоженов» (молодых супругов), обвенчавшихся в предшествующий масленице мясоед. Не раз в литературе приводился обычай «столбов», который состоял в том, что молодые, нарядившись в свои лучшие костюмы, вставали рядами («столбами») по обеим сторонам деревенской улицы и, по требованию окружающих, целовались⁵.

В отдельных местах Вологодской губернии во второй половине XIX в. уцелели остатки своеобразного обычая — сбора дани «на меч», когда с молодого требовали выкуп за жену, взятую из другой деревни⁶. Аналогичный обряд откупа молодых сохранялся во второй половине XIX в. в Вятской губернии под именем «целовника». «...В субботу на масленице подгулявшая молодежь ездит целовать молодухек, которые живут замужем первую масленицу. По установившемуся ритуалу, молодая подносит каждому из гостей ковш пива, а тот, выпив, трижды целуется с ней»⁷.

В Вытегорском уезде излюбленным развлечением на масленичных сборищах было «катание молодых». Мужчины и женщины окружали сани с молодоженами, старались сдвинуть их с места. Молодая жена должна была «помогать» толпе, т. е. время от времени целовать мужа⁸. После этого молодых катали по деревне, за что они одаривали окружающих мужчин водкой, а женщин — пряниками.

Почти в каждой деревне и обязательно в местах «скопищ» поливали «горы» (на естественных склонах или устраивая деревянный помост). Во время катания с «гор» новобрачные также были предметом заботы и внимания толпы.

В Пинежском уезде Архангельской губернии каждая «молодая» должна была прокатиться с «горы», сидя на коленях у мужа, причем предварительно она целовала его столько раз, сколько просили окружающие⁹. Этот обычай называли «солить рыжики на пост» или «примораживать»¹⁰. В Вытегорских Кондужах молодых таким же образом катали с «гор» на «ледянках», что считалось для них большой честью, и они расплачивались за это водкой¹¹.

³ П. С. Ефименко, Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, «Известия имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XXX, «Труды этногр. отд.», кн. V, ч. 1, М., 1877, стр. 140; Н. Д. Иванецкий, Материалы по этнографии Вологодской губернии, «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», М., 1890; П. В. Шейн, Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1, СПб., 1898, стр. 334—335; С. П. Короблев, Этнографический и географический очерк Каргополя Олонецкой губернии со словарем особенностей тамошнего наречия, М., 1851, стр. 53—54; «Архив Русского императорского Географического общества», I, № 48; XXIV, № 10; XXIV, № 3; XXIX, № 30⁶; газ. «Олонецкие губернские ведомости», 1861, № 12—13; 1874, № 1, 5, 9, 12; 1890, № 65, 84; 1894, № 53; 1901, № 132; 1903, № 20, и др.

⁴ С. В. Максимов, Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903, стр. 358—9.

⁵ Там же, стр. 361.

⁶ Там же, стр. 364.

⁷ Там же, стр. 361.

⁸ К. Филимонов, Народное веселье, газ. «Олонецкие губернские ведомости», 1897, № 39.

⁹ П. В. Шейн, Указ. раб., стр. 334.

¹⁰ П. С. Ефименко, Указ. раб., стр. 140.

¹¹ М. П. Минорский, Вытегорские Кондужа, газ. «Олонецкие губернские ведомости», 1874, № 27.

Приблизительная граница северной формы масленичной обрядности прослеживается по направлению Псков—Новгород—Пошехонье, далее она проходит по северным районам Ярославской и Костромской губерний. В Новгородской губернии (по этой губернии материала немного) в некоторых местах наблюдатели отмечали обряд сожжения «масленицы», но не указывали на него, как на характерный для этих мест.

Среднерусско-поволжский комплекс обрядности, помимо указанных выше общих для всего русского населения черт, отличался специфическими для него «проводами масленицы», которыми обычно заканчивался праздник. Обряд состоял в следующем: в последний день масленичной недели (иногда и в другие дни) по деревне проезжал обоз с ряжеными и с чучелом масленицы; при выезде за деревню, в поле, происходило, в зависимости от местных традиций,—раздевание, уничтожение, погребение или сожжение соломенной куклы. Варианты обряда разнообразны. Яркий набросок этого момента праздника встречаем у С. В. Максимова: «Чучелу ставят в сани, а около прикрепляют сосновую или еловую ветку, разукрашенную разноцветными лентами и платками. До пятницы «сударыня-масленица» хранится где-нибудь в сарае, а в пятницу, после завтрака, парни и девушки веселой гурьбой вывозят ее на улицу и начинают шествие. Во главе процессии следует, разумеется, «масленица», рядом с которой стоит самая красивая нарядная девушка. Сани с «масленицей» влекут три парня»¹². Другая разновидность «проводов масленицы» приведена в работе И. М. Снегирева. «Масленицу» сопровождала вереница саней и салазков, переполненных веселой молодежью. Наряду с чучелами, важную роль в обряде играли ряженые. Сколачивали вместе 10—12 дровней, в середину ставили толстое бревно или дерево в виде мачты, на вершину которого надевали колесо. На колесе помещался мужчина, наряженный в женское платье или рваную одежду, выпачканный сажей. Иногда «обоз» вместо лошадей везли «несколько разряженных и уродливо, без всякого вкуса, испещренных людей, которые наряжаются в виде лошадей»¹³. Свообразные черты сохранял тот же обряд в Пошехонском уезде Ярославской губернии (1849 г.). В руки главному действующему лицу, развлекавшему окружающих шутками, давали штоф водки и блины, кнут или метлу. Весь обоз увешивался погремушками, бубенчиками. В масленичном обозе сооружалась также фигура, напоминающая женскую: столб с колесом обертывался конусообразно рогожами, и на него надевали женский сарафан¹⁴. По сведениям из Рязанской губернии, «масленицу» в обозе представляло дерево, украшенное лоскутами¹⁵. В одной из деревень Новоржевского уезда Псковской губернии (1903 г.)¹⁶, а также в Клинском уезде Московской губернии (1850 г.)¹⁷ в состав «поезда» входила лодка. В Ярославской, Саратовской, Симбирской, Пензенской губерниях «масленица» сооружалась путем нагромождения борон¹⁸.

¹² С. В. Максимов, Указ. раб., стр. 368. Место бытования обряда автором не указано, время — конец XIX в. Привожу для того, чтобы дать общее представление об обрядовом действии.

¹³ И. М. Снегирев, Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. II, М., 1837, стр. 128.

¹⁴ А. Архангельский, Село Давшино Ярославской губернии, Пошехонского уезда, «Этнографический сборник», вып. II, СПб., 1854, стр. 41.

¹⁵ А. А. Коринфский, Народная Русь, М., 1901, стр. 160.

¹⁶ И. К. Копаневич, Как проводится масленица в Псковской губернии, Псков, 1903, стр. 10.

¹⁷ И. Забелин, Заметки о старинной масленице, журн. «Москвитинин», 1850, ч. II, № 6, стр. 44.

¹⁸ П. Бессонов, Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта, т. I, М., 1871, стр. 118; А. Терещенко, Быт русского народа, т. VII, СПб., 1848, стр. 334.

Проводы масленицы в некоторых местах превратились в пародирующую погребальную процессию инсценировку, исполнителями которой были девушки и женщины.

«...Девушки берут зыбку или бельевое корыто и по размеру его делают большую куклу. Кладут ее, как в гроб, одетую в саван, подхватывают снизу полотенцами на плечи и несут по всей деревне. Впереди идет наряженная попом девушка, с льняной бородой, одетая в ситцевую ризу, в руках у нее пустой половник или на веревочке конфорка от самовара, изображающая кадило, несколько позади попа подобный же дякон или дячок, а сзади гроба группа девушек, оплакивающих покойника... Обычно поп импровизирует и смешит всех своими выдумками»¹⁹. После погребения масленицы устраивали поминальную трапезу.

Шуточный обряд «похорон масленицы» описан также в Калужской губернии. По сообщению, приведенному в работе П. В. Шейна, «похоронная процессия» сопровождалась шумом и весельем: «...шумит вся толпа,—кто во что горазд: кто плачет, кто воеет, кто хохочет, и т. д.»²⁰. Иногда по селу носили «покойничка» — живого человека, завернутого в белую простыню (Гамаюнщина Калужского края, Муромский уезд Владимирской губернии).

В областях Поволжья (Саратовской, 1848 г.²¹, Пензенской, 1895 г.²²) чучело выносили за околицу села и выбрасывали. В с. Зыково Саранского уезда Пензенской губернии за пределами деревни «пугало, мастерски свитое, сплетенное и обвернутое тряпьем, в один миг варварски уничтожается малыми ребятами, которые затем возвращаются в село, неся в руках те или другие атрибуты Масленицы»²³. В конце 1920-х годов в дер. Жарки Калужского района куклу относили за деревню, где ее раздевали²⁴.

Во Владимирской области еще в послевоенные годы наблюдались случаи изготовления чучела: в дер. Копнино Собинского района женщины однажды сделали мужское чучело и, посадив его на лошадь, возили в соседнюю деревню Жохово²⁵.

Заключительным действием проводов «масленицы» в ряде областей было ее сожжение. Вот как оно описано для Псковской губернии: «...проводят масленицу, т. е. сожигают чучело, изображающее масленицу, за деревней, на ближайшей горке, именно там, где и встречали масленицу... Чучело или привозят к костру прямо с катанья, или же насаживают его на высокий шест и торжественно приносят к месту сожжения. Сожигают чучело при пении подходящих песен, при громких криках» (1903 г.)²⁶.

В с. Федоровском Дмитровского края в конце 1920-х годов «масленицу», сделанную в рост человека и одетую в праздничное девичье платье, сажали на запряженную лошадь и возили по селу. «Поздно вечером масленичный поезд выезжает на озимь, где уже приготовлен костер для сожжения масленицы. Раньше масленицу сжигали в полном на-

¹⁹ М. И. Смирнов, *Куль и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде (по этнографическим наблюдениям)*, «Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея», вып. 1, 1927, стр. 22—23.

²⁰ П. В. Шейн, *Указ. раб.* стр. 333.

²¹ А. Терещенко, *Указ. раб.*, стр. 335.

²² Н. Н. Н-ов, *Масленица в Саранском уезде Пензенской губернии*, «Этнографическое обозрение», кн. XXIV, № 1, 1895, стр. 122—125.

²³ Там же.

²⁴ М. Е. Шереметева, *Масленица в Калужском крае*, «Сов. этнография», 1936, № 2, стр. 118.

²⁵ Архив Ин-та этнографии АН СССР, Фонд Владимирской экспедиции 1965 г., сообщение А. И. Кузьмичевой 1914 года рожд., дер. Цепелево.

²⁶ И. К. Копаневич, *Указ. раб.*, стр. 7, 8.

Рис. 1. Сожжение чучела масленицы (гравюра из книги: А. Е. Бурцев, Обзор русского народного быта Северного края, СПб., 1902, т. III, стр. 97)

ряде, теперь же стараются незаметно или совсем снять платье и платок, или заменить их тряпьем»²⁷.

В отдельных селениях Дмитровского края имелись семейные масленичные куклы. Их сжигали в последний день масленицы в печи или, разорвав на части, бросали скоту. Это происходило одновременно с сожжением общедеревенской масленицы²⁸.

Часто на масленицу делали просто костер из хвороста, дров, соломы, веников, повалившихся плетней, старых лаптей и других вышедших из употребления вещей, или сжигали колесо, обмазанное дегтем. «В разных местностях средней полосы накануне этих праздников (благовещения, масленицы, пасхи.— Г. Н.) сжигают солому постелей, на которых спали всю зиму»²⁹. После сожжения «масленицы» иногда зарывали пепел в снег³⁰, иногда раскидывали догорающие головни по озимым посевам, чтобы озимь весной взошла выше и гуще³¹.

Мы не будем здесь анализировать аграрно-магический смысл обрядов, так как на этом вопросе неоднократно останавливались различные авторы. Обратим внимание на территорию их бытования. Границы обряда «проводов масленицы» охватывают центральные области европейской России и Среднее Поволжье. Основные области средоточия обряда «проводов «масленицы» — Тверская, Костромская, Ярославская, Владимирская; к югу от Москвы выделяются Калужская и Рязанская области. Большим разнообразием обряд отличался в среднем Поволжье: Нижегородской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской губерниях. На северо-западе он наблюдался в Псковской губернии до Новгорода, на северо-востоке — в Вятской губернии³².

²⁷ А. Б. Зернова, Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае, «Сов. этнография», 1932, № 3, стр. 20.

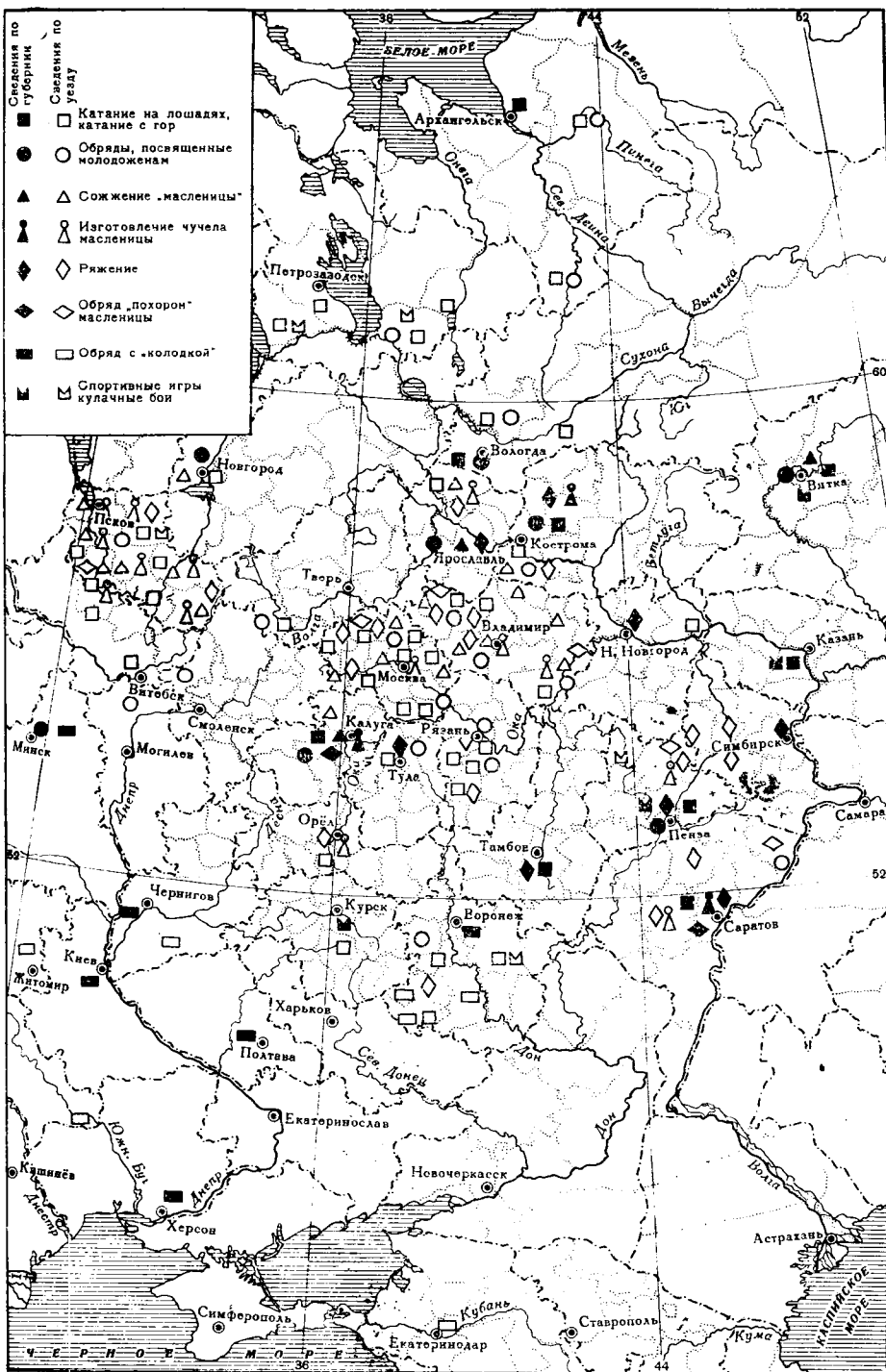
²⁸ Там же.

²⁹ Е. В. Аничков, Указ. раб., стр. 265.

³⁰ С. В. Максимов, Указ. раб., стр. 370.

³¹ А. Б. Зернова, Указ. раб., стр. 21.

³² Нужно отметить, что граница среднерусско-поволжского комплекса обрядов совпадает с границей среднерусских говоров.

Карта распространения элементов масленичной обрядности

Описание сожжения «масленицы» известно (для XIX — начала XX в.) в губерниях: Псковской (дата сообщения — 1903 г.)³³, Ярославской (1837 г.)³⁴, Костромской (1848 г.)³⁵, Владимирской (1854 г.)³⁶, Вятской (1849 г.)³⁷, Калужской (1929—31 гг.)³⁸, в отдельных деревнях Новгородской губернии (сообщения, относящиеся к последней, немногочисленны), а также в Пошехонье (1849, 1901 гг.)³⁹ и Дмитровском крае (1928 г.)⁴⁰.

Приведенные данные о степени распространения масленичных обрядов совпадают с выводами В. И. Чичерова относительно святочных обрядов. Среднерусская полоса и Поволжье характеризуются особыми святочными обрядами, основной чертой которых было отсутствие объединяющего эти обряды действия, что исследователь считает исконной чертой среднерусской новогодней обрядности. Москва и близлежащие области (Рязанская, Владимирская и др.) и земли Поволжья, с которыми столица была издавна связана водными путями, в XIX—XX вв. явились хранительницами древнего русского обряда колядования⁴¹.

Границы распространения обряда проводов масленицы можно сопоставить с границами овсеней, типично великорусской разновидности новогодних песен — заклятий урожая и благополучия семьи, имеющих общеславянское название «коляда». «Овсени не известны ни на великорусском севере, ни в Белоруссии, ни на Украине. Их северная граница проходит южнее б. Новгородской губернии (для районов Новгорода характерны колядки вообще без припева)... Далее граница идет по направлению к Казани, захватывая средние и южные районы бывших Тверской, Ярославской, Владимирской губерний... Выходя на Волгу, овсень распространяется по всему Поволжью... вплоть до Астрахани. Наиболее типичен овсень для районов, группирующихся вокруг Москвы, Владимира, Горького, Рязани»⁴².

В. И. Чичеров также отметил особенность обрядовой поэзии на русском Севере, который не знал исконного типа новогодней песни — «овсеня»; на Севере общеславянское обозначение «коляда» сменялось величальными песнями — «виноградьями», среди которых преобладали свадебные величания. Как было показано выше, масленица на Севере также не содержала основных аграрно-магических обрядов, которые являлись определяющими для среднерусской полосы. В северном варианте обрядности масленицы на передний план выступала тема брака и семейного благополучия.

Изучение границ распространения отдельных элементов календарной обрядности на примере праздника масленицы позволяет говорить о том, что в центральной России сложился обрядовый комплекс, характеризовавшийся преобладанием аграрной темы, в то время как на русском Севере эти виды обрядности почти не отмечены. Это подтверждает мысль В. И. Чичерова об образовании в средней России особого комплекса явлений культуры — «переходного», который сохранил многие традиционные черты древней культуры и стал истоком формирования национальной русской культуры. Дальнейшее изучение границ распро-

³³ И. К. Копаневич, Указ. раб., стр. 7—8.

³⁴ И. М. Снегирев, Указ. раб., стр. 131.

³⁵ А. Терещенко, Указ. раб., вып. VII, СПб., 1848, стр. 330—331.

³⁶ В. Борисов, Быт шуйских крестьян «Архив РГО», VI, № 20; В. Борисов, Сожжение масленицы, газ. «Владимирские губернские ведомости», 1854, № 33; К. Завойко, Версвания, обряды и обычаи великорусов Владимирской губернии, «Этнографическое обозрение», 1914, № 3—4, стр. 148.

³⁷ «Архив РГО», X, № 26.

³⁸ М. Е. Шереметева, Указ. раб., стр. 103.

³⁹ А. Архангельский, Указ. раб., стр. 43; А. Б. Балов, Очерки Пошехонья, «Этнографическое обозрение», кн. XLXIII, 1901, № 1, стр. 131.

⁴⁰ А. Б. Зернова, Указ. раб., стр. 20—21.

⁴¹ В. И. Чичеров, Указ. раб., стр. 163.

⁴² Там же, стр. 117.

странения обрядов всего годового цикла, видимо, с еще большей полнотой сможет подтвердить этот вывод.

При разнообразии областных форм праздник масленицы, состоящий из перечисленных в начале статьи элементов, с центральным обрядом «проводов» был типично великорусским праздником. В украинском календаре конца XIX в. обрядовые действия с куклой или чучелом на сырную неделю имели глубоко пережиточные формы. Как самую характерную черту масленицы в Малороссии, Н. Ф. Сумцов, один из исследователей украинской обрядности, отмечал «колодку», которая дала название всей украинской масленице, называемой «колодка», или «колодий». «Колодкой» служил обрубок дерева, завернутый в кусок холста. Главными участницами обряда были женщины. Они собирались в корчме и производили различные церемонии с «колодкой». Считалось, что в понедельник «колодка» нарождается, в последующие дни происходят крестины, смерть, похороны и оплакивание колодки⁴³. В течение масленичной недели женщины ходили по домам, где жили холостые мужчины и незамужние женщины, и привязывали им к ноге «колодку» в знак наказания за то, что они не «вступили в брак». Иногда деревянная «колодка» заменялась лентой или платком. Для того чтобы освободиться от «колодки», молодежь, «волочившая» ее, должна была откупиться от женщин водкой и закуской⁴⁴. В украинской масленичной обрядности первоначально присутствовал мотив похорон. В варианте обряда с «колодкой», описанном Н. Ф. Сумцовым, можно увидеть имитацию погребения и усмотреть связь «колодки» как объекта обряда с чучелом масленицы. Деревянный обрубок служил заменой куклы, ему, как и масленичной кукле, приписывалось влияние на плодородие и рождаемость. Поэтому «колодка» и превратилась впоследствии в орудие наказания молодежи за нереализованную возможность устройства семьи. В XIX в. «колодка» имела лишь последнее, переосмысленное значение. Обряд с «колодкой» бытовал в XIX в. в Херсонской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Волынской, Харьковской, Воронежской, Смоленской губерниях⁴⁵.

В Белоруссии комплекс элементов масленицы был ограничен. Как отмечали исследователи белорусской обрядности Е. Ф. Карский, П. В. Шейн, П. Бессонов, у белорусов на масленицу не встречалось многих обрядов, характерных для великорусов: не возили разукрашенных деревьев, чучел, изображавших масленицу; о кулачных боях ничего не было известно, лишь кое-где устраивали катание⁴⁶. Так же, как и на Украине, преобладали обряды семейно-родовые; прежде всего «чествование «молодой» — обычай «водить молодую» (описан в Могилевской губернии). Женщину, вышедшую замуж в прошедший мясоед, усаживали в сани и везли в корчму, где ее муж должен был угощать веселую компанию. Существовал также обычай посещения на масленицу пови-

⁴³ Н. Ф. Сумцов, Культурные переживания, журн. «Киевская старина», Киев, 1890, стр. 137—139.

⁴⁴ А. Сементовский, Очерк малороссийских поверий и обычаев, относящихся к праздникам, журн. «Молодик», ч. III, Харьков, 1843, стр. 102—103.

⁴⁵ П. П. Чубинский, Труды этнографо-статистической экспедиции в западно-русский край, т. III, СПб., 1872, стр. 7—8; П. Петров, О народных праздниках в юго-западной России, «Труды Киевской духовной академии», т. III, 1871, стр. 7—10; «Привязывание колодки», газ. «Терские ведомости», 1895, № 22, стр. 3; М. Дикарев, Масленица, газ. «Кубанские областные ведомости», 1895, № 30, февраль; Малинка, Местечко Веркиевка Нежинского уезда Черниговской губернии, «Этнографическое обозрение», кн. XXXVI, № 1, 1898, стр. 160; «Сырная неделя, по-малороссийски, масляна», «Архив РГО», IX, № 5; журн. «Живая старина», год V, вып. I—IV, СПб., 1895, стр. 32; С. А. Чернявская, Обряды и песни села Белозерки Херсонской губернии, «Сб. Харьковского историко-филологического общества», т. V, вып. 1, 1853, стр. 90—91; Н. Маркевич, Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян, Киев, 1860, стр. 2.

⁴⁶ Е. Ф. Карский, Белорусы, т. III, М., 1916, стр. 138; П. Бессонов, Указ. раб., стр. 135—136.

вальных бабок родителями с детьми, одаривания повитух пирогами, а также посещения новобрачными родителей⁴⁷. В Полесье полное сохранялась поминальная обрядность («дзяды»). В родительскую субботу (день поминовения умерших, предшествующий масленичной неделе) устраивали поминальный обед, или «вечеру», в последнее воскресенье сырной недели ходили на кладбище «прощаться» с покойниками⁴⁸. В ряде мест, преимущественно на границе с Украиной и Польшей, бытовал обряд с «колодкой»⁴⁹. Южновеликорусские области (Воронежская, Курская и др.), окраинные районы европейской России по Дону, Кубани, Тереку, заселенные смешанным казачьим населением, представляли в отношении масленичных обрядов переходную зону. Здесь ведущая роль принадлежала играм военного типа («городок», «иканцы»), кулачным боям, разнообразным состязаниям в ловкости и смелости. В районах с преобладанием украинского населения на масленицу «волочили колодку»⁵⁰.

Интересные выводы дает сопоставление границ распространения обряда «проводов масленицы» и территории бытования весенних земледельческих обрядов с мотивом «похорон». Обряды, аналогичные масленичным, наблюдались преимущественно весной (на троицу, духов день) и летом (на Ивана Купалу, 24 июня, Петров день, 29 июня). Они носили различные названия: 1 — «Похороны Костромы» — Владимирская губерния, Муромской уезд (Петров день), Курская губерния (троицын день), Саратовская, Симбирская, Пензенская, Самарская губернии (троицын, духов день); 2 — «Похороны Ярилы» — Костромская, Тверская, Воронежская губернии (Иванов день). А. Л. Погодиным было произведено исследование названий деревень, в результате которого он установил, что корень «ярило» в наименованиях деревень встречается только в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях, т. е. в тех местах, где наибольшую распространенность имели обряды «Ярилина цикла» — «похороны Ярилы», «похороны Костромы», «проводы масленицы»⁵¹. На Украине этим обрядам соответствовали «похороны Марены», «Марынки» — Харьковская, Полтавская губернии (Иванов день), обычай «водить тополи» (духов день), в Белоруссии — обряд «куст» (Витебская губерния).

В южнорусских областях был распространен обряд «проводов русалок», который назывался еще «проводами весны» (Рязанская, Тульская, Тамбовская, Саратовская, Астраханская, Нижегородская, Симбирская, Пензенская губернии)⁵². Как видно, область распространения указанных обрядов, совпадая с территорией обряда проводов масленицы, простирается далее на запад, охватывая Украину и отчасти Белоруссию.

При сравнительном изучении весенне-летних обрядов с уничтожением чучела обнаруживается большое сходство русских, украинских и белорусских обрядов с обрядами западных славян, особенно с хорошо описанным чешским обрядом «вынесения смерти». Исторические свидетель-

⁴⁷ П. В. Шейн, Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, т. I, ч. I, СПб., 1887, стр. 115—116.

⁴⁸ А. Н. Шимановский, Минская губерния и ее народное творчество в связи с описанием народных праздников и обрядов. Архив РГО, XX, 1898.

⁴⁹ Е. Ф. Карский, Указ. раб., стр. 138; «Остринский приход, Виленской губернии Лидского уезда», «Этнографический сборник», СПб., вып. 1, 1853, стр. 292.

⁵⁰ Г. И. Фомин, Кулачные бои в Воронежской губернии, Воронеж, 1926; П. Попов, Описание Уразовской волости Валуйского уезда, газ. «Воронежские губернские ведомости», 1864, № 48; Машкин, Быт крестьян Курской губернии, Обоянского уезда, «Этнографический сборник», СПб., 1862, № 5, стр. 106; М. Дикарев, Масленица (отрывки из малороссийского календаря), газ. «Кубанские областные ведомости», 1895, № 30; «Привязывание колодки», газ. «Терские ведомости», 1895, № 22.

⁵¹ А. Погодин, Несколько данных для русской мифологии XV в., «Живая старина», 1911, вып. III—IV, стр. 427—428.

⁵² Д. К. Зеленин, Очерки русской мифологии, вып. I, Пг., 1916, стр. 237—282; Н. Ф. Сумцов, Указ. раб., стр. 143—144.

Рис. 2. Похороны Костромы («Вестник археологии и истории», вып. XX, СПб., 1911, стр. 91)

ства о нем, народные предания, относящиеся к обычаю, сообщения о разнообразных формах бытования его в конце XIX в. собраны в работе известного чешского этнографа Ченека Зибрта⁵³. Зибрт подробно описал обряд «вынесения смерти» в Чехии, Моравии, Словакии, Валахии, Силезии (где обряд к концу XIX в. сохранился в наиболее чистом виде), а также в Германии. В русской литературе ранние упоминания об этом празднике встречаются еще у И. М. Снегирева⁵⁴, который отмечал, что обряд уничтожения чучела Моржаны, или Мораны (смерти), в начале весны был известен в Польше и Силезии, в Чехии. Церковные запреты Пражского Синода, направленные против этого обряда, относятся к XIV в., но он продолжал бытовать в Чехии еще в конце XIX в. Обряд состоял в том, что соломенную куклу Марену (Муренну, Муриенду) девушки и парни выносили за околицу села и разрывали на части (Словакия), а куски ее приносили обратно в деревню. Часто чучело «смерти» сжигали или топили в воде, кидали в него камни, чтобы «смерть» не преследовала людей. В Чехии «смерть» бросали и бежали от нее; при этом верили, что кто споткнется и упадет, тот не проживет и года, т. е. смерть настигнет этого человека. Часто при исполнении обряда «вынесения смерти» на место выброшенного чучела в село приносили зеленую ветвь — эмблему вечной жизни. Каждое село стремилось отделаться от куклы, так как «смерть никому не радость». Содержание песни, которая пелась при исполнении этого обряда, следующее: «Мы смерть унесем, новое лето принесем. Будьте веселыми, мы дождались лета. Помогите нам, бог, дай доброе лето для пшеницы и жита». Иногда «смерть» разрывали на куски, причем каждая хозяйка брала кусок соломы и клала под гусыню или курицу, чтобы они хорошо неслись⁵⁵. Подобный же

⁵³ Č. Zibrt, Vynašení «Smrti» a jeho vyklady, starši i novější, «Česky Lid», II, V Praze, 1893, стр. 453—472, 549—560.

⁵⁴ И. Снегирев, Указ. раб., стр. 28, 121—123, 143.

⁵⁵ Č. Zibrt, Указ. раб.

обряд, встречавшийся в конце XIX в. в австрийской Силезии, описан Дж. Фрэзером. Чучело выносили в поле за селение, где срывали с него все наряды и украшения. Толпа бросалась на него и начиналась борьба за клочки чучела. Каждый стремился захватить горсть соломы, которой приписывалось чудодейственное влияние, и унести ее в свой хлев. Церемонию «изгнания смерти» Фрэзер сближал по значению с обрядом «погребения Карнавала» (или погребения масленицы), отмечая несомненные черты сходства масленичной куклы с ведущими образами весенне-летних обрядов, олицетворявших смерть и возрождение растительности (Ярило, Кострюбенко, Кострома и другие). Он писал: «Следовательно, надо думать, что чучело, играющее центральную роль в церемонии, подвергающееся разрушению и называющееся Смертью, обладает животворящим и плодотворящим влиянием, способным передаться растительному и животному миру»⁵⁶. Обряд «вынесения смерти» отмечен Фрэзером во многих селах Баварии, Тюрингии, Саксонии, Силезии, Богемии, Моравии.

Работу по выявлению ареалов распространения различных элементов масленичной обрядности можно рассматривать как небольшую часть обширного по масштабам исследования — картографирования обрядности всего годового цикла русского аграрного календаря. Подобное исследование позволило бы проследить границы таких комплексов обрядности как троичко-семицкий, купальский, а также обрядов осеннего и зимнего периодов. Оно могло бы дать плодотворные результаты при установлении первоначальных областей бытования того или иного обряда, его древней этнической принадлежности, дало бы возможность проследить исторические и культурные связи между этническими общностями и глубже раскрыть происхождение, смысл и назначение календарных праздников.

Возможно также значительно расширить и географические рамки картографирования. Аграрные праздники были известны всем земледельческим народам на определенной фазе их исторического развития. Наука располагает многочисленными данными о национальных формах обрядов и их особенностях. Было бы интересно провести сравнительное изучение восточнославянских обрядов с западнославянскими, общеславянских обрядов с календарными обрядами европейских народов. Но эту работу предстоит еще сделать в будущем, она потребует усилий большого коллектива ученых.

SUMMARY

An attempt is made at mapping Russian calendar rituals of the XIX and early XX centuries as exemplified by the spring agricultural carnival festival — the *Maslenitsa*. The study deals mainly with Great Russian rituals; Ukrainian and Byelorussian data is cited for purposes of comparison. Two complexes of *Maslenitsa* ritual are distinguished within European Russia: that of the Northern and that of the Central Russia and Volga Region; the geographical distribution of each is traced. Boundaries of various rites are compared with those of analogous spring and summer ritual cycles. A comparison of Eastern Slav calendar rituals with those of the Western Slavs shows indubitable features of similarity between them which lead to the conclusion of their common origin.

⁵⁶ Д. Фрэзер, Золотая ветвь, вып. III. Умиравшие и воскресающие боги растительности, «Атеист», 1928, стр. 28.

Д. Е. Еремеев

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ТУРЕЦКОЙ НАЦИИ

В первой половине XIX в. в Турции¹ сложилось парадоксальное, на первый взгляд, положение. Буржуазные отношения начали довольно быстро развиваться не среди господствующей народности — турок, а среди угнетенных немусульманских народов. Это было вызвано целым рядом исторических причин. Бесспорно, турки как мусульмане и господствующая народность в мусульманской феодально-теократической монархии, какой была Османская империя², находились в привилегированном положении, в частности платили гораздо меньше налогов и пользовались гораздо большими юридическими правами, чем немусульмане. Тем не менее турки сильно отставали в экономическом, социальном и культурном развитии от многих народов Турции, главным образом немусульманских.

Переселившиеся в Анатолию в XI—XIII вв. тюрки-кочевники, этот определяющий компонент формирования турецкой народности³, переходя на оседлость, должны были осваивать ранее неизвестную им высокую и очень разнообразную земледельческую культуру коренных народов, их навыки хозяйствования, выработанные в течение столетий и приспособленные к локальным географическим условиям⁴. Подобное освоение требовало много времени, и хозяйственно-культурное развитие турок, естественно, отставало по сравнению с местными народами, владевшими издревле этими навыками и развивавшими их дальше. К тому же господствующий класс турецких феодалов, вышедших, как правило, из кочевой знати, отличался крайне паразитическим образом жизни. Большинство феодалов считало гораздо более выгодным (и более «почетным») занятием грабеж завоеванных народов, чем ведение собственного хозяйства. Эксплуатируя крестьян, турецкие феодалы применяли самые примитивные методы насилия. К. Маркс характеризовал турецкого феодала середины XIX в. как стоящего «на самой низкой и варварской ступени феодализма»⁵. Ремеслами и торговлей — именно теми

¹ В статье понятие «Турция» охватывает территорию современной Турецкой республики — Восточную Фракию и Анатолию, т. е. тот ареал, где складывалась турецкая нация, а не всю территорию Османской империи, большинство которой населяли иные этнические общности — арабы, курды, народы Балканского полуострова.

² Османский султан являлся одновременно и халифом — духовным главой мусульман-суннитов, а ислам в Османской империи охватывал идеологическую, государственно-политическую, административно-фискальную, судебную, военную и бытовую сферы деятельности. У мусульман были свои, отдельные от немусульман, уголовные и гражданские суды, действовавшие на основе шариата (мусульманского права), свои школы. Османская армия, административный аппарат состояли исключительно из мусульман.

³ Другим ее компонентом были исламизированные и тюркизированные группы местного населения Анатолии — греков, армян, лазов, грузин, а также курдов, арабов и некоторых народов Балканского полуострова — смешавшиеся с турками.

⁴ Конечно, это обстоятельство ни в коей мере не умаляет хозяйственно-культурных достижений самих тюрков, создавших очень развитый хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства. Но этот тип резко отличался от того, к которому тюрки стали переходить в Анатолии.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 6.

отраслями экономики, где скорее всего мог взречь капиталистический уклад,— мусульмане, и в том числе турки, почти не занимались. В Анатолии ремесленниками и торговцами были главным образом греки и армяне. Они опирались на традиции древнего населения Малой Азии, у которого издавна были развиты ремесла и торговля. А турки, особенно феодалы, к тому же считали занятия торговлей и ремеслами зазорным для себя делом, предпочитая военную, гражданскую или духовную службу. Кроме того, для турецкого крестьянина путь в ремесленники или торговцы был закрыт еще и потому, что у него не было для этого ни необходимых навыков, ни капиталов. Освоению турками ремесел препятствовала и система средневековых цехов, где царила религиозная обособленность. Цехи отдельных религиозных групп — православных, армян-григориан, католиков — допускали в свои ряды только единоверцев и строго охраняли секреты производства⁶. Среди турок почти не было ростовщиков. В этом, безусловно, сыграл роль и запрет ислама ссужать деньги под проценты, таким образом еще один путь первоначального накопления капитала был закрыт для тех турок, которые строго придерживались догматов веры. Наконец, огромной тяжестью ложилась на турок, особенно крестьян, воинская повинность. До 1909—1910 гг. только мусульмане имели право нести военную службу, причем турки составляли 3/4 численности армии. Это вело во время войн к убыли численности мужчин-турок, главным образом крестьян, а в мирное время — к отрыву их от хозяйства, что сильно било по экономике крестьянской семьи. Короче, предпосылки для развития капиталистических отношений возникли раньше среди нетурецкой и немусульманской части населения Турции — в среде национальных меньшинств, у которых была широкая прослойка торговцев, ростовщиков и ремесленников⁷.

Поэтому понятно, что с началом развития капитализма в Анатолии буржуазия стала возникать раньше у национальных меньшинств, преимущественно у греков и армян, т. е. первая буржуазия Турции была нетурецкой по национальной принадлежности. Хотя в первые десятилетия XIX в. в Турции появилась примитивная капиталистическая домашняя промышленность, существовали отдельные крупные мануфактуры и фабричные предприятия⁸, была развита добывающая промышленность, уровень развития производительных сил в целом по стране был еще очень низок. Промышленность, за исключением стамбульской, находи-

⁶ Такое положение привело к тому, что в некоторых отраслях ремесла даже в начале XX в. турок вообще не было. Так, С. И. Аралов описывает, как он в 1923 г., во время войны Турции за независимость, посетил турецкую военную школу кузнецов: «...Странным покажется, что в Анатолии среди турок в то время не было своих кузнецов. Лошадей ковали ремесленники — греки, армяне. Теперь греки воевали против турок, с армянами также не было дружбы. Лошади страдали от неумелойковки. И вот в армии стали создавать краткосрочные школы для обучения кузнечному делу». См.: С. И. Аралов, Воспоминания советского дипломата, М., 1960, стр. 96, 97.

⁷ Передовая культура и ее техническое обеспечение также развивались быстрее среди немусульман. Первая типография в Турции появилась у евреев в 1494 в., армянская типография открылась в Стамбуле в 1565 г., греки создали свою типографию в Турции в 1627 г., и только в 1729 г. была напечатана первая турецкая книга (причем первопечатником был венгр, принявший ислам, — Ибраим Мютефферика). См.: А. Д. Желтяков, Начальный этап книгопечатания в Турции, «Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение)», М., 1968, стр. 47, 49, 58. Позже, когда книгопечатание развилось довольно широко, турецкая печать продолжала отставать от нетурецкой: в начале 70-х годов XIX в. в Османской империи издавалось 47 газет и журналов, из них лишь 13 — на турецком языке. Все это было следствием общего более низкого культурного уровня турок и, в свою очередь, еще больше тормозило его рост: в начале XX в. 90% турок оставались неграмотными, тогда как среди греков неграмотных было 50%, среди армян — 33%. См. А. Д. Новичев, Турция. Краткая история, М., 1965, стр. 57, 133, 134.

⁸ А. Д. Новичев, Очерки экономики Турции до мировой войны, М.—Л., 1937, стр. 98.

лась на стадии ремесла и мелкого товарного производства; мануфактуры были мало развиты, преобладал скупщик; рынок отличался большой разобщенностью, усугублявшейся трудными для развития путей сообщения географическими условиями в Восточной Анатолии⁹. Ряд довольно крупных промышленных предприятий не был чисто капиталистическим: на многих рудниках работали приписанные к ним христиане — греки, армяне, а не наемные рабочие¹⁰; часть рудников была не капиталистической собственностью отдельных лиц, а арендовалась ими у правительства¹¹; крупнейшие предприятия стамбульской промышленности, обслуживавшие в основном нужды армии и флота, принадлежали государству и были организованы на военно-административных началах¹².

Таким образом, отсутствовала основная предпосылка для формирования как единой «османской» нации, так и отдельных наций — турецкой, армянской, греческой, курдской на территории Турции, — достаточно высокий уровень развития производительных сил. Кроме того, дальнейшее промышленное развитие Турции сразу же столкнулось с конкуренцией иностранных товаров. При этом эта конкуренция происходила в условиях все возрастающего экономического закабаления Османской империи западноевропейскими державами.

В силу кабальных соглашений, навязанных этими державами, Турция была лишена единственного оружия против конкуренции, к которому обычно прибегали слабые в промышленном отношении государства, — оружия протекционизма. Она не имела права ни увеличить пошлины, ни обложить иностранную торговлю налогами, ни привлечь иностранца, имеющего тяжбу с османским подданным или даже совершившего преступление, к турецкому суду.

В торговле с иностранцами очень большую роль играла компрадорская буржуазия, опять-таки преимущественно греческая, армянская, еврейская, а во Фракии — и болгарская. Связанная с иностранным капиталом, она меньше страдала от конкуренции иностранных товаров. О росте этой буржуазии говорят многочисленные свидетельства очевидцев того времени — путешественников и исследователей¹³. Это отметили также К. Маркс и Ф. Энгельс: «Кто ведет торговлю в Турции?... Во всяком случае не турки... Греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю»¹⁴.

Дальнейший рост буржуазии среди армян и греков привел к тому, что экономические предпосылки для формирования буржуазной нации возникли прежде не у турецкой народности, а у этих угнетенных национальных меньшинств. Развитие национального самосознания армян и

⁹ А. Д. Новичев, *Очерки экономики...*, стр. 23; Экспедиция И. Черника, «Известия Кавказского отд. ИРГО», т. VI, Приложение, Тифлис, 1879, стр. 194, 195, 198.

¹⁰ М. П. Вронченко, *Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии*, составленное русским путешественником М. В., СПб., 1839—1840, ч. I, стр. 134, 135, ч. II, стр. 36, 129.

¹¹ В. Дж. Пальгрэв, *Анатолийские области*, «Известия Кавказского отд. ИРГО», т. VII, № 2, Приложение, 1882, стр. 19, 22.

¹² А. Убичини, *Изображение современного состояния Турции в географическом, статистическом, религиозном и военном отношениях*, СПб., 1854, стр. 119—122.

¹³ М. П. Вронченко, *Указ. раб.*, ч. II, стр. 242, 263, 281; В. Дж. Пальгрэв, *Указ. раб.*, стр. 18, 85; К. Мак-Коан, *Наш новый протекторат. Описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии*, М., 1884, стр. 109, 364; Д. В. Путята, *Записка о Малой Азии*, СПб., 1896, стр. 20, 33; Ю. Казн-Бек, *Современная Турция*, СПб., 1897, стр. 96; П. Томилов, *Отчет о поездке по Азиатской Турции в 1904 г.*, СПб., 1907, ч. I, стр. 38; И. И. Голобородько (Южанин), *Старая и новая Турция*, М., 1908, стр. 149; К. Гуман, *Об этнологии Малой Азии*, «Известия Кавказского отд. ИРГО», т. VI, Приложение, Тифлис, 1879—1881, стр. 54, 56, 58, 60.

¹⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 9, стр. 25.

греков, как и вызревание у них идей национализма, ускоряла и успешная борьба балканских народов против турецкого господства.

У турок же сознание этнической принадлежности часто подменялось сознанием принадлежности к мусульманской общине. Вообще в тех условиях, когда правовое положение каждого подданного Османской империи во многом определялось его принадлежностью к той или иной религиозной общине¹⁵, часто понятия этнической (национальной) и даже государственной принадлежности подменялись понятиями конфессиональными. Даже во второй половине XIX в. «национальное самосознание было подчинено религиозному; подданный Османской империи (имеется в виду турок.—Д. Е.) редко называет себя турком или хотя бы османцем, но всегда мусульманином»¹⁶. И в начале XX в., по свидетельству турецкого исследователя М. Э. Эриширгили, турками называли только турецких крестьян, горожане же называли себя мусульманами¹⁷. Все эти причины привели к тому, что наряду с отставанием турок от христианских национальных меньшинств в социально-экономическом и культурном отношении они отставали и по уровню развития национального самосознания.

До 60—70-х годов XIX в. не существовало четкой идеологии турецкого национализма. Среди представителей правящего класса (к нему, кроме турецких феодалов и бюрократической верхушки, принадлежали, и выходцы из других мусульманских народностей — курды, арабы, албанцы, боснийцы и др.) господствовала идеология исламизма, своего рода мусульманского космополитизма, отрицавшего национальные особенности мусульманских народов и стремившегося исламизировать немусульманские народы с целью создать в Турции и даже в Османской империи «единую мусульманскую нацию». Национальные различия в представлении исламистов не играли существенной роли. Главной была, по их мнению, религиозная принадлежность. В дальнейшем исламизм турецких правящих кругов перерос в панисламизм.

В последней четверти XIX — первые годы XX в. главным историческим фактором, изменившим во многом классовые отношения и повлиявшим на национальные процессы в Турции, было превращение Турции в аграрно-сырьевой придаток крупных империалистических стран, что сопровождалось развитием сельскохозяйственного производства, особенно производства технических культур. Рост разделения труда и зарож-

¹⁵ А. Убичини, П. де Куртейль, Современное состояние Оттоманской империи, СПб., 1877, стр. 53.

¹⁶ К. Мак-Коан, Указ. раб., стр. 119.

¹⁷ М. Э. Ериширгил, *Türkçülük devri, milliyetçilik devri, insanlık devri*, Ankara, 1958, стр. 119.

Религиозное самосознание (сознание принадлежности к христианским общинам) как своего рода национальное самосознание, наряду с памятью о своем этническом происхождении, сохранялось очень долго даже у тех греков и армян, которые были почти полностью ассимилированы турками и утратили свой язык. В 30-е годы XIX в. армяне в городах Западной и Центральной Анатолии не знали родного языка, говорили только по-турецки, в личной переписке писали на разговорном турецком языке армянскими буквами, в школе учились читать и писать по-турецки армянскими буквами, но не учили турецкой азбуки. Больше того, в церкви священники совершали богослужение на турецком языке «по книгам, напечатанным армянскими буквами». Примерно такое же положение сложилось у греков многих внутренних районов Анатолии. В семье они говорили по-турецки, в школах обучались читать и писать по-турецки, но греческими буквами, священники служили в церкви по книгам, написанным или напечатанным по-турецки греческими буквами. См.: М. П. Вронченко, Указ. раб., ч. II, стр. 29, 232, 241. Эти явления у некоторых групп греков отметил еще в 1730 г. русский путешественник В. Г. Барский. См.: В. И. Ламанский, О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании, СПб., 1859, стр. 18. Преградой же к переходу на турецкую (фактически арабскую, так как до 1928 г. турецкий алфавит был основан на арабской графике) письменность было различие в религиях: турецкая письменность своим происхождением была связана с исламом, армянская же и греческая воспринимались как атрибуты армяно-григорианской и греко-православной церквей, что усугублялось еще и церковным характером школьного образования.

дение капиталистических отношений в сельском хозяйстве привели к усилению классовой дифференциации в деревне. Начала формироваться сельская буржуазия (кулаки, а также помещики, переходившие к капиталистическим методам хозяйствования) появился сельскохозяйственный пролетариат. В городах строились фабрики, нужные иностранному капиталу. Началось строительство железных дорог, также необходимых иностранным капиталистам для эксплуатации ресурсов Турции. Это способствовало развитию производительных сил, укреплению экономических связей между отдельными районами и складыванию общетурецкого рынка.

Однако все существенное в промышленности Турции принадлежало иностранцам. В Анатолии, писал И. И. Голобородько, образовался слой турецкой промышленной буржуазии. Но все выгоднейшие промысла и концессии были уже захвачены иностранцами. Турецкие промышленники ни в коей мере не могли успешно конкурировать с ними¹⁸. Сильны были и позиции инонациональной буржуазии. «Банки и нарождающиеся промышленные предприятия ведутся греками, армяне делают торговые дела... Теперь турки спохватились и рады бы конкурировать и с османскими христианами, и с европейцами, и с левантинцами, но нет у них для этого ни навыка, ни денег»¹⁹. Пролетариат также был в основном нетурецким по национальности. «Среди рабочих мало турок. В Стамбуле, например, на табачной фабрике... из 2,5 тысяч рабочих только 200 турок»²⁰. Среди интеллигенции также было мало турок. Инженерами, врачами, адвокатами были главным образом греки и армяне, получившие образование на Западе²¹.

Такое развитие производительных сил и социальных отношений в Турции в последней четверти XIX — начале XX в., приведшее к наибольшему росту капиталистических отношений не среди турок, а среди угнетенных национальных меньшинств, неизбежно порождало определенное противоречие, все более усугублявшееся еще и тем, что турецкая национальная буржуазия, хотя и медленно, с большим опозданием, но все же также начала развиваться. Это противоречие, проявлявшееся вначале лишь как экономическое, впоследствии неминуемо должно было вылиться в противоречие политическое, должно было идеологически оформиться в виде буржуазно-националистических течений.

В самом деле, торговлей товарами внутреннего производства, особенно производства турецких предприятий, занимались и турецкие купцы. «В портовых городах большая часть лавок на базарах в руках греков и армян, реже евреев... Но чем дальше углубляться в Анатолию, тем больше торговцев-турок, главным образом мелких...»²². Масштабы этой торговли были меньше, чем у торговли импортными товарами, тем более, что последняя кредитовалась иностранными фирмами. Торговцы-

¹⁸ И. И. Голобородько, Указ. раб., стр. 212.

¹⁹ А. Тыркова, Старая Турция и младотурки, Пг., 1919, стр. 131, 132.

²⁰ Общая численность пролетариата в Турции накануне первой мировой войны равнялась 50 тысячам человек. См.: А. Д. Новичев, Очерки экономики..., стр. 112.

²¹ А. Тыркова, Указ. раб., стр. 132; А. Д. Новичев, Турция, стр. 114. В этом сказалось очень сильное отставание народного образования в Турции, особенно специального и высшего. Образование мусульманского населения было в руках духовенства. Специалистов — врачей, инженеров из числа турок и других мусульман — готовили только военные училища, общий уровень подготовки в которых был не выше среднеобразовательных школ. Для получения образования на Западе турок командировалось очень мало, причем это были главным образом офицеры. В 1869 г. был принят закон о всеобщем обязательном бесплатном начальном образовании, создании сети средних школ и открытии университета (он начал работу лишь в 1900 г.). Но этот закон стал положительно влиять на развитие просвещения в Турции только несколько лет спустя. См. А. Д. Новичев, Турция, стр. 132, 133.

²² И. И. Голобородько, Указ. раб., стр. 18, 149.

турки концентрировались во внутренней Анатолии²³. Кроме того, крупные и мелкие помещики-турки, сельские богатеи, эксплуатируя крестьян полуфеодальными методами, постепенно приобщались и к торговле. Они открывали в городах лавки и магазины, стремились умножить свои богатства при помощи и более крупных торговых и финансовых операций²⁴. Иными словами, нарождавшаяся турецкая буржуазия с первых своих шагов натолкнулась на препятствие, не сразу ею осознанное, но вполне ощутимое по конкретным результатам. Непосредственным виновником создавшегося положения турецкая буржуазия считала султана, сделавшего турок бесправными в их собственном доме. Выразителем этого, на первых порах еще смутного, недовольства стала турецкая интеллигенция, по происхождению феодально-бюрократическая, по идеологии — уже буржуазная²⁵. Она же явилась распространительницей первых идей турецкого национализма.

Возникновение турецкого национализма относится к 60-м годам XIX в. — это движение «новых османцев» (ени османлылар), конституционных монархистов, желавших провести ряд буржуазных реформ²⁶. Национализм «новых османцев» был еще очень неопределенен и сводился главным образом к движению за очищение турецкого языка от заимствованной арабской и персидской лексики²⁷. Под влиянием идей «новых османцев» появилась художественная проза, которая в прошлом почти отсутствовала. Развивалась драматургия, отходила от закосневших традиционных форм поэзия. Новая литература часто была проникнута патриотическим содержанием, иногда пропагандировала равенство в буржуазном понимании. Знаменателен был сам факт пропаганды турецкого языка, стремление очистить его от непонятных простому народу заимствованных слов, приблизить к разговорному. До «новых османцев» понятия «турецкий язык», «турок» для представителей османского господствующего класса служили синонимами всего грубого, «мужицкого»; турками в правящих кругах называли «простонародье», турецких «мужиков». С другой стороны, многие руководители «новых османцев» хотели использовать в целях сохранения Османской империи и доктрину панисламизма²⁸.

Пытаясь сочетать идеи панисламизма с еще нечеткими идеями национализма, «новые османцы» проповедовали любовь к «османскому отечеству», выдвинули лозунг создания «османской нации», которая, по их мысли, должна была включить в себя как мусульман, так и христиан империи. Таким образом, их идеология была очень расплывчатой и противоречивой. Но они считали, что именно турки должны сementировать «османскую нацию». Так появилась концепция османизма — своего рода смесь идей нарождавшегося турецкого национализма с панисламизмом.

²³ А. Д. Н о в и ч е в, Очерки экономики..., стр. 122.

²⁴ А. Ф. М и л л е р, Краткая история Турции, М., 1948, стр. 84.

²⁵ А. Ф. М и л л е р, Указ. раб., стр. 84—85.

²⁶ Ю. А. П е т р о с я н, «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958.

²⁷ Литературным и официальным письменным языком в Османской империи был так называемый османский язык (османлыджа). Лексика в нем была в основном арабской и персидской, а грамматический строй хотя и был преимущественно турецким, но включал в себя очень много элементов арабской и персидской грамматик. Этот язык был понятен лишь образованной верхушке, широкие слои турецкого народа его не понимали.

²⁸ Панисламизм, отражавший интересы феодально-клерикальной верхушки Османской империи, стал в конце XIX в. государственной идеологией, обосновывавшей сохранение единства империи, порабощение правящим классом ее народов. Вместе с тем идеология панисламизма использовалась и как средство для борьбы с засильем европейских капиталистических держав в Османской империи и на всем мусульманском Востоке. Но по мере своего развития панисламизм турецких правящих кругов приобретал все более реакционный и даже агрессивный характер, служа таким внешнеполитическим целям, как объединение всех мусульман мира под властью османского султана-халифа, подавление и даже уничтожение христианских национальных меньшинств.

В 1876 г. «новым османцам» удалось добиться принятия первой турецкой конституции, где наглядно отразились и их идеологические установки по национальному вопросу²⁹. Однако в 1878 г. султан Абдьюльхамид II разогнал парламент, упразднил конституцию и объявил себя неограниченным монархом. К этому времени Османская империя окончательно превратилась в полуколонию иностранного капитала.

Несмотря на то, что национальные и религиозные противоречия, использовавшиеся Абдьюльхамидом и реакцией, мешали объединению всех антифеодальных сил, прогрессивные элементы многих национальностей начали борьбу против тирании Абдьюльхамида. Результатом этой борьбы явилась младотурецкая революция 1908 г. Эта революция не означала преобразования Турции в буржуазное государство. Младотурки, добившись восстановления конституции, сочли борьбу законченной. Они оказались неспособными разрешить задачи буржуазно-демократической революции, не допустили развертывания аграрной революции и жестоко расправились с начавшимся рабочим движением³⁰. Младотурецкое движение свидетельствовало вместе с тем, что процесс складывания турецкой буржуазной нации вступил в новую фазу. Экономические предпосылки для национальной консолидации турок уже существовали: в Анатолии народилась турецкая торговая буржуазия, укреплялись экономические связи между отдельными районами Анатолии и Восточной Фракии, где большинство населения составляли турки.

Вначале идеологией младотурок в национальном вопросе был османизм. До прихода к власти младотурки обещали другим народам империи признать их право на самостоятельное существование в рамках османского государства. Это было вызвано тем, что империя разваливалась под ударами национально-освободительного движения народов Балкан, армян, арабов и др. Но все эти народы, по мысли младотурок, должны были остаться под эгидой Турции, влиться со временем в «османскую нацию»³¹.

После прихода младотурок к власти их идеология османизма быстро превратилась по сути в неприкрытый турецкий национал-шовинизм, непримиримый к другим народам империи, особенно христианским. Это объяснялось тем, что приход к власти младотурок вскрыл глубокие противоречия между турецкой и инациональной буржуазией. Буржуазия национальных меньшинств повела борьбу за административную децентрализацию, имея в виду добиться в дальнейшем полного отделения от империи. Это встретило решительное сопротивление турецкой буржуазии. К тому же в самом младотурецком движении после революции произошли перемены — в нем все больше сдерживали верх «правые» группировки.

Теперь лидеры младотурок заявили, что отныне в империи нет отдельных национальностей — «все равны и все османцы» — и повели кампанию по «османизации» всего населения, т. е. стали осуществлять исламизацию и туркизацию инациональных групп³².

²⁹ Так, статья 8 — «Все подданные империи называются османцами без различия вероисповеданий» — отражала принцип османизма, ст. 11 — «Ислам есть государственная религия» — проводила в жизнь идеи исламизма, а статьи 18 — «Допущение к общественным должностям обусловлено знанием турецкого языка, который является официальным языком государства», 57 — «Прения в парламенте происходят на турецком языке» и 68 — «Не могут быть избраны депутатами... лица, не знающие турецкого языка, ...лица, претендующие на принадлежность к чужой национальности» — говорили о турецком национализме «новых османцев». См.: А. Убичини, П. де Күртейль, Указ. раб., стр. 216—217.

³⁰ А. Ф. Миллер, Буржуазная революция 1908 г. в Турции, «Советское востоковедение», 1955, № 6.

³¹ E. Sarpolvo, Ziva Gökalp. İstanbul, 1943, стр. 68.

³² В резолюции пленума ЦК партии младотурок (1911 г.) говорилось: «Империя должна стать мусульманской. Надо отказать инородческим элементам в праве иметь

Кризис османистской идеологии, не имевшей под собой реальной почвы, наступил скоро. Завершающий удар по ней нанесли триполитанская и балканские войны и восстания арабов. В этих условиях младотурки берут на вооружение идеологию пантюркизма, которая внутри империи была направлена на поглощение национальных меньшинств, а во внешней политике служила средством для присоединения земель, населенных тюркскими народами, к Турции.

Пантюркистская идеология развилась на базе молодого турецкого национализма, получившего вначале название «тюркчюлюк» — термин, имевший двойной смысл. В нем были скрыты два совершенно разных понятия: туркизм (турецкий национализм) и тюркизм (пантюркизм), ибо тюрк по-турецки значит и турок, и тюрк. За этим двойным значением терминологии скрывалось двойственное содержание зародившегося национализма. Турецкая буржуазия, как и всякая буржуазия угнетенной нации (а Турция к тому времени уже превратилась в полуколонию империалистических держав), с одной стороны, была носителем исторического прогресса — боролась против феодализма, засилья иностранного капитала, своего неправомерного положения, культурной отсталости страны, стремилась убрать преграды с пути капиталистического развития Турции, а с другой — она не только несла своему народу капиталистическую эксплуатацию и стремилась к обогащению за счет турецких трудящихся масс, но ей были присущи и стремление к угнетению других народов, к экспансии, к захвату чужих территорий³³. Эти стремления маскировались шовинистической идеологией. В конкретных исторических условиях того времени турецкий национализм (тюркчюлюк) имел у младотурок двойственный характер, а в последний период их политической деятельности окончательно выродился в пантюркизм³⁴.

Пантюркизм младотурок тесно переплетался с панисламизмом. Во-первых, в пантюркистской пропаганде они использовали в своих целях и религиозные чувства тюрков-мусульман, а во-вторых, подобно тому, как это делали османские султаны, пытались опереться на панисламизм в борьбе против национального движения арабов и курдов за независимость. Таким образом, национализм младотурок все еще не был свободен от религиозных наслоений, что говорило о его незрелости, отражавшей объективные условия, — еще неполное завершение консолидации турок в нацию.

Вместе с тем национальное самосознание турок становилось все более четким, особенно в среде турецкой интеллигенции. А. Тыркова записала очень характерное, с этой точки зрения, высказывание одного видного турецкого писателя в 1911 г.: «Турок забыл свое происхождение. Спросите его, кто он? Он скажет, что он мусульманин. От него все отняли, даже язык. Вместо здорового, простого турецкого языка ему дают чужой, непонятный, испещренный персидскими и арабскими словами»³⁵. Интересна и ее характеристика турецких прогрессивных интеллигентов: «Старая религиозность мусульманства отпала от них, а на место ее рождается доведенная до религиозности любовь к родине»³⁶. Росту национального самосознания турок способствовало также то, что после младотурецкой революции получило некоторое развитие

свои особые национальные организации. Распространение турецкого языка есть превосходное средство для установления господства мусульман и для ассимиляции ино-родческих элементов». См.: «L'Asie Française», 1917, № 171, стр. 174.

³³ Э. Ю. Гасанова, К истории журнала «Тюрк Юрду», «Изв. АН АзербССР», серия обществ. наук, 1959, № 6, стр. 133; ее же, Прогрессивные мотивы в журнале «Тюрк Юрду», там же, 1961, № 3, стр. 149.

³⁴ N. Berkes, The development of secularism in Turkey, Montreal, 1964, p. 364.

³⁵ А. Тыркова, Указ. раб., стр. 175.

³⁶ Там же, стр. 157.

просвещение: число начальных школ увеличилось с 28 615 в начале XX в. до 36 230 в 1910 г., расширилось и среднее образование, были организованы первые женские средние школы, открылся ряд новых факультетов в Стамбульском университете³⁷. Появились первые учебники на турецком языке. Многие писатели все больше приближали язык своих произведений к народному турецкому языку. В 1914 г. в Стамбуле открылся турецкий театр. В литературе все больше места занимали патриотические темы, хотя некоторые произведения отражали и пантюркистские идеи.

Существенные изменения в экономику Турции внесла первая мировая война. Хотя турецкое сельское хозяйство в целом в годы войны пришло в упадок (главным образом за счет деградации бедняцких и середняцких хозяйств), деревенские богачи наживали огромные прибыли, поставляя продукты армии и занимаясь спекуляцией. Приобретенный капитал они вкладывали в торговлю и даже промышленность³⁸. Турецкая торговая буржуазия, помещики и кулаки усилились и в связи с вывозом продуктов сельского хозяйства в Германию и Австрию, на стороне которых воевала Османская империя. Этот экспорт, являвшийся в сущности беспощадным выкачиванием турецкого сырья, оказался выгодным для турецкой торговой буржуазии, получившей впервые доступ к внешним рынкам. Компрадорская же (как правило, нетурецкая по национальности) буржуазия, связанная с внешней торговлей стран Антанты, сильно ослабла из-за полного прекращения торговых связей с этими странами. Эту буржуазию ослабляла и националистическая политика младотурок, проводивших в отношении инонациональной буржуазии дискриминационные экономические мероприятия (повышенные налоги, реквизиции и т. п.)³⁹, не говоря уже о прямых репрессиях против армян.

Большие перемены произошли и в промышленности. Ее отрасли, связанные с экспортом и импортом (и контролируемые инонациональной буржуазией), резко сократили производство. А промышленность, обслуживавшая нужды армии и внутреннего потребления, получившая рынок, свободный от конкуренции иностранных товаров в связи с почти полным прекращением импорта и поощряемая протекционистской политикой младотурок, получила определенное развитие. Стали создаваться мелкие предприятия по снабжению армии сукном, одеждой, обувью, а также работавшие на внутренний рынок. По условиям военного времени они возникали не в портовых городах, а в глубинных районах Анатолии, а там как раз преобладало турецкое население и уже существовала, хотя еще и слабая, турецкая буржуазия. Оккупация войсками противника окраинных районов империи, падение роли портов в экономике содействовали тому, что экономические связи развивались в основном в Анатолии, где окончательно сложился единый внутренний рынок⁴⁰.

Имелись все условия для завершения консолидации турецкой буржуазной нации. Политические результаты этого процесса не замедлили сказаться. Правда, они проявились во всей силе лишь после окончания войны, во время иностранной интервенции, когда турецкая буржуазия, охраняя свой, хотя бы и незначительный по размерам капитал, выступила против империалистических захватчиков под лозунгом национально-освободительного движения турецкого народа⁴¹.

³⁷ А. Д. Новичев, Турция, стр. 134.

³⁸ А. Д. Новичев, Экономика Турции в период мировой войны, М.—Л., 1935, стр. 32.

³⁹ Там же, стр. 68.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ А. Ф. Миллер, Краткая история Турции, стр. 160—162.

После Октябрьской революции в России, вызвавшей подъем антиимпериалистической борьбы в колониальных и зависимых странах, турецкий народ также поднялся на борьбу. Основной силой этой борьбы стало крестьянство. Еще во время мировой войны сотни тысяч турецких солдат, не желая сражаться за чуждые им цели германских империалистов и пантюркистских экспансионистов, вернулись с оружием в свои деревни и создали в Анатолии многочисленные партизанские отряды. В 1918—1919 гг. эти отряды первыми начали вооруженную борьбу с оккупантами⁴². Рабочий класс Турции был слишком малочислен и политически слаб, чтобы стать гегемоном национально-освободительного движения, и его возглавила анатолийская буржуазия, выступившая как выразительница общенациональных турецких интересов. Проводником идей турецкой национальной буржуазии стали интеллигентские (преимущественно военно-интеллигентские) круги, видевшие в вооруженной борьбе против интервентов и султана единственное средство спасения родины⁴³.

При поддержке Советской России турецкое национально-освободительное движение победило. В ходе его в Турции произошла буржуазная революция, так называемая кемалистская (по имени ее вождя Кемаля Ататюрка). В 1920—1930 гг. были проведены буржуазные реформы. Был ликвидирован султанат и халифат и Турция объявлена республикой. Церковь была отделена от государства, а школа от церкви. Были введены новые гражданский и уголовный кодексы по европейским образцам, начисто лишенные связи с мусульманским правом. Было запрещено многоженство, ношение чадры; турецкая письменность переводилась на латинский алфавит, вводились европейская одежда, григорианский календарь, днем отдыха вместо пятницы (священного дня мусульман) объявлялось воскресенье и т. д. «Османский» язык был окончательно заменен турецким, который стал официальным, государственным, а постепенно и литературным. Кемалисты упорно боролись за очищение его от арабской и персидской лексики, однако это в целом прогрессивное движение подчас выливалось в непримиримый пуризм, когда некоторые даже прочно вошедшие в обиход заимствования заменялись искусственно созданными словами.

Кемалисты освободили национализм младотурок от пантюркистских и панисламистских наслоений, они даже заменили термин «тюркчюлюк», значивший и туркизм (т. е. турецкий национализм), и тюркизм (т. е. пантюркизм) термином «миллиетчилик» (впоследствии «улусчулук»), что значит «национализм». Миллиетчилик был провозглашен одним из лозунгов Народно-республиканской партии, созданной Кемалем Ататюрком, и понимался как борьба за независимость турецкой нации⁴⁴.

После кемалистской революции признанным названием турецкого народа стал этноним «турки» вместо прежних названий «мусульмане», «османцы». Одно время даже вместо этнонима «турок» (по-турецки «тюрк») хотели ввести название «анатолиец» («анадоллу»), чтобы окончательно устранить путаницу между этнонимами «турок» и «тюрк», существующую в турецком языке⁴⁵.

Такая четкость националистических воззрений кемалистов была идеологическим отражением объективных процессов, в частности того, что турецкая буржуазная нация окончательно сложилась. Временем завершения консолидации турок в буржуазную нацию можно считать период

⁴² А. Ф. Миллер, Краткая история..., стр. 172.

⁴³ Там же, стр. 173.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Д. Е. Еремеев, Кемализм и пантюркизм, «Народы Азии и Африки», 1963, № 3, стр. 58—70; Э. Ю. Гасанова, Идеология буржуазного национализма в Турции, Баку, 1966.

⁴⁵ F. Tachau, The search for national identity among the Turks, «Welt des Islams», 1963, vol. 8, № 3, p. 168.

национально-освободительной борьбы турецкого народа и кемалистской революции (1918—1923 гг.). Эта революция оформила и в государственном отношении закончившийся процесс национальной консолидации — создала турецкое национальное государство, Турецкую республику.

Образование турецкого национального государства способствовало распространению идей национального самосознания среди всех слоев турецкого народа, а принцип «национальности», сознание принадлежности к турецкой нации окончательно пришли на смену принципам исламизма и османизма, идее преданности султану-халифу.

SUMMARY

The formation of the Turkish nation in the second half of the XIX century and the first two decades of the XX century is reviewed and the distinguishing features of this process are examined. The involved ethnic history of the Turks in the preceding period included the forming of the Turkish nationality out of two sharply differing components; Turkic nomad migrants to Asia Minor and the indigenous population Turkicized by these nomads — Greeks, Armenians, Laz, Kurds, etc.; the substitution of religious for ethnic self-consciousness; the enslavement of the Turks by Western powers. This history was still further complicated by the lag in social-economic development of the Turkish people in comparison with other ethnic communities of Asia Minor (Greeks, Armenians, and others). Capitalism first arose not among the Turks but among the national minorities of the Ottoman Empire. Because of this the level of ethnic development of the Turks also lagged behind the other peoples of Turkey. Owing to this the national consolidation of the Turks and the rise of their national consciousness was retarded. During the First World War a common market grew into being in Anatolia. Turkish trade bourgeoisie became stronger, there arose a Turkish industrial bourgeoisie. This was conducive to the national consolidation of the Turks. The Turkish nation finally took shape in the course of the movement for national liberation and the Kemalist revolution (1918—1923).

ПЕРЕХОД ОТ ОХОТЫ К ЗЕМЛЕДЕЛИЮ

Первые насельники Амазонии, пришедшие в эту область около 10 000 лет назад¹, жили исключительно охотой, рыболовством и собирательством. Наиболее важным из этих трех способов добывания средств существования была, вероятно, охота, особенно после появления лука и стрел. Аборигены Амазонии продолжали существовать исключительно за счет природных источников питания примерно до 1500 года до н. э., когда с севера и запада начало проникать сюда земледелие². Три тысячи лет спустя, ко времени появления первых европейцев, земледелие успело широко распространиться по всей Амазонии, и лишь несколько племен не знали его.

Значение земледелия с момента его появления и вплоть до настоящего времени непрерывно возрастало, а роль охоты ослабевала. Но далеко не везде торжество земледелия было равнозначным и безраздельным. Даже сейчас у всех амазонских племен, занимающихся земледелием, сохраняется охота; у многих из них она продолжает играть значительную роль.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Почему охота сохраняет такое значение? Почему амазонские индейцы не перешли полностью к земледелию? Чем объясняются различия в степени перехода к земледелию отдельных племен амазонского бассейна?

Прежде чем пытаться ответить на эти вопросы, рассмотрим допущения, лежащие в основе подобного подхода к проблеме. Первое из таких допущений заключается в том, что продуктивность земледелия на единицу человеческого труда выше, чем продуктивность охоты. Второе допущение — что это различие в продуктивности является достаточно значительным, и сами аборигены могли его осознать. Третье допущение — что индейцы Амазонии имели реальную возможность, осознав преимущества земледелия, изменить способ добывания средств существования.

Я намерен проверить эти допущения с помощью данных, полученных во время полевой работы среди индейцев двух племен Амазонии — амауака (*Amahuaca*) в перуанской Монтанье и куиктуру (*Kuikuru*) в бассейне верхнего Шингу в Бразилии.

Прежде всего, для сравнения относительной продуктивности охоты и земледелия нам потребуется объективный критерий продуктивности производства средств существования. Подобный измеритель предложен и

¹ Эта датировка представляется правдоподобной, так как палеоиндейцы уже жили в Венесуэле примерно за 15 тыс. лет до н. э. (I. Rouse and J. R. Cuxent, *Venezuelan archaeology, Caribbean series* 6, Yale Univ. Press, New Haven, 1963, p. 27) и достигли Огненной Земли и восточной Бразилии к 8 тыс. лет до н. э. (M. Rubin and S. M. Berthold, U. S. Geological survey radiocarbon dates VI, «Radiocarbon», vol. 3, 1961, p. 96; W. R. Hurt, Recent radiocarbon dates for Central and Southern Brazil, «American Antiquity», vol. 30, 1964, p. 267).

² Роуз и Крусент считают, что начатки земледелия впервые появились в Венесуэле во втором тысячелетии до н. э. (I. Rouse and J. R. Cuxent, Указ. раб., стр. 41). Древнейший керамический слой, до настоящего времени найденный в перуанской Монтанье, ранний Тутишкайнио, предположительно земледельческий, датируется примерно 1500 г. до н. э. (E. P. Lanning, *Peru before the Incas*, New York, 1967, p. 83).

применен мною несколько лет назад. Это — число человеко-часов, требующихся для получения 1 миллиона калорий пищевых продуктов при данном способе добывания средств существования³. Последняя величина выбрана потому, что именно столько калорий потребляется человеком в год при среднесуточном потреблении 2750 калорий, близком к среднему для большинства человеческих популяций. Итак, применим этот измеритель к охоте и земледелию у амауака. Амауака получают около 50% средств существования от земледелия и около 40% от охоты; остающиеся 10% получают от рыболовства и собирательства. По моим расчетам, средний амауакский охотник тратит на охоту приблизительно 1272,5 часа в год и добывает при этом мяса приблизительно на 1,6 млн. калорий (подробные расчеты приведены в приложении «А»). Таким образом, продуктивность охоты у амауака составляет 795 человеко-часов на 1 млн. калорий.

Обратившись к земледелию, мы должны прежде всего отметить, что ныне все амауака при расчистке участков в лесу используют стальные орудия. Однако по рассказам пожилых амауака, видевших каменный топор в работе или слышавших о нем от очевидцев, я составил приблизительный расчет времени, которое требовалось для расчистки участка, посева и снятия урожая до появления стальных орудий. Этот расчет показывает, что в земледелии для производства 1 млн. калорий аборигенам требовалось около 603 человеко-часов.

Эти цифры проливают новый свет на наши представления об относительной продуктивности охоты и земледелия. Разница между затратой 795 человеко-часов на 1 млн. калорий в охоте и 603 человеко-часов на 1 млн. калорий в земледелии представляется мне не столь уж большой. К тому же эта разница значительно уменьшится, если мы примем во внимание то обстоятельство, что час, затраченный на рубку деревьев каменным топором, представляет гораздо более тяжелую работу, чем час, затраченный на охоту.

При столь незначительном различии в продуктивности между охотой и земледелием сомнительно, чтобы амауака (или любое другое племя Амазонии) действительно могли заметить это различие тогда, когда они впервые стали возделывать землю. Это представляется еще более сомнительным, если учесть, что в то время земледелие стояло на более низком уровне, и различие в степени продуктивности должно было быть еще меньшим. Вполне возможно, что первоначальный переход индейцев бассейна Амазонки к земледелию, а также последующее усиление роли земледелия в их жизни были вызваны иными факторами, чем степень продуктивности. Таким фактором, весьма вероятно, могла оказаться возможность накопления сравнительно больших запасов пищи, а также стремление разнообразить ее; побудительной причиной для перехода к частично земледельческому хозяйству могла служить и даваемая им возможность более оседлого образа жизни.

Во всяком случае сохранение на протяжении тысячелетий значительных различий между амазонскими племенами в степени их зависимости от земледельческой деятельности показывает, что сами по себе преимущества земледелия недостаточны, чтобы привести к его полному преобладанию. Чтобы объяснить различия в той роли, которую играет земледелие у разных племен, следует обратиться к экологии. Если будут приняты и учтены экологические факторы, проблема окажется легко разрешимой.

С культурно-экологической точки зрения бассейн Амазонки можно рассматривать как естественную среду, слагающуюся из двух отчетли-

³ R. L. Carneiro, *Subsistence and social structure: an ecological study of the Kui-kuru Indians*. Ph. D. dissertation, Univ. of Michigan, University microfilms, Ann Arbor, 1957, pp. 169—170.

во различающихся типов областей: один из них представляют области, расположенные вдоль крупных рек, другой — области, отдаленные от рек⁴. Эти два типа существенно отличаются друг от друга по количеству рыбы и других речных пищевых ресурсов, доступных для человека. В малых реках и ручьях междуречных областей рыба встречается в сравнительно небольших количествах; размеры ее невелики. В такого рода местности рыболовство вряд ли может служить главным источником белков. Для амауака, например, проживающих как раз в районе такого типа, рыболовство обеспечивает не более 5% их продовольственных ресурсов. В такого рода естественной среде основная масса белков в пище должна поставляться охотой, а не рыболовством. Это обстоятельство определяет тип расселения, так как большая роль охоты как источника существования несовместима с оседлой жизнью в деревнях. Даже совсем маленькие общины в 15 человек, характерные для амауака, за один — два года сильно истощают запасы дичи в окрестностях. Из-за этого время от времени приходится перемещать деревню на расстояние нескольких миль, иначе снабжение мясом потребовало бы непомерных затрат времени на ходьбу. В результате, земледельческо-охотничье общество, живущее в подобной среде, не может полностью использовать преимущества земледелия, которые позволяют увеличивать размеры поселений и способствуют большей оседлости.

Другим примером могут, по-видимому, служить сирионы. «Хотя сирионы уже много лет занимаются земледелием (первоначально они, возможно, были чисто кочевым народом), оно никогда у них не достигало такого уровня развития, чтобы помешать им сохранять значительную подвижность. В деле земледелия в их хозяйственной деятельности занятие второстепенное по сравнению как с охотой, так и с собирательством. Одна из возможных причин заключается в том, что запасы дичи в окрестностях иссякают прежде, чем можно снять урожай, а это требует перекочевки группы в другие районы в поисках дичи»⁵.

Племена, живущие вдоль больших рек, образуют резкий контраст с описанными выше. Так как крупные реки содержат громадные запасы пищи, рыболовство все более оттесняет охоту. «Охота [в Амазонии] для племен, живущих на крупных реках, обычно является второстепенным занятием: рыба, черепаховые яйца и ламантины являются для них более доступным источником белковой пищи, чем лесная дичь»⁶. Приведем лишь два примера, свидетельствующие о необычайном изобилии пищевых ресурсов крупных рек. Экспедиция Педро-де-Урсуа вниз по Амазонке в 1560 г. видела в деревне омагуа (?) Мачипаро огороженные пруды с 6—7 тыс. черепах⁷. Ламантины были некогда настолько многочисленны в Амазонке, что голландцы посылали туда специально оборудованные суда из Амстердама, чтобы ловить и убивать этих животных и перевозить их мясо на Карибские острова, где им кормили рабочих на плантациях сахарного тростника⁸. Поскольку пищевые запасы в круп-

⁴ Природную среду Амазонии можно, конечно, подразделить и по другим признакам. Очень важным экологическим различием является, в частности, различие между чисто лесным ландшафтом и сочетанием леса с саванной.

⁵ A. R. Holmberg, *Nomads of the long bow*, Smithsonian Institution, Institute of Social Anthropology, Publication № 10, 1950, p. 28.

⁶ R. H. Lowie, *The tropical forests: an introduction* (In: «Handbook of South American Indians», ed. by J. H. Steward. Bureau of American Ethnology, Bull. 143, vol. 3. «The tropical forest tribes», 1948, p. 10).

⁷ The expedition of Pedro de Ursua and Lope de Aguirre. Transl. from Pedro Simón's sixth historical notice of the conquest of Tierra Firme by W. Bollaert. Introd. by C. R. Markham. The Hakluyt Society publication № 28. London, 1861, p. 31.

⁸ K. Bertram and C. Bertram, *The sirenias: a vanishing order of mammals, «Animal Kingdom»*, vol. 69, 1966, p. 183.

ных реках буквально неистощимы⁹, племенам, живущим здесь, почти никогда не приходится перемещать свои деревни из-за недостатка белковой пищи, как это вынуждены делать племена, живущие вдали от рек и сильно зависящие от охоты. Длительное пользование одним и тем же участком, которое допускает рыболовство, благоприятствует в свою очередь постоянному развитию земледелия.

В качестве примера этого второго типа экологической среды и приспособления к ней можно привести индейцев куикуру бассейна Верхнего Шингу в центральной Бразилии. Деревня куикуру расположена скло довольно большого озера в нескольких милях от реки Кулуэне. Оба эти водоема весьма богаты рыбой. Калерво Оберг, который до этого работал на сказочно богатом рыбой северо-западном побережье Северной Америки, заявил, что никогда не видал столь богатых рыбой вод, как в реке Кулуэне¹⁰. По свидетельству Жорже Феррейра, отравив воду в старице реки Кулуэне, индейцы собирают за один день почти 500 кг рыбы¹¹.

В то время как около 15% потребности куикуру в пищевых продуктах удовлетворяется за счет рыболовства, значение охоты упало: за ее счет удовлетворяется менее 1% потребности индейцев в еде. Земледелие, основанное на разведении горького маниока, дает не менее 80% продовольственных продуктов. Деревня куикуру имеет население около 145 человек, раз в 10 больше, чем обычная община амауака. К тому же, ее местоположение практически не изменилось за последние 80—90 лет. За этот период деревня перемещалась три раза, но во всех случаях по причинам, связанным с верой в сверхъестественные силы, а не с экологией, и на расстояние всего лишь нескольких сот ярдов.

По моему мнению, амауака и куикуру не представляют исключения. Скорее они типичны для племен, живущих в двух охарактеризованных выше типах среды. Несомненно, что и другие амазонские племена при аналогичных обстоятельствах так же снова и снова приспосабливались к окружающим условиям, как это сделали эти две группы. Народы, живущие на водоразделах, вынужденные в значительной степени рассчитывать на результаты охоты, мало занимались земледелием. Их общины невелики, и они сохраняют полукочевой образ жизни. Приречные же жители, имевшие возможность в значительной мере существовать за счет рыбы и речных животных, стали более оседлыми, более полно восприняли земледелие и стали жить более крупными деревнями.

Различия между жителями водоразделов и приречными жителями не ограничиваются размерами поселений и степенью оседлости. Возникли также значительные различия в социальной, политической и обрядовой сфере. Действительно, там, где речные ресурсы были наиболее обильны, на самой Амазонке, такие племена, как *омагуа* (*Omagua*), *манао* (*Manao*) и *тапажу* (*Tapajó*), приблизились к уровню культуры племен Карибского бассейна и даже достигли этого уровня.

Хочу еще раз подчеркнуть свою мысль. В Амазонии значительная роль земледелия и рыболовства в хозяйстве способствует оседлости, а значительная роль охоты и собирательства имеет обратное действие. Эту связь я рассматриваю не только как общую и качественную, но и как конкретную и количественную. Степень оседлости и зависимость

⁹ Они неистощимы, разумеется, для популяций, насчитывающих не более чем сотни или тысячи человек и использующих в рыболовстве лук и стрелы, копьеметалки, западни и яд. Даже там, где столетиями практиковалось отравление рыбы, его влияние на рыбные ресурсы, по-видимому, было каждый раз кратковременным (см. G. G. Simpson, *Los indios Kamarakotos*. Transl. by F. Villanueva — Uralde, «Revista de Fomento», vol. 3, Caracas, 1940, p. 406).

¹⁰ K. Oberg, *Indian tribes of northern Matto Grosso, Brazil*, Smithsonian Institution, Institute of Social Anthropology, Publ. № 15, 1953, p. 25.

¹¹ J. Ferreira. Kuarup, «O Cruzeiro», vol. 29, № 15, Jan. 27, 1957, p. 64.

группы от разных способов производства средств существования изменяются в непрерывной связи друг с другом. Но я хотел бы добавить, что связь между этими двумя явлениями не произвольна и не сводится к взаимным влияниям, а носит причинно-следственный характер. Независимой переменной является вид хозяйственной деятельности, а зависимой — степень оседлости.

Попытаюсь подтвердить свое утверждение фактическими данными.

Прежде всего, необходим объективный количественный показатель степени оседлости. Так как мне неизвестно о существовании подобного показателя, я хотел бы предложить следующее.

С моей точки зрения, оседлость не однозначное явление. Его нельзя адекватно измерить самым очевидным его компонентом — сроком, в течение которого поселение остается на одном месте. Степень оседлости связана не только с длительностью пребывания поселения на одном месте, но и с его размерами. Я бы поэтому считал, что когда деревня с населением 500 жителей остается на одном месте в течение пяти лет, в этом проявляется большая степень оседлости, чем когда деревня с населением 50 жителей остается на одном месте 10 лет. Таким образом, понятие степени оседлости это составное понятие, подобно моменту в физике, являющемуся произведением двух величин — массы и скорости.

Однако степень оседлости — не просто произведение людности и длительности поселения. Она связана еще с одним, третьим фактором, а именно с расстоянием, на которое перемещается селение в случае его релокации.

Степень оседлости деревни прямо пропорциональна двум первым величинам и обратно пропорциональна третьей. Другими словами, чем крупнее деревня и чем дольше она остается на одном месте, тем она более оседла, а чем дальше ее передвигают в случае перемещения, тем она менее оседла. Таким образом, наш показатель оседлости может быть предварительным образом выражен формулой:

$$\frac{PT}{D}$$

Здесь: P — численность населения деревни; T — среднее число лет, протекающее от одного перемещения деревни до другого; D — среднее расстояние (в милях) между местоположением деревни до и после перемещения.

Показатель построен так, что чем выше его численное значение, тем более высокую степень оседлости он отражает.

Прежде чем приступить к применению этого показателя, я, однако, хотел бы несколько видоизменить формулу, а именно:

$$\frac{PT}{D+1}$$

Прибавляя к знаменателю D единицу, мы устраняем необходимость делить PT на нуль в случае, если, насколько нам известно, деревня не подвергалась перемещениям, и, следовательно, $D=0$. Если никто не помнит последнего случая перемещения деревни, следует принять в качестве числового значения T число лет, в течение которых деревня заведомо была расположена там же, где теперь; если деревня или стойбище перемещается несколько раз за год, следует считать численным значением T в показателе частное от деления единицы на число таких перемещений: так, если охотничья по преимуществу группа передвигает свое стойбище раз в неделю, значение T будет равно $1/52$ или $0,02$.

Проиллюстрируем применение показателя оседлости на примере характера расселения амауака и куикуру.

Население средней общины амауака составляет, как мы уже видели, около 15 человек; длительность поселения на одном месте — около по-

лутора лет; расстояние между последовательно занимаемыми участками — приблизительно 15 миль. Подставляя эти числа в нашу формулу, получаем:

$$\frac{15 \times 1,5}{15 + 1} = 1,4$$

Теперь исчислим показатель оседлости для куикуру. Население их деревни — 145 человек, средний период между перемещениями деревни — 27 лет, среднее расстояние между последовательно занимаемыми деревней участками — около четверти мили. Получаем:

$$\frac{145 \times 27}{0,25 + 1} = 3132$$

Таким образом, отмеченное нами выше заметное различие в степени оседлости между амауака и куикуру отчетливо отражается показателем. Такая большая разница в значениях показателя для этих двух племен, хотя, быть может, и не утрирует различия в степени их оседлости, оказывается неудобной для построения графика. Поэтому я предлагаю, вместо

$\frac{PT}{D+1}$ выражать показатель квадратным корнем из этого выражения, то есть формулой

$$\sqrt{\frac{PT}{D+1}}$$

Извлекая квадратный корень из численных значений для амауака и куикуру, получаем, соответственно, 1,2 и 56,0. Эти числа все еще показывают широкий разрыв между названными племенами в отношении степени оседлости, но удерживают эту разницу в удобных для графического выражения пределах. Извлечение квадратного корня из $\frac{PT}{D+1}$ приводит к уменьшению численных значений, превышающих единицу, и увеличению значений меньших, чем единица. Это смещение численных значений показателя с двух сторон по направлению к единице тем сильнее, чем дальше они отстоят от единицы.

Теперь, когда мы предложили способ измерения степени оседлости, нам нужно измерить соотношение различных средств существования. Нужный нам показатель должен быть основан на тех аспектах производства средств существования, которые имеют отношение к оседлости. Мы не раз повторяли, что в Амазонии земледелие и рыболовство благоприятствуют постоянству поселений, в то время как охота и собирательство действуют на него отрицательно. Это наводит на мысль, что полезным показателем могло бы служить отношение суммы одной пары этих источников средств существования к другой. Поэтому я предлагаю в качестве показателя отношение, которое назовем коэффициентом средств существования:

$$\frac{A+F}{H+G}$$

Здесь A — доля средств существования, получаемая от земледелия, F — доля, получаемая от рыболовства, H — доля, получаемая от охоты, G — доля, получаемая от собирательства. Чем выше численное значение коэффициента, тем сильнее роль видов хозяйственной деятельности, благоприятствующих оседлости.

Здесь нам могут возразить, что подсечно-огневое земледелие Амазонии нельзя рассматривать как чисто оседлый тип хозяйства. Верно, что при известных условиях подсечно-огневое земледелие может привести к перемещению деревни, но, как я пытался показать в другом

месте¹², подсечно-огневое хозяйство далеко не так часто оказывается лимитирующим оседлость фактором, как это утверждают. Однако, если будет принято, что подсечно-огневое хозяйство в конечном итоге в какой-то мере способствует перемещению поселений, его влияние тоже можно учесть. Если исходить из предположения, что земледелие на 80% влияет в сторону оседлости и на 20% — в сторону кочевого образа жизни, то это могло бы быть учтено в коэффициенте следующим образом:

$$\frac{0,8A + F}{0,2A + H + G}$$

Там, где земледелие и рыболовство в совокупности дают более 90% средств существования, чувствительность этого показателя быстро возрастает. Например, увеличение на 2% к общему итогу в величине числителя от $A + F = 49$ до $A + F = 51$ (при соответствующем уменьшении знаменателя от $H + G = 51$ до $H + G = 49$) приводит лишь к незначительному изменению коэффициента средств существования от 0,96 до 1,04; такое же увеличение числителя от $A + F = 94$ до $A + F = 96$ (с уменьшением знаменателя от $H + G = 6$ до $H + G = 4$) приводит к увеличению коэффициента от 15,67 до 24. Представляется маловероятным, что разница в роли земледелия и рыболовства между 94% и 96% может настолько сильно повлиять на оседлость, как можно было бы заключить из разницы в коэффициентах. Поэтому при исследовании многочисленных обществ, в которых земледелие и рыболовство дают более 90% средств существования, желательно просто применять в качестве показателя производства средств существования процент продуктов земледелия и рыболовства в общей сумме средств существования. Этот показатель, может быть менее тонкий для промежуточных значений, не повышался бы столь стремительно при крайних различиях в соотношении различных средств существования.

Применим наш показатель, снова используя в качестве примера амауака и куикуру. По моим оценкам, амауака получают около 50% средств существования от земледелия, 5% от рыболовства, 40% от охоты и 5% от собирательства. Таким образом, коэффициент средств существования выражается следующей формулой:

$$\frac{0,50 + 0,05}{0,40 + 0,05} = 1,2$$

Куикуру, в свою очередь, получают от земледелия 80% средств существования, от рыболовства 15%, от охоты 0%, от собирательства 5%. Итак, мы получаем:

$$\frac{0,80 + 0,15}{0,00 + 0,05} = 19$$

Предлагаемые нами показатели дают объективное, количественное выражение фактам, выявленным нами прежде, а именно существенному различию между амауака и куикуру в отношении источников средств существования и в отношении степени оседлости.

Теперь мы подготовлены к тому, чтобы объединить эти два показателя, выразив при этом ту связь между источниками средств существования и оседлостью, которая, по нашему мнению, существует между ними:

$$\sqrt{\frac{PT}{D+1}} = f\left(\frac{A+F}{H+G}\right)$$

¹² R. L. Carneiro, Slash-and-burn agriculture: a closer look at its implications for settlement patterns. In: «Man and cultures, selected papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», ed. by A. F. C. Wallace. Univ. of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1960, pp. 229—234.

Это означает, что степень оседлости в данном обществе является функцией отношения между способами добывания средств существования, благоприятствующими оседлости, и способами, благоприятствующими кочевому образу жизни.

Наконец, необходимо исчислить значение этих двух показателей для ряда амазонских племен, представить полученные данные в виде графика и рассмотреть, насколько тесной окажется ожидаемая связь.

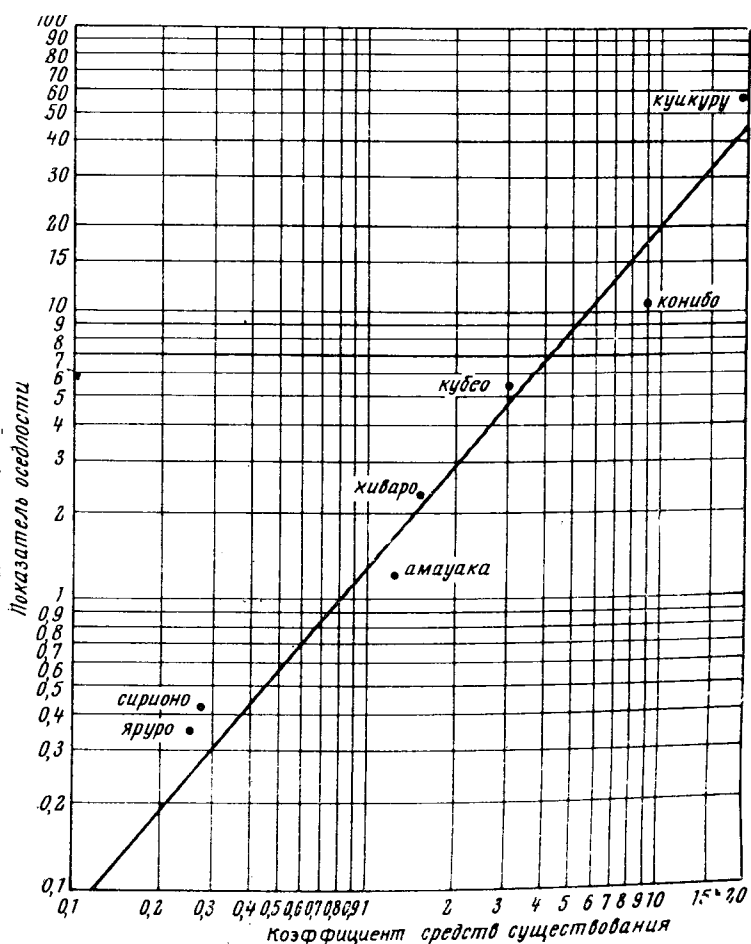

Рис. 1. Показатель оседлости в сопоставлении с коэффициентом средств существования для семи племен Амазонского бассейна. Линия регрессии проведена на глаз.

Из большинства монографических описаний амазонских племен трудно извлечь необходимые количественные сведения; к тому же эти формулы составлены лишь недавно. Поэтому мы смогли нанести на график пока только семь племен. Однако при ограниченном числе данных они показывают очень тесную связь между двумя группами исследуемых явлений (см. рис. 1). По-видимому, большая роль земледелия и рыболовства действительно способствует оседлости, в то время как значительная роль охоты и собирательства мешает ей.

Я не хочу этим сказать, что средства существования являются единственным фактором, определяющим оседлость. Значительную роль могут играть также войны. Конфликты между группами амауака могут в известных размерах, которые я не в состоянии количественно оценить, заставить их передвигать свои поселения чаще, чем они бы это делали

без того. Можно ожидать, что на нашем графике точки, относящиеся к тем племенам, на характер расселения которых существенно повлияли войны, окажутся ниже линии регрессии, так как их оседлость предположительно должна быть фактически ниже, чем вытекает из их способа добывания средств существования. Однако племя, вынужденное из-за войн передвигаться с места на место чаще, чем этого требует его хозяйство, вероятно, вскоре начнет менять тип хозяйства ввиду необходимости привести его в соответствие с требованиями новой ситуации. Вполне возможно, что такое племя начнет уменьшать роль земледелия и увеличивать роль охоты. Таким образом, могут постоянно действовать силы выравнивания и тенденция к приведению хозяйственной деятельности и характера расселения в соответствие друг с другом. Поэтому на графике точки даже часто воюющих племен могут оказаться все же не столь далекими от линии регрессии.

Итак, мы видим, что направленность причинно-следственных связей, обычно идущая от хозяйственной деятельности к типу расселения, может при такого рода обстоятельствах измениться в обратную сторону. В подобных случаях изменения в характере расселения, вызванные войнами, могут привести к изменениям в роли различных видов хозяйственной деятельности.

В заключение попытаемся вновь соотнести наши выводы с природной средой. Роль того или иного способа добывания средств существования, как мы видели, в значительной мере определяется факторами природной среды. Расселение вблизи крупных рек способствует повышенной роли рыболовства и земледелия, а расселение вдали от них приводит к усилению роли охоты и собирательства. Общий эволюционный процесс перехода некоторых амазонских племен от преимущественно охотничьего к преимущественно земледельческому образу жизни, в ходе которого их хозяйственная и общественная структура постепенно усложнялась, проходил, таким образом, не в вакууме. Этот процесс имел место только в благоприятствующих ему условиях природной среды, а там, где среда ему препятствовала, он не осуществлялся.

При взгляде издалека эволюционная поступательность представляется логическим развертыванием внутренне присущей обществу тенденции. Однако при более пристальном рассмотрении она всегда оказывается опосредствованной конкретными экологическими условиями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В дождливый сезон мужчина амауака ходит на охоту раз в два-три дня. В сухое же время года он должен тратить много времени на расчистку участка и посевов; поэтому он охотится реже — примерно раз в четыре дня. Охота длится каждый раз часов 10. Итак, в течение дождливого сезона на охоту в среднем тратится $10/2,5 = 4$ часа в сутки, а в сухой сезон — $10/4 = 2,5$ часа. Поскольку дождливый сезон длится около 240 суток, а сухой — около 125 суток, получаем:

$$\begin{array}{rcl} 4 \text{ часа в сутки} \times 240 \text{ суток} & = & 960 \text{ человеко-часов} \\ 2,5 \text{ часа в сутки} \times 125 \text{ суток} & = & 312,5 \text{ » } \\ \hline & & 1272,5 \text{ » } \end{array}$$

Итак, мужчина амауака, в среднем, тратит на охоту около 1272,5 человеко-часов. Сколько же мяса дают эти 1272,5 часов в калориях? Это можно исчислить лишь косвенным способом. Поскольку охота составляет около 40% калорий, потребляемых в среднем в год индейцем племени амауака, и поскольку он в целом потребляет в год около 1 млн. калорий пищи, его годовое потребление мяса составляет $1\,000\,000 \times 0,40 = 400\,000$ калорий. Семья амауака в среднем состоит из четырех человек; все потребляемое ими мясо добывается мужчиной, главой семьи. Таким образом, общее количество приносимой им ежегодно дичи составляет примерно $400\,000 \text{ калорий} \times 4 \text{ чел.} = 1\,600\,000$ калорий.

Далее мы должны оценить продуктивность земледелия у амауака. Я не наблюдал расчистку участка средней величины в девственном влажном лесу, но наблюдал (и от-

метил затраченное время) расчистку небольшого участка, площадью около трети акра ¹³, во вторичном лесу. На расчистку этого участка понадобилось в общей сложности 16 человеко-часов: 10 часов на подрезку кустарника и 6 часов на порубку деревьев. Следовательно, если бы участок имел средний размер (около 2 акров), во вторичном лесу для его расчистки потребовалось бы следующее количество труда:

$$\begin{array}{rcl} 10 \text{ человеко-часов на подрезку кустарника} & \times 6 = & 60 \text{ человеко-часов} \\ 6 \text{ человеко-часов на порубку деревьев} & \times 6 = & 36 \text{ » »} \\ \hline & & 96 \text{ » »} \end{array}$$

В девственном лесу, однако, отношение затрат времени на подрезку кустарника и на порубку деревьев существенно иное, с одной стороны, потому что кустарника меньше, с другой — потому что деревья крупнее и тверже. Вероятно, мы не слишком ошибемся, если скажем, что в девственном лесу требуется, по сравнению с вторичным лесом, вдвое меньше времени на подрезку кустарника, но в три раза больше на порубку деревьев. Чтобы отразить эту разницу в числе человеко-часов, требуемых на расчистку двухакрового участка девственного леса, надо видоизменить данные о расчистке вторичного леса следующим образом:

$$\begin{array}{rcl} 60 \text{ человеко-часов на подрезку кустарника} & \times 0,5 = & 30 \text{ человеко-часов} \\ 36 \text{ человеко-часов на порубку деревьев} & \times 3,0 = & 108 \text{ » »} \\ \hline & & 138 \text{ » »} \end{array}$$

К этим 138 часам труда, затрачиваемого на расчистку участка в два акра в девственном лесу, следует прибавить примерно три часа, потребные для сжигания участка. Всего на подготовку участка для посадки требуется, таким образом, 141 час труда.

Далее следует рассмотреть вопрос о количестве труда, затрачиваемого на посев и на сбор урожая. Моя (крайне приблизительная) оценка этого времени следующая:

Посев (мужчиной)	50	человеко-часов
Посев (женщиной)	200	» »
Сбор урожая и укладка в хранилища зерна	80	» »
Сбор других культур	45	» »
	375	человеко-часов.

Прибавляя к 375 человеко-часам, затрачиваемым на посев и на сбор урожая, 141 час, потребный для подготовки поля, получаем общий итог — 516 человеко-часов, затрачиваемых малой семьей на земледелие в течение года.

Так как земледелие дает амауака около 50% их пищевых продуктов, число калорий, получаемых ежегодно от культивируемых растений на душу населения составляет $1\,000\,000 \times 0,5 = 500\,000$ калорий. Таким образом, на среднюю семью из четырех человек общее число калорий, получаемых от культивируемых растений, составляет $500\,000 \times 4 = 2\,000\,000$. Поскольку производство этих 2 млн. калорий занимает 516 часов, производство 1 млн. калорий требует вдвое меньше, то есть 258 часов. Отсюда показатель продуктивности земледелия у амауака составляет 258 человеко-часов на 1 млн. калорий.

Теперь мы имеем возможность сравнить современную продуктивность охоты и земледелия у амауака. Так как охота требует затраты на 1 млн. калорий 795 человеко-часов, а земледелие — только 258 человеко-часов, земледелие оказывается примерно в три раза продуктивнее охоты.

Однако этот расчет основан на нынешних методах расчистки, при которых используются мачете и стальные топоры. Стальные режущие инструменты появились у амауака сравнительно поздно. Еще около 1920 года они пользовались при расчистке леса в основном каменными топорами и деревянными дубинами. Поэтому для сравнения продуктивности охоты с продуктивностью земледелия в прежних условиях мы должны оценить время, затрачиваемое на земледелие до введения стальных инструментов.

Замена каменных режущих инструментов мачете и стальными топорами сильно сократила время и уменьшила усилия, необходимые для расчистки участка в лесу. Судя по рассказам пожилых амауака, для того, чтобы срубить дерево каменным топором требовалось, по-видимому, раз в 10 больше времени, чем стальным.

Однако, измеряя труд, который прежде затрачивался на расчистку участков, мы не можем просто взять число человеко-часов, затрачиваемых на эту работу в настоящее время, и умножить его на десять. Мы должны принять во внимание экономию труда, получаемую в результате направленной валки деревьев. Крупные деревья срубались так, чтобы силой их падения повалить как можно больше других деревьев.

¹³ Треть акра = около 0,13 га.

При помощи этого метода амауака могли повалить многие из небольших деревьев, затрачивая, вероятно, ненамного больше труда, чем требуется в настоящее время.

Расчистка кустарника перед валкой деревьев, которая ныне производится мачете, в прежнее время производилась тяжелой дубиной из пальмового дерева, которая скорее пригибала кусты, чем срезала их. Замена деревянных дубинок мачете при расчистке кустарника несомненно дала экономию времени, но относительно меньшую, нежели полученную от применения стального топора при рубке деревьев.

Принимая во внимание все эти разнообразные факторы, можно предположить, что в прежнее время индеец-амауака тратил на расчистку участка в шесть раз больше времени, чем теперь. Поэтому, чтобы измерить продуктивность земледелия у амауака в прежние времена, мы должны прежде всего помножить 138 человек-часов, потребные, согласно нашему исчислению, для расчистки участка современными амауака, на 6. Получаем $138 \times 6 = 828$ человеко-часов. Итак, с помощью каменного топора амауака требовалось около 828 часов, чтобы уничтожить лесной покров на участке в 2 акра. К этой цифре мы должны прибавить 3 часа на сжигание и 375 часов на посев и на сбор урожая; на эти цифры не повлияло изменение в технике. Таким образом, в прежнее время для расчистки, посева и снятия урожая на среднем участке амауака требовалось около 1206 человеко-часов.

Поскольку эти 1206 человеко-часов давали приблизительно на 2 млн. калорий растительной пищи, понятно, что для производства 1 млн. калорий, или половины этого, требовалось 603 человеко-часа. Эта цифра — 603 — приблизительно в 2,3 раза выше, чем те 258 человеко-часов, которые требуются для производства того же количества пищи из культивируемых растений в настоящее время.

Перевод М. Я. Берзиной

SUMMARY

The author stresses the influence of ecology over modes of subsistence and of modes of subsistence over settlement patterns in the aboriginal societies of Amazonia. He proposes an index of sedentariness ($\frac{PT}{D+1}$ where P stands for the population of the settlement under study, T — for the average number of years between relocations, D — for the average distance in miles between successive sites) and a subsistence quotient ($\frac{A+F}{H+G}$ where A stands for the percentage of subsistence derived from agriculture, F — the percentage from fishing, H — the percentage from hunting, G — the percentage from gathering). The first index is regarded as a function of the second. The formulas are applied to seven Amazonian tribes and the results plotted on a chart. Details are given for two of the tribes — the Amahuaca and the Kuikuru.

Л. В. Хомич

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

Термин «этнические процессы» появился сравнительно недавно и в научную литературу был введен этнографами. Классики марксизма-ленинизма этого термина не употребляли, хотя неоднократно в своих трудах обращались к тем вопросам, которые сейчас включаются в понятие «этнические процессы». Пожалуй, первой работой, где встречается указанный термин, была статья В. К. Гарданова, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко «Основные направления этнических процессов у народов СССР». Напомним, что в ней указывались два основных направления этнического или национального развития: 1) продолжающаяся консолидация и развитие социалистических наций и народностей, имевшие наибольшее значение на ранних этапах развития советского общества вплоть до окончательной победы социализма в СССР; 2) общий процесс все большего сближения наций и народностей нашей страны на базе развития их братского сотрудничества и дружественных интернациональных связей в области экономики, культуры и духовной жизни — процесс, сопровождавшийся созданием общесоветских форм культуры и быта и приобретающий все больший размах и актуальность на современном историческом этапе, в период развернутого строительства коммунистического общества¹.

В последующие годы термин «этнические процессы» широко вошел в этнографическую литературу. Однако прежде чем перейти к характеристике этнических процессов, необходимо дать определение терминам «этнос» и «этническая общность».

Общезвестно, что термин «этнос» взят из греческого языка и означает «народ» (этнография — описание народов). Многие авторы употребляют эти термины параллельно². При этом Н. Н. Чебоксаров рассматривает этнос как «исторически сложившийся коллектив людей вместе с территорией его формирования и последующего расселения, созданной им культурой и языком, который эту культуру выражает»³. Аналогичную точку зрения мы встречаем и у других исследователей. Однако Л. Н. Гумилев считает, что этнос — явление не социальное, а биологическое, поскольку «оно характерно для всех формаций». «Нет ни одного реального признака для определения этноса», — говорит он, —

¹ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 10.

² См. Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4; В. И. Козлов, Современные этнические процессы в СССР (к методологии исследования), «Сов. этнография», 1969, № 2.

³ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 99.

применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющим моментом, а иногда нет. Вынести за скобку мы можем только одно — признание каждой особи: «мы такие-то, а прочие другие». Поскольку это явление повсеместно, то, следовательно, оно отражает некую физическую или биологическую реальность, которая и является для нас искомой величиной». Таким образом, по мнению Л. Н. Гумилева, этнос следует изучать как одно из явлений природы, «биосферы»⁴. Нам, как и большинству исследователей, представляется, что этнос — явление социальное, а не биологическое. Тот факт, что этнос характерен для всех формаций, ничуть не противоречит этому положению: этнос не есть нечто застывшее, неизменное; он изменяется, развивается вместе с развитием общества. Русские XX в. значительно отличаются от русских XVI в. по образу жизни, языку, одежде, жилищу и т. д. Тем не менее между ними имеется то общее, что позволяет представителю данного этноса считать себя именно русским. То же можно сказать относительно итальянцев эпохи Возрождения и современных итальянцев, и т. д.

Прав В. И. Козлов, который подчеркивает, что «этническое самосознание не является врожденным; оно социально, так как складывается под воздействием определенных социально-культурных условий»⁵.

Следует ли различать термины «этнос» и «народ»? Войдя в русский язык, термин «этнос» несколько изменил свое значение. Н. Н. Чебоксаров, употребляя эти термины как равнозначные, высказывает следующую мысль: «Если народ утрачивает свою культурную специфику, он перестает существовать как отдельный самостоятельный этнос». Из этого можно заключить, что автор все же не отождествляет полностью эти два понятия. Употребление термина «этнос» вызвано, по-видимому, слишком широким значением термина «народ» (мы говорим: «советский народ» и в то же время «русский народ», что в этническом плане не одно и то же). Прилагательные, производные от указанных слов, также имеют различные оттенки (можно сказать: этнические признаки, но не народные, народные танцы, но не этнические и т. д.). Все это, видимо, и вызвало распространение в этнографической литературе еще одного термина — «этническая общность». Большинство авторов в настоящее время, исследуя этнические процессы, пользуются этим термином⁶. При этом часть из них ставит знак равенства между терминами «этнос», «народ», «этническая общность» (В. И. Козлов), другие их различают. Так, Н. Н. Чебоксаров считает, что этническая общность — понятие более широкое, чем народ, оно включает такие понятия, как племя, народность, нация⁷.

Мы также будем пользоваться термином «этническая общность», имея в виду исторически сложившуюся на определенной территории общность людей, сознающих свою принадлежность к ней и имеющих общее самоназвание, говорящих на одном языке или сохранивших воспоминание о языке предков, а также обладающих определенным единством материальной и духовной культуры. Общая территория, являющаяся непременным условием для сложения этнической общности, впоследствии может не играть существенной роли: в настоящее время почти не осталось

⁴ Л. Н. Гумилев, О термине этнос. Этнос как явление, «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967, стр. 5, 14, 92 и др.

⁵ В. И. Козлов, Типы этнических процессов и особенности их исторического развития, «Вопросы истории», 1968, № 9.

⁶ С. И. Брук, В. И. Козлов, Процессы этнического развития и принципы классификации народов, в кн.: «Численность и расселение народов мира», серия «Народы мира», М., 1962 г.; С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, «Вопросы философии», 1964, № 11; В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2; Г. В. Шелепов, Общность происхождения — признак этнической общности, «Сов. этнография», 1968, № 4, и др.

⁷ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 95.

территорий с однопациональным населением, и в то же время нет, вероятно, ни одной этнической общности, представители которой не были бы развезены по разным областям земного шара. Государственная принадлежность или социально-территориальная организация также не служат, очевидно, признаком этнической общности. Наличие таких однопациональных государств, как Япония, является скорее исключением. Государственные границы обычно не совпадают с этническими. Большинство государств — многонациональные; с другой стороны, представители одной этнической общности населяют разные страны. Русских, например, можно встретить более чем в двадцати странах, англичане живут более чем в пятидесяти странах и т. д.⁸ Следует отметить, что длительное проживание представителей одной и той же этнической общности в различных государствах накладывает на них определенный отпечаток, вызывая значительные различия в материальной культуре, языке (цыгане венгерские и русские эскимосы СССР и Гренландии).

Религия также, на наш взгляд, не может считаться этническим признаком, так как одну и ту же религию исповедуют народы, этническая принадлежность которых различна, и наоборот, среди одного народа встречаются люди, исповедующие различные религии. Не может служить этническим признаком и единство экономической жизни, так как единство экономики обычно совпадает с единством государственным, а не этническим.

Этнические общности возникали на ранних ступенях развития человеческого общества и существуют в настоящее время. Естественно, встает вопрос о типологизации или классификации этнических общностей. Эта сторона вопроса также не обойдена вниманием ученых. С. А. Токарев считает, что этнические общности общинно-родового строя — это племена, рабовладельческого строя — «демасы», раннефеодального строя — народности, капиталистического и социалистического строя — буржуазные и социалистические нации⁹. По мнению Н. Н. Чебоксарова, основным типом этнических общностей эпохи первобытнообщинного строя были «группы родственных племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладавших многими особенностями культуры». Этническими общностями классовых обществ являются народности и нации, состоящие из антагонистических классов, различия между которыми бывают значительны (автор исходит здесь из учения Ленина о двух культурах внутри наций классового общества)¹⁰. Основными этническими общностями нашего времени в странах социализма являются социалистические нации¹¹. Таким образом, основными типами этнических общностей обычно считают племя, народность, нацию¹².

Появившись в разные исторические эпохи, указанные типы этнических общностей в настоящее время сосуществуют во многих районах земного шара. Так, на Севере СССР расселены многие народности, которые в силу исторических причин не сложились в нации и в ходе социалистических преобразований в нашей стране продолжают свое развитие как социалистические народности. Племенное деление до нашего времени сохраняется, например, на Африканском континенте.

⁸ См. «Численность и расселение народов мира», стр. 418—450.

⁹ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 52.

¹⁰ В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121.

¹¹ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 106.

¹² В. И. Козлов в статье «Современные этнические процессы в СССР» (стр. 71—72) предлагает заменить указанные типы типологическим рядом этносов, при составлении которого учитывались бы различные факторы: численность, особенности расселения, соотношение этнической территории с территорией национально-административного деления и т. д. Предлагаемый им принцип классификации интересен, но, видимо, все же необходимы термины для обозначения типов или групп этнических общностей.

Перейдем к основной теме нашей статьи, а именно к этническим процессам, которые следует рассматривать как внутреннее развитие и взаимодействие этнических общностей.

В СССР развитие этнических процессов обусловлено рядом факторов. Основные из них следующие: закрепленное Конституцией равенство всех народов СССР; интернациональное воспитание трудящихся; отсутствие причин для антагонизма между народностями и нациями; совместный труд во всех областях народного хозяйства, способствующий активному взаимодействию этнических общностей внутри страны, взаимному обогащению их культур, добровольному восприятию языков и т. д. Этому способствует также бурное развитие производительных сил и приток населения в ранее малонаселенные районы страны. В настоящее время все районы в республиках Советского Союза (за чрезвычайно редким исключением) являются многонациональными. Так, в УзССР живут узбеки (62,2%), русские (13,5%), татары (5,5%), казахи (4,1%), таджики (3,8%), каракалпаки (2,1%) и другие народы. Если рассматривать более мелкие административные единицы, то здесь мы увидим такую же картину. Например, Ямало-Ненецкий национальный округ Тюменской области населяют ненцы, ханты, селькупы, эвенки, манси, которые составляют 33,7%, русские (44,6%), коми (7,8%), татары (6,3%), украинцы (3,1%), немцы (1,5%) и другие — всего представители более 20 национальностей. Современные этнические процессы обусловлены также ростом городов и городского населения, вовлечением в промышленное производство в прошлом отсталых народов царской России. Концентрация населения в городах, на промышленных предприятиях ускоряет нивелировку культур, распространение предметов быта фабричного производства и т. д.¹³

Учитывая разнообразие факторов, влияющих на этнические процессы, спорной представляется точка зрения В. И. Козлова, который выделяет в качестве этнических только процессы, ведущие «в конечном счете к изменению этнической (национальной) принадлежности людей»¹⁴.

Это чрезвычайно сужает понятие «этнический процесс». Проводимые в СССР переписи населения показывают, что если некоторое сокращение численности тех или иных народностей и имеет место, то за годы Советской власти мы имеем очень мало примеров изменения целыми народностями этнической принадлежности. Талыши, живущие на юго-востоке Азербайджана, по языку относились к иранской группе, однако в настоящее время большая часть их восприняла азербайджанский язык, многие элементы азербайджанской культуры и в период переписи 1959 г. показала себя азербайджанцами. В результате консолидации народов Южной Сибири (алтайцев, хакасов, тувинцев) утратили свое этническое самосознание и самоназвание этнические общности, вошедшие в их состав (качинцы, кызыльцы, сойоты и др.). Однако надо иметь в виду и такие случаи: перепись 1959 г. не зафиксировала, например, энцев, но это было результатом ошибки, а не отсутствия представителей этой маленькой, но реально существующей в низовьях Енисея народности.

Результаты этнических процессов могут быть самыми разнообразными, связанными с различными признаками этнической общности.

Сохранение или изменение этнической (национального) самосознания. Этническое самосознание, как справедливо отмечают многие исследователи, является важнейшим призна-

¹³ См. И. С. Гурвич, Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, «Сов. этнография», 1967, № 5.

¹⁴ В. И. Козлов, Типы этнических процессов и особенности их исторического развития, стр. 96. Отметим, что ниже автор утверждает, что «ассимиляционные процессы (являющиеся одним из типов этнических процессов.— Л. Х.) обычно не затрагивают самого существования участвующих в них народов, за исключением отдельных случаев, когда ассимиляция со временем кончается полным растворением одного народа в другом» (стр. 98).

ком этнической общности. Группы или даже отдельные представители нации или народности обычно сохраняют сознание принадлежности к ней даже в тех случаях, когда исторические судьбы оторвали их от родных мест (например, украинцы в Канаде или группы татар на Крайнем Севере СССР). Однако известны примеры и изменения национального самосознания частью той или иной народности (группы эвенков, говорящих по-якутски; камчадалы, забывшие свою генетическую связь с ительменами, и т. д.). В период сложения народностей племенные группы, вошедшие в них в качестве компонентов, постепенно утратили свое прежнее самосознание и самоназвание (например, славянские племена, вошедшие в состав древнерусской народности).

Иногда сознание принадлежности к нации или народности дополняется или заменяется локально-этническим самосознанием. Так, группы северных русских — поморы, печорцы, устьицеицы — долгое время сохраняли локальное самосознание, выделяя себя среди русского населения других районов: «мы — печоряне», и т. д.

С этническим самосознанием теснейшим образом связано самоназвание; без последнего не может быть и этнического самосознания. К сожалению, вопросу о самоназваниях в последнее время уделяется недостаточно внимания. Между тем этот вопрос очень важен. Так, еще недавно велся спор, можно ли считать самоназванием этноним, который означает «человек» (таких этнонимов много, в частности, среди народностей Севера). В этом случае важно знать, означает ли этот этноним «человека вообще» или «человека данной национальности». В последнем случае это несомненно самоназвание.

С этническим самосознанием связано также сознание общности происхождения. Интерес к историческому прошлому своего народа обычно очень велик.

Сохранение или утрата родного языка. В нашей стране все нации и подавляющее большинство народностей сохраняют в настоящее время свой родной язык. В союзных и автономных республиках языки основных наций употребляются не только в быту, но и в делопроизводстве, на них печатается обширная политическая, научная и художественная литература, ведется преподавание в школах и вузах. Языки многих малочисленных народностей употребляются лишь в быту. Большинство этих народностей до Советской власти не имело письменности. У нас есть очень мало примеров, когда вся народность утрачивает родной язык и принимает язык другой народности (например, маленькая финноязычная в прошлом народность воедь). Обычно утрачивают родной язык отдельные группы данной народности, живущие в иноязычном окружении (ненцы Большеземельской тундры в значительной части перешли на язык коми, а северные группы хантов говорят по-ненецки). Утрата родного языка не всегда сопровождается утратой этнического самосознания хотя бы потому, что сохраняется воспоминание о языке предков. Сохраняя язык в быту, многие народности говорят на производстве и в общественных местах по-русски или на языке большинства населения в данном районе. В результате складывается двуязычие и многоязычие; все большее число представителей разных национальностей изучает русский язык. Так воплощается в жизнь мысль Ленина о том, что «великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки»¹⁵.

Равноправие национальных языков, за что неустанно боролся В. И. Ленин, привело в нашей стране к очень важным положительным результатам. Однако широкое распространение двуязычия и многоязычия — только одна из сторон этнических процессов, происходящих в Со-

¹⁵ В. И. Ленин, Нужен ли обязательный государственный язык?, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 295.

ветском Союзе. При взаимодействии языков можно отметить, например, влияние русского языка на другие языки в области лексики, иногда синтаксиса¹⁶.

Сохранение или утрата национальных черт культуры. Большинство сельского и промыслового населения Крайнего Севера нашей страны, Средней Азии, Кавказа сохраняют многие черты своей традиционной национальной культуры. Так, у народов Крайнего Севера сохраняются оленеводство, меховая одежда, частично традиционное жилище, предметы быта и т. д. Часто на степень сохранения национальных черт культуры влияют природные условия (одежда из меха в условиях Севера). Однако неправильно было бы считать это закономерностью. Например, женщины-коми, живущие в Ненецком и Ямало-Ненецком национальных округах, сохраняют национальную одежду, принесенную ими из более южных районов, хотя она вовсе не приспособлена для Севера.

Городское население в значительной степени утратило национальные черты культуры и восприняло нейтральную в этническом отношении, так называемую городскую культуру, т. е. одежду фабричного производства, стандартные дома и т. д.

В результате развития хозяйства, совершенствования форм быта новые элементы культуры появляются и среди сельского населения (распространение, наряду с национальной одеждой и утварью, предметов фабричного производства, появление швейных и стиральных машин, радиоприемников, фотоаппаратов и т. д.). Тесные хозяйственные и культурные связи между разными народностями неизбежно вызывают взаимное восприятие отдельных элементов хозяйства, культуры, быта. Все это приводит к изменению этнического облика данного народа, не изменяя обычно его этнического самосознания.

Наличие или отсутствие смешанных браков. Имеющиеся данные говорят о том, что в последний период число смешанных в этническом отношении браков увеличивается. Вступают в такие браки люди самых различных национальностей (например, нами в 1966 г. в Ямало-Ненецком округе были зафиксированы браки между узбеком и ненкой, татариним и коми-зырянкой и т. д.).

В смешанных семьях дети принимают национальность по отцу или по матери в зависимости от существующих традиций, а иногда и от других причин (льготы для коренного населения Севера подчас влияют на определение национальности детей в смешанных семьях). В таких семьях обычно используется русский язык или язык одного из супругов (часто язык этнического окружения семьи).

Бывает, что дети не знают родного языка ни отца, ни матери, а говорят только по-русски (как в случае брака узбека и ненки, живущих в г. Салехарде, где большинство населения говорит по-русски).

Какова же общая типология этнических процессов?

Наиболее полно этот вопрос разработан В. И. Козловым. Он выделяет два основных типа процессов: процесс этнического разделения, который характерен главным образом для первобытнообщинного строя, и процесс этнического объединения, характерный для антагонистических классовых обществ и социалистического строя. Первое направление этнического развития, по мнению автора, «привело к возникновению из нескольких стад первобытных людей многих тысяч расселившихся по всей земле народов»¹⁷. Процессы этнического объединения В. И. Козлов подразделяет на консолидационные и ассимиляционные. Под процессом

¹⁶ См. сб. «Язык и общество», М., 1968.

¹⁷ В. И. Козлов, Типы этнических процессов и особенности их исторического развития, стр. 97; его же, Современные этнические процессы в СССР, стр. 65. С этим положением трудно согласиться: можно ли стада первобытных людей считать этническими общностями? Скорее указанный процесс можно назвать этнообразующим.

этнической консолидации автор понимает «слияние нескольких самостоятельных народов (иногда и крупных частей народов), обычно родственных по языку и культуре, в единую этническую общность (например, восточнославянских племен вятичей, кривичей, северян и других в русский народ)». Под ассимиляцией им понимается «процесс этнического взаимодействия уже сформировавшихся народов, обычно значительно отличающихся своим происхождением, языком и культурой и имеющих четкое этническое самосознание. Сущность процесса ассимиляции заключается в том, что отдельные группы людей, принадлежащие к одному народу, вступая в контакт с другим народом (и особенно оказываясь в среде этого народа), с течением времени утрачивают специфику своей культуры и быта, усваивают культуру другого народа, воспринимают его язык и в итоге могут перестать считать себя принадлежащими к прежней этнической общности, раствориться в новой этнической среде»¹⁸. При этом В. И. Козлов различает естественную и насильственную ассимиляцию.

Считая наиболее характерными процессами для нашей страны процессы ассимиляции и консолидации, автор отмечает такие этапы или стадии этнических процессов, как «адаптация» и «аккультурация», ведущие в конечном итоге к ассимиляции¹⁹, а также процесс внутригосударственной национальной интеграции, т. е. процесс ослабления этнического фактора в жизни населения СССР²⁰.

Вряд ли правильно считать ассимиляцию одним из наиболее характерных этнических процессов в нашей стране. Здесь, как представляется, следует различать этническую и языковую ассимиляцию, учитывая, что последняя есть часть первой. Действительно, языковая ассимиляция широко распространена, особенно среди непрерывно растущего городского населения. Городское население из числа национальных меньшинств часто не становится двуязычным, а просто утрачивает постепенно свой родной язык и переходит на язык основного населения данного района. Однако при этом представитель национального меньшинства не обязательно меняет национальное самосознание и самоназвание, а утрачивая черты своей национальной культуры, воспринимает, как правило, вовсе не национальную культуру большинства населения, а нейтральную в этническом отношении, так называемую городскую культуру, т. е. одежду, убранство жилища, изделия фабричного производства. Представители разных национальностей, живущие в городах РСФСР, по образу жизни и материальной культуре не отличаются (или отличаются очень незначительно) друг от друга. Однако фабричная мебель и одежда, которой они пользуются, это, разумеется, не национальная русская культура. Этническая ассимиляция же предполагает не только утрату национальных черт ассимилированной общностью, но и приобретение ею национальных черт ассимилирующей общности, что имеет место не так часто.

Процесс широкого распространения так называемой городской культуры можно скорее назвать процессом ослабления этнического фактора.

Основным и наиболее прогрессивным в этнических процессах, видимо, следует считать процесс взаимообогащения культуры — распространение наиболее ценных элементов культуры каждой этнической общности в масштабе всей страны. Этому способствуют все те факторы, определяющие развитие этнических процессов в СССР, о которых мы говорили выше. Печать, радио, телевидение, регулярное проведение своеобразных художественных отчетов республик в Москве и других республиках — все это способствует постоянному взаимодействию культур различных народов нашей страны, расширяет кругозор жителей самых

¹⁸ В. И. Козлов, Типы этнических процессов и особенности их исторического развития, стр. 97.

¹⁹ В. И. Козлов, Современные этнические процессы в СССР, стр. 67.

²⁰ В. И. Козлов, Типы этнических процессов и особенности их исторического развития, стр. 100; его же, Современные этнические процессы в СССР, стр. 67.

отдаленных уголков страны, дает возможность приобщения к культуре других народов, заимствования отдельных ее элементов и т. д. Приведем несколько примеров из области искусства: геометрический орнамент ненцев и хантоэ сейчас довольно широко используется в промышленности при изготовлении изделий из меха и популярен у многих народов СССР; столь же большой популярностью почти повсеместно пользуются среднеазиатские ковры и тюбетейки, русские деревянные и глиняные игрушки, шкатулки палехских умельцев, украинские вышитые рубашки, изделия из янтаря прибалтийских мастеров. Балет татарского композитора Яруллина «Шурале», написанный на основе татарской народной музыки, идет на сценах ряда театров страны; стихи замечательного дагестанского поэта Расула Гамзатова переведены на многие языки; национальная спортивная борьба маленького нанайского народа представлена на эстраде и в цирке.

Взаимовлияние культур происходит повсеместно. На Крайнем Севере, например, ненцы воспринимают от русского населения русский язык, который помогает им приобщиться к богатейшей русской и мировой культуре, навыки оседлого образа жизни и многое другое, но и русское население восприняло от ненецкого меховую одежду, незаменимую пока на севере (слово «малица» вошло в русский и другие языки из ненецкого), оленный транспорт. Пусть масштабы взаимного обогащения культур различны, но это, как представляется, наиболее прогрессивный путь этнического развития.

Широкое распространение процесса взаимообогащения культур не исключает, разумеется, и других процессов — дальнейшей консолидации наций и народностей, ассимиляции (особенно языковой), утраты национальных черт культуры большинством городского и частью сельского населения всех этнических общностей.

Интенсивность этнических процессов у различных групп населения может быть различной. В отдельных районах наблюдаются случаи известной изоляции национальных групп населения (отсутствие соседских и брачных связей, языковых заимствований и т. п.). Важно выявить причины этого явления. Отметим, что не всегда отсутствие контактов бывает связано с географическими особенностями территории расселения, как это имеет место в отдельных районах Кавказа. Иногда это вызвано отсутствием производственных связей (занятостью различных национальных групп населения в разных отраслях хозяйства), известной разницей в культурном уровне, наличием случайного, временного населения и т. д.

Для дальнейшего изучения современных этнических процессов необходимо постоянное совершенствование методики исследований. В настоящее время ведется разработка этносоциологических и этнографических анкет по разным темам и проблемам, в том числе по изучению этнических процессов. Большое внимание сейчас уделяется также методике изучения межнациональных браков²¹. Следует, однако, помнить, что при этнографических исследованиях остается много сторон быта, которые не могут быть изучены анкетным методом. Поэтому традиционные этнографические методы (наблюдение, беседы и т. п.) сохраняют свое значение и в исследовании современных этнических процессов. Методика сбора материалов также требует совершенствования. В частности, необходима

²¹ О. А. Ганцкая, Г. Ф. Дебеч, О статистической изученности межнациональных браков, в кн.: «Тезисы докладов на заседании, посвященном итогам полевых исследований 1965 г. Институт археологии и Институт этнографии АН СССР», М., 1966; А. Г. Трофимова, Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник, «Сов. этнография», 1965, № 5; Ю. И. Першиц, О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности, «Сов. этнография», 1967, № 4; Л. Н. Терентьева, Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях, «Сов. этнография», 1969, № 3.

разработка программ, более четкое выявление аспекта изучения того или иного явления. Для успешного сбора полевых материалов необходимо более широкое использование современной техники — кинокамер, магнитофонов и т. п. для записи бесед, съемок бытовых сцен и обрядов и т. д.

Все это поможет более четко определить направление и типы современных этнических процессов в нашей стране в целом и в отдельных ее районах.

S U M M A R Y

After reviewing the various definitions of the term «ethnos» and examining problems of the typology of ethnic communities in Soviet research works the author suggests certain considerations on the specific aspects of ethnic processes in the USSR. The author disagrees with some opinions expressed by V. I. Kozlov in his article «Modern ethnic processes in the USSR» («Sovetskaya Ethnografia», 1969, № 2); it is the mutual enrichment of cultures not assimilation, that should be regarded as the principal process.

Л. С. Солсвей

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ В МОЛДАВИИ

Всестороннее экономическое и культурное развитие Молдавии, расширение межреспубликанских и внутриреспубликанских связей сопровождается ростом миграции населения, сложными этническими процессами, постепенным усилением межнационального общения, приводящим в частности к росту числа разнонациональных (смешанных в национальном отношении) семей.

Как известно, при переписи 1959 г. национальность опрашиваемого определялась им самим, а национальность несовершеннолетних детей — их родителями. В тех случаях, когда отец и мать принадлежали к различным национальностям и сами затруднялись указать национальность ребенка, предпочтение отдавалось национальности матери. В период между переписями органы государственной статистики ведут учет родившихся, также исходя из этого принципа, т. е. дети, родившиеся в разнонациональных семьях, учитываются по национальности матери. Критика, которой подвергаются недостатки такого механического подхода, представляется вполне убедительной¹.

Изучение воспроизводства населения с точки зрения его этнического происхождения представляет научный и практический интерес. Одним из факторов, определяющих национальный состав будущих поколений, является относительное число детей, появившихся в национально-смешанных семьях. В известной мере этот фактор, наряду с другими, позволяет судить о степени ассимиляции различных национальностей, хотя для более полного анализа ассимиляционных процессов требуются сведения о национальности не только матери, но и отца, а такого учета органы статистики не ведут; необходимы также данные о выборе национальности при получении паспорта и др.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные за 1959—1965 гг. свидетельствуют о том, что в Молдавской ССР процент детей, у которых отец и мать принадлежат к различным национальностям, в общем числе родившихся возрастает. Если в 1959 г. на 1000 родившихся приходилось 107,7 детей, имевших отца и мать разных национальностей, то в 1965 г. число таких детей увеличилось до 134,4, т. е. почти на 25 процентов.

Молдавская ССР — многонациональная республика, в которой по переписи 1959 г. молдаване составляли 65,4% населения; украинцы — 14,6%, русские — 10,2%, гагаузы — 3,3%, евреи — 3,3% и болгары — 2,1%.

Из табл. 1 видно, что если у молдаван, гагаузов и евреев дети от национально-смешанных браков составляют лишь около 10% родившихся, то у болгар примерно каждый четвертый, у украинцев — каждый третий, а у русских — почти каждый второй ребенок рождается в национально-смешанных семьях (в статье всюду национальность указана по национальности матери). Рассматривая динамику этого процесса по республике в целом, за указанный период можно отметить следующее: заметное увеличение числа родившихся в разнонациональных семьях у болгар (18% в 1959 г. и

¹ См. С. И. Брук, В. И. Козлов, Этнографическая наука и перепись населения 1970 г., «Сов. этнография», 1967, № 6.

Относительное число родившихся в национально-смешанных семьях
(на 1000 всех родившихся данной национальности)

Национальность	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.
Все националь- ности	107,7	116,2	115,3	124,1	122,2	129,8	134,4
Молдаване	42,8	47,4	45,8	55,5	49,2	50,9	55,0
Украинцы	288,2	301,6	304,9	312,4	320,9	340,0	346,0
Русские	454,3	462,7	469,8	475,6	476,7	493,4	477,1
Гагаузы	57,9	56,9	65,0	70,9	70,3	78,5	100,3
Евреи	70,6	99,1	81,3	82,2	101,6	92,4	105,6
Белорусы	787,5	782,6	772,3	731,8	744,4	804,4	801,7
Болгары	177,2	201,1	220,8	236,6	239,6	275,2	264,1
Прочие	252,2	298,4	308,5	204,3	211,1	270,0	332,8

Таблица 2

Относительное число родившихся в национально-смешанных семьях
(на 1000 всех родившихся данной национальности) по городу и деревне

Национальность		1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	В среднем за 1959— 1965 гг.
Все национальности	город	305,9	332,1	317,3	309,6	329,9	344,7	343,1	325,9
	село	68,7	71,2	69,6	76,5	72,0	73,4	71,3	71,6
Молдаване	город	201,6	229,7	208,0	194,9	224,9	223,9	225,0	215,4
	село	28,5	30,9	28,9	37,7	30,1	30,6	30,7	31,0
Украинцы	город	456,5	468,8	452,1	457,4	455,7	467,1	474,8	461,7
	село	221,8	227,5	233,9	233,5	248,4	259,8	257,2	238,0
Русские	город	442,1	455,5	457,9	466,5	462,6	487,4	476,6	459,2
	село	471,1	483,9	487,5	498,9	503,0	505,9	478,6	488,8
Гагаузы	город	105,8	104,3	113,1	125,3	142,2	148,9	200,4	133,2
	село	42,7	42,9	49,0	49,9	47,9	55,3	56,1	48,4
Евреи	город	61,9	92,0	75,5	72,9	100,1	87,4	95,7	82,9
	село	233,2	229,5	189,6	250,0	138,8	241,4	428,6	230,0
Болгары	город	313,0	382,3	289,3	276,6	329,7	367,0	316,5	321,9
	село	148,1	164,6	195,0	219,5	206,6	241,8	241,3	196,4
Белорусы	город	788,6	762,9	776,3	710,7	738,5	809,5	813,6	773,9
	село	785,7	819,4	776,9	776,0	757,1	789,5	772,7	780,6
Прочие	город	368,4	411,2	493,6	258,7	212,6	360,0	432,3	357,6
	село	180,5	220,0	187,5	168,1	212,4	194,3	240,2	197,2

26% в 1965 г.) и украинцев (соответственно 29 и 35%); менее значительное возрастание у русских (45 и 48%), гагаузов и евреев; у самой многочисленной национальности — молдаван удельный вес родившихся не в однонациональных семьях в общем сохраняется на уровне 5% (с колебаниями по годам в 1%), хотя и здесь в целом имеет место та же тенденция возрастания.

Отдельно по городскому и сельскому населению удельный вес родившихся в национально-смешанных семьях (в расчете на 1000 родившихся данной национальности) показан табл. 2.

Сразу же бросается в глаза резкое количественное различие в соотношении доли родившихся в национально-смешанных семьях в городах и сельской местности. В общем числе родившихся всех национальностей, процент родившихся в разнонациональных семьях в сельской местности, отличающейся большей этнической однородностью, остается около 7%, а в городах, с характерным для них многонациональным составом населения, возрастает до 30—34%. Рассматриваемый процесс у отдельных национальностей протекает по-разному.

Среди молдаван, гагаузов, украинцев и болгар удельный вес родившихся в национально-смешанных семьях в городах больше, чем в сельской местности: у молдаван

примерно в 7 раз, у гагаузов — в 2,5—3,5 раза, у болгар и украинцев — в 2 раза; у русских и белорусов почти нет в этом отношении разницы между городским и сельским населением, а у евреев процент родившихся в разнонациональных семьях в сельской местности даже выше, чем в городах². Молдаване в республике составляют две трети всего населения, причем 90% их проживает в сельской местности (1959 г.). Этим, по-видимому, можно в значительной мере объяснить то, что в городах каждый пятый родившийся в смешанной семье (где мать по национальности молдаванка) имеет отца не молдаванина, а в сельской местности лишь каждый тридцатый — тридцать второй³. У украинцев относительное число детей, родившихся в национально-смешанных семьях, более велико, чем у молдаван. Даже в сельской местности каждый четвертый родившийся имеет отца не украинца, а в городах — каждый второй, и процент детей, родившихся в разнонациональных семьях, повышается (в городах с 45,5% в 1959 г. до 47,5% в 1965 г., в селах соответственно с 22,2 до 25,8%). Русское сельское население в республике имеет самый высокий, по сравнению с другими национальностями, удельный вес родившихся в национально-смешанных семьях. В городах, в селах в каждой второй семье, в которой мать — русская, отец — другой национальности.

В Молдавии насчитывается около 96 тыс. гагаузов (1959 г.), в основном они живут в сельской местности, и к тому же более или менее компактно. Процент детей от смешанных браков гагаузок сравнительно невысок, особенно в селах, но он быстро возрастает. За 7 лет процент родившихся в семьях, где мать — гагаузка, а отец — другой национальности, в городах удвоился (в 1959 г. один из 10, а в 1965 г. — уже один из 5), да и в селах повысился с 4,3% до 5,6%.

Четыре пятых всех живущих в республике болгар — сельское население, но тем не менее относительное число детей от браков болгарок с мужчинами других национальностей сравнительно высокое. В городах каждый третий, а в сельской местности — каждый пятый из родившихся у болгарок имеет отца не болгарина, причем удельный вес родившихся в таких семьях возрос в сельской местности с 14,9% в 1959 г. до 24,1% в 1965 г.

В отличие от других национальностей, у евреев, подавляющее большинство которых живет в городах (93% в 1959 г.), число родившихся в смешанных семьях, меньше по сравнению с таковым у городского населения любой другой национальности, но в сельских разнонациональных семьях оно повышается (в городах один из 10—12 родившихся у еврейки имеет отца не еврея, а в селах — один из 4).

По переписи 1959 г. в Молдавии насчитывалось 6 тыс. белорусов, в том числе 3 тысячи женщин, из них почти 2,3 тысячи жили в городах. Поскольку на территории Молдавии белорусы расселены очень дисперсно, то не удивителен исключительно высокий процент родившихся в смешанных семьях у этой национальности: из каждых четырех родившихся и в городах, и в селах — три имеют отца другой национальности, причем в динамике рождаемости существенных изменений за 7 лет не наблюдается.

Таким образом, можно, на наш взгляд, указать на следующие моменты воспроизводства населения Молдавии с точки зрения его этнического состава.

Во-первых, процент детей, родившихся в семьях, где отец и мать принадлежат к различным национальностям, повышается. При этом в городах этот процесс идет более интенсивно, чем в сельской местности, что обусловлено развитием производства, уровнем культуры, мобильностью населения и другими факторами. Во-вторых, относительное число детей, родившихся в смешанных семьях, выше у меньших по численности национальностей, чем у больших.

Можно предположить, что в процессе урбанизации с увеличением миграции населения и в дальнейшем будет происходить рост относительного числа детей, родившихся в смешанных семьях, в той мере, в какой отмеченные факторы способствуют мобильности национальных групп, усилению межнационального общения. Разумеется, эти выводы делаются лишь в порядке первого приближения, так как для более точного анализа обнаруженных тенденций требуются данные за более продолжительный срок.

² К показателю для евреев, проживающих в сельской местности, следует относиться критически, так как абсолютное число родившихся здесь крайне незначительно.

³ По удельному весу родившихся в разнонациональных семьях нельзя, разумеется, судить об удельном весе самих этих семей, поскольку рождаемость определяется многими сложными обстоятельствами.

В. П. Пачулиа

ТУРИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Практика международного туризма знает уже немало примеров строительства и оформления туристических объектов в традиционном стиле народной архитектуры. В качестве примера можно привести находящиеся в ведении Туристско-краеведческого общества туристические базы и гостиницы в Закопане и других местах Польши. Они построены в народном стиле, с учетом архитектурного своеобразия каждого воеводства (области), с сохранением народных традиций в оформлении интерьеров, сервировке стола и т. д. То же можно увидеть на турбазах, в домах отдыха, ресторанах и кафе Ростокской курортной зоны ГДР или в столице Венгерской Народной Республики — Будапеште. В Болгарии, в курортном центре «Золотые пески», в прошлом году вступил в строй расположенный среди живописных скал оригинальный комплекс «Рыбарско Селиште» (Рыбачья деревня) — мотель с рестораном. Аналогичные примеры известны и из практики развитого туризма в некоторых капиталистических странах.

В нашей стране в связи с ростом внутреннего и иностранного туризма наблюдается стремление использовать народные традиции при строительстве туристических комплексов. В ряде союзных и автономных республик и областей Советского Союза уже созданы, в других — создаются музеи народного зодчества¹. К числу их относятся музеи: в Латвийской ССР — в Риге (Баложь), в Карельской АССР — в Заонежье (Кижь), в Грузинской ССР — в Тбилиси (Дидубе).

В прибалтийских республиках, кроме музеев под открытым небом, туристов привлекают оригинальные рестораны и закусочные с национальной кухней, которые размещены в старинных ветряных мельницах и других хозяйственных помещениях. В Западной Украине создана турбаза, при строительстве которой были использованы традиции гучульского стиля. Недавно в окрестностях Казани введено в эксплуатацию «Татарское село» — туристическая база, созданная молодыми зодчими республики.

В Абхазской АССР, где впервые в нашей стране стали использовать элементы традиционной народной культуры для оформления предприятий общественного питания, в окрестностях Сухуми, в ущелье речки Шицквара (Самшитовый ручеек), был построен ресторан «Эшера», а на Военно-Сухумской дороге — ресторан «Мерхеула». В этих ресторанах имеются национальные кухни — «апацхи» с большим выбором абхазских и грузинских национальных блюд. Из Сухуми до Мерхеула можно совершить десятикилометровую прогулку на фаэтонах и в дилижансах. Рестораны и закусочные, построенные в народном стиле, открыты также в селах Араду, Беслахуба и вблизи г. Гудаута, на берегу горной речки Хипста и на оз. Рица.

В древней столице Грузии — Мцхете — туристы охотно посещают экзотический ресторан «Марани». В Москве открыт ресторан «Славянский базар». В Суздале в построенных в старинном русском стиле закусочных можно отведать блюда русской национальной кухни. Вблизи курорта Сочи созданы этнографические комплексы — «Старая мельница» и «Кавказский аул».

Своеобразная архитектура и внутреннее убранство подобных туристических объектов привлекают туристов и отдыхающих, помогают им лучше ознакомиться с бытом и традициями народов СССР. Создание этнографических комплексов на главных туристских трассах страны необходимо еще и потому, что «по мере поступательного развития

¹ А. Ополонников, Музеи народного зодчества, «Архитектура СССР» 1965, № 12, стр. 26.

человечества внешние проявления этнической специфики в сфере культуры становятся все менее отчетливыми»². Сейчас уже редко можно встретить вблизи городов и сел, чахоткающихся на главных железнодорожных и шоссе магистралах, постройки в национальном стиле — они вытесняются современными домами. Ю. В. Бромлей правильно отмечает, что «на стадии нации, в условиях которой повседневная жизнь, в первую очередь материальная культура и быт, все более нивелируется, сфера проявления этнической специфики сужается: она сводится (помимо языка), в основном, к некоторым сторонам духовной культуры и сознанию этнической принадлежности. Одним словом, в ходе прогрессивного развития человеческого общества этнические признаки как бы уходят с поверхности вглубь»³. Поэтому наряду с обычными этнографическими музеями и музеями под открытым небом, на наш взгляд, целесообразно создавать на главных туристских маршрутах страны поселки и постройки в стиле традиционной народной архитектуры, устраивая в них кафе и рестораны со старинной утварью, музыкальные салоны и места театрализованных этнографических представлений.

Исходя из этих предпосылок, Сухумский научно-исследовательский институт туризма в течение последних четырех лет провел ряд экспедиций в предгорной и горной зонах Абхазии с целью детального изучения народных построек, хозяйственного инвентаря, сервировки стола и национальной кухни. Был собран большой историко-этнографический материал. Одновременно сотрудники института подыскивали живописные места для размещения туристских баз.

Центральный Совет по туризму ВЦСПС и Грузинский Республиканский Совет по туризму приняли рекомендации Института туризма, и в ближайшее время начнется строительство туристических поселков для советских туристов. Управление по иностранному туризму при Совете Министров СССР также одобрило наши рекомендации и поручило Абхазскому отделению всесоюзного акционерного общества «Интурист» строительство турбазы в народном стиле в живописном ущелье р. Гумыста, где в 1968 г. уже был построен кемпинг для иностранных туристов.

Институт туризма разработал проект первого такого туристского поселка — «Абхазское село». Он будет состоять из нескольких комплексов, каждый из которых рассчитан на 50 человек. В каждый комплекс войдут «акуаска» (главный дом или гостиная), «амацурта» (национальная кухня), «ачтра» (конюшня) и другие постройки. На территории каждого комплекса разместятся также 25 «амхара» (дословно: дом молодоженов) — двухместные, плетеные из рододендрона и покрытые камышом хижины⁴. Все сооружения, несмотря на строго выдержанный историко-этнографический облик, будут располагать современным внутренним благоустройством. На территории такого поселка намечается строительство площадки для отдыха и спортивных игр.

Второй поселок — «Поселок нарттов», рассчитанный на 200 человек, будет размещен под кронами деревьев, в живописной местности, на возвышенности вблизи моря. Его территория, включая подсобные помещения, займет около 2 га. Оформление туристского «Поселка нарттов» будет сделано по мотивам нартского эпоса⁵. Основным зданием комплекса станет жилище Сатаней Гуаша — матери нарттов, состоящее из четырех комнат. В соответствии с народной традицией, дом будет построен из каштановых или дубовых досок, с четырехскатной крышей, крытой черепицей или дранкой. Жилище будет приподнято на метр от земли на толстых дубовых сваях. Центральный холл будет украшен шкурами диких зверей, оружием, аджамгунами — большими глиняными кружками, распространение которых у абхазов народная традиция относит ко временам нарттов⁶. В одном из углов холла будет расположен камин. Три остальные комнаты предназначены для размещения администрации, одежды в национальные костюмы, но-

² Ю. В. Бромлей, Основные направления этнографических исследований в СССР, «Вопросы истории», 1968, № 1, стр. 44.

³ Там же, стр. 45.

⁴ До недавнего времени, по абхазским обычаям, молодожены жили определенный срок в специальных хижинах вблизи главного семейного дома. Эти легкие сооружения сохранились в горной зоне Абхазии до наших дней.

⁵ Ш. Д. Инал-ипа, Абхазы (историко-этнографические очерки), Сухуми, 1965, стр. 595.

⁶ Ц. Н. Бжания, Из истории хозяйства абхазов (этнографические очерки), Сухуми, 1962, стр. 136.

сящей конические шапки нартов, сшитые из отдельных кусков войлока⁷. Широкая веранда, идущая по фасаду дома, будет украшена абхазским резным орнаментом.

В обе стороны от веранды будут отходить крытые черепицей или дранкой галереи, соединяющие главное здание с двумя кухнями «амацурта». Амацурта представляет собой тип древнейшего четырехугольного абхазского жилища со стенами, сплетенными из рододендрона или азалии, без пола, с очагом в центре.

Открытый очаг, отсутствие потолка, стоящие у стен дубовые столы, задымленная крыша и свисающие с жердей сыры, окорока, копченое мясо барана или козла, атубар (абхазская колбаса) создадут неповторимый колорит.

Амацурта совмещает функции кухни и столовой. Поэтому приготовленные блюда будут тут же подаваться на низкие деревянные столики, сервированные национальной посудой из глины, кавказского горного клена, самшита, горькой тыквы и рога.

Как уже упоминалось, основным жилищем туристов будут двухместные хижины (в подобных хижинах, согласно эпосу, жили братья нарты со своими женами после ухода из большого общего дома). У каждого дома будет своя эмблема, по имени одного из нартов, и турист в поселке будет жить как бы под его эгидой. Хижины будут располагать всеми средствами современного комфорта, но внешнее оформление их сохранит национальный колорит.

Рядом с «Поселком нартов», как и в современном абхазском селе, будет создана спортивная площадка, где туристы смогут принять участие в абхазских народных играх: стрельбе из лука, городках, игре в мяч и др. Победители получают специальные памятные значки: мужчины — с изображением нарта Сасрыквы — главного героя эпоса, стрелой сбивающего звезду, женщины — с изображением красавицы Гунды.

Идею строительства «Поселка нартов» можно воплотить в жизнь не только в Абхазии, но и в ряде мест Северного Кавказа, так как различные варианты нартского эпоса бытуют в среде адыгов, черкесов, кабардинцев, осетин, абазин, карачаевцев, ингушей, чеченцев, дагестанских народов.

Нам представляется, что целесообразность строительства туристических комплексов с национальным колоритом определяется небольшим объемом строительных работ, возможностью использования бесфондовых материалов, а также быстрой экономической выгодой от большого количества советских и иностранных туристов, которых, без сомнения, привлечет экзотика подобных поселков. Не случайно проект строительства «Поселка нартов» получил одобрение советских и зарубежных специалистов. Было отмечено, что с его постройкой Сухуми станет одним из крупных туристических центров.

Само строительство начинается в этом году и уже в 1971 г. первый такой комплекс, расположенный на курорте Новый Афон под Сухуми, сможет принять туристов.

Описанные туристические этнографические комплексы являются по сути модификацией древних абхазских поселков с использованием в новых исторических условиях отдельных элементов традиционной народной культуры. Хотя в основу строительства подобных поселков будут положены типы жилища, бытующие или бытовавшие в прошлом в данной конкретной местности, в них безусловно должны прослеживаться черты, указывающие на сложившуюся на протяжении веков общность многих элементов культуры народов Кавказа.

Успешное изучение этнографических особенностей различных народов, населяющих нашу необъятную Родину, их богатейшего культурного наследия позволяет создать самобытные туристические комплексы, подобные тем, которые были разработаны Сухумским институтом туризма. Все это, в свою очередь, будет способствовать успешному развитию отечественного и иностранного туризма в СССР.

В этом важном государственном деле должны быть широко использованы знания этнографов, которые своими консультациями, участием в разработке проектов, а также рекомендациями при организации туристско-этнографических комплексов могут оказать большую помощь работникам Советов по туризму, местным отделениям «Интуриста» и другим туристическим организациям.

⁷ Там же, стр. 147.

М. А. Дэвлет

О БРАХИКРАННОМ КОМПОНЕНТЕ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В последнее десятилетие выводы антропологов по вопросам этногенеза все чаще подтверждаются археологическими материалами, хотя многие проблемы еще ждут своего решения. Так, попытка связать антропологические данные и выделенные методом картографирования археологических памятников локальные группы тагарской культуры наталкивается на неразработанность вопроса о локализации типов внутри тагарского населения.

Антропологический материал из тагарских курганов представлен большими сериями. В 1931 г. Г. Ф. Дебеч опубликовал данные о 90 тагарских черепах¹, в 1948 г. им было обработано 262 черепа²; В. П. Алексеевым в работе 1961 г. привлечено 424 тагарских черепа³.

Тагарские черепа В. П. Алексеев суммарно характеризует как крупные, массивные с большими величинами продольного и высотного и средними — широтного диаметра: черепной коробки, широким, приближающимся к прямому лбом и сильно развитым надбровьем. Лицо средней высоты, широкое, ортогнатное. Нос средней высоты и ширины, сильно выступающий, с несколько уплощенным переносьем, что объясняется большой шириной носовых костей. Орбиты широкие, низкие, мезоконхные по указателям⁴. У исследователей не вызывает сомнений отнесение черепов к большой европеоидной расе, хотя и Г. Ф. Дебеч, и В. П. Алексеев констатировали наличие небольшой монголоидной примеси⁵, которая прослеживается начиная с первой стадии тагарской культуры⁶. В. П. Алексеев объясняет это обстоятельство возможным притоком монголоидов в Минусинскую котловину из Центральной Азии⁷; не исключено также, что монголоидный компонент в составе тагарского населения восходил к предшествующему времени и имел местное происхождение⁸.

На основании анализа кривых распределения вариантов и разбивки материала по могильникам Г. Ф. Дебеч выделил в 1931 г. внутри европеоидного тагарского населения два типа, которые различаются диаметром черепной коробки и, в частности, головным указателем, и не различаются по размерам⁹. В. П. Алексеев отмечал, что на его материале анализ кривых распределения не подтверждает выводов Г. Ф. Дебеча. Поскольку расстояние между вершинами кривых мало, а количество случаев незначительно, В. П. Алексеев считает, что этому обстоятельству вряд ли стоит придавать существенное значение. «Что же касается локализации типов с различной формой черепной коробки в пространстве, что, конечно, является веским доказательством их реальности,—

¹ Г. Ф. Дебеч, Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии, «Сов. Азия», 1931, № 5—6.

² Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IV, 1948, стр. 124.

³ В. П. Алексеев, Палеоантропология Хакасии эпохи железа, «Сборник МАЭ», т. XX, 1961, стр. 241.

⁴ Там же, стр. 250—251.

⁵ Г. Ф. Дебеч, Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии, стр. 197; его же, Палеоантропология СССР, стр. 126; В. П. Алексеев, Указ. раб., стр. 251.

⁶ В. П. Алексеев, Указ. раб., стр. 251.

⁷ Там же.

⁸ В. П. Алексеев, Происхождение хакаского народа в свете данных антропологии, «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края», Красноярск, 1963, стр. 160.

⁹ Г. Ф. Дебеч, Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии, стр. 197—202; его же, Палеоантропология СССР, стр. 126.

писал он, то от суждения по этому вопросу воздерживаюсь, пока не будет произведена разбивка всего материала по могильникам»¹⁰.

Если для афанасьевских черепов характерна долихомезокефальная и высокая черепная коробка¹¹, для андроновских — мезокранный черепной указатель¹², то наиболее типичной для карасукских могильников является комбинация довольно грацильного европеоидного лицевого скелета с брахикранной мозговой коробкой¹³. Г. Ф. Дебец считает также, что имеется примесь узколицего монголоидного элемента, относящегося к дальневосточной расе азиатского ствола¹⁴. Воспроизведенная М. М. Герасимовым голова из карасукского погребения близ Батеней, по мнению исследователя, больше всего похожа на современные североманьчжурский и северокайтайский типы¹⁵. Карасукским временем датируется и ряд черепов, сближающихся с афанасьевскими и андроновскими черепами по отдельным признакам или комбинациям признаков¹⁶. Черепа, сходные с краниологическими вариантами предшествующего времени, концентрируются в основном в могильниках, относимых Э. А. Новгородовой ко второй группе памятников карасукского времени на Енисее¹⁷. Единичной остается находка негроидного по своим морфологическим особенностям карасукского черепа¹⁸.

Долихокранный европеоидный тагарский тип сближается по ряду признаков как с афанасьевскими, так и с андроновскими черепами¹⁹.

Среди тагарцев реже встречаются европеоидные брахикраны. «Происхождение этого брахикранного типа, — пишет Г. Ф. Дебец, — неясно. Отмечено наличие брахикранных европеоидов в крайне сложной по своему расовому составу карасукской культуре. Констатирование этого факта мало способствует, однако, выяснению вопроса»²⁰.

В одной из ранних работ Г. Ф. Дебеца мы находим более определенные высказывания по интересующему нас вопросу. В 1932 г. он писал, что брахицефальный компонент в составе населения тагарской культуры скорее всего следует отнести за счет карасукского типа. Ему представлялось весьма вероятным, что брахицефальный тагарский тип является гибридным (карасукский + тагарский длинноголовый)²¹. В. П. Алексеев также высказал предположение, что брахикранный европеоидный тип в составе тагарского населения преемственно связан с карасукской эпохой²².

¹⁰ В. П. Алексеев, Палеоантропология Хакассии эпохи железа, стр. 251—252.

¹¹ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 67.

¹² Последние годы выделяется так называемая окуневская культура, которая, возможно, сосуществовала некоторое время с афанасьевской и для которой характерен краниологический тип с монголоидной примесью. См.: Г. А. Максименков, Окуневская культура, «Материалы по древней истории Сибири», Улан-Удэ, 1964, стр. 243—248; его же, Окуневская культура в Южной Сибири, сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 168—174; Л. А. Иванова. О происхождении брахикранного компонента в составе населения афанасьевской культуры, «Сов. этнография», 1966, № 3; В. П. Алексеев, Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXI, 1961; его же, О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры, «Сов. этнография», 1961, № 1.

¹³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 70.

¹⁴ Там же, стр. 82.

¹⁵ Там же, стр. 83. В. П. Алексеев сравнивает население карасукской культуры с древними и современными представителями памиро-ферганской расы. См.: В. П. Алексеев, Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы, «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 382—383; его же, Происхождение хакаского народа в свете данных антропологии, стр. 158—159.

¹⁶ М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1949, стр. 104.

¹⁷ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 82; В. П. Алексеев, Происхождение хакаского народа в свете данных антропологии, стр. 159; его же, Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы, стр. 381—382.

¹⁸ Э. А. Новгородова, Центральная Азия и карасукская проблема, Автореф. канд. дисс., М., 1965.

¹⁹ В. П. Алексеев, Происхождение хакаского народа в свете данных антропологии, стр. 159.

²⁰ Там же, стр. 159—160.

²¹ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 129.

²² Г. Ф. Дебец, Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (К вопросу о миграциях в доклассовом обществе), «Антропологический журнал», 1932, № 2.

²³ В. П. Алексеев, Происхождение хакаского народа в свете данных антропологии, стр. 160.

Г. Ф. Дебеч локализовал европеоидные брахикранные тагарские черепа в районе с. Сыда²³.

Вывод Г. Ф. Дебеца и В. П. Алексеева о сохранении карасукского антропологического типа в районе с. Сыда в тагарскую эпоху подтверждается археологическими материалами.

В окрестностях с. Сыда в последние годы Красноярской археологической экспедиции под руководством М. П. Грязнова велись широкие полевые исследования. К северу от притока Енисея — р. Сыда работал первый Правобережный отряд (начальник Я. А. Шер), раскопавший могильник начала тагарской культуры Каменка I²⁴, к югу — Туранский отряд (начальник А. Д. Грач), производивший раскопки у горы Туран могильников первой и второй стадий тагарской культуры. Материалы, полученные Красноярской археологической экспедицией, наряду с коллекциями из прежних раскопок, позволяют говорить о длительном сохранении древней, карасукской керамической традиции в тагарское время в бассейне р. Сыда.

В могильнике второй стадии тагарской культуры — Туран II найдены два круглодонных сосуда, один целый, другой в обломках.

Цельный сосуд по форме типично карасукский²⁵, четко профилированный, реповидный, с прямой шейкой и уступом над изгибом тулова, лощеный, неорнаментированный (см. рис.). Оба сосуда так напоминают карасукские, что их сочли за «антикварные» предметы, подобные тем, которые изредка встречаются в могилах Среднего Енисея. Иными словами, предполагалось, что эти изделия карасукских мастеров нашли на песчаных выдувах, в разрушенных могилах или где-нибудь еще жители тагарского поселка, хоронившие своих сородичей у подножия горы Туран, и положили в качестве погребального инвентаря в одну из могил. Однако рассмотрение керамического теста, из которого изготовлена круглодонная посуда, не позволяет относить ее к карасукской эпохе. Карасукская посуда чрезвычайно тонкостенная, легкая, звонкая, формовалась из прекрасно отмученной глины, которая после обжига становилась двухцветной — снаружи коричнево-серой, внутри темной с синеватым отливом²⁶. Сосуд из погребения второй стадии тагарской культуры у горы Туран явно не карасукского производства, он толстостенный, тяжелый, сформован из грубой глины темно-коричневого цвета. Надо полагать, что он изготовлен в тагарское время, хотя и воспроизводит арханческие формы.

Для второй стадии тагарской культуры известны, кроме туранских, еще три круглодонных сосуда. Один — зауженный в верхней части, без шейки, украшенный четырьмя рядами отпечатков зубчатого штампа, о двух других лишь вскользь упоминается в дневниках раскопок²⁷. Все они также происходят с правого берега Енисея²⁸.

Если в могильнике второй стадии Туран II мы сталкиваемся с длительным переживанием карасукских традиций керамических форм, то в могильнике Туран I и соседних могильниках встречаемся с элементами карасукского орнамента.

В могильнике первой стадии Туран I²⁹ тулово сосуда сферической формы, на низком поддоне украшено перекрывающимися друг друга орнаментальными лентами, состоящими из 8—9 рядов тонких желобков. Орнамент очень близок заштрихованным треугольникам на бадейкообразном сосуде из Каменки³⁰. Сходство дополняет наличие двух рядов горизонтальных желобков в верхней части сосуда. Интересно отметить, что бадейкообразный карасукский сосуд из Каменки, как и другие сосуды этой формы³¹, име-

²³ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, стр. 128; его же, Еще раз о белой расе в Центральной Азии, стр. 198.

²⁴ Я. А. Шер, А. М. Прокофьева, Каменка I — могильник начала тагарской культуры на Енисее, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 107, 1966, стр. 57—61.

²⁵ См.: Э. А. Новгородова, Локальные варианты карасукской керамики, сб. «Нсвое в советской археологии», М., 1965, стр. 182—183.

²⁶ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 132.

²⁷ Думная гора, кург. 2, раск. А. В. Адрианова, 1895 г.; Малая Иня, кург. 2, погр. 1, раск. А. В. Адрианова, 1896 г. См. А. В. Адрианов, Выборы из дневников курганных раскопок в Минусинском крае, Минусинск, 1902—1924, стр. 61.

²⁸ Малая Иня, кург. 3, раск. А. В. Адрианова, 1896 г., Минусинский музей, № 10662.

²⁹ Туран I, кург. 4, мог. 2, раск. А. Д. Грача, 1963 г., Гос. Эрмитаж, А. Д. Грач, Отчет о работах Туранского отряда в 1963 году, Архив Ин-та археологии АН СССР, ф. р-1, д. 2961.

³⁰ Каменка, раскопки 1911 г., Минусинский музей, инв. № номера нет; Э. А. Новгородова, Локальные варианты карасукской керамики, стр. 183, рис. 1—10.

³¹ Э. А. Новгородова, Локальные варианты карасукской керамики, стр. 182.

ет ушко для подвешивания. У рассматриваемого сосуда из могильника Туран I также имеется ручка-ушко.

Ямочный орнамент, вовсе не характерный для тагарской посуды и столь типичный для карасукской, украшал вдоль бортика баночный сосуд, найденный в обломках около с. Сыда под горой Б. Бычихой ³².

Орнамент в виде ямок встречен, кроме того, в могильнике переходного карасук-тагарского времени Гришкин лог I ³³.

В районе бассейна р. Сыды встречается также орнамент в виде ряда ямок у бортика, который сочетается с другими видами орнамента. Так, в тагарском кургане могильника Усть-Сыда ³⁴ найдены обломки баночного сосуда, украшенного по краю пояском из ряда ямок, ниже которого — три горизонтальных линии веревочного орнамента, а еще ниже — два ряда треугольных вдавлений.

Два сосуда обнаружены в могильнике Каменка I. Один украшен рядом ямок, за которым следует пять рядов веревочного штампа и ряд косугольных коротких фестонов ³⁵, другой орнаментирован рядом ямок, затем шестью рядами горизонтальных линий мелкозубчатого штампа и одной ломаной линией, которая образует опущенные вниз острые углы, завершающиеся угловыми вдавлениями ³⁶.

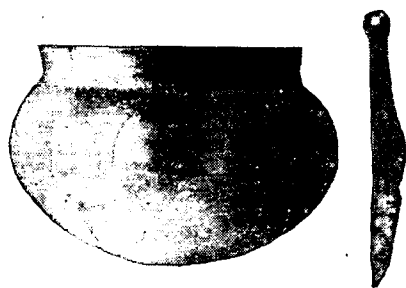
Из более отдаленных могильников, в керамике

которых прослеживаются некоторые архаические черты, можно отметить Бузуново в междуречье Сыды и Тубы и Усть-Тесь в междуречье Сыды и Енисея. В могильнике первой стадии Усть-Тесь найдена круглодонная плошка ³⁷, а в могильнике Бузуново — сосуд, отдаленно напоминающий карасукские бадейкообразные ³⁸.

Итак, на территориях, прилегающих к бассейну р. Сыды, в форме и орнаментике керамики, являющейся наиболее чутким этническим индикатором, прослеживается переживание древних карасукских традиций как на первой, так и на второй стадии тагарской культуры.

Бронзовые вещи наиболее подвержены изменениям, поэтому мало оснований надеяться на сохранение карасукских типов вещей в тагарское время, и все же и здесь можно кое-что отметить. Например, в могильнике Туран II имеются коленчатые тагарские ножи. Правда, они характерны для погребений второй стадии, но все же на наличие их именно в бассейне р. Сыды следует обратить внимание, памятуя коленчатость карасукских ножей. Среди не коленчатых форм надо отметить нож из могильника Туран II ³⁹ (см. рис.), который сопоставим с карасукским ножом, опубликованным М. Д. Хлобыстиной ⁴⁰.

Итак, как будто удается установить, что в районе Сыды в тагарское время продолжали жить потомки карасукского населения, брахикранные европеоиды, в течение веков хранившие свои керамические традиции и отчасти карасукские типы бронзовых вещей.

Сосуд (М. 1 : 5) и нож (М. 1 : 4) из тагарского кургана. Туран II, кург. 5, раскопки А. Д. Грача

³² Сыда, кург. 10, погр. I, раск. С. В. Киселева, 1929 г., рукопись отчета.

³³ Гришкин лог I, кург. 14, мог. I, раск. М. П. Грязнова, 1958 г., Гос. Эрмитаж.

³⁴ Усть-Сыда, кург. I, погр. II, раск. С. В. Киселева, 1929 г., Минусинский музей, № 11477.

³⁵ Каменка I, кург. 2, мог. 9; Я. А. Шер, А. М. Прокофьева, Указ. раб., рис. 18—2.

³⁶ Каменка I, кург. 2, мог. 2; Я. А. Шер, А. М. Прокофьева. Указ. раб., рис. 18—1.

³⁷ С. В. Киселев, Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., «Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартынова в г. Минусинске», т. VI, вып. 2. Минусинск, 1929, табл. IV, рис. 17; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, табл. XXVII, рис. 27.

³⁸ S. I. Roudenko, Les sépultures de l'époque des kourganes de Minoussinsk, «L'Anthropologie», t. XXXIX, № 5—6, Paris, 1930, fig. 19—8.

³⁹ По описи Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа № 130.

⁴⁰ М. Д. Хлобыстина, Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры, Л., 1962, рис. 6—8.

В. А. Новикова

СОВРЕМЕННОЕ ИЗУЧЕНИЕ БЕНГАЛЬСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ИНДИИ И ПАКИСТАНЕ

Начало собирания и изучения бенгальского фольклора на территории нынешних республик Индии и Пакистана относится к первой половине XIX в. Собираателями его были английские путешественники, миссионеры, чиновники; их записи и публикации носили случайный характер и преследовали чисто утилитарные цели: изучение фольклора было для них одним из средств освоения бенгальского языка¹.

Во второй половине XIX в. интерес к фольклору начинают проявлять английские и бенгальские ученые.

В 1850-х годах большую работу по собиранию бенгальских пословиц и поговорок вел либерально настроенный английский миссионер Джеймс Лонг². В 1851 г. он опубликовал небольшой сборник бенгальских поговорок (176 номеров с примечаниями), положивший начало научному изучению фольклора в Бенгалии. В 1868 г. Лонг прочитал в Бенгальской Ассоциации социальных наук доклад «Популярные бенгальские поговорки» и в том же году выпустил сборник «Две тысячи бенгальских поговорок, иллюстрирующих жизнь народа и его чувства». В 1869 г. вышел его перевод бенгальских поговорок на английский язык, а в 1872 г. — «Собрание поговорок» или «Мудрость и остроумие бенгальских крестьян и женщин» и «Пословицы и поговорки Европы и Азии»³. Кроме этих сборников, Лонг напечатал в Индии ряд статей по воп-

¹ Из наиболее ранних фольклорных публикаций назовем два сборника бенгальских поговорок, переведенных на английский язык У. Мортон: *Collection of Proverbs Bengali and Sansrit, with their translation and application in English by W. Morton. Calcutta, 1832. Bengali Proverbs translated and illustrated by W. Morton, «Calcutta Christian Observer», v. IV, 1835.*

² Дж. Лонг (1814—1887) прожил в Индии более тридцати лет. Он был членом ряда ассоциаций и обществ, в том числе Азиатского общества Бенгалии (с 1843 г.), автором учебных пособий по бенгали и санскриту для начальных школ и первым библиографом в Индии. Его «Каталог книг и журналов на бенгали, санскрите, хинди, урду, арабском и персидском языках, опубликованных в Бенгалии и северо-западных провинциях Индии», был представлен на Всемирной выставке в Париже (1867). Именно Лонг взял на себя ответственность за напечатание антияпонской драмы «Зеркало индиго» (Нилдорп, 1860) бенгальского писателя Динобондху Митро и был подвергнут за это штрафу и тюремному заключению. Известно, что Лонг проявлял живой интерес к России, где бывал неоднократно (см. его работы: *On recent Russian researches, «Journal of the Asiatic Society of Bengal», 1860, v. XXIX, p. 197; Kri- lof's fables translated from Russian by James Long, Calcutta, 1869; Village communi- ties in Russia and India, «Transactions of the Bengal Social Science Association» Calcut- ta (1870?) и др.*) На основании русского академического издания поговорок, собран- ных В. И. Далем, он написал на английском языке брошюру «Русские поговорки, иллюстрирующие социальные условия жизни крестьян и женщин в России» (*Russian pro- verbs, illustrating the social conditions of the peasants and women in Russia, Calcutta, 1868*), содержащую перевод 500 русских поговорок. О Дж. Лонге см. Е. Я. Люстер- ник, *Русско-индийские экономические, научные и культурные связи в XIX в., М., 1966; Mahadev Prasad Saha, A short biographical sketch of Rev. James Long, в кн.: J. Long, Oriental proverbs in their relations to folklore, history, sociology with sug- gestions for their collections, interpretation, Publications, Calcutta, 2-nd ed., 1956, p. I—V.*

³ Книга вышла без упоминания имени составителя. См.: *Mahadev Prasad Saha, A short biographical sketch of Rev. James Long, в кн.: J. Long, Указ. раб., стр. II.*

росам социологии и этнографии⁴, а после возвращения в Англию — такие работы, как «Восточные поговорки и их отношение к фольклору, истории и социологии, а также советы как их собирать, объяснять и публиковать» (1875), «О русских поговорках как иллюстрации образа жизни и обычаев русских» (1876) и «Поговорки и символы» (1881). На второй Международный конгресс ориенталистов (Лондон, 1874) Лонг представил доклад под названием «Восточные поговорки и их отношение к жизни и истории индийского народа». В своих работах Лонг неоднократно ссылался на опыт русских в собирании и классификации фольклора. В частности, он указывал, что классификация, разработанная И. М. Спегиревым для русских поговорок, наиболее удобна и для классификации восточных поговорок⁵. Лонг постоянно подчеркивал важность изучения фольклора для индийцев, которые располагают весьма ограниченными сведениями по истории своей родины. В поговорках, писал он, можно найти много исторических сведений, причем не о царствующих персонах и завоевателях, а о простом народе, его думах и заботах⁶.

В дальнейшем традиция собирания бенгальских пословиц и поговорок, начатая Лонгом, была продолжена, и теперь мы располагаем более чем 30 их печатными изданиями⁷.

В 1873 г. выдающийся английский филолог Джордж Абрахам Грирсон (1851—1941), много сделавший для изучения современных индийских языков, автор одиннадцатитомного труда «Лингвистический обзор Индии»⁸, опубликовал записанные им от крестьян Севернй Бенгалии «Баллады о радже Манике Чондре». Эту публикацию он снабдил английским переводом. Грирсон является первым собирателем и издателем бенгальских песен и баллад.

С 1870—1880 гг. собирательскую и исследовательскую работу по фольклору начали бенгальские ученые. Известный бенгальский историк Хоропрошад Шастри посвятил многие из своих исследований народным верованиям и народной литературе, связанной с культом местных божеств (Дхормотхакура и др.)⁹. Литературовед Лалбиари Де опубликовал в 1883 г. бенгальские народные сказки в английском переводе¹⁰.

Не оставались вне поля зрения исследователей Бенгалии и так называемые чхора¹¹. На них впервые обратил внимание Рабиндранат Тагор. Интерес к народному творчеству пробудился у Тагора еще в детстве. В семье Тагоров особенно почитались народные традиции, и поэтому естественно, что народное творчество оказало большое влияние на формирование художественных вкусов будущего поэта. Значительно позднее в одной из своих статей Тагор писал, что чхора «vrsti pare» были его «Мелхадутой детства»¹². Вот как они звучали:

Vrsti pare tāpur tupur, nadī ela bāna
Sibū thākurer biye hala, tin kany dāna.
Ēk kanye rāḍhen bāren, ek kanye khān,
Ēk kanye nā kheyē bāper bari yān.¹³
Идет дождь кап, кап, река вышла из берегов,
Шива женится, за него отдадут трех невест.
Одна невеста стряпает, другая ест,
а третья, не поев, отправляется опять к отцу.

⁴ J. Long, Five hundred questions on subjects requiring investigation in the social condition of the natives, 1862: его же, Peeps into the social life in Calcutta a century ago, 1868; его же, Calcutta and Bombay in their social aspects, 1870.

⁵ J. Long, Oriental Proverbs in their relations to Folklore..., p. 10, 15.

⁶ Там же, стр. 3.

⁷ «Suśilkumār. De sampādita cañlā prabād», «Kalikātā», 1952, стр. 839—845.

⁸ G. A. Grierson. Linguistic survey of India, V, I—XI, Calcutta, 1902—1928.

⁹ H. P. Sāstri, Kṛṣṇarāmer Rāy Mangal, «Sāhitya», 1883, стр. 112—113.

¹⁰ Lalbihari De, Folk-tales of Bengal, Calcutta, 1883.

¹¹ Чхора называются преимущественно детские рифмованные стихи, но есть чхора и для взрослых. Детские чхора делятся на колыбельные и игровые (считалки и другие, часто бессмысленного содержания). Чхора, исполняемые взрослыми, обычно женщинами, посвящены домашнему хозяйству, обрядам, явлениям природы, повадкам и жизни животных, птиц и т. д.

¹² «Ravindra-racanāvalī. Loksāhitya», (Р. Тагор. Собр. соч., на бенгальском языке в 26 томах, т. 6, Калькутта, 1956, стр. 584).

¹³ Там же.

Первую статью о хоре Тагор опубликовал в издававшемся его семьей журнале «Шадхона» (1894), где отмечал, что хора остаются совсем не исследованной и часто пренебрегаемой частью народного творчества, в то время как они содержат не только важные сведения по социальной истории общества, но и обладают своеобразными поэтическими достоинствами. «Эти достоинства,— заключал поэт,— и кажутся мне самыми ценными»¹⁴.

В 1894 г. в Бенгалии было организовано «Бенгальское литературное общество» (Бонгиошахитто поришод). В первом же номере журнала этого общества «Шахитто поришод потрика» Тагор поместил собранные хора, предпослав им небольшую статью, в которой настойчиво указывал на необходимость собирать и сохранять эти образцы «первозданной народной мудрости» и «поэтического вкуса бенгальцев»¹⁵. В собирании хора Тагору помогали служащие имений его отца, разбросанных в различных частях страны. Значительная часть хора была собрана им в районе Калькутты. Тагор и в дальнейшем продолжал заниматься собиранием и изучением фольклора. Его исследования в этой области по глубине и широте поставленных в них проблем, по богатству материалов не утратили своего значения и сейчас¹⁶.

Проявляя постоянный интерес к фольклору, Тагор оказывал всемерную поддержку тем, кто занимался собирательской работой. Не без его участия вышел в свет в 1908 г. сборник волшебных сказок «Бабушкина сумка» Докхиноронджона Миттро Моджумдара. Как это собрание, так и два других — «Дедушкин ящик» и «Бабушкин мешок» того же составителя по праву заняли достойное место в ряду фольклорных публикаций¹⁷.

В начале XX вв. в Бенгалии, помимо Азиатского общества, возникают два новых центра, где группируются фольклористические силы. Это, во-первых, уже упомянутое нами Бенгальское литературное общество, ставшее центром по собиранию, хранению и публикации бенгальских рукописей и образцов народного творчества¹⁸. Во-вторых, Калькуттский университет. Известно, что Калькуттский университет был создан в 1857 г., однако только в 1919 г. он первым среди индийских университетов добился права, чтобы на отделении по подготовке к экзаменам на Master of Arts читались бенгальская литература и язык. В этом большая заслуга принадлежала вице-канцлеру Калькуттского университета, ученому с мировым именем Ашутошу Мукерджи. Мукерджи много усилий приложил для собирания фольклора Бенгалии. Совместно с профессором того же университета Динешчондро Шеном, автором монографии «Народная литература Бенгалии» (Folk Literature of Bengal, 1920), он организовал и направил в различные районы Бенгалии фольклорные экспедиции. В 1923 г. в издании Калькуттского университета вышел сборник «Баллады Майменсингха»¹⁹, а несколько позднее — четырехтомник песен «Баллады Восточной Бенгалии», собранных Ашутешом Чоудхури и сборник песен «Саньяси Гопичондро». Все эти сборники редактировал Динешчондро Шен. Ему же принадлежит и английский перевод «Баллад Майменсингха» и «Баллад Восточной Бенгалии» в четырех томах под названием «Eastern Bengal Ballads» (1923—1932). Вплоть до 1949 г. Динешчондро Шен читал в Калькуттском университете курс народной литературы. Под его руководством многие поэты и литераторы принялись за собирание фольклора, в том числе и один из старейших поэтов Пакистана Джошимуддин.

¹⁴ «Ravindra-racānāvali. Loksāhitya», стр. 577.

¹⁵ «Ravindra-racānāvali. Loksāhitya». Ghelebhulāno charā, стр. 609—631.

¹⁶ См. статьи Р. Тагора «Песни коби» (Kavi sāṅgīt) и «Деревенская литература» (Grāmyasāhitya) в кн. «Ravindra-racānāvali», т. 6, стр. 632—664.

¹⁷ Отметим, что упомянутые сказочные сборники многократно переиздавались. Например, «Бабушкина сумка» к концу 1950-х годов выдержала 18 изданий. Три сказки из этого сборника переведены на русский язык. См. «Сказки народов Востока», М., 1967, стр. 131—146.

¹⁸ По инициативе и при поддержке этого общества в 1908 г. был издан второй сборник Докхиноронджона Моджумдара — «Дедушкин ящик». См. также библиографию статей по фольклору, опубликованных в «Шахитто поришод потрика» за период 1893—1949 гг. «Vrajendranāth Vāndyopādhyāy. Parisat-paricay, 1893—1949». Kalikātā 1949, стр. 60—61.

¹⁹ Из последних фундаментальных работ, посвященных исследованию «Баллад Майменсингха», см.: Dusan Zbavitel. Bengali folk-ballads from Mymensingh and the problem of their authenticity, «Oriental Institute of Czechoslovak Academy of Sciences», Praha. 1963.

В 1920—1930 гг. большая работа по собиранию произведений фольклора и образцов народного прикладного искусства разворачивается в основанных Р. Тагором университете Вишва-бхароти в Шантиникетоне и показательном центре — в Шриникетоне. К этому привлекаются студенты и преподаватели. Под влиянием Тагора собиранием народных песен занялись профессор Вишва-бхароти Кшитимохон Шен и известный собиратель Мохаммад Мансуруддин, проживающий в настоящее время в Восточном Пакистане. В 1930 г. в издании Калькутского университета вышли собранные Мансуруддином духовные песни баулов Восточной Бенгалии «Утраченные жемчужины»²⁰.

После раздела Индии в 1947 г. к Восточному Пакистану отошел ряд районов Бенгалии, где особенно интенсивно проводилась работа по собиранию фольклора. Однако затруднения, вызванные этим разделом, ученые Индии и Пакистана стремятся преодолеть путем установления тесного и постоянного сотрудничества во многих областях науки и культуры, в том числе и в области фольклорно-этнографических исследований. Для примера можно указать на конференцию писателей обоих государств, состоявшуюся в Шантиникетоне в 1952 г., где вопросу об изучении народного творчества было уделено значительное внимание в выступлениях таких видных общественных деятелей и ученых, как Ашутосх Бхоттачарджо, Мохаммад Мансуруддин, Омиокумар Шен, Прободх Багчи²¹. Между прочим, Омиокумар Шен, обращаясь к недалекому прошлому, особо остановился на деятельности Тагора, поставив ему в заслугу то, что он сумел привлечь внимание многих любителей искусства и художников к разнообразным областям народной культуры. «Возрождение народных песен, народных искусств и ремесел, сказал Омиокумар Шен, произошло благодаря Тагору не только в Бенгалии, но и в других частях Индии»²². К сожалению, отмечал оратор, «сейчас, когда народ переживает подъем, когда растет его сознание, нам удалось не намного продвинуться вперед по пути, указанному Тагором»²³.

Из других совместных мероприятий культурных движений Индии и Пакистана следует упомянуть семинар по языку и литературе Восточной и Западной Бенгалии, проведенный в Калькутте в 1967 г., на котором проблемы фольклора и фольклористики также были предметом обсуждения²⁴.

В наши дни изучение бенгальского фольклора особенно интенсивно проводится в Калькутском и Дакском университетах (основан в 1921 г.), университетах Вишва-бхароти и Робиндробхароти (Калькутта), в Бенгальской Академии (Восточный Пакистан). В этих университетах осуществляется подготовка специалистов-литературоведов и фольклористов.

В Калькутском университете в число экзаменов для аспирантов отделения современных индийских языков и литератур с 1960 г. входит фольклор. Студенты университета Робиндробхароти с 1962 г. изучают народную музыку, песни, танцы и народную драму²⁵. Только за период 1947—1952 гг. ученые университета Вишвабхароти произвели свыше шести тысяч записей произведений фольклора, значительная часть которых была описана в каталоге, изданном в 1952 г.²⁶

Фольклористические изыскания в Восточном Пакистане в течение нескольких последних десятилетий продолжает возглавлять старейший ученый, бывший декан факультета искусств Дакского университета профессор Мохаммад Шахидулла; так же успешно работают в этой области его ученик, заведующий отделением бенгальского языка и санскрита в Дакском университете, профессор Абдул Хай²⁷ и Маш-

²⁰ Эту работу Мансуруддин продолжил, и к 1961 г. вышло пять томов «Утраченных жемчужин» См. М. А. Hāi and Md. Mansuruddin. Haramani, т. V, Dacca, 1961.

²¹ См. сб. «Sāhityamelā», Kālikāta, 1957, p. 1—62.

²² A miyaku mār Sen, Loksāhitya. «Sāhityamelā», стр. 1.

²³ Там же, стр. 2.

²⁴ «East and West Bengal Language and Literary Seminar, «Bengali Literature», May, 1967, pp. 113—115.

²⁵ S. S. Gupta, An Account of folklore study in Bengal, «Folklore», 1967, № 7, p. 26.

²⁶ P. Mandal, Loksāhityer tridhārā, «Sāhityamelā», стр. 44—45.

²⁷ См. недавно изданную М. Шахидуллоу и А. Хаема весьма полезную книгу по фольклору и народному искусству Восточного Пакистана: Muhammad Shahidullah and Muhammad Abdul Hai. Traditional culture in East Pakistan, Dacca, 1963. Во время верстки статьи пришло известие о внезапной кончине Абдулы Хая в июне 1969 г.

харул Ислам, защитивший докторскую диссертацию по фольклору в университете Индианы (Блумингтон, США)²⁸, и уже упомянутые нами Мансуруддин и поэт Джошимуддин.

Одно из главных мест в современной фольклористике Бенгалии принадлежит Ашутосу Бхоттачарджу²⁹. Еще в 1930-е годы, работая в Дакке, он вместе с профессором Мохаммадом Шахидуллоу принял активное участие в организации общества по сбору материалов о народных верованиях. Результатом его исследований явилась монография «История бенгальских поэм-сказаний», получившая в 1939 г. высокую оценку Р. Тагора³⁰, и ряд статей, опубликованных позднее³¹. В 1947 г. А. Бхоттачарджу переехал в Калькутту, где работал в Индийском государственном институте антропологии и этнографии под руководством известного фольклориста и антрополога доктора Веррье Элвина, посвятившего всю свою жизнь изучению малых народов Индии³². Вместе с ним он неоднократно участвовал в экспедициях. Последние пятнадцать лет А. Бхоттачарджу преподает в Калькуттском университете. Здесь ученый не только читает курсы лекций по фольклору и бенгальской литературе, но и проводит большую исследовательскую работу. В 1954 г. из-под его пера вышла монография «Бенгальская народная литература», в которой рассматриваются популярные в Бенгалии народные жанры: сказки, сказания, баллады, песни, чхора, загадки, пословицы и поговорки³³. Заслугой А. Бхоттачарджу как автора этой работы является то, что он сумел провести четкую грань между подлинным народно-поэтическим творчеством и многообразной и обширной средневековой бенгальской литературой, являющейся нередко в устной традиции, но возникшей на почве индивидуального, а не коллективного авторства. Например, моноглокabbo — поэмы-сказания, панчали — один из ранних видов драматического искусства и др.³⁴. В 1962—1966 гг. А. Бхоттачарджу опубликовал на бенгальском языке четыре из пяти намеченных к изданию тома «Бенгальской народной литературы», каждый объемом около 50 печатных листов³⁵.

Первый том представляет собой переработанное и расширенное переиздание «Бенгальской народной литературы» (1954). Другие четыре тома включают фольклорные тексты, часть из которых составляют записи самого автора и его учеников. В основу распределения материала по томам положен жанровый признак: второй том содержит чхора (рифмованные стихи), третий — песни и танцы; четвертый — сказки, пятый (подготовлен к изданию) — пословицы, поговорки и загадки. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что А. Бхоттачарджу впервые в Бенгалии применил научные принципы классификации и оценки образцов народного творчества. Каждому тому он предпослал обширное введение, в которых изложил историю изучения данного жанра, особенности его бытования в Бенгалии, его связь с географическим положением и природными условиями страны, с этническими чертами народа, его социальным укладом и

²⁸ Masharul Islam, A history of English folk tales collection in India and Pakistan. Indiana University, Ph. D. thesis, 1963. См. его статьи по анализу бенгальской сказки: Ekti Pākhāratīya lok golper ālocanā, «Sāhitya Patrikā», 1965, No 2, стр. 41—79; Ekti lokkāhinīr pāth paryālocanā «Sāhitya Patrikā», 1966, No 2, стр. 51—100.

²⁹ А. Бхоттачарджу в 1964 г. посетил Советский Союз. В Ленинградском университете он прочитал цикл лекций по фольклору и драматургии Бенгалии. Как фольклориста и этнографа его особенно интересовала методика изучения в Советском Союзе народного творчества. См. Ā. Bhattachārya, Sobhiete vāngasamkr̥ti, Kalikātā, 1964, стр. 92—108.

³⁰ Ā. Bhattachārya, Vānlā māṅgalkāvyaer itihās; ed. 3, Kalikātā, 1958, стр. 1.

³¹ Ā. Bhattachārya, Serpent-Designs in Bengali Folk art. «The Journal of the Indian Anthropological Institute» (new series), 1948, vol. II, его же, The Cult of Sashti in Bengal, «Man in India», 1948, vol. XXVIII, No 3; его же, Diffusion of socio-religious culture in North India. The Cultural Heritage of India, Calcutta, (1956), vol. IV, pp. 515—530 «The Cultural Heritage of India», v. IV, Culutta, 1956 его же, The early Bengali saiva poetry; Dacca University studies, Dacca, 1944, vol. VI, pp. 155—216, его же, The cult of the village gods of West Bengal, «Man in India», 1955, vol. XXXV, No. 1.

³² О. В. Элвине см.: М. К. Кудрявцев, Доктор Веррье Элвин, в сб. «Страны и народы Востока», вып. 5, М., 1967, стр. 106—109.

³³ Ā. Bhattachārya, Vāṅglār lok-sāhitya..., Kalikata, 1954.

³⁴ Cp. S. Ś. Gupta, An Account of folklore Study in Bengal, «Folklore», No 7, 1967.

³⁵ Ā. Bhattachārya, Vāṅglār lok-sāhitya, ..., т. I, Kalikātā, 1962; т. II, 1963, т. III, 1965, т. IV, 1966.

верованиями. Многолетний опыт А. Бхоттачарджо как этнографа и собирателя, изучавшего в полевых условиях жизнь племен, населяющих юго-восточную часть полуострова Индостан, позволили ему сделать много интересных и оригинальных наблюдений и выводов и, в частности, прояснить вопрос о влиянии народной культуры и фольклора малых народов Индии на фольклор бенгальцев³⁶.

В IV томе «Бенгальской народной литературы» А. Бхоттачарджо по-новому рассматривает один из основных видов бенгальских сказок — бротокотха, которые, по традиции считались обрядовыми и поэтому их бытование связывалось с определенной группой населения. А. Бхоттачарджо показывает, что в основе многих бротокотха лежат волшебные сказки и сказки о животных. Более того, даже созданные с явной целью пропаганды индуизма или другого религиозного учения, они постепенно утратили свою религиозность и стали собственно волшебными сказками, приобретая широкую аудиторию³⁷. По мнению А. Бхоттачарджо, бротокотха, как и многие произведения средневековья, например монголкахбо, нельзя относить к религиозной литературе: основное в них не вера в бога и потусторонний мир, а земное человеческое счастье³⁸.

Интересные выводы делает А. Бхоттачарджо из анализа бенгальских песен, в содержании которых весьма ярко отразилась этническая пестрота населения Бенгалии. Индийские песни А. Бхоттачарджо делит на региональные, обрядовые, праздничные (преимущественно свадебные), любовные, профессиональные (песни рыбаков, лодочников и т. п.), повествовательные (в том числе исторические); каждая из этих групп, по наблюдению ученого, имеет свои территориальные границы распространения и исполнение их приурочивается только к определенному времени и событию. Для Бенгалии, указывает А. Бхоттачарджо, особенно характерны региональные песни. Например, в Западной Бенгалии наиболее распространены песни потуя (на сюжет «Рамаяны», «Махабхараты», монголкахбо, их исполняют бродячие художники, славящиеся искусством рисовать индийских богов), песни бхадру, сюжет которых тесно связан с повседневным народным бытом (исполняются девушками и женщинами в месяц бхадру — август — сентябрь — период дождей), песни джумур (их исполняют только мужчины, распространены среди санталов, живущих на территории Бенгалии); для Северной Бенгалии характерны песни гомбхира (в честь бога Шивы, исполняются в районе Мальдохи), песни джаг (от бенгальского корня джага — бодрствовать, исполняются в течение ночи, на сюжет о житиях и подвигах дервишей и пиров или о любви Радхи и Кришны); для Восточной Бенгалии — песни шары (о запретной любви, исполняют в основном лодочники), песни джари (погребального характера, исполняют мусульмане Майменсингха)³⁹.

В 1966 г. А. Бхоттачарджо предпринял издание «Свода бенгальских народных песен», выход которого запланирован в четырех томах. Пока вышли два тома⁴⁰. Как это издание, так и четыре тома «Бенгальской народной литературы» снабжены научным аппаратом и прокомментированы. Собранные А. Бхоттачарджо материалы по народному творчеству весьма ценны и вполне могут быть надежной базой для исследования. В собирании и изучении бенгальского фольклора А. Бхоттачарджо помогают его ученики — аспиранты Калькуттского университета, проходящие под его руководством полевую практику или завершающие свои докторские исследования — Тушар Чоттопадххай, Шубхаш Бондопадххай и другие. В 1966 г. А. Бхоттачарджо создал научно-исследовательский институт народной культуры, а с 1967 г. стал выпускать раз в три месяца небольшой журнал «Локшрути» («Услышанное от народа»). В этом журнале публикуются произведения фольклора, собранные студентами и преподавателями университета.

³⁶ См., например, его интересный доклад на конференции писателей Восточной и Западной Бенгалии в 1952 г. «Влияние племен на фольклор Бенгалии» (A. Bhattacharya, Vāṅglār lok-sāhitye upajātir prabhāb, «Sāhityamelā», стр. 10—23.)

³⁷ A. Bhattacharya, Vāṅglār lok-sāhitya..., т. IV, стр. 11.

³⁸ A. Bhattacharya, Vāṅglār lok-sāhitya..., т. IV, стр. 14—15.

³⁹ A. Bhattacharya, Vāṅglār lok-sāhitya..., т. III, стр. 7.

⁴⁰ A. Bhattacharya, Vāṅgiya lok-sāngit ratnākara, т. I, Kalikātā, 1966, т. III, 1967.

Бенгальские ученые из Индии и Пакистана принимают активное участие в международных фольклористических конференциях, семинарах, симпозиумах. Мохаммад Мансуруддин, например, в 1952 г. был представителем Восточного Пакистана на Международной конференции, посвященной народной песне (Лондон)⁴¹, профессор Мохаммад Шахидулла, — председательствовал на созванном по инициативе ЮНЕСКО Международном семинаре (Мадрас, 1958), где обсуждались проблемы традиционной культуры. На первой конференции по фольклору Азии, организованной университетом Индианы в Блумингтоне в 1966 г., ученые Индии и Пакистана представили 12 докладов⁴².

В 1957 г. в Калькутте было создано Индийское фольклористическое общество (Indian Folklore Society) под председательством Софии Вайдия (в 1943 г. София Вайдия возглавила Indian Pen-Club в Бомбее). Генеральным секретарем общества стал бенгалец Шонкор Шен Гупто. Своей задачей Общество поставило объединение фольклористов Индии и Пакистана, а также фольклористов-индологов Западной Европы и Америки. В программе общества предусматривается два основных аспекта его деятельности: 1) расширение и развитие изучения и собирания фольклора, изучение племен Индии, их культуры и социального устройства; 2) поддержание и развитие культурных и дружественных связей Индии с другими странами, а также популяризация за границей индийского фольклора, музыки, танца, народного прикладного искусства⁴³. За десять лет своего существования общество опубликовало более десяти монографий, в том числе две о бенгальском фольклоре⁴⁴, организовало в 1964 г. всеиндийскую фольклористическую конференцию, наладило выпуск ежемесячного журнала «Фольклор». Этот небольшой по объему журнал на английском языке (его редактирует и издает секретарь общества Шонкор Шен Гупто) содержит разнообразные материалы по фольклору Индии и других стран. Шонкор Шен Гупто опубликовал большую статью (в нескольких номерах) «Материалы по исследованию фольклора в Бенгалии»⁴⁵, в которой дает подробные сведения по истории Бенгалии и населяющих ее народов. Касаясь вопроса классификации фольклора и различных направлений в изучении фольклора, Шонкор Шен Гупто, в частности, называет школы, к которым принадлежат наиболее крупные бенгальские фольклористы, писатели и ученые: 1. Индийская или мифологическая (Дж. Лонг, Рабиндранат Тагор, Хоропрошад Шастри, Шушил Кумар Де, Шукмар Шен, Ромешчондро Моджумдар); 2. Антропологическая (С. Ч. Миттро, Д. Н. Моджумдар, Б. Н. Дотто, С. С. Шоркар); 3. Аарне-Томпсона (Динешчондро Шен, Ашутос Бхоттачарджо, Машхарул Ислам); 4. Лингвистическая (Дж. Грирсон, С. К. Чаттерджи, Шукмар Шен, Мухаммад Шахидулла, Абдул Хай).

Шонкор Шен Гупто также указывает, что многие современные антропологи (этнографы), социологи, экономисты и другие придерживаются психоаналитической школы, однако в их числе нет бенгальских фольклористов. Из других работ Шонкор Шен Гупто, опубликованных в последние годы в журнале «Фольклор», назовем «Четыре бенгальские народные легенды»⁴⁶ и аннотированную библиографию трудов на английском языке по фольклору, народному искусству, танцу, музыке Индии и Пакистана (библиография включает работы, изданные в Индии, Европе и Америке)⁴⁷.

Из статей других авторов, посвященных фольклору различных штатов Индии, укажем на такие, как «Сравнительное изучение народной сказки на языке хинди»⁴⁸, «Народные песни Пенджаба»⁴⁹, «О народных песнях племен, проживающих на плато

⁴¹ M. Mansuruddin, Loksahitya o pārasparik samajhotā, «Sahityamelā», стр. 8.
⁴² См. «Folklore», 1966, № 7, p. 266.

⁴³ См. «Folklore», 1966, № 1, p. 44.

⁴⁴ S. S. Gupta, Folklorists of Bengal, Calcutta, 1965; Ralph T. Roger, A comparative study of a Bengal folktale, Calcutta, 1963.

⁴⁵ S. S. Gupta, An Account of folklore Study in Bengal, «Folklore», 1967, № 6, 7.

⁴⁶ S. S. Gupta, Four folk legends of Bengal, «Folklore», 1967, № 2.

⁴⁷ S. S. Gupta, Shyam Parmas. Bibliography of folklore in India and Pakistan, «Folklore», 1965, № 7, 8, 9; 1966, № 5, 7; 1967, № 4, 5.

⁴⁸ Hari S. Upadhyaya, A comparative study of a Hindi folktale: «Strike but hear» type № 916, «Folklore», 1967, № 7.

⁴⁹ Jagjit Singh, Folk songs of Punjab, «Folklore», 1967, № 2.

Чоттонагпура в Бихаре»⁵⁰, «Изменения в народных песнях Раджастана»⁵¹ (в разделе «Полевая работа»). В журнале регулярно выступают зарубежные ученые. Так, в нескольких номерах печаталось большое монографическое исследование немецкого ученого Р. Трогера «Верования в преисподнюю и помощники преисподней. Анализ сказки. Погоня за улетевшей пряжей (480)»⁵². В статье подвергается сравнительному анализу очень распространенная в Индии, и в особенности в Бенгалии, сказка «Счастливая и несчастливка» (Мачеха и падчерица).

Журнал «Фольклор» поддерживает тесные связи с университетом Индианы в Блумингтоне и Колумбийским университетом, где развернуты большие исследования по Индии и ее народной культуре.

В заключение следует сказать, что в Бенгалии наступил новый этап в развитии фольклористики. Миновала пора, когда записанные материалы подвергались литературной правке и принаравливались ко вкусам собирателей, как это имело место в сборниках сказок Докхиноронджона Моджумдара и Упендрокишори Рай Чоудхури. Все чаще публикуются фольклорные произведения в их подлинной записи. Многие ученые отказались от взгляда, по которому образцами народного творчества служили различные произведения средневековой литературы, записанные в XVIII и даже в XIX в.

Вместе с тем перед бенгальскими фольклористами стоят большие задачи как в области совершенствования методики записи, расширения географических границ собирания, более широкого охвата записями различных слоев населения, в том числе городского, так и в области всестороннего изучения жанров и подлинно научной их классификации.

⁵⁰ Pasupati Prasad Mahato, Around the Koel and Kanhar, «Folklore», 1967, № 7.

⁵¹ Manju Bhatnagar, The changing role of Rajastani folk-songs, «Folklore», 1967, № 5.

⁵² Эта сказка по Аарне-Томпсону принадлежит к мотиву 480, по Больте Полиивка — 207. См. Ralph T roger, Underworld Beliefs and underworld Helpers. An Analysis of the folktale type; The pursuit of Blowing Cotton (480) «Folklore», 1966, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8. В 1966 г. эта работа вышла в Калькутте отдельной монографией.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Я. Буриан, Б. Моухова

ВЗГЛЯД В ЭТРУССКИЙ МИКРОМИР *

«Этруская проблема» в науке до сих пор еще не решена. Народ, оставивший нам богатые памятники своей высокой цивилизации; народ, некогда господствовавший над землями и водами западной части Средиземноморья; народ, возможно, заложивший и основы классической римской культуры. — остается для нас загадкой и поныне. Сохранилось много надписей на этруском языке, — а язык этот до сих пор не укладывается в рамки лингвистической классификации. Был ли это до-индоевропейский язык, быть может, близкий к кавказским языкам, как думали Н. Я. Марр и А. Тромбетти? Или это особый индоевропейский язык, близкий к древнеармянскому, фракийскому, хеттскому (В. Георгиев), либо к современному албанскому (З. Майяни, А. И. Харсекин)? Или язык сугубо смешанного происхождения (М. Паллотино). Была ли это вообще единая этническая общность или разные, соответственно разнообразным этнонимам, под какими были известны этруски; туски, тирсены, тиррены, расены, турша?...

Неясно и географическое происхождение этрусков. Потомки ли они древнейшего местного населения (культура Вилланова) или переселенцы из восточного Средиземноморья, потомки троянцев, как полагает В. Георгиев? Или — что всего вероятнее — в этруском народе и его культуре смешались местные и пришлые элементы, в его языке — языки и наречия разных лингвистических групп?

Во всяком случае, при той неясности, какая до сих пор окружает «этрusскую проблему», большой интерес* представляет каждая новая материальная находка, каждое открытие, каждый шаг в расшифровке и толковании этруских текстов. С этой точки зрения и тот живой очерк бытового уклада этрусков, какой набросали авторы настоящей статьи, на основе археологических памятников и античных свидетельств, заслуживает серьезного внимания.

*..восемнадцать красивых и больших городов,
для жизни великолепно приспособленных.*
Плутарх

* * *

Стены, возвышающиеся среди полей, замыкали в себе особый микромир этрусского города. Что ни город — то мир в себе. Насколько позволяли его узкие рамки, люди уже в те далекие времена жили здесь полнокровной, яркой жизнью. Тех, кто не смог достигнуть подобного уровня жизни, привлекал прежде всего ее поверхностный, но манящий блеск. Стены охраняли ремесленников, чьи руки создавали великолепные изделия из металла, глины и других материалов. Под их защитой жили и богатые вожди, коротавшие время в пиршествах, наслаждав-

* Журнал публикует одну из глав книги чешских авторов Я. Буриана и Б. Моуховой (I. Burian, B. Mouchová, *Zahadní Etruskové*, Praha, 1966), русский перевод которой в настоящее время готовится к печати издательством «Наука». Введение к статье написано Н. А. Красновской; сю же подготовлен и список литературы.

шиеся музыкой, танцами, турнирами. Из-за стен появлялись воины в латах, нагонявшие страх на плохо вооруженные племена средней Италии. Там жили жрецы и прорицатели, умевшие предсказывать волю богов и оказывать на нее свое влияние.

Исчез ли весь этот мир? Что от него осталось?

Археологические открытия и отрывочные сведения античных историков дали нам возможность взглянуть на давно угасшую жизнь в этруских городах. Нередко эти картины были удивительно пластичны, но всегда — ограничены узкими рамками отдельных событий и очень фрагментарны и поэтому слишком односторонни. Ведь уже в древние времена посторонние взгляды, как правило, привлекала роскошь жизни богатых слоев, затмевающая куда более обыденное существование менее зажиточной части населения. И поэтому дошедшие до нас памятники рельефно рисуют главным образом жизненный уровень знатных семей.

Кроме того, почти не проводилось археологических исследований этруских городов. Все, что от их поселений осталось, покоится в земле там, где в последующие эпохи росли города или поселения, под плодородными полями, которые сначала надо выкупить и лишь после этого можно вести раскопки. Поэтому, естественно, этрускологи предпочитали вскрывать иные — лучше сохранившиеся и сулившие больше надежд на успех — объекты, например склепы и целые некрополи, которые были и до сих пор остаются наиболее богатым источником наших знаний о жизни этрусков.

Итак, что же мы все-таки о ней знаем? Из рассказов античных авторов известно, что само основание города не было для этрусков чисто технической проблемой. Все мировоззрение этрусков основывалось на представлении, что жизнь человеческая предопределена волей богов. И поэтому прежде всего они стремились узнать эту волю по полету птиц. Затем определялось священное место — центр города, по-латыни называемый *tundus*. Через него проводились две главные оси, одна с востока на запад — *decumanus*, вторая с севера на юг — *cardo*. Позже эту традицию переняли римляне. С интересными подробностями этот обычай описал римский составитель словарей Фектий, живший во II в. н. э.

Основатель города, покрыв голову углом плаща, прокладывал вокруг территории будущего города борозду с помощью плуга с бронзовым лемехом. При этом вспаханный пласт должен был ложиться во внутрь круга, чтобы в будущий город текло богатство. Плуг тянули запряженные бык и нетель. Бык — с внешней стороны, чтобы город был сильным по отношению к внешним врагам, нетель — с внутренней, как символ будущего изобилия в городе. Борозда в представлении людей того времени играла ту же роль, что и крепкие стены. Она разделяла два мира — тот, что находился под защитой богов, и тот, который они не защищали. Однако спустя некоторое время жители города, как правило, уже обносили его не только символической, но и настоящей стеной. Стоит упомянуть, что, судя по легенде, точно так же был основан и Рим.

Когда археологи обратили внимание на ранние этруские города, их удивило, что многие своей планировкой вовсе не отвечают тем идеальным принципам градостроительства, которые римляне в совокупности называли этруским ритуалом. Обнаружилось, что планировка этих городов в значительной степени хаотична, что все, часто многочисленные, изгибы и повороты обуславливались характером местности. И лишь в городах, основанных позже, около VI—V вв. до н. э., стала применяться строгая планировка с системой взаимно перпендикулярных улиц и жилых кварталов. В тот период эти урбанистические принципы были положены в основу городов не только Этрурии, но и всего тогдашнего цивилизованного Средиземноморья, и в этом отношении этрускам нельзя отдать

пальмы первенства. Лишь римляне считали их первооткрывателями подобного способа строительства городов.

Шахматный принцип планировки был воплощен в жизнь при строительстве этрусского города, основанного в VI в. до н. э., название которого до сих пор точно не установлено. Этот город, расположенный у Марцаботто недалеко от Болоньи и, вероятно, называвшийся Миса, просуществовал недолго. Уже в IV в. до н. э. он пал жертвой нашествия кельтов. И то, что судьба обошлась с обитателями города безжалостно, для археологов обернулось удачей. Они обнаружили настоящий этрусский город, жизнь которого внезапно оборвалась, и поэтому все, что сохранилось, осталось в первозданном виде, нетронутое последующими историческими переменами, перестройкой и развитием города — короче, они открыли этрусскую Помпею. Перед глазами археологов предстали остатки небольшого поселения, расположенного на важном торговом пути.

Главные улицы этого города были на удивление широкими — вместе с мостовой и тротуарами они достигали 15 м ширины. Параллельно и перпендикулярно им были расположены более узкие улочки, вдоль которых когда-то стояли дома. От них то тут, то там сохранились лишь каменные основания. Все остальные строительные материалы — дерево и кирпичи из необожженной глины — оказались менее долговечными. Над городом возвышался акрополь, в котором были обнаружены остатки храмов и алтарей. Улицы, по всей вероятности, были мощеными, и город имел свою канализационную сеть. Известна также система обеспечения города питьевой водой. В акрополе, вблизи от источника, был сооружен из туфа крытый водный резервуар. От него отводились четыре канала, тоже из туфа. Трубопровод, по которому вода из резервуара поступала в город, был обнаружен сравнительно недавно — в 1954 г., несмотря на то, что отдельные его трубы находили с давнего времени. Они сделаны из терракоты, один их конец шире, другой — уже, чтобы их можно было вставлять друг в друга.

Неизбежным дополнением городов является и некрополь с его не очень богатыми, но и не слишком бедными могилами.

Наряду с этрусской Помпеей интерес специалистов возбудила и этрусская Венеция — расположенный неподалеку г. Спина. Первые раскопки в окрестностях Спины, которая в V в. представляла собой самый крупный этрусский порт на Адриатическом море, были предприняты в 1922 г., но не дали никаких результатов. Город обнаружить не удалось.

Новая попытка была предпринята в 1953 г. Вначале ничто не свидетельствовало о том, что на этот раз она будет успешной. Однако годом позже итальянские археологи Нерео Альфиери и П. Е. Ариас обнаружили множество захоронений, на основе которых они сделали заключение, что Спина находится где-то неподалеку.

Однако точно определить местоположение города на побережье, изрезанном лагунами, было нелегко. Правда, греческий географ Страбон подробно описал место, где располагался город. Но его сведения, как оказалось, были крайне ненадежными.

Неожиданно пришло сообщение, что христианский храм Девы Марии, построенный в VI в. н. э., расположен на том месте, где когда-то находилась языческая святыня, вблизи одного из рукавов р. По, называемого Старый По. Однако прежде чем начинать раскопки, необходимо было проверить это столь важное для этрускологии сообщение. Археологи взялись за архивы, и действительно, в 1956 г. им удалось обнаружить документ, который подтвердил это сообщение.

Альфиери и Ариас воспользовались также данными аэрофотосъемки. Результаты съемки были неожиданными. На фотографиях запечатлелся древний канал длиной в 3 км и шириной в 30 м, с помощью кото-

рого Спина соединялась с морем. Канал точно в соответствии с этрускими градостроительными принципами был сориентирован с востока на запад и часть его представляла собой десимапус Спины. Другие, более узкие каналы шли параллельно или перпендикулярно главному каналу. Так археологи обнаружили, что Спина была городом каналов. Ее дома строились на сваях, а жители передвигались по городу по воде.

Рис. 1. Бронзовый сосуд из раскопок в Черветери (этот и остальные рисунки взяты из книги: «Etruscan Culture. Land and People», Malmo, 1962)

Спина была портом, значение которого особенно возросло во второй половине V в. до н. э. после того, как сиракузцы разгромили этрусков в Тирренском море и фактически закрыли им доступ в этот водный бассейн. В Спину корабли доставляли из Аттики керамические изделия, из Спины главным образом вывозилось зерно, выращенное в долине р. По, янтарь, поступающий сюда с севера, и другие изделия. Порт находился на перекрестке дорог, соединяющих Этрурию с Грецией, и был местом, где этруски смешивались с греками.

Греки здесь занимали такое же важное положение, как и знатные этруски. Об этом свидетельствуют богатые греческие могилы. Некрополь Спины вообще представлял собой наглядную картину социального расслоения жителей города. Здесь можно встретить и убогие могилы, и склепы, не позволяющие сомневаться в былом богатстве захороненных в них людей. Спина, которая для своего времени была городом космополитическим, что вообще характерно для морских портов, рассказала о себе еще далеко не все. Некоторые археологи считают, что именно здесь, в этой греко-этрusской среде, скорее всего может быть найдена греко-этрusская билингва — ключ к расшифровке этрусского языка.

Открывая остатки этрусских городов, археологи, как остроумно заметил Анри Гаррел-Курте, автор книги «Италия в эпоху этрусков», находят города без домов. По тому, что осталось от фундаментов бывших строений, очень трудно судить о том, как выглядел этрусский дом. И тем не менее создать некоторое представление об этрусских домах мы можем. Путеводителем при этом служит форма этрусских склепов, многие из которых, несомненно, строились с таким расчетом, чтобы они точно походили на то помещение, где человек жил, но при этом были намного прочнее, чем жилье.

В этрусских захоронениях встречаются также урны, видом напоминающие дома или хижины. У одних — более ранних, имеется двухскат-

ная крышка, у более поздних, например у известной каменной урны из Клузия, в крышке имеется отверстие. Такое же отверстие можно встретить и у некоторых склепов. Это отверстие является не чем иным, как копией окна в крыше жилищ, через которое в центральное помещение дола попадал свет, а также стекала дождевая вода в находящийся в полу бассейн. Конструкция крыши и отверстия в ней была не простой и не сразу была найдена. Этруски, ценившие воду, сумели и в этом случае найти наилучшее решение, и римляне переняли их опыт.

Судя по всему, в римских домах есть немало элементов, заимствованных у этруских жилых зданий, и этот факт также помогает нам реконструировать этруские жилища.

Если мы положим рядом план одного этруского склепа и план римского дома, то их сходство будет просто разительным. Этот склеп был обнаружен в середине прошлого века недалеко от Перуджи. Он довольно велик по размерам, входить в него надо по крутым ступеням, ведущим к каменным дверям. За ними расположено самое просторное помещение, которое напоминает атрий—центральное помещение римского дома. По правую и левую сторону от центрального зала расположены другие, меньшие комнаты, точно такие же, какие имелись у атриев жилых домов. Атрий гробницы ведет в таблинний. В римских и, несомненно, в этруских домах таблинний представлял собой комнату главы дома. И действительно, в таблиннии гробницы находилась урна Арнта Великого, главы многочисленного рода Великих — Волумниев. Рядом с его останками находились урны других членов его семьи. Склеп Волумниев, относящийся к III в. до н. э., является точной копией жилого дома.

Благодаря находкам, обнаруженным в этруских склепах, мы знаем и то, как был оборудован этруский дом изнутри. В Клузии была даже найдена коллекция миниатюрной посуды, которой пользовались этруские хозяйки.

Мебель у этрусков была простой. Она обычно состояла из нескольких предметов. Для сна служили лежанки. Но ими с успехом пользовались и во время трапез, когда этруски лежа, опираясь на один локоть, брали пищу, подаваемую на низком, прямоугольном столике с тремя ножками. Этруски пользовались также и более высокими столами с четырьмя ножками. Считают, что к мебели этрусков относились и кресла, подобия которых, выполненные из терракоты и бронзы, встречаются в могилах клузийского некрополя. На них стояли каноны — урны, своей формой напоминающие человеческое тело. В нескольких могилах эти кресла были сделаны из камня. В действительности же этруские кресла были скорее всего плетеными, позже их сменили легкие греческие сидения. Шкафа для одежды в этруском доме не найдешь, так как этруски для этой цели пользовались сундуками. Больше всего из домашней утвари этруски ценили не мебель, а подсвечники, треножники, жаровни и другие изделия, нередко представляющие собой настоящие произведения искусства.

Мы знаем также, как одевались этруски. Источником этих сведений являются произведения этруских скульпторов и фрески, сохранившиеся на стенах могил. К мужскому платью наряду с другими предметами туалета относился короткий плащ, который надевался через голову. Он ниспадал с левого плеча, в то время как правое оставалось открытым. На одном рисунке, относящемся к VI в. до н. э., в таком плаще изображен даже царь. Плащ назывался «тебенна» и был обычно пурпурного цвета, по краям отделан вышивкой. От этрусков эту часть одежды переняли римляне. Впоследствии в Риме тебенну носили либо в качестве жреческой одежды, либо в качестве воинского плаща.

Намного более распространена была в Риме удлиненная тебенна, известная у римлян под названием «тога». Классически строгую форму та-

кой удлиненной тебенны мы видим на бронзовой скульптуре Оратора, относящейся к I в. до н. э.

У женщин с течением времени установилась мода на свободно ниспадающие льняные туники. Наверху туника состояла из двух частей, которые скалывались на плече. Рукава были необязательны. На тунику, которая свисала многочисленными складками и часто перепоясывалась, сверху накидывался плащ белого цвета, украшенный красной или черной каймой.

Наряду с простой одеждой существовали и более сложные наряды. Этрусские фрески изображают танцовщиков, танцовщиц и музыкантов в особенно ярких платьях, поражающих своими линиями и формой. Однако вполне возможно, что это были специальные наряды, предназначенные для особо торжественных случаев.

Обувь этрусков была довольно разнообразной. Они носили, например, кожаные остроносые туфли, перепоясанные ремешками, кожаные или матерчатые пантофли с вышивкой на шнурках спереди, сандалии без каблука, иногда на деревянной подошве и др.

Богатые женщины носили также множество украшений. Этим они отличались от представительниц менее зажиточных слоев. Раскопки свидетельствуют не только об изысканном вкусе этруских женщин, но и о тщеславии некоторых из них, кичившихся количеством украшений. Доказательством могут послужить золотые и серебряные драгоценности, которыми в буквальном смысле слова была усыпана Лартия, женщина, похороненная в Цере, в могиле, названной по имени тех, кто ее нашел, Реголини — Галасси. Это свидетельствует о том, сколь богатыми должны были быть привилегированные слои этрусского общества и в какой роскоши они жили. В одной из гробниц в Марсильяне была найдена изумительная золотая пряжка, украшенная уточками, меандрами и парой золотых львят. Много драгоценностей, особенно пряжек, было найдено и в Ветулонии. Этруски были непревзойденными мастерами во многих ремеслах.

Итак, по свидетельству археологии, этрусские женщины одевались довольно пышно. Этот факт наводит на следующий вопрос: какое положение этрусские женщины занимали в обществе?

Этрускологи сходятся во мнении, что главой в этрусской семье, так же как и в римской, был мужчина. Однако этрусские женщины — в отличие от римлянок и гречанок — пользовались в семье большим авторитетом и принимали намного большее участие в общественной деятельности. Поведение этруских женщин настолько отличалось от привычного поведения римлянок и гречанок, интересы которых ограничивались преимущественно семьей и домом, что оно вызывало сомнения в их нравственности. Аристотель, ссылаясь на утверждения историка Феспомпа, жившего в IV в. до н. э., обвиняет этрусских женщин в том, что они пировали вместе с мужчинами, лежа под одним плащом. Римский драматург Плавт, живший в III—II вв. до н. э., писал, что этрусские девушки скапливали приданое, занимаясь проституцией.

Рис. 2. Терракотовая амфора из раскопок в Тарквиниях.

Каким был истинный идеал этрусской женщины, мы не знаем. Нам известно лишь, как представляли себе совершенную женщину римляне. Она должна была быть *pudica, lanifica, domiseda*, т. е. быть целомудренной, домоседкой, уметь ткать. Естественно, многие римлянки восставали против этого шаблона. Из «Жизнеописания императора Августа» Светония мы знаем, что Август носил одежду, которую ему изготовила жена Ливия вместе с дочерью Юлией и внучкой, тоже Юлией. Но создается впечатление, что обе Юлии охотнее пряли и ткали, чем исполняли обет целомудрия. Августу, который очень ценил в семье добро, порядочность, ничего не оставалось, как в конце концов выгнать их обеих.

Известны меры, направленные на ограничение свободы нравов римских женщин. Тот же император Август разрешал замужним римлянкам наблюдать за сражениями гладиаторов только с высоких ярусов. А на турнирах атлетов они вовсе не имели права присутствовать. А греческие женщины? За исключением жрицы богини Деметры, они не имели права принимать участие в Олимпийских играх. Этрусским же женщинам никто не запрещал принимать участие в играх и танцах. Роскошно одетые, они могли присутствовать на всех турнирах и даже председательствовать на них.

Отличия в нравах этрусских и римских женщин видны и по рассказу-легенде Тита Ливия. Ливий описывает событие, которое произошло в тот период, когда Римом правил этрусский царь Тарквиний Гордый. Римляне под его предводительством пытались овладеть городом Ардеи. А так как с ходу этого сделать не удалось, то они вынуждены были приступить к длительной осаде. Во время осады, как рассказывает Ливий, царские сыновья устраивали совместные пиршества и попойки. Во время одного из сборищ у Тарквиния Коллатина разговор зашел о женах. Каждый стал хвалить свою супругу. Тарквиний Коллатин сказал, что не нужно лишних слов, и предложил всем убедиться, насколько его жена превосходит остальных. Молодые мужчины не долго думая повскакали на коней и в ту же ночь домчались до города, где их ожидали жены. Они обнаружили, что Лукреция сидит дома и прядет, а ее свояченицы проводят время в обществе мужчин и женщин, наслаждаясь роскошными трапезами. По рассказу Ливия, самой достойной оказалась Лукреция, в образе которой воплощен римский идеал женщины и жены. И действительно, подчеркивает Ж. Эргон в книге «Жизнь этрусков», Лукреция была среди этих женщин единственной римлянкой, жены других Тарквиниев имели этрусскую кровь. Однако об этой важной подробности Ливий умалчивает.

Образ развлекающихся и пирующих этрусских женщин соответствует и тому, что изображено на настенных картинах в склепах, на которых этрусские женщины возлежат за трапезой. В ранний период они располагались на ложе вместе с мужчинами, и лишь позднее, видимо, у римлянок научились большей воздержанности — они находятся сзади и едят сидя.

Этрусских женщин нельзя было ограничить четырьмя стенами их дома. Общественная деятельность привлекала влиятельных представительниц этрусских семей, ибо именно на этом поприще они могли проявить свою инициативу и оказаться в гуще событий. Сохранились предания, в которых рассказывается о том, как женская воля проявлялась в общественных делах.

Одно из таких преданий — легенда о Танакил, жене полумифического этрусского царя Тарквиния Приска. Он стал римским царем благодаря своей жене. Однако Танакил была не только тщеславной. Предание приписывает ей и другие качества. Как и многие из этрусков, она умела толковать предзнаменования. Этим искусством она воспользовалась, когда дело коснулось ее самой. У Сервия Туллия, сына рабыни

из тарквинийского дворца, когда он был еще грудным ребенком, воспламенилась головка. Поднялся крик, и все бросились тушить пламя, но Танакил, привлеченная шумом, распорядилась, чтобы никто ребенка не касался, пока он сам не проснется. И действительно, как только младенец открыл глаза, сверхъестественное знамение исчезло.

Танакил тайно сообщила своему мужу царю Тарквинию, что его преемником станет именно этот мальчик. Они взяли его на воспитание, и когда он вырос, обручили его со своей дочерью, показав тем самым, что прочат его в наследники трона.

Предсказание Танакил сбылось, причем она сама сыграла в этом активную роль, ибо когда Тарквиний Приск был убит своими врагами, жаждущими власти, она помогла Сервию Туллию занять престол.

В этом предании внимание исследователя больше всего привлекает тот факт, что в борьбе за римский престол в период этрусской династии именно женщина передавала власть мужчинам. Целый ряд ученых исследовали с различных точек зрения легенду о Танакил. В основном они сходятся во мнении, что рассказ Ливия вовсе не обязательно должен основываться на исторических фактах. Именно на примере легенды о Матерне — Сервии Туллии, мы видим, как часто предания взаимно опровергают друг друга.

И в римской среде некоторые влиятельные женщины этруского происхождения сохранили энергию и привычки, присущие миру этрусков. По крайней мере так считает, основываясь на рассказах римского историка Тацита, французский этрусколог Эргон. Он обратил внимание на то, как Тацит описывает в своих «Летописях» Ургуланию, пользовавшуюся влиянием при императорском дворе. Дружба с императрицей Ливией, женой Августа, вознесла ее, по словам Тацита, «... выше законов... могущество Ургулании было настолько неодолимым для должностных лиц, что, являясь свидетельницей в каком-то деле, которое разбиралось в сенате, она не пожелала туда явиться; к ней пришлось послать претора, допросившего ее на дому...»¹.

Энергия этой влиятельной женщины проявилась и в одном особом случае. Как пишет Тацит, ее внук «... претор Плавтий Сильван (далее Плавт Сильваний) по невыясненным причинам выбросил из окна жену Апронию, и, доставленный тестем Луцием Апронием к Цезарю, принялся сбивчиво объяснять, что он крепко спал и ничего не видел и что его жена умертвила себя по своей воле»². Император Тиберий этой выдумке не поверил и пришел к убеждению в виновности Плавта. Его ждало суровое наказание. Однако решительная бабушка послала внуку кинжал, чтобы он покончил с собой и избежал судебного преследования.

Поведение Ургулании так заинтересовало Эргона, что он решил узнать, чем оно объясняется. Он выяснил, что сын Ургулании женился на девушке этруского происхождения, на что явно указывает ее имя Лартия. Точно так же поступили и ее внуки. Уже упомянутый Плавт Сильваний женился на Апронии — девушке с этруским именем. Другой внук — П. Плавт Сильваний был женат на Вибии, предки которой также были этруски. У Ургулании осталось еще двое внуков — Авл Плавт Ургуланий и девочка Ургулания, которую Ургулания выдала замуж не за этруска, а за будущего императора Клавдия, увлекавшегося этруской историей. Вполне возможно, что эта полуимская, полуетрусская обстановка в семье, если не прямо инспирировала, то во всяком случае побуждала Клавдия проявлять интерес к этруской истории.

Явное стремление сохранить в семье этрускую кровь, не говоря уже об энергичности Ургулании, по мнению Эргона, свидетельствовало

¹ Корнелий Тацит, Сочинения в двух томах, т. I, М., 1969, стр. 58.

² Там же, т. II, стр. 125.

о том, что сама она была этрусского происхождения. Подтверждение своей догадки Эргон пытается найти в отрывке латинской надписи, обнаруженной в Тарквиниях, которая хотя и относится к I в. н. э., но связана с этрусской историей. В этом фрагменте сохранилась часть имени прославляемого героя, точнее лишь буквы ORGOL, которые Эргон дополняет и отождествляет с именем Ургулан или Ургуланий, очень похожим на женское имя Ургулания или Ургуланила.

Положение этрусских женщин в семье и степень их участия в общественной жизни привели к распространению взгляда о матриархате у этрусков.

Мнение ученых о матриархате в Этрурии, однако, зиждется преимущественно на исследованиях Бахофена, известного швейцарского историка права, автора монографии «Материнское право», который видит следы и отзвуки матриархата прежде всего в том, что этруски определяли происхождение человека по женской линии. Утверждения Бахофена проверил немецкий этрусколог и филолог Фридрих Слотти. Он изучил этрусские надписи, в большинстве надгробные, на которых каким-либо способом указывалось происхождение человека, и пришел к заключению, что надписей, на которых происхождение указано по материнской линии, немного. И если, скажем, после имени умершего стоит имя его матери — матронимикон, то, по утверждению Слотти, рядом, как правило, приводится и имя отца — патронимикон. И стоит оно перед матронимиконом. И поэтому, по мнению Слотти, надо осторожно относиться к тому, что в надписях происхождение иногда определяется по матери — это можно объяснить тем, что имя матери было столь же важным, как и имя отца. Ибо, считает Слотти, подобные случаи вовсе не указывают на то, что отец был неизвестен, так же как нельзя считать, что неизвестна была мать, когда происхождение указано по имени отца.

Немаловажное значение, как это выяснил Слотти, имел возраст надписей, на которых наряду с патронимиконом указан и матронимикон. Дело в том, что это сравнительно ранние надписи. Самые ранние из них относятся к IV в. до н. э., большинство же — лишь к III и II вв. до н. э. И Слотти задает закономерный вопрос, почему же этруски таким способом указывают на происхождение лишь в столь поздний период, и следует ли из этого делать вывод, что на более ранней стадии они определяли свое происхождение по материнской линии. А точка зрения, что этрусские надписи, где встречаются лишь патронимикон или имена обоих родителей, свидетельствует об упадке материнского права, по мнению Слотти, несостоятельна.

Ключ к объяснению, почему матронимикон указывался на надгробных надписях, Слотти находит именно в том, что период использования матронимикона ограничивается главным образом III и II вв. до н. э., т. е. тем периодом, когда этруски потеряли уже все или почти все и подчинились Риму. Этрусская аристократия стремилась сохранить и выставить напоказ те привилегии, которые пока еще у нее сохранились, и она стала действовать так же, как в наши дни поступают представители аристократических семей, — стала подчеркивать чистоту этрусской крови. Именно этим, по мнению Слотти, можно объяснить этрусский обычай указывать на происхождение одновременно и по материнской линии.

Бесспорно, эти выводы заслуживают внимания, и после той работы, которую проделал Слотти, надписи, в которых приводятся имена предков, не могут служить доказательством наличия в этруском обществе элементов матриархата. При этом сам Слотти не отвергал возможности, что эти элементы будут обнаружены другим путем. Он исходил из того факта, что этрусские женщины занимали в обществе совсем иное положение, чем древние римлянки.

Теория о матрилинейном наследовании у этрусков является особенно привлекательной для тех, кто склоняется к мысли, что этруски пришли с востока. Дело в том, что в труде Геродота есть такое замечание о малоазиатских ликийцах из Анатолии:

«Они называют себя по матерям, а не по отцам. Если вы спросите мужчину, кто он, он ответит, назвав свою мать и мать своей матери». Греческий историк Феопомп нечто подобное говорил и об этрусках — они якобы имели общих жен, и их дети не знали отцов. Однако весь комплекс этих вопросов еще ждет своего разрешения.

В жизни этруских городов немалое значение принадлежало общественным играм. И в этом увлечении играми этруски нашли верных учеников и последователей в лице римлян, которые интересовались играми, если верить преданию, еще во времена основания Рима.

Ливий рассказывает, что Тарквиний Приск устроил дорогостоящие и великолепно организованные игры в честь своей победы над соседними латинами. «Во время игр проводились конные состязания и выступали кулачные бойцы, в большинстве приглашенные из Этрурии», — заявляет Ливий.

Намного более наглядно, чем античные историки, нам рассказывают о ходе этих игр фрески на стенах одной из этруских могил в Тарквиниях, так называемой могиле Авгуров, так как на стенах изображены фигуры, которые исследователи принимают за авгуров — предсказателей будущего, определявших желания богов по полету птиц. Две фигуры находятся по одной стороне закрытой двери, их жесты можно истолковать как ритуальные движения. По некоторым другим признакам также можно судить, что это жрецы-прорицатели. А в том, что это вероятнее всего авгуры, нас убеждают нарисованные в нескольких местах птицы.

На фресках могилы Авгуров перед нами открывается страшный мир этруских обычаев, которые соблюдались особенно при похоронах знати. Обычным зрелищем были бои в честь умершего, причем чаще всего драться между собой заставляли пленных. И это были не простые кулачные бои, но кровавые драки с различными жестокими приемами.

Фрески на стенах могилы знакомят нас с двумя видами боев. На первой — двое обнаженных мужчин изображены за секунду до того, как они бросятся в бой. Художнику удалось отразить решимость каждого соперника выйти из борьбы победителем. Мускулистые тела свидетельствуют о могучей силе, суровое выражение лиц предвещает безжалостную борьбу.

Вторая сцена намного более жестока. В фантастическом наряде с уродливой маской на лице здесь изображен полусмешной, полудемонический человек по имени Ферсу, который следит за кровопролитной схваткой собаки с другим человеком. Борющийся обнажен, но голова его закутана тканью или кожей, так что он должен биться с раздраженным и голодным псом вслепую. И хотя у него есть палка, но пользоваться ею он может лишь в ограниченной степени, так как она обмотана веревкой, которая захлестнута петлей вокруг его левой ноги. Один конец веревки привязан к запястью его правой руки, в которой он держит палку, другой конец веревки держит в руке Ферсу.

Смысл изображенного ясен. Осужденный в этом последнем бою может пользоваться палкой только в тех пределах, которые определяются длиной веревки. Ферсу же может по своему усмотрению ее укорачивать. Сражающийся может сам себя повалить на землю, если он слишком сильно дернет за веревку, привязанную к ноге. В другой руке Ферсу держит другую веревку, привязанную к шее собаки, где, вероятно, имеется какое-то приспособление, предназначенное для того, чтобы разозлить пса, если он неожиданно ослабеет или успокоится. Ферсу, таким образом, выступает в роли кровожадного дирижера, который, с одной стороны, должен защищать собаку от слишком решительной обороны че-

ловека, с другой — обеспечить зрителям по возможности более длительное, острое и кровавое зрелище.

Но было бы неправильным видеть только эту, трудно для нас объяснимую сторону этрусской жизни. Давайте обратим внимание на иные характерные черты, изображенные на картинах другой могилы в Тарквиниях, так называемой «могилы охоты и рыбной ловли».

Рис. 3. Терракотовая ваза в форме головы демона

Это почти лирические сцены, выполненные в реалистической манере, в которых неизвестный этрусский художник проявил тонкий вкус и при проработке отдельных деталей и при объединении их в общую композицию. В идиллической картине жизни рыбаков и в сцене возвращения охотников с успешной охоты зритель видит переданную художником красоту самой жизни. Состояние покоя, характерное для рыбаков, как бы передается и возвращающимся охотникам. Тема, которая, казалось бы, скорее побуждает художника изобразить шумную и радостную толпу мужчин, раззадоренных погоней и хвастающихся своей

добычей, здесь подана так, что вас охватывает чувство спокойствия, приподнятости, даже какой-то отрешенности от реальной жизни, несмотря на то, что каждый отдельный образ вполне реалистичен.

Обитатели древних этрусских городов нередко болели. И, вероятно, в искусстве врачевания этруски достигли очень высокого уровня, ибо оно вошло в пословицы и поговорки, которые намного пережили саму этрусскую цивилизацию.

Известно, что этруски знали целебные свойства источников и некоторых растений. Феофраст, греческий ученый, живший в IV—III вв. до н. э., в своем сочинении о растениях пишет следующее: «... Эсхил говорит в своих элегиях, что этруски — это народ, знающий лекарства». Римский историк Мартиан Капелла, живший в IV—V вв. н. э., подтверждает это словами: «Этрурия, прославленная открытием лекарств».

По этрусским произведениям изобразительного искусства нетрудно определить, до какой степени этрускам была известна анатомия человеческого тела. Но, кроме этого, мы располагаем куда более точными данными, свидетельствующими об их знании внутренних органов животных и человека.

В развалинах храмов, а также в специальных ямах вблизи от них было обнаружено множество глиняных, мраморных и бронзовых изображений рук, ушей, ног, а также внутренних органов животных и человека.

Эти изображения, называемые *ex-voto*, этруски жертвовали богам, заботящимся о здоровье людей и животных, и просили их, чтобы они помогли вылечиться от болезни или сохранили от падежа скот, или же благодарили божества за выздоровление. Вотивы прикреплялись к стенам в святых местах. Когда те оказывались сплошь залепленными вотивами, жертвоприношения снимали и складывали в специальных священных ямах, так как их нельзя было осквернять.

В первые десятилетия XX в. ученые придавали этим изображениям внутренностей человека и животных очень большое значение, считая их уникальными древними свидетельствами анатомических знаний эт-

русков. Но со временем они пришли к выводу, что многие из этих изображений отдельных органов содержат грубые ошибки. И поэтому нынешние оценки вотивных приношений намного более сдержанны. Считается, что это изделия, создававшиеся этрусскими ремесленниками по за-

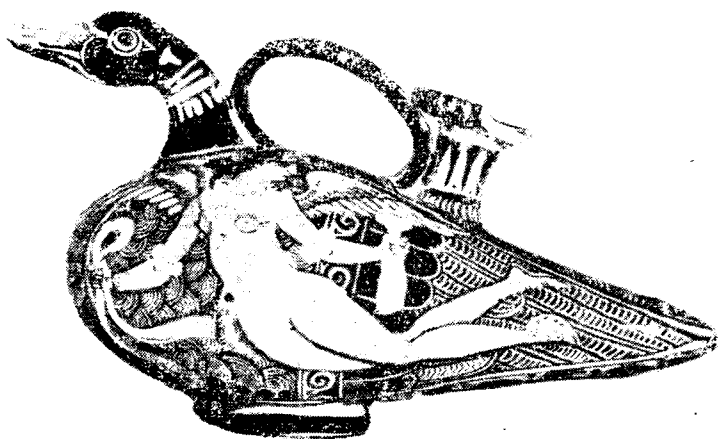

Рис. 4. Терракотовый сосуд

казу в качестве жертвоприношений богам. При этом все зависело от мастерства и таланта исполнителя. Точность при изображении органов не считалась важной. И поэтому по вотивам нельзя судить об уровне знаний этрусков в области анатомии. Казалось бы, раз уж этруски занимались предсказаниями по внутренностям животных, они должны были в совершенстве знать строение их тела. Но и этот вопрос до сих пор не совсем ясен. Бесспорно, что гаруспики, узнававшие волю богов по внутренностям животных, в общих чертах знали расположение некоторых органов, их форму и окраску. Но мы не должны забывать, что внутренние органы животных их интересовали вовсе не с научной точки зрения, так что наверняка они не слишком обогатили знания этрусков в области анатомии животных.

Намного больше внимания этруски заслуживают как специалисты в области стоматологии. В Ливерпульском музее экспонируются два зубных протеза, найденные в этрусских могилах. Первый из них представляет собой четыре золотых кольца, которые стягивали четыре зуба. Сохранились лишь два крайних здоровых зуба, в то время как искусственные зубы выпали. Во втором протезе, наоборот, сохранились два искусственных средних зуба. Протезы были сделаны таким образом, что каждый из четырех зубов был обтянут золотым кольцом, а искусственные зубы, кроме того, были еще и приклепаны. Некоторые протезы были сделаны так умело, что они не ломались до самой смерти их владельца. По всей вероятности, вблизи Старой Фалерии, где был найден череп с сохранившимся зубным мостом, когда-то работал опытный протезист.

Другой вид протеза предназначался для укрепления шатающихся зубов. С этой проблемой этрусские дантисты справлялись с помощью тонкой золотой проволоки, которая словно спираль опоясывала основание зуба. Наряду с протезами этруски ставили на испорченные зубы золотые и терракотовые коронки.

В основе успехов этрусков в зубопротезировании лежит все то же их высокое мастерство, которым они отличались при изготовлении различных изделий и благодаря которому завоевали столь широкую попу-

лярность. Оно лишь проявилось в данном случае в не совсем обычной области деятельности.

Вот то главное, что можно рассказать о жизни в этруских городах. К нашему рассказу можно прибавить много подробностей, которые бы его дополнили и сделали ярче, но по существу ничего бы не изменили.

Мы понимаем, что эта картина слишком однобока и фрагментарна, так как в ней не показан будничныи день этрусского города, отсутствующ жизнь простых людей с их волнениями, надеждами и заботами.

Нелегко определить и то, что надежно укрыто за внешними явлениями — о чем эти люди, жившие в древности, думали, что чувствовали и переживали. И все же кое-что, пусть небольшое, мы о них знаем благодаря их своеобразной религии и тем удивительным произведениям искусства, которые после них сохранились.

Перевод П. Н. Антонова

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Георгиев, Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков), М., 1958; Н. Н. Залесский, К истории этрусской колонизации Италии в VII—IV вв. до н. э., Л., 1965; Н. Н. Залесский, Этруски в Северной Италии, Л., 1959; А. И. Немировский, История и культура раннего Рима, Воронеж, 1964 (См. приложение: Л. А. Ельницкий, Элементы религии и духовной культуры древних этрусков, стр. 182—204); А. И. Немировский, История раннего Рима и Италии, Воронеж, 1962; З. Майяни, Этруски начинают говорить, М., 1966 (пер с французского); А. И. Харсекин, Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности, Ставрополь, 1963.

N. Alfieri, La scoperta dell'abitato di Spina, Tolentino, 1957; F. Altheim, Der Ursprung der Etrusker, Baden-Baden, 1950; L. Banti, Die Welt der Etrusker, Zürich, 1960; P. Bargellini, Die Kunst der Etrusker, Hamburg — Wien, 1960; R. Bloch, Les Etrusques Paris, 1954; P. Ducati, Etruria antica, vol. 1—2, Torino, 1927; P. Ducati, Le problème étrusque, Paris, 1938; J. Heurgon, La vie quotidienne chez les étrusques, Paris, 1961; K. Müller, W. Deecke, Die Etrusker. Vorwort zum Nachdruck, Bibliogr. Überblick, Graz 1965; M. Pallottino, La civilisation étrusque, Paris, 1949; M. Pallottino, Etruscologia, Milano, 1947; M. Pallottino, L'origine degli Etruschi, Roma, 1947; E. Richardson, The Etruscans. Their art and civilization, Chicago — London, 1964; H. H. Scullard, The Etruscan cities and Rome, Ithaca, 1967; A. Trombetti, La lingua etrusca, Firenze, 1928; O. W. Vacano, The Etruscans in ancient world, London, 1960; O. W. Vacano, Die Etrusker in der Welt der Antike, Hamburg, 1961.

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1968 ГОДА

18—25 апреля в Ленинграде проходила сессия Отделения истории Академии наук СССР, посвященная 50-летию Ленинского декрета о создании ГАИМК — Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г. Организаторами сессии были Отделение истории АН СССР, Институт археологии и Институт этнографии АН СССР. В работе сессии приняли участие ученые из институтов Академии наук СССР и союзных республик, университетов, педагогических институтов, сотрудники этнографических, исторических краеведческих и других музеев из различных городов союзных и автономных республик.

В настоящем сообщении будет рассказано о той части работы сессии, которую курировал Институт этнографии. На пленарных заседаниях сессии Отделения истории АН СССР были прочитаны доклады Ю. В. Бромлей (Москва) «Этническая общность и эндогамия» и В. П. Алексеевым (Москва) «Популяционная структура человечества и историческая антропология».

В своем докладе Ю. В. Бромлей основное внимание уделил проблемам этнической интеграции. Конкретный механизм, по мнению докладчика, можно понять, исходя из тесной взаимосвязи между эндогамностью этнических общностей и их устойчивостью. Устойчивость этнической общности зависит от степени брачной замкнутости. Значительное нарушение эндогамности этнической общности неизбежно влечет за собой в конечном счете коренную ее модификацию. Докладчик высказал интересные соображения о роли эндогамии в обеспечении языковой преемственности и устойчивости специфических культурно-бытовых черт этнической общности. Затем в докладе было подчеркнуто, что границы эндогамии могут определяться как географическими, так и социальными факторами; роль последних по мере приближения к современности неуклонно возрастает. Границы эндогамии, как отметил докладчик, обычно выступают также в качестве генетического барьера. Именно поэтому этнос одновременно является одним из видов популяции. Докладчик обратил внимание на то, что этнос как популяция — явление вторичное, в значительной мере производное от социальных факторов. В заключение была высказана мысль, что эндогамия может рассматриваться как дополнительный признак этнической общности.

В. П. Алексеев в начале своего доклада предложил восстановить старый термин «историческая антропология», понимая под ним совокупность антропологических знаний, из которых можно извлечь историческую информацию, вне зависимости от того, к какому периоду истории человечества эта информация относится. На протяжении последних 30 лет антропологи ввели в свои исследования учет популяционного фактора, что кардинально изменило и методiku, и методологию антропологической науки. Человеческие популяции отделены одна от другой генетическими барьерами, ставящими препятствие к распространению тех или иных генов. В человеческом обществе в качестве барьеров, помимо географических рубежей, выступают социальные факторы, в том числе этнический. В зависимости от неодинаковой интенсивности действия разных генетических барьеров существует иерархия популяций (микрорасу, субпопуляции, большие

популяции, демы, разные этнические и другие социальные общности). Различия между этажами этой иерархии неодинаковы на разных территориях и выражены не очень отчетливо, так как характер генетических барьеров как дифференцирующих границ не является абсолютным. Поскольку каждая ступень антропологической классификации является выражением разной интенсивности смещения генов внутри различных территориальных групп, они могут быть использованы для восстановления истории этнических общностей, входящих в состав этих групп.

За время работы сессии состоялось три заседания Ученого совета Института этнографии АН СССР. На первом В. В. Бунак (Москва) сделал доклад «Типологическое, популяционное и географическое направления в исследовании антропологического состава населения СССР». Для расоведческих исследований, как отметил докладчик, до 1930-х годов было характерно типологическое направление, исходящее из существующих в литературе расовых схем и относившее изучаемых индивидуумов к одному из известных типов. В современной антропологии преобладающим стало популяционное направление, согласно которому характерные антропологические типы выявляются по признакам с элементарной наследственной основой. Определенное распространение у нас и за рубежом имеет также географическое направление, выделяющее типы по изменению признаков и территории. Докладчик охарактеризовал значение сочетания популяционного и географического методов в антропологическом исследовании, позволяющего получить наиболее полную картину истории формирования антропологических типов и роли генетических факторов и адаптации в этом процессе.

Л. Н. Терентьева (Москва) прочитала доклад «Об определении национальной принадлежности молодежи (подростками) из национально-смешанных семей», в котором рассматривалось влияние национально-смешанных браков на процессы этнической ассимиляции¹. Тема доклада Г. С. Масловой (Москва) — «Орнамент русской народной вышивки как исторический источник».

С докладом «Итоги VIII Международного конгресса антропологических и этнографических наук» выступил Ю. В. Бромлей. Одно из центральных мест в работе конгресса, как показал докладчик, заняли вопросы современности, в том числе проблема соотношения в народной культуре традиции и инновации. Оживленно обсуждалась специфика включения в современную городскую культурную среду выходцев из сельских районов с архаическим или этнически отличным укладом жизни. Значительное внимание было уделено вопросам общественной организации первобытных народов. Существенное место в работе конгресса заняли проблемы этногенеза, в частности происхождения японцев. Советскими учеными были представлены также доклады по этногенезу ряда народов СССР.

Доклад С. А. Арутюнова и Ю. В. Бромлея «Япония в зеркале этнографии» прочитал С. А. Арутюнов (Москва). О работе секций и симпозиумов конгресса рассказывали советские делегаты Ю. П. Аверкиев, Н. А. Бутинов, Г. Г. Стратанович, Д. А. Олдерогге, Т. А. Жданко, И. М. Золотарева. Участие советской делегации в конгрессе, несомненно, во многом способствовало развитию научных связей с зарубежными учеными².

Были заслушаны также доклады О. И. Шкаратана (Ленинград) «О взаимодействии социальных и этнических процессов» и Л. М. Дробизевой (Москва) «Об изучении национальных установок».

22—24 апреля в Институте этнографии проходили заседания секций. Работало 9 секций, из них 5 занимались проблемами этнографии народов СССР, одна — проблемами этнографии зарубежных народов, кроме того были секции антропологии, народного искусства, фольклора и музейной работы. Этнографы и археологи кавказоведы работали совместно: заседания секции проходили в помещении Эрмитажа.

Секция этнографии славянских народов Европейской части СССР провела 5 заседаний, на которых было прочитано 15 докладов. Одно заседание было посвящено обсуждению проблем, возникающих в связи с работой над историко-этнографическим атласом Белоруссии, Украины, Молдавии.

¹ Подробнее см. статью Л. Н. Терентьевой, «Сов. этнография», 1969, № 3.

² Об итогах конгресса подробнее см. также: Ю. П. Аверкиев, С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, «Сов. этнография», 1969, № 1.

Большое внимание было обращено на унификацию используемой этнографами научной терминологии. С докладом «К вопросу об унификации номенклатуры земельных орудий (на материалах Украины)» выступил киевский этнограф В. Ф. Горленко.

В ряде докладов рассматривались современные этнические и культурные процессы, протекающие в зонах контакта славянских и неславянских народов. Таковы, например, доклад Е. П. Бусыгина, Н. Н. Кучерявенко, Н. В. Зорина (Казань) «Поселения и жилища русского сельского населения Правобережных районов Среднего Поволжья в пределах Татарской и Чувашской АССР»; доклад Л. Н. Чижиковой (Москва) «Использование и дальнейшее развитие народных традиций в современном жилище русских на Украине» и др.

Обсуждение доклада В. К. Бондарчика (Минск) «Этнография и краеведение в Белоруссии» показало необходимость специального совещания по проблемам развертывания краеведения в нашей стране. В связи с докладом Н. И. Гаген-Торн (Ленинград) «Ленинградская этнографическая школа 20-х гг.», привлечшим внимание слушателей к периоду становления советской этнографии, была признана необходимой дальнейшая разработка проблем истории советской этнографии. На совместном заседании секций этнографии славянских и неславянских народов Европейской части СССР был прочитан доклад Н. Н. Грацианской, И. Н. Гроздовой, Т. Д. Филимоновой (Москва) «Изучение национальных меньшинств в Закарпатье».

На пяти заседаниях секции «Этнография неславянских народов Европейской части СССР» заслушан 21 доклад. Большой интерес вызвал доклад Э. В. Васильевой, В. В. Пименова, Л. С. Христюбовой «Современные этнические процессы в Удмуртии (программа, методика и организация обследования 1968 г.)». Докладчики сформулировали свое понимание этнического процесса как изменения структурных компонентов (популяция, территориальное размещение, социальная структура, экономический строй, язык, быт, материальная и духовная культура, этническое самосознание, этнические черты психики и т. д.) той «относительно обособленной самовоспроизводящейся динамической социальной системы», какой является, по их мнению, этнос. Изучение этноса во время проведенного в Удмуртии в 1968 г. обследования осуществлялось в городах и селах, в основных социально-профессиональных слоях населения через изучение личности — «этнофора», по терминологии докладчиков. Выяснению подлежали: степень сохранения удмуртами своей национальной самобытности и относительная устойчивость перечисленных выше компонентов этноса. Исследование проводилось с помощью вопросника методом выборочного наблюдения.

Выступавшие в прениях, в целом положительно оценив доклад, возражали против приведенного определения этноса, отмечали разрыв между теоретическими установками авторов и их практическим воплощением (О. И. Шкаратан), чрезмерную широту поставленных задач, выражали опасение перед растворением этнографии в социологии (А. Ю. Петерсон).

Ряд докладов на этой секции был посвящен итогам экспедиции сотрудников сектора социологии Института этнографии в Татарской АССР. Обмен мнениями состоялся по сообщениям, связанным с подготовкой историко-этнографического атласа Прибалтики.

На шести заседаниях секций археологии и этнографии Кавказа было заслушано 53 доклада. Из них 18 были посвящены проблемам этнографии — материальной и духовной культуре, социальной организации народов Кавказа, древним и современным этническим процессам. При этом Азербайджану было посвящено 5 докладов, Армении — 4, Грузии — 3, Дагестану — 2, Чечено-Ингушетии — 1, Адыгее — 1 и вопросам общекавказской этнографии — 2 доклада.

В докладе Г. С. Читая (Тбилиси) «Кавказ и памятники его древней культуры» на основании данных археологии, лингвистики, этнографии доказывался тезис о самобытности и единстве древней культуры народов Кавказа. Вместе с тем автор подчеркивал наличие с древних времен широких культурных связей между Кавказом и соседними странами.

Ю. И. Мкртумян (Ереван) сделал доклад на тему «Предварительная классификация материалов по скотоводству армян для Кавказского историко-этнографического атласа и некоторые вопросы координации работ». Докладчик отметил, что картографирование скотоводства не имеет прецедента ни в советской, ни в зарубежной этнографии.

Скотоводству армян будет посвящена 21 карта. Перед составителями атласа стоит важная задача — унификации терминологии по скотоводству. Выступившие в прениях по докладу подчеркнули неразрывность связей между скотоводством и земледелием и указали на необходимость совместного изучения этих форм хозяйства армян.

Вопросам социальной организации народов Кавказа были посвящены доклады М. А. Меретукова (Майкоп) «Система родства и свойства адыгов», А. А. Исламова (Грозный) «К вопросу о пережитках матриархата у чеченцев и ингушей», Г. Д. Джавадова (Баку) «Институт взаимопомощи, связанной с сельскохозяйственными орудиями дореволюционного Азербайджана», М. А. Агларова (Махачкала) «Об ограничении собственности в обычном праве у аварцев».

Современным этническим процессам в ряде районов Кавказа был посвящен доклад Я. С. Смирновой и Г. А. Сергеевой (Москва) «Данные паспортных столов как источник для изучения национально-смешанных семей (по материалам городов Махачкала, Орджоникидзе, Черкесск)».

Секция этнографии Средней Азии и Казахстана провела три заседания, на которых было заслушано 19 докладов. Основной темой, объединившей по существу почти все доклады, было обсуждение вопросов, связанных с подготовкой историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. О ходе работы над атласом доложила Т. А. Жданко (Москва). В докладах М. В. Сазоновой (Ленинград), О. А. Сухаревой (Москва), Р. Я. Рассудовой (Ленинград), А. Оразова (Ашхабад), М. А. Хамиджановой (Душанбе), Н. П. Лобачевой (Москва) и др. был приведен интересный полевой этнографический материал. Другие доклады касались различных вопросов этнографии Средней Азии и Казахстана: этнической истории узбеков и туркмен, новой обрядности и сущности некоторых социально-бытовых пережитков, культуры и быта рабочего класса, ремесленного производства, традиционного жилища и прикладного искусства. Положительным моментом явилось активное участие в работе секции этнографов из Средней Азии.

Секция этнографии народов Сибири на трех заседаниях заслушала и обсудила 15 докладов. Многие доклады были посвящены современным этническим процессам у народов Севера и Сибири. Интересные обобщения собранных материалов были приняты в докладах Л. В. Хомич (Ленинград) «К вопросу о взаимовлиянии культур (по материалам Ненецкого и Ямало-Ненецкого национальных округов)», И. С. Гурвича (Москва) «Этническое развитие алеутов», В. И. Васильева (Москва) «Лесные ненцы бассейна р. Пур», Э. Л. Львовой (Томск) «Современная семья у коренного населения Среднего Чулыма» и др. Тема современности нашла также отчетливое отражение в докладах Л. В. Гребнева (Кызыл) «Изменение социальной структуры населения Тувы», Г. Н. Курбатского (Ленинград) «Национально-революционный праздник тувинского народа (1921—1944 гг.)», Ф. А. Валеева (Казань) «Некоторые вопросы современной этнографии сибирских татар», И. А. Бродского (Москва) «О Камчатской музыкально-фольклористической экспедиции 1968 г.», В. П. Монастырной (Москва) «Изучение местных особенностей традиционной одежды и бытования ее в современных условиях (по материалам поездки 1968 г. на Камчатку и Чукотку)».

На этой сессии после многолетнего перерыва работала секция этнографии зарубежных народов, которая провела четыре заседания, на них с докладами выступило 14 чел. Выступавшие рассказали о результатах своих этнографических наблюдений в Северной Эфиопии (Д. А. Ольдерогге, Ленинград), Японии (С. А. Арутюнов, Москва), на о-ве Хайнань в КНР (И. А. и Н. Н. Чебоксаровы, Москва и А. М. Решетов, Ленинград), в Иране (М. С. Иванов, Москва), в МНР (Л. Л. Викторова, Ленинград), в Камбодже (И. Г. Косиков, Ленинград).

Важное место в работе секции заняла социально-экономическая тематика. Несколько докладов было посвящено проблемам ранних форм социальной организации, рассматривавшимся на примере некоторых древних и современных народов зарубежных стран. Таковы, например, доклады Ю. В. Маретина (Ленинград) «Ранние формы социальной организации (на примере кубу, Восточная Суматра)», Н. А. Бутинова (Ленинград) «Папуасская деревня как объект этнографического исследования», С. А. Маретиной (Ленинград) «Образование сословий и классов у горных народов Ассама

(к проблеме классовообразования)», Р. В. Кинжалова (Ленинград) «Родовые пережитки в общественной организации древних майя».

Тематика работы секции была довольно разнообразной. Так, Н. А. Сыромятников (Москва) в своем докладе «Древние общие названия предметов материальной культуры и действий с ними у алтайцев, корейцев, японцев, айну, эскимосов и малайцев» попытался доказать на основе лексики не только общность происхождения корейского и японского языков в рамках древнего алтайского языкового единства, но и установить определенную степень родства языков Севера и Юго-Востока Азии (исключая синитические языки).

Г. Г. Стратанович (Москва) выступил с докладом «Религия и мораль в трудах востоковедов и этнографов на VIII МКАЭН». Как показал конгресс, интерес к этой теме громаден. Он вызван кризисом мировых религий в связи с успехами в области астрономии, космонавтики. Сама постановка вопроса о соотношении религии и морали говорит об отказе от представления о религии как монополюс определяющей моральные нормы источнике. Это отражает реально существующие в жизни народов Азии новые линии выработки норм общественного поведения.

С интересным сообщением об экспедиции к папуасам Новой Гвинеи выступила стажер кафедры этнографии МГУ О. Гостин (Австралия).

На четырех заседаниях секции антропологии было заслушано 19 докладов. Большая часть из них содержала существенную научную информацию по проблемам популяционной генетики и палеоантропологии и этногенезу народов СССР.

Большой интерес вызвал доклад Ю. А. Заднепровского (Ленинград) «Новые работы по палеоантропологии Индии и проблемы связей и миграций», содержавший новые ценные сведения по археологии и палеоантропологии Индии.

Т. А. Трофимова (Москва) выступила с докладом «Череп позднего средневековья из Хорезмского оазиса и сопредельных областей». Рассмотрена серия вновь исследованных двадцати черепов, датируемая XIV—XVI вв. н. э. Эта серия позволяет ставить вопрос о выделении локальных типов расы среднеазиатского междуречья по величине емкости мозговой коробки. Рассматриваемая в докладе серия обладает крупной мозговой коробкой и по этому признаку связывается с некоторыми античными и средневековыми сериями севера Таджикистана (Фринкент) и рядом серий южной и западной Туркмении. Можно предполагать, что население Хорезмского оазиса периода средневековья генетически связано с более древним населением южных и западных областей.

Доклад на тему «Костные остатки палеолитического человека из Самаркандской стоянки» представили В. В. Гинзбург и И. И. Гохман (Ленинград). В 1962 и в 1966 гг. в процессе раскопок верхнепалеолитической стоянки на территории Самарканда археологом Д. Н. Львом были обнаружены две фрагментированные нижние челюсти, являющиеся первыми костными находками останков верхнепалеолитического человека на территории Средней Азии. Наличие на обеих челюстях развитого подбородочного выступа, единичных, хотя и крупных, ментальных отверстий, небольшой по площади коронки зубов, выраженной параболической формы зубной дуги позволяет уверенно отнести самаркандских верхнепалеолитических людей к типу *Homo sapiens*. По-видимому, можно считать доказанной принадлежность верхнепалеолитических обитателей Самаркандской стоянки к европеоидной расе.

А. Г. Козинцев (Ленинград) прочитал доклад «О происхождении антропологического типа айнов (по данным краниологии)».

С большим интересом также были приняты доклады В. П. Алексеева (Москва) «Геногеография гаммаглобулинов», И. М. Золотаревой (Москва) «Распределение некоторых генетических факторов у населения Центральной Азии», Ю. Д. Беневоленской (Ленинград) «Группы крови кетов и селькупов», А. А. Воронова (Москва) «Антропологические особенности распространения подтипов гаптоглобина».

Некоторые доклады сотрудников периферийных учреждений, оговоренных от антропологических центров, свидетельствовали о необходимости расширить информацию о современных программах и приемах антропологического анализа. В связи с этим секция внесла предложение об организации всесоюзного методического семинара по теме «Унификация программ и современные методы антропологических исследований». Подчеркивалась плодотворность научных контактов и совместных исследований с генетиками, гематологами, рентгенологами, медицинскими географами, необходимость расшире-

ния популяционногенетического и геногеографического направления в антропологии. Заседание приветствовало организацию секции антропологии при Объединенном совете по биологии человека АН СССР.

На заседаниях секции народного искусства было прослушано 15 докладов, большая часть из них относилась к искусству славянских народов.

С исторической и методической точек зрения ценным был доклад С. В. Иванова (Ленинград) «К вопросу о хуннском компоненте в орнаменте якутов»; содержательным был доклад Ю. Ф. Лашук (Львов) на тему «Фиксация и обработка научной информации при обследовании широких зон народного искусства».

Большое внимание было уделено современному состоянию народного искусства в нашей стране. В этом отношении были интересны доклады Х. Ю. Суня (Рига) «Тенденции развития бытового танца в Латвии» и М. В. Токарь (Львов) «Опыт создания народного костюма для сцены».

Выступившие в прениях рекомендовали приглашать на обсуждение таких докладов руководителей учреждений, ответственных за состояние художественных промыслов, а также театральных художников и костюмеров.

Высокую оценку дали слушатели докладу О. В. Кругловой (Загорск) «Теремковые и столбчатые прялки Ярославской области (по материалам экспедиции 1965—1968 гг.)».

Работа секции фольклора концентрировалась вокруг следующих тем: история фольклора и его жанров; новое в фольклористике; материалы фольклористических экспедиций последних лет; современные проблемы организации и методики экспедиционной работы. На шести заседаниях выступили 39 докладчиков.

Вопросам теории фольклора и методологии фольклористики были посвящены доклады В. М. Потявина (Кемерово) «Итоги программированного изучения народного песенного репертуара», И. Г. Левина (Ленинград) «Современное устройство архива в свете основных проблем фольклористики», А. С. Федосика (Минск) «Классификация и систематизация народных произведений в многотомном своде белорусского фольклора».

Оживленный обмен мнениями вызвал доклад К. В. Чистова (Ленинград) «Специфика фольклора в свете теории коммуникации». Для дальнейшей разработки общей теории фольклора докладчик предложил рассмотреть механизм коммуникативного процесса (т. е. процесса передачи эстетической информации от создателя (исполнителя) к воспринимающему), который осуществляется фольклорными или литературными средствами. Для устного (или естественного) типа коммуникации, который свойственен фольклору, характерны: а) направленность информации, определенная реальная аудитория; б) синхронность исполнения и восприятия, эстетического переживания и сопереживания; в) отсутствие материального посредника между исполняющим и воспринимающим; г) наличие обратной связи между ними; д) превращение на каждом следующем этапе коммуникации воспринимающего в исполнителя, восстанавливающего текст в его звуковом, интонационном, мимическом и т. п. выражении; е) непрерывность коммуникативного процесса, который складывается из дискретных актов исполнения и в социальном смысле означает вхождение фольклорного произведения в традицию и одновременно превращение индивидуального творческого акта в обобщенный и коллективный.

К. Григас (Вильнюс) предложил в своем докладе в качестве критерия для выделения национального своеобразия и интернационального начала в пословицах и поговорках анализировать их структуру, средства поэтической образности, реалии и имена. Э. Я. Кокаре (Рига) обратила внимание на необходимость унификации принципов систематизации пословиц для удобства их сравнительного изучения. Варианты, по ее мнению, являются хранителями сведений об историческом развитии пословицы и показывают отношение к ней народа на разных исторических этапах.

Ряд докладов был посвящен проблемам историзма и происхождения народного эпоса. Так, Б. Н. Путилов (Ленинград) в своем докладе показал, что ведущиеся в наше время споры по поводу историзма были вызваны различием взглядов на происхождение и историю, художественную и историческую ценность русского народного эпоса. Вопреки концепциям исторической и неисторической школ, докладчик доказывал, что северная былина представляет собой закономерный этап в эволюции древне-

русского эпоса и является одним из величайших достижений русского народного творчества.

Ю. С. Гаглойти (Цхинвали) в докладе «К проблеме генезиса нартского эпоса» утверждал, что из всех существующих по данному вопросу точек зрения научно обоснована теория скифо-аланского происхождения нартского эпоса.

В ряде докладов затрагивались проблемы, связанные с изучением советскими фольклористами народной несказочной прозы. Доклад Э. В. Померанцевой (Москва) был посвящен работе по записи быличек в Архангельской, Вологодской, Владимирской областях и в русских селах Прибалтики. Наряду с традиционными быличками, рассказываемыми в подтверждение какого-либо народного верования, было выявлено бытование рассказов, использующих сюжеты и образцы быличек, но дающих, в отличие от последних, реалистическое объяснение чудесных явлений и направленных на обличение суеверий.

В докладе В. К. Соколовой (Москва) «Особенности развития песенных и прозаических исторических фольклорных жанров» говорилось о том, что изучение историко-песенного фольклора русских и других народов показало, что в истории его развития наблюдается закономерная смена жанров (от ранней героической эпопеи к героическому эпосу раннефеодальных государств, историческим песням и пр.). В развитии прозаического фольклора — исторических преданий — смены жанров не происходит. Утрата веры в подлинность рассказываемого, тенденция к дополнению преданий книжными сведениями, соблюдение рассказчиком хронологической последовательности являются, по мнению докладчика, свидетельством распада жанра преданий.

В докладе М. Проодезь (Тарту «Зависимость варианта от конкретной ситуации рассказывания» рассматривался вопрос о том, какие изменения вносятся рассказчиком в рассказ, если слушателем является фольклорист — человек посторонний, не знающий местного быта, смущающий рассказчика магнитофоном и т. п.

Большой и интересный материал содержался в докладах об итогах фольклористических экспедиций последних лет. Х. М. Халилов (Махачкала) рассказал о начавшейся в 1964 г. экспедиционной работе фольклористов в Дагестане, в результате которой было выявлено наличие чабанского фольклора, записан фольклор ряда народов, как имеющих письменность, так и бесписьменных.

Н. М. Савельева (Москва) говорила в своем докладе об экспедициях в Брянскую область 1951—1968 гг., собиравших произведения музыкально-поэтического творчества своеобразного в этническом отношении населения этого края. Экспедиции обнаружили богатое и разнообразное по жанрам песенное искусство, родившееся в результате сплава элементов русского, украинского и белорусского фольклора.

В докладах и во время их обсуждения поднимались такие актуальные вопросы фольклористики, как отношение между фольклором и действительностью; сравнительно-историческая методика изучения фольклора; фольклор и этнография.

Секция музееведения имела два заседания, на которых были заслушаны 9 докладов по следующим темам: история музейного дела в России (Т. К. Шафрановская, Ленинград), знакомство с некоторыми музеями Турции (М. Н. Серебрякова, Ленинград); характеристика этнографических коллекций по отдельным народам, хранящихся в МАЭ (Т. В. Станюкович, Р. С. Разумовская, Ленинград) и ГМЭ (Н. П. Соболева, Ленинград); принципы построения экспозиций и методы хранения коллекций, разработанные сотрудниками ГМЭ (Е. С. Волухов, Н. П. Хазова и Т. П. Балтушевич, Е. Н. Студенецкая, Ленинград).

Л. С. Федорова (Донецк) рассказала об опыте создания этнографического музея при Донецком университете. Оживленное обсуждение вызвал доклад И. Ф. Шавриной (Ленинград) «Музей и школа». В принятую секцией резолюцию включено предложение посвятить работу секции на очередной сессии актуальным проблемам музейной работы (методике организации музеев на открытом воздухе и др.).

На заседаниях секций высказывались пожелания включать в программы заседаний, помимо отчетных докладов о полевой работе за прошедший год, доклады на актуальные научно-теоретические проблемы, над которыми работают этнографы (например, об этнических процессах в определенном регионе или религиозных представлениях народов определенной группы или региона). Такие доклады, возможно, следует ставить на межсекционных заседаниях.

Как и в предшествующие годы, были опубликованы тезисы докладов на пленарных заседаниях и заседаниях Ученых советов Институтов археологии и этнографии АН СССР. Участники сессии высказывались за публикацию в будущем тезисов всех докладов, принятых Оргкомитетом сессии, в том числе предназначенных для прочтения на секционных заседаниях.

Участники сессии подчеркивали необходимость выделения специальных средств для приобретения этнографических коллекций по народам СССР и зарубежных стран, оказания помощи местным музеям, особенно школьным, обеспечения на местах охраны историко-этнографических памятников. Особо отмечалась настоятельная потребность в оснащении этнографов современным оборудованием для ведения этнографической полевой работы (магнитофонами, киноаппаратами и т. д.).

После того, как программа работы сессии была исчерпана, в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР состоялся социологический семинар. На нем, с лекциями по некоторым проблемам, представляющим интерес для этнографов, в особенности тех, которые занимаются изучением социальных вопросов современного общества, выступили социологи, работающие в Институте этнографии АН СССР и в других научно-исследовательских учреждениях Москвы и Ленинграда.

Прошедшая сессия подвела итоги работы советских этнографов, антропологов, фольклористов за минувший год и способствовала определению наиболее актуальных задач, стоящих перед ними сегодня и на ближайшее будущее.

Е. В. Иванова, А. М. Решетов

ВТОРАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОКЕАНИСТОВ И АВСТРАЛОВЕДОВ

В июле 1968 г. состоялась Первая всесоюзная конференция по изучению проблем Австралии и Океании. Ее участники приняли решение проводить такие научные встречи ежегодно. Во исполнение этого решения 19—20 мая 1969 г. в Москве была проведена вторая конференция. Как и предыдущая, она была организована Институтом востоковедения АН СССР и Институтом этнографии АН СССР совместно с Советским национальным комитетом Тихоокеанской научной ассоциации.

Если на первой конференции затрагивались самые различные исторические, этнографические, географические и экономические проблемы¹, то вторая была посвящена рассмотрению новых тенденций в развитии Австрало-Океанийского региона.

Как подчеркнул в своем докладе «Новая политическая геометрия на Тихом океане» И. А. Лебедев (Ин-т мировой экономики и международных отношений АН СССР), Австралия и Океания занимают ныне важное место в мировой экономике и политике, а потому уже не могут рассматриваться в качестве далекой и малоценной «периферии» капиталистического мира. Это связано прежде всего с быстрым экономическим развитием Австралии и Японии, глубокими изменениями в Юго-Восточной Азии, а также с возрастанием значения океанийского островного мира. Кризис политики США в этом обширном регионе побуждает американские правящие круги изыскивать более гибкие и замаскированные методы проведения прежней империалистической политики. В Вашингтоне разрабатываются планы новых военно-политических блоков в западной части Тихого океана. В качестве «ключевых» участников таких блоков в планах неизменно фигурируют Япония и Австралия, ибо американские монополии рассчитывают использовать в своих интересах специфические политические и экономические связи, существующие между этими двумя странами и Соединенными Штатами.

Ряд докладов был посвящен промышленному развитию Австралии и ее экономическим отношениям с другими государствами.

¹ Д. Д. Тумаркин, Первая всесоюзная конференция океанистов и австраловедов, «Сов. этнография», 1968, № 6.

В. М. Андреева (Ин-т географии АН СССР) рассказала об особенностях экономического освоения Северной Австралии, которая до недавнего времени оставалась одной из наиболее отсталых и слабо заселенных областей Австралийского Союза, зоной крайне экстенсивного пастбищного скотоводства. В 1960-х годах здесь были открыты крупные месторождения бокситов, урана, полиметаллов, фосфоритов, железной и марганцевой руд. В разработку этих месторождений уже вложены значительные иностранные и национальные капиталы. Быстрой организации разработок и вывоза минерального сырья способствовали также государственные капиталовложения в создаваемую инфраструктуру. В результате в Северной Австралии наблюдается рост населения, появился ряд промышленных предприятий, происходит интенсификация сельского хозяйства.

В докладе А. П. Баранова (Ин-т востоковедения) были рассмотрены роль и место обрабатывающей промышленности в валовом национальном продукте Австралии и ее внешнеторговом балансе. Докладчик охарактеризовал ведущие отрасли (черную и цветную металлургию, машиностроение, электротехническую промышленность и др.), причем особо останавливался в каждом случае на степени обеспечения потребностей страны собственной продукцией и экспортными ресурсами.

А. А. Мальханов (Научно-исследовательский конъюнктурный ин-т Министерства внешней торговли СССР) осветил основные направления внешней торговли Австралии в 1960-х годах, а И. И. Василевская (Ин-т востоковедения) и А. Н. Осоргин (Хабаровский комплексный научно-исследовательский ин-т Сибирского отделения АН СССР) сосредоточили внимание на различных аспектах австрало-японских экономических отношений. Как показали докладчики, Япония становится крупнейшим покупателем австралийской сельскохозяйственной продукции и минерального сырья, оттеснив на второе место Англию, а также начинает форсировать экспорт своего капитала в Австралию путем создания смешанных предприятий по разработке богатейших сырьевых ресурсов этой страны. Дальнейшее развитие связей между Австралией и Японией может привести к появлению на Тихом океане мощного экономического комплекса, который будет оказывать возрастающее влияние на мировую экономику и политику, в первую очередь на страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Особенности современных внешнеэкономических отношений Австралии с этими странами были охарактеризованы в докладе Л. А. Встовского (ХабКНИИ), призвавшего усилить научно-исследовательскую разработку рассматриваемого круга проблем.

Л. А. Одегова (ХабКНИИ) рассказала о большом интересе к «Тихоокеанской Сибири», появившемся у австралийских экономистов. Докладчица проанализировала имеющиеся на Дальнем Востоке возможности для развития экономических связей с Австралией.

Бурное экономическое развитие пятого континента и другие сдвиги на Тихом океане оказали огромное влияние на торговое судоходство в этом бассейне. Вопросы тихоокеанских морских транспортных связей рассматривались в докладах Г. А. Левикова и М. С. Ханина (Научно-исследовательский ин-т морского транспорта Министерства морского флота СССР).

Одна из важнейших особенностей общественной жизни современной Австралии состоит в растущей активности аборигенного населения, не желающего более оставаться пассивным объектом дискриминации и патернализма. Как показал в своем докладе В. Р. Кабо (Ин-т этнографии, Ленинград), борьба австралийских аборигенов за свои права принимает разные формы — от стачечного движения (например, массовой забастовки аборигенов-скотоводов Северной Австралии в 1967 г.) до создания общественных организаций, объединяющих наиболее сознательных и активных представителей коренного населения. Под давлением прогрессивной общественности федеральное правительство и власти штатов были вынуждены в последние годы принять ряд законодательных мер, ограничивающих дискриминацию аборигенов и в какой-то мере защищающих их права на еще сохранившуюся в их владении землю. Летом 1968 г. состоялась первая национальная конференция коренных жителей пятого континента, которая, по-видимому, явится заметной вехой в их истории.

Освещение тихоокеанской политики США в современной американской историографии проанализировал А. А. Мурадян (Ин-т востоковедения). Докладчик выделил основные этапы развития наиболее влиятельных исторических школ, рассмотрел

тенденции, проявляющиеся в американской исторической литературе в настоящее время.

Восемь докладов было посвящено современному положению и перспективам развития народов Океании.

К. В. Малаховский (Ин-т востоковедения) охарактеризовал некоторые новые тенденции в жизни народов океанийского островного мира. По мнению докладчика, эти народы находятся накануне глубоких изменений в их политической структуре, нового, еще более значительного подъема национально-освободительной борьбы. Пример Науру и Западного Самоа — первых независимых стран Океании — подтверждает возможность существования в современном мире даже столь маленьких островных государств.

В докладе П. И. Пучкова (Ин-т этнографии, Москва) «Демографические тенденции в Океании» основное внимание было уделено новейшим изменениям в естественном движении населения. Удивительно низкая смертность, наблюдаемая ныне в некоторых странах Океании, объясняется главным образом особенностями возрастной структуры населения — низким процентом лиц преклонного возраста, обусловленным, в свою очередь, весьма высокой смертностью в сравнительно недавнем прошлом. Докладчик дал прогноз увеличения численности населения различных архипелагов к 2000 году, а также рассмотрел проблему перенаселенности отдельных островов.

А. М. Кондратов (Географическое общ-во СССР, Ленинград) предпринял попытку рассмотреть социолингвистическую ситуацию в Океании. Докладчик выделил ряд тенденций: «вымирание» языков (рапануйский, гавайский), стирание диалектальных отличий и появление единого языка (науру, фиджийский), выделение языков межкугупового общения (моту в Папуа), рождение неомеланезийского языка на базе пиджин-инглиш, появление новых литературных и государственных языков и т. д. В заключение А. М. Кондратов поднял вопрос о необходимости разработки методов «лингвофутурологии», т. е. вероятностного прогнозирования лингвистических процессов, подчеркнув важность такого прогнозирования для Океании.

Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии, Ленинград) в докладе «„Большие люди“ в Меланезии» остановился на некоторых особенностях процесса классовобразования. Этот процесс до колонизации протекал здесь внутри общин и состоял, в частности, в том, что общинные вожди, «большие люди», начинали противопоставлять себя остальному населению. Они сосредотачивали в своих руках материальные богатства, необходимые для проведения общинных празднеств, обрядов, покупки невест для членов общины и т. п., что позволяло им все более подчинять себе общинников. Достигнув власти в своей общине, вожди стремились распространить ее на соседние общины. Должность «большого человека» еще не стала наследственной, за нее нужно бороться. В последние годы «путь вверх» нередко связан с активным участием в национально-освободительном движении. Докладчик проследил это на примере карьеры Палиау (о-ва Адмиралтейства).

М. С. Бутинова (Музей истории религии и атеизма Министерства культуры СССР, Ленинград) выступила с докладом «Христианство в Меланезии». Вопреки утверждением миссионеров, новая религия распространялась здесь очень медленно и в ряде районов этот процесс до сих пор не завершен. Стремясь расширить свое влияние и завербовать побольше приверженцев, миссионеры в последнее время стали шире практиковать метод коллективного обращения в христианство, открыто проводят политику приспособления его к местным культам, т. е. фактически поощряют религиозный синкретизм. Однако ухищрения миссионеров не дают желаемых результатов. Меланезийцы все отчетливее понимают связь христианства с колониализмом. По мнению докладчицы, в настоящее время наблюдается процесс ослабления влияния христианства на коренных жителей Меланезии.

Тема доклада А. М. Решетова (Ин-т этнографии, Ленинград) — «Китайцы в Океании». Проследив историю китайской иммиграции в океанийский островной мир, А. М. Решетов рассказал об основных занятиях обитающих здесь китайцев (вопреки распространенному представлению, большинство их занято не в торговле, а в сельском хозяйстве и промышленности), привел данные о далеко зашедших процессах ассимиляции китайского меньшинства на ряде архипелагов.

Д. Д. Тумаркин (Ин-т этнографии, Москва) рассказал о постановке образования в Папуа — Новой Гвинее. До второй мировой войны «просвещение» местного

населения находилось целиком в руках христианских миссий. В 1950-х годах австралийские колониальные власти вынуждены были приступить к развертыванию на этой территории государственной школьной сети. В 1966 г. в городе Порт-Морсби открылся университет. Но и теперь большинство детей школьного возраста лишено возможности овладеть даже начатками грамоты. Показав неокOLONиалистскую направленность австралийской просветительной политики в Папуа — Новой Гвинее, докладчик подчеркнул, что население территории решительно требует расширения доступа к образованию, видя в нем неперемнное условие достижения независимости и последующего движения по пути прогресса.

В конференции участвовала австралийская гостья — стажер МГУ Ольга Гостин (Национальный ун-т, Канберра). Во время выборов в Палату ассамблеи, проведенных в 1968 г. в Папуа — Новой Гвинее, она находилась в округе Милн-Бэй. О. Гостин рассказала о платформах кандидатов, о методах ведения ими предвыборной кампании, о взглядах избирателей и результатах голосования. Особое внимание в докладе было уделено роли и значению политических партий, возникающих в Папуа — Новой Гвинее.

Как и на предыдущей конференции, всеобщий интерес вызвали выступления ученых разных специальностей, побывавших в составе советских морских экспедиций на островах Океании. О. И. Мамаев (МГУ) рассказал о рейсе научно-поискового судна «Профессор Дерюгин», посетившего в 1968 г. ряд океанийских архипелагов. Л. А. Пономарева (Ин-т океанологии АН СССР) поделилась впечатлениями о своем пребывании на атолле Тарава (о-ва Гилберта), С. Д. Степаньянц (Зоологический ин-т АН СССР, Ленинград) сделала сообщение «Таити 60-х годов». Выступления сопровождались демонстрацией диапозитивов и других иллюстративных материалов, привезенных из экспедиций. О. И. Мамаев передал на конференции представителю ленинградского Музея антропологии и этнографии АН СССР большое полотнище тапы с острова Футуна, подаренное музею французским этнографом и художником Н. Н. Мишутушкиным.

В целом конференция отразила возросший научный уровень советских гуманитарных исследований Австрало-Океанийского региона. Сборник докладов, представленных на конференцию, будет подготовлен к печати.

Д. Д. Тумаркин

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1968 ГОДУ

В 1968 году, как и в прежние годы, в Институте этнографии АН СССР исследовался круг вопросов, связанных с проблематикой трех самостоятельных, но тесно связанных между собой наук — этнографии, антропологии и фольклористики.

В последние годы наиболее перспективным и важным направлением в этнографии стал анализ современных этнических и культурно-бытовых процессов у народов СССР и зарубежных стран. Важное значение приобрели также историко-этнографическое изучение народов мира и исследования по истории первобытного общества.

В области антропологии развивались следующие основные направления: 1) изучение факторов расообразования у человека; 2) популяционно-генетические исследования; 3) антропологическая характеристика древних и современных рас и популяций в связи с проблемами происхождения народов; 4) анализ особенностей физического развития древнего населения СССР; 5) выработка новых, усовершенствование и унификация существующих методических приемов антропологических исследований.

Фольклористика развивалась по двум основным, наметившимся уже в прошлые годы, направлениям: изучение современного состояния фольклора и исследование традиционного фольклора в его историческом развитии.

В 1968 году Институт этнографии АН СССР опубликовано 28 книг общим объемом 570 а. л.

Вышел из печати завершающий серию «Очерки общей этнографии» том «Народы Европейской части СССР» (редакторы С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров, К. В. Чистов, 30 а. л.). Книга содержит описание многочисленных народов, населяющих Европейскую часть Советского Союза. О каждом из них даются краткие исторические, антропологические, лингвистические сведения, описание хозяйства, материальной культуры (поселения, постройки, одежда, пища и пр.), семейного и общественного быта, народного творчества. Характеризуется древняя культура этих народов, освещаются особенности их быта в прошлом и изменения, происшедшие за годы Советской власти, причем особое внимание уделяется современному культуře и быту как сельского, так и городского населения.

Сложному этническому составу различных стран Азиатского континента посвящена изданная совместно с Главным управлением геодезии и картографии карта «Народы Азии» в масштабе 1:800 000 (руководитель работы С. И. Брук). Эта карта (на ней показано свыше 200 народов) составлена методом этнических территорий по новейшим картографическим, статистическим и литературным данным. Она явится хорошим справочным пособием для всех интересующихся проблемами населения развивающихся стран, а также может служить учебной картой для высшей и средней школы.

Об этнической истории и современных этнических процессах в Меланезии — одной из наименее изученных в этнографическом отношении областей земного шара — рассказывает книга П. И. Пучкова «Формирование населения Меланезии» (15,7 а. л.). Используя обширный литературный, статистический и картографический материал, автор показывает, как складывалась этническая картина в Центральной и Южной Меланезии, анализирует процессы, влияющие на изменение этой картины, и дает прогнозы дальнейшего этнического развития. К книге приложены составленные автором подробные этнические карты различных архипелагов Меланезии.

В двух работах исследуются проблемы преобразований культуры и быта народов СССР за годы Советской власти, одна из них посвящена народам Северного Кавказа, другая — рабочему классу СССР.

В монографии «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.)» (ред. В. К. Гарданов, объем 22,9 а. л.) выявлены общие черты и закономерности развития культуры и быта северокавказских народов (чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, черкесов, адыгейцев, абазин, ногайцев) после Великой Октябрьской социалистической революции. Источниковедческую базу монографии составляют данные полевых исследований и документальные, архивные, литературные материалы.

В основу книги «Этнографическое изучение быта рабочих» (ред. В. Ю. Крупянская, 10,8 а. л.) положены полевые наблюдения, статистические данные, а также литературные материалы. В книге показывается, как формировались национальные рабочие кадры на Украине и в Литве, а также в бывших отсталых районах царской России — Татарии и Бурятин.

Вопросам возникновения и становления классового общества, представляющим интерес для широкого круга читателей, посвящены две книги. Одна из них — сборник «Разложение родового строя и формирование классового общества» (ред. А. И. Першиц, 18,5 а. л.). Авторы статей этого сборника, используя новейшие открытия археологов и этнографов, исследуют проблему ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. В книге приводится много нового и интересного материала о характере общественного строя индейцев Америки и эскимосов Гренландии, а также о становлении государственной власти у южнофракийских племен. Немало места отведено критике взглядов современных буржуазных исследователей.

Другая вышедшая по этой проблеме работа — монография Н. А. Бутинова «Папуасы Новой Гвинеи» (17,36 а. л.), в которой рассматриваются вопросы первобытности на примере папуасов. В этом этнографическом труде подводятся итоги изучения хозяйства и общественного строя коренного населения Новой Гвинеи за 100 лет.

Антропологи и археологи Института опубликовали две работы по проблемам этногенеза. Первая — сборник «Проблемы эволюции человека и его рас» (отв. редакторы Г. Ф. Дебец, Я. Я. Рогинский, 18,8 а. л.) рассматривает некоторые новые теоретические проблемы. Она состоит из трех тематически связанных между собой статей, трактующих наименее разработанные вопросы теоретического расоведения — возрастную изменчивость расовых признаков (Г. Л. Хитъ), изменчивость расовых признаков в филогенезе (А. А. Зубов) и популяционную концепцию расы у человека (В. П. Алексеев).

Вторая — книга А. В. Вишгородова «Неолитические памятники Хорезма» («Материалы Хорезмской экспедиции», вып. VIII, 15,3 а. л.) — содержит описание, хронологическую классификацию и детальный сравнительный анализ памятников неолитической кельтеминарской культуры, что дает новый материал для решения вопросов этнической и социальной истории Средней Азии. В работе поднимаются также вопросы методики изучения первобытных стоянок.

Об антифеодальной борьбе в Пенджабе, зачатках становления пенджабской нации, героической борьбе пенджабского народа против колонизаторов рассказывается в монографии В. И. Кочнева «Государство сикхов и Англия» (10,77 а. л.).

Несколько книг посвящено историко-этнографическому изучению культуры народов мира.

Одна из них, «Народное декоративно-прикладное искусство киргизов» (отв. ред. С. В. Иванов, К. И. Антипина, 19,6 а. л.), представляет собой богато иллюстрированное этнографо-искусствоведческое исследование, охватывающее все области народного прикладного искусства. В статьях сборника характеризуется развитие отдельных видов прикладного искусства (узорная кошма, ворсовое и безворсовое узорное ткачество, декоративная цинковка, вышивка, художественная обработка металла, резьба по дереву и узорное тиснение на коже) в прошлом и настоящем.

Сборник «История, археология и этнография Средней Азии» (31,8 а. л.) подготовлен в честь 60-летия С. П. Толстова его коллегами и учениками. Тематика статей (их в сборнике 44) соответствует основным направлениям научной деятельности С. П. Толстова (древняя история, археология, антропология и этнография Средней Азии, теоретические вопросы общей этнографии). В статьях получили освещение история и археология первобытного общества, античности и средневековья. Большое внимание уделено проблемам этногенеза, структуре раннеродового общества, номадизму.

Сборник «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии» (отв. ред. В. П. Алексеев, И. С. Гурвич, 18,1 а. л.) содержит статьи по истории антропологических типов СССР, проблемам гено-географической дифференциации народов Сибири, вопросам антропологического состава народов Полинезии, этнической истории и религиозным верованиям народов Севера и т. д. Тематическая и региональная широта сборника отражает разнообразие научных интересов М. Г. Левина, памяти которого посвящен этот сборник.

Книга «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы» (отв. ред. С. А. Токарев, 25,2 а. л.) — первая в этнографической литературе попытка систематического обзора (на исторической основе) форм сельских построек и общей классификации типов народного жилища в Европе. В статьях сборника характеризуются типы жилища отдельных европейских стран или групп народов.

Работа С. А. Арутюнова «Современный быт японцев» (14,35 а. л.) представляет собой всестороннее исследование (с привлечением сравнительных материалов) бытовой культуры японцев. В нем широко поставлены общие проблемы закономерностей развития современного быта, а также проблемы взаимодействия общепланетарной городской культуры с традиционной культурой Японии.

В честь 60-летия Н. Н. Чебоксарова издан сборник «Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии» (редактор Г. Г. Стратанович, 18,3 а. л.).

Две работы посвящены проблемам религии и атеизма. В монографии И. А. Кривелева «Религиозная картина мира и ее богословская модернизация» (18,9 а. л.) рассмотрены

наиболее общие черты, характеризующие картину мира согласно установок различных религий. В первой части книги рассказывается о религиозных представлениях о неживой природе, во второй — рассматриваются религиозные представления о жизни, смерти и «посмертном существовании». В третьей части автор анализирует попытки современных богословов реабилитировать потерпевшую крах религиозную картину мира при помощи ее модернизации и показывает несостоятельность этих попыток.

Книга Н. Р. Гусевой «Джайнизм» (6,6 а. л.) посвящена древней малоизученной религии Индии. Автор прослеживает историю джайнизма с VIII в. до н. э., анализирует новые течения в этой религии. Работа написана в основном на оригинальных полевых материалах автора.

Очередной, IV выпуск «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (отв. ред. Р. С. Липец, 20,9 а. л.) содержит статьи о деятельности научных обществ и учреждений России, в основном в конце XIX — 20-х годах XX в. Освещаются также вопросы становления марксистской методологии в этнографической и антропологической науке, принцип массовости собирательской работы в советское время и проблема связи этой работы с практическими задачами социалистического строительства.

Большое значение для борьбы против расизма имеет публикация сборника «Документы обличают расизм» (составитель Ш. А. Богина, 16,1 а. л.). В него включены переведенные с иностранных языков и до этого в значительной своей части неизвестные советскому читателю документы и материалы о расовом угнетении в США, Англии, ЮАР, о новом этапе борьбы против расизма, о позиции ученых и прогрессивной общественности различных стран в расовом вопросе.

Книга Л. И. Лаврова «Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках», часть II (21,44 а. л.) вводит в научный оборот новый материал по эпиграфическим памятникам, что позволяет полнее отобразить историю народов Северного Кавказа.

Работа А. А. Зубова «Одонтология. Методика антропологических исследований» (12,5 а. л.) представляет собой первое руководство по одонтологии на русском языке. В нем кратко изложены все основные разделы этой новой отрасли антропологии. Автор вносит в антропологическую одонтологию много нового фактического материала и методических усовершенствований.

В 1968 г. продолжалось издание трудов VII МКАЭН — вышли в свет 2 тома трудов конгресса. Том I (43,32 а. л.) включает данные информационного характера (списки членов конгресса, хронику его работы и материалы секции физиологической антропологии и подсекции гематологии и серологии. В томе III (53,51 а. л., отв. ред. Т. А. Трофимова) публикуются материалы секций «Этническая антропология», «Палеоантропология и антропогенез» и симпозиумов «Методы антропологического анализа, факторы формирования расовых признаков и принципы расовых классификаций», «Проблема грани между животным и человеком».

С замечательными произведениями архитектуры, живописи и скульптуры индийских мастеров знакомит широкий круг советских читателей книга Р. В. Кинжалова «Искусство древних майя» (16,45 а. л.).

Помимо работ чисто научного характера, сотрудники Института опубликовали несколько научно-популярных книг. Одна из них рассказывает о религии в Японии (С. А. Арутюнов, Г. Е. Светлов «Старые и новые боги Японии», 10,57 а. л.), другая — о жизни народов Турции (Д. Е. Еремеев «Страна за Черным морем», 8,5 а. л.). Популярный очерк полутрагической борьбы с империализмом США на Кубе дается в книге Э. Л. Нитобурга «Похищение жемчужины» (12,2 а. л.).

Сотрудниками Института было также опубликовано свыше 100 статей в журналах («Советская этнография», «Вопросы истории», «Вопросы философии», «Вопросы антропологии» и др.).

В 1968 г. работы сотрудников Института были напечатаны и в трудах, публикуемых по издательским планам других учреждений: «История Сибири» (В. А. Александров, С. И. Вайнштейн, Г. М. Василевич, И. С. Вдовин, И. С. Гурвич); «Славяне и Русь» (Ю. В. Бромлей, М. Г. Рабинович); «Археологические открытия 1967 г.» (А. В. Виноградов, М. А. Игина, Ю. А. Рапопорт, Т. А. Попова); «Изменения в социальной структуре советского общества» (О. И. Шкаратан); «История, культура, фольклор и этнография славянских народов» (О. А. Ганцкая, Э. В. Померанцева, Б. Н. Путилов, М. Г. Рабинович, В. К. Соколова, Л. Н. Терентьева, К. В. Чистов); «Краткая история рабочего класса в СССР» (О. И. Шкаратан); «Изучение воспроизводства населения» (В. И. Козлов); «Настольная книга атланта» (П. И. Пучков); «Очерки по истории советских дунган» (Г. Г. Стратанович); учебник для вузов «История первобытного общества» (А. И. Першин, В. П. Алексеев); «Древности Чардары» (Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина); «Страны и народы Востока», вып. VI (В. А. Антопова, И. С. Вдовин, В. А. Вельгус, Ю. В. Ионова, В. Р. Кабо, Ю. В. Маретин, С. А. Маретина, Р. С. Разумовская, В. С. Стариков, Ч. М. Таксами, И. П. Труфанов, Т. К. Шафрановская); «Культурная революция в СССР» (И. С. Гурвич); «Ученые записки Тартуского университета», вып. 201 (А. Д. Дриздо); «Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становление новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири» (И. С. Гурвич, А. В. Смоляк); «Из истории естествознания Прибалтики», том I (VII) (А. Д. Дриздо); «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I

(Н. А. Бутинов, Л. Л. Викторова, В. Р. Кабо, М. В. Крюков, Ю. В. Маретин); «Мексика» (Р. В. Кинжалов); «Русский фольклор», XI (Б. Н. Путилов); «Фольклор и художественная самодеятельность» (Б. Н. Путилов, Г. Г. Шаповалова); «Советское литературоведение за 50 лет» (Б. Н. Путилов); «Социальные исследования», вып. 2 (Ю. В. Арутюнян); «Проблемы изменения социальной структуры советского общества (методологические проблемы)» (Ю. В. Арутюнян); «Социологическое изучение села: социальная структура, труд, управление» (Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло, В. С. Кондратьев); «Археология, этнография и искусствоведение в Молдавии» (М. Н. Губогло); «Археолого-этнографический сборник», II, «Научные труды Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы» (Н. Г. Волкова); «Нумизматика и эпиграфика», т. VII (Т. Д. Златковская); «Вселенная и человечество» (В. П. Алексеев) и др.

Важнейшим теоретическим проблемам этнографии, антропологии и фольклористики были посвящены опубликованные в журнале «Советская этнография» в 1968 г. статьи: И. А. Крывелева «Маркс и некоторые проблемы этнографии» (№ 2), В. П. Алексеева, Ю. В. Бромлей «К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей» (№ 2); Б. В. Андрианова «Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс» (№ 2); К. В. Чистова «Фольклор и этнография» (№ 5) и др.

В журнале продолжались дискуссии о понятии этнической общности (№№ 1, 4); о соотношении родовой и патронимической организации (№№ 2, 3, 4, 5); о происхождении белорусов (№№ 1, 5); о некоторых проблемах агроэтнографических исследований (№ 6); о некоторых проблемах первобытного искусства (№ 3).

* * *

Коллектив Института этнографии АН СССР успешно выполнил план научно-исследовательской работы 1968 года.

Исследования современных этнических и культурно-бытовых процессов у народов СССР, которыми заняты почти все специалисты по отечественной этнографии, имеют не только теоретическое, но и практическое значение.

Центральное место занимает подготовка обобщающего коллективного труда «Этнические процессы в СССР», который должен раскрыть на обширном фактическом материале диалектическую взаимосвязь между развитием каждой нации, с одной стороны, и сближением наций, с другой,— наиболее характерную особенность современных национальных процессов в нашей стране. Для этой монографии собирался полевой и статистический материал по всем регионам СССР, была проведена теоретическая конференция, продолжалась доработка инструментария. Часть текста уже написана.

Создание этого труда сочетается с подготовкой отдельных исследований регионального характера (Кавказ, Север, Средняя Азия, Прибалтика и др.). Так, в 1968 г. завершена работа Л. Ф. Моногаровой «Изживание обособленности припамирских народностей за годы социалистического строительства» (10 а. л.), в которой исследуются этнические процессы, происходящие среди народностей Западного Памира. В этом труде прослежено также влияние коренных изменений социально-экономических условий на материальную и духовную культуру этих народностей. Особое внимание уделено анализу условий, способствующих изживанию обособленности припамирских народностей, характеристике процесса сближения и частичного слияния их с таджиками.

Вопросы этнического развития народов СССР подверглись обсуждению на отчетно-экспедиционной сессии (Москва, апрель 1968 г.). С обобщающим докладом «Задачи координации исследований современных этнических процессов у народов СССР» выступила Л. Н. Терентьева. Этой же тематике на примере отдельных народов были посвящены доклады Л. Ф. Моногаровой «Сближение припамирских народностей с таджиками», Р. Ш. Джарылгасиновой «Этнические процессы и семейный быт (по материалам этнографического изучения корейцев Средней Азии и Казахстана)», И. С. Вдовина «К вопросу об этнической принадлежности ительменов», Р. А. Григорьевой и Л. Н. Терентьевой «Определение национальности детей в национально-смешанных семьях (по материалам Латвии и Эстонии)», М. Н. Губогло «Двуязычие и многоязычие как условие и результат этнических процессов» и другие.

Эта проблема получила освещение также в журнале «Советская этнография» в статьях Г. П. Васильевой «Современные этнические процессы в Северном Туркменистане» (№ 1); Л. Н. Чижиковой «Об этнических процессах в восточных районах Украины» (№ 1); В. Н. Белицер, В. А. Балашова «Некоторые особенности современного этнического развития мордовского народа» (№ 1) и др.

Одной из важнейших задач этнографического исследования современной жизни является изучение специфики культурно-бытовых процессов у народов СССР, изменений в соотношении традиционных и современных форм культуры, возникновения новых традиций, культурно-бытовых заимствований и создания новых общесоветских черт культуры и быта. В 1968 г. для исследования этих вопросов наряду с материалами, полученными методом непосредственного этнографического наблюдения, все шире привлекались массовые статистические и анкетные данные.

В Институте продолжало развиваться этносоциологическое направление. В 1968 г. была проделана большая подготовительная работа (машинная обработка 10 тыс. анкет) для коллективной монографии «Социально-этническая структура городов и сел Тата-

рин». На основе этих материалов на отчетно-экспедиционной сессии Ю. В. Арутюняном был сделан доклад «Опыт социально-этнического исследования», в котором подводились первые итоги зондирующего социально-этнического исследования сельского населения Татарии (статья на эту тему опубликована в журнале «Советская этнография», № 4).

Этносоциологическое обследование проведено также в Удмуртии (в 40 сельских и 5 городских поселениях).

Все более значительное место в работе Института занимает исследование городского населения, которое осуществляется в Поволжье (Татария, Удмуртия), на Урале, в средней полосе РСФСР. В отчетном году была завершена коллективная монография «Быт рабочих старого Урала» (руководитель работы В. Ю. Крупянская, 22 а. л.).

Готовится труд по культуре и быту городского населения средней полосы РСФСР. Уже состоялись выезды в Калугу, Ефремов, Елец, проводилась машинная обработка анкет, а также начата авторская работа. По собранным материалам Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой опубликована в журнале «Советская этнография» (№ 3) статья «Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города».

Продолжалось также изучение преобразований культуры и быта народов СССР в отдельных регионах (Кавказ, Украина, Прибалтика, Средняя Азия, Север и т. д.). По этой тематике работали и экспедиции Института. Как и в предыдущие годы, эта проблема обсуждалась на отчетно-экспедиционной сессии и ей было посвящено несколько докладов: Э. Г. Гафферберг «Некоторые итоги анкетного обследования семейного быта белуджей Туркменин», В. А. Туголукова «Об этнографических результатах поездки к орочам и удэгейцам», А. В. Смоляк «Об этнографической характеристике бикинской группы удэгейцев», Г. М. Таксами «О современных праздниках у народов Сахалина» и др.

Ряд статей о преобразовании культуры и быта народов СССР был опубликован в журнале «Советская этнография»: З. П. Соколовой «Преобразования в хозяйстве, культуре и быте обских угров» (№ 5), В. А. Липинской «Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края» (№ 2); А. Е. Панян «Изменения в структуре и численности сельской семьи у армян за годы Советской власти» (№ 4) и др.

Специалисты по этнографии народов зарубежных стран основное внимание сосредоточили на исследовании закономерностей национальных процессов и национально-освободительного движения, особенно в развивающихся странах. В 1968 г. по этой проблеме завершены три работы.

В коллективном труде «Национальные процессы в странах Среднего Востока» (отв. ред. М. С. Иванов, 14 а. л.) освещается национальное развитие народов Афганистана, Ирана и Турции с середины XIX в. по настоящее время. В отдельной главе рассматривается курдская проблема. В работе показано значение национального вопроса в современной общественно-политической жизни стран Среднего Востока, а также влияние происходящих ныне экономических и общественно-политических процессов на национальное развитие народов.

В работе Л. А. Файнберга «Очерки этнической истории зарубежного Севера» (15 а. л.) рассматривается этническая история коренного населения северной периферии Американского континента — эскимосов и алеутов. Небольшие разделы отведены своеобразным группам европейских поселенцев — норманнам Гренландии и Лабрадора. В отличие от большинства работ по этнической истории американского Севера в настоящей публикации основное внимание сосредоточено не на древнейшей истории коренного населения, а на периоде с начала капиталистической колонизации американского Севера до настоящего времени. Анализ исторических, этнографических и статистических материалов приводит автора к выводу о возникновении в Гренландии нового народа, а также о постепенной ассимиляции эскимосов и алеутов Аляски и Канады.

Монография Д. Д. Тумаркина «Гавайский народ и американские колонизаторы в 1820—1865 гг.» (25 а. л.) посвящена очень важной теме. За последнее время в США опубликовано немало работ, в которых искажается трагическая история «американизации» архипелага, приведшей к почти полному вымиранию коренного населения, и изображается в розовом свете современное положение на островах. В монографии на основе широкого круга источников, в том числе архивных материалов, исследуется решающий этап «американизации» Гавайев (обращение островитян в христианство, превращение архипелага в базу американских китобоев и плантационную колонию американского капитала), прослеживаются изменения в культуре и быте гавайцев в условиях насаждавшегося колониального режима.

Вопросы формирования и развития наций, национальных взаимоотношений, положения различных национальных групп, процессов ассимиляции и т. д. рассматриваются и в подготавливаемых работах по народам США, Канады, Латинской Америки.

Проблемы национального развития зарубежных народов освещались в ряде статей, опубликованных в журнале «Советская этнография». Таковы статьи Ю. П. Аверкиевой «Изменения в экономике и социальной жизни индейцев Северной Америки под воздействием колонизации» (№ 1), Ш. А. Богининой «Некоторые вопросы развития американской нации» (№ 4), Э. Л. Нитобурга «Субурбанизация и негритянские гетто в США» (№ 5), М. А. Членова «К этнической характеристике современного населения Молуккских островов» (№ 6).

В Институте ведутся также исследования по проблеме «Исторические формы и особенности развития и смены общественно-экономических формаций».

По теме «Возникновение человека и человечества» продолжается начатая в 1967 г. подготовка труда «Факторы расообразования у человека по исследованиям современного человечества» (руководитель В. В. Бунак). В 1968 г. по сложной программе было проведено обследование манси и коми-зырян Тюменской области; часть этих материалов уже обработана.

Исследования в области истории первобытного общества имеют большое мировоззренческое значение. Советские этнографы продолжают заниматься обобщением новых связанных с первобытностью материалов по антропологии, археологии и этнографии. Под руководством А. И. Першица готовится монография «Закономерности развития первобытного общества». Эта тематика нашла отражение также на страницах журнала «Советская этнография», где опубликованы дискуссионные статьи: Н. А. Кислякова «По поводу статьи М. В. Крюкова „О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации“» (№ 2); Н. А. Бутинова «Община, семья, род» (№ 2); С. И. Вайнштейна «Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов» (№ 3).

Ю. П. Аверкиева завершила работу над монографией «Индийское кочевое общество Северной Америки XVIII—XIX вв.» (16а. л.), в которой прослеживаются процессы формирования раннекочевое общества в условиях капиталистической колонизации материка и связанного с этим перехода индейцев от доклассового общества к классовому.

Направление, изучающее зарождение классового общества, особенности развития и смены формаций тесно смыкается с изучением первобытности. В отчетном году по этой проблеме продолжалась работа Т. Д. Златковской над монографией «Племенные союзы и раннее государство у южных фракийцев».

По теме «Генезис и развитие феодализма у народов Азии и Африки» готовится публикация «Источники по истории и этнографии Африки южнее Сахары» (т. III—арабские источники, руководитель работы Д. А. Поддерогте), которая введет в научный оборот ценнейший материал для воссоздания подлинной истории народов Африки.

Продолжается также изучение путей развития общины у народов зарубежного Востока (коллективный труд «Община и ее роль в современной жизни стран зарубежного Востока», руководитель Н. А. Бутинов).

Проблемы этногенеза народов мира занимают одно из ведущих мест в деятельности института. Эти проблемы разрабатываются комплексно, с учетом материалов по этнографии, археологии, антропологии, лингвистике. Разработка проблем этногенеза имеет большое значение для борьбы с расистскими теориями о «национальной исключительности» отдельных народов мира.

Большая работа по данной проблематике ведется на основе археологических, антропологических и этнографических исследований в Средней Азии.

Завершена монография Б. Х. Кармышевой «Очерки истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана». В монографии рассматриваются вопросы происхождения многочисленных этнических групп, в частности происхождение и время поселения в Восточной Бухаре ряда узбекских племен. Большое место отведено характеристике социальных отношений, культурно-хозяйственных типов и отдельных историко-культурных районов Восточной Бухары, а также проблеме взаимоотношений кочевого и оседлого населения этой территории, выяснению причин оседания узбеков-кочевников.

Готовятся коллективные труды «Проблемы палеографии, этнической истории и освоения низовьев Сырдарьи» и «Городские и сельские поселения правобережного Хорезма рабовладельческой эпохи». В 1969 г. завершена монография М. А. Итиной «История племен юго-восточного Приаралья в эпоху бронзы». А. В. Виноградов (с участием Э. Мамедова из Ташкентского университета) продолжает работу над монографией «Вопросы древнейшего заселения Внутренних Кызыл-Кумов».

Проблемам этногенеза отдельных народов или населения целых регионов посвящен также ряд других представляемых сейчас трудов. Среди них заслуживают особого внимания антропологические исследования по восстановлению облика древнего человека. Этот вопрос рассматривается в работе Г. В. Лебединской и Т. С. Сурниной «Метод восстановления лица по черепу (закономерности в строении мягких тканей лица и черепа человека)».

Большое значение для разработки проблем этногенеза имеет подготовка таких капитальных трудов, как региональные историко-этнографические атласы (Украины, Белоруссии и Молдавии; Прибалтики; Кавказа; Средней Азии и Казахстана). Сотрудники института проделали в отчетном году большую научно-организационную работу по координации исследований по атласам. Так, в апреле 1968 г. состоялось совещание по Кавказскому историко-этнографическому атласу. Во время отчетно-экспедиционной сессии был заслушан доклад С. И. Брука и М. Г. Рабиновича «Работа над общевропейскими и региональными историко-этнографическими атласами», а на двух секциях были проведены специальные заседания, посвященные подготовке региональных атласов.

Кроме того, для консультаций по методике составления атласа Средней Азии и Казахстана в Душанбе и Нукус выезжала Т. А. Жданко, в Ашхабад и Ташкент — Б. В. Андрианов, в республики Прибалтики — Л. Н. Терентьева.

В отчетном году коллективом института проводились также сбор и систематизация материалов по темам «Жилище», «Одежда», «Хозяйство».

Советские этнографы принимают участие в подготовке «Историко-этнографического атласа Европы», создаваемого в рамках Международной комиссии по атласам (в СССР эту работу возглавляют С. И. Брук и С. А. Токарев). В 1968 г. подготовлены три пробные карты по хозяйству и обрядам.

Вопросы этногенеза заняли значительное место на отчетно-экспедиционной сессии, в частности на секции «Антропология», где были прочитаны доклады: В. В. Гинзбург — «К антропологии населения Западной Туркмении в первых веках н. э.»; Т. А. Трофимовой — «Череп из подбойных и катакомбных захоронений Туз-Гыр на территории юго-западного Приаралья»; Н. Н. Мамоновой — «Об использовании фрагментов длинных костей при изучении древнего населения СССР» и др.

На страницах журнала «Советская этнография» также освещалась эта проблематика. Некоторым теоретическим вопросам этногенеза была посвящена уже названная статья В. П. Алексеева и Ю. В. Бромлей, статья В. В. Гинзбурга «Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза» (№ 4), и др.

Историко-этнографическое исследование культуры народов мира в 1968 г. велось главным образом по линии изучения духовной культуры. Под руководством Э. В. Померанцевой продолжалась подготовка коллективного труда «Опыт исследования поэтической культуры русского колхозного села (по материалам Владимирской области)». Вопросы современной духовной культуры народов СССР обсуждались и на отчетно-экспедиционной сессии.

В 1968 г. коллектив сектора Европы приступил к работе по созданию серии монографий о народных календарных обычаях и обрядах в странах Европы; первый выпуск этой серии решено посвятить зимнему циклу.

По проблеме изучения исторических систем письма написана монография Ю. В. Кнорозовым «Иероглифические рукописи майя», в которой предложена дальнейшая дешифровка письменности майя, дан перевод рукописей и составлена грамматика.

Ведутся также работы по расшифровке древнеиндийского письма и письменности киданей и чжурчженей.

Лингвисты сектора Африки продолжают подготовку серии грамматик по африканским языкам. В 1968 г. завершена книга «Очерки по грамматике языка хауса» (руководитель работы Д. А. Ольдерогге).

По проблеме «История религии и атеизма» в истекшем году подготовлен коллективный труд (руководители работы И. А. Крывелев и Г. Г. Стратанович) «Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии» (20 а. л.). Этот труд посвящен проблеме мифологии и религиозной идеологии народов Монголии, Филиппин, Кореи, Японии, Китая (малых народов юга страны), Вьетнама, Таиланда, Бирманского союза, Индии. При исследовании религиозной идеологии авторы уделяют особое внимание современным и традиционным истокам синкретизма.

И. Р. Григулевичем подготовлена монография «История инквизиции» (30 а. л.), в которой, кроме истории папской инквизиции, подробно излагаются кровавые деяния епископской и монашеской инквизиций. Один из разделов книги отведен борьбе инквизиции со средневековыми ересями, а также знаменитым процессам Жанны д'Арк, Яна Гуса, Джордано Бруно, Галилео Галилея. Отдельные главы книги повествуют об инквизиции в Испании, испанских колониях Америки, Португалии. Большой интерес представляют раздел, где автор полемизирует с современными апологетами инквизиции, а также историографический очерк.

Продолжается также работа над монографиями «Очерки истории религии» (И. А. Крывелев), «Религия в Латинской Америке в XX веке» (И. Р. Григулевич).

Разработку этнодемографических аспектов проблемы народонаселения ведет лаборатория этнической статистики и картографии. Основной коллективной темой лаборатории в которой заняты все ее сотрудники, является «Атлас населения мира» — обобщающая этногеографическая и этнодемографическая работа; в истекшем году составлены авторские оригиналы 60 карт по главным разделам и написана часть текста.

По теме «История исторической науки» подготовлен V выпуск коллективного труда «Очерки истории русской этнографии, антропологии и фольклористики» (руководитель работы Р. С. Липец), посвященный советскому периоду.

С. А. Токарев готовит учебное пособие «История зарубежной этнографии».

* * *

Сотрудники Института этнографии АН СССР в 1968 г. участвовали в научных сессиях, конференциях, совещаниях самой разнообразной тематики. Институт этнографии провел научно-организационную работу и принял участие в трех всесоюзных конференциях: в сессии Отделения истории АН СССР, посвященной итогам полевых исследований в области археологии и этнографии, в Первом всесоюзном созещании по антропологии «Личное имя» и Первой всесоюзной конференции океанистов и австраловедов.

Отчетно-экспедиционная сессия состоялась в апреле 1968 г. в Москве. На пленарных заседаниях Отделения, Ученом совете Института и на 6 секциях было заслушано более 130 докладов по этнографии, фольклору и антропологии¹.

¹ См.: Н. С. Полищук, Сессия, посвященная итогам полевых этнографических исследований 1967 года, «Сов. этнография», 1968, № 5, стр. 137—143.

Большая часть докладов, представленных на сессию, касалась вопросов изучения современности, процессов национального развития и взаимовлияния, проблем формирования общесоветских элементов культуры. Значительное число докладов было посвящено этногенезу и истории культуры, вопросам, связанным с подготовкой историко-этнографических атласов, проблемам соотношения традиционного фольклора, профессионального искусства и самодельности. Особое внимание собравшихся привлекли доклады Ю. В. Бромлея и О. И. Шкаратана «Соотношение этнографии с историей и социологией», в котором отмечалась острая необходимость выявления взаимосвязей и разграничения этнографии со смежными научными дисциплинами; В. В. Бунака «Географическое распределение кровных групп системы АВО и проблемы этногенеза Восточной Европы», вводящий в научный оборот новый антропологический материал, важный для решения узловых этногенетических вопросов; Г. Ф. Дебеца «Антропологические исследования в Афганистане», подводящий итоги антропологического исследования населения Афганистана, проведенного автором в течение четырех сезонов; С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева «Новые данные по эскимосской проблеме», основанный на новом материале, найденном в древних чукотских могильниках — Уэленском и Эквенском.

С интересом был встречен также доклад Ю. В. Бромлея и М. С. Кашуба «Некоторые аспекты современных национальных процессов в СФРЮ», поставленный во время сессии на заседании Ученого совета Института.

Для развертывания работы в области антропоники большое значение имело проведение в апреле 1968 г. Первого всесоюзного совещания «Личное имя», подготовленного Институтом этнографии АН СССР совместно с Институтом языкознания АН СССР и отделом ЗАГС Юридической комиссии Совета Министров РСФСР. На пленарных заседаниях и секциях было сделано 115 докладов по самой разнообразной тематике, относящейся как к народам СССР, так и народам зарубежной Азии, Америки, Африки. В работе совещания от Института этнографии участвовали Г. И. Анохин, С. И. Вайнштейн, Г. М. Василевич, Н. Р. Гусева, Р. Ш. Джарылгасинова, Н. Л. Жуковская, М. В. Крюков, В. А. Никонов, Л. В. Никулина, А. И. Седловская, И. М. Семашко, А. В. Смоляк, В. С. Стариков.

На основе материалов совещания подготовлены два сборника: «Личные имена» и «Проблемы антропоники»².

За последние годы значительно оживилась работа советских ученых-гуманитариев по изучению Австралии и Океании. Установление тесных контактов между специалистами по этому региону, критическая оценка достигнутого уровня исследований и выработка рекомендаций на будущее — таковы были цели Первой всесоюзной конференции океанистов и австраловедов, состоявшейся в Москве в июне 1968 г. Конференция была организована Институтами востоковедения и этнографии АН СССР совместно с Советским национальным комитетом Тихоокеанской научной ассоциации. Институт этнографии был представлен шестью докладчиками: Н. А. Бутиновым, В. Р. Кабо, П. И. Пучковым, Л. Г. Розиной, Д. Д. Тумаркиным, И. К. Федоровой. Сборник докладов, прочитанных на конференции, подготовлен к печати³.

Из совещаний, проведенных Институтом этнографии, необходимо также особо отметить два всесоюзных: антропологический семинар и совещание по «Кавказскому историко-этнографическому атласу».

Антропологический семинар был организован по инициативе отдела антропологии Института этнографии для ознакомления антропологов страны с новыми отраслями антропологической науки и унификации применяющихся методов антропологических исследований. Кроме того, семинар должен был положить начало постоянно действующей системе профессиональных контактов с целью обмена научной информацией.

Совещание по «Кавказскому историко-этнографическому атласу» было создано по инициативе сектора народов Кавказа Института этнографии для координации работы над атласом. Было заслушано 10 докладов и сообщений, посвященных организационным и методическим вопросам, а также разработке некоторых разделов атласа. Значительное место в работе совещания заняло обсуждение программы, вопросников, списков и бланков карт по разделам «Одежда», «Земледелие», «Скотоводство», «Поселение и жилище». С учетом некоторых замечаний все они были одобрены. Совещание приняло развернутое решение, предусматривающее ряд конкретных мероприятий по активизации работы над «Кавказским историко-этнографическим атласом».

Ленинградское отделение Института этнографии провело научную сессию, посвященную 150-летию со дня рождения К. Маркса, на которой было сделано 50 докладов⁴, а также конференцию «Фольклор и этнография». В работе этой конференции приняли участие научные сотрудники, преподаватели, студенты и работники культур-

² См.: Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков, Всесоюзное совещание «Личное имя», «Сов. этнография», 1969, № 1, стр. 158—160.

³ См.: Д. Д. Тумаркин, Первая всесоюзная конференция океанистов и австраловедов, «Сов. этнография», 1968, № 6, стр. 140—143.

⁴ См. А. М. Решетов, Вторая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1968, № 6, стр. 133—136.

но-просветительных организаций Москвы и Ленинграда. С общеметодологическим докладом «Фольклор и этнография» выступил К. В. Чистов⁵.

Кроме того, сотрудники Института этнографии участвовали в работе ряда сессий, конференций и симпозиумов, организованных другими учреждениями, где выступали с докладами. Среди них: Сессия по источниковедению Прибалтики (Рига), Сессия этнографического музея Эстонской ССР (Тарту), отчетно-экспедиционные сессии (Рига, Вильнюс), Всесоюзная конференция по проблемам воспроизводства населения (Чебоксары), Всесоюзная конференция по проблемам народонаселения республик Закавказья (Ереван), конференция по актуальным проблемам национального и государственного строительства у народов СССР (Душанбе), Всесоюзное среднеазиатское совещание по археологии (Ленинград), 4-я Всесоюзная конференция скандинавистов (Петрозаводск), Всесоюзная конференция, антиковедов (Москва), Симпозиум по проблемам становления общества (Москва), Межлабораторная конференция Института цитологии и генетики (Ленинград). Всесоюзная конференция по проблеме «пустынь» (Ашхабад), конференция по источниковедению и историографии Севера (Вологда), Сессия по проблемам античного и средневекового города (Ленинград), Пленум Комиссии по Северу при ВАСХНИЛ (Москва), Всесоюзная конференция по переработке информации (Москва), Тюркологическая конференция (Ленинград), Межвузовская конференция по вопросам экономики слаборазвитых стран Азии и Африки (Ленинград) и др.

* * *

В отчетном году продолжало развиваться сотрудничество с учеными зарубежных стран. Это сотрудничество шло главным образом по линии участия в работе международных организаций, международных и национальных конгрессов и конференций, укрепления контактов с отдельными учреждениями и учеными во время командировок, приема зарубежных специалистов. В течение года было осуществлено 46 поездок в 14 зарубежных стран; первостепенное научное значение имеют антропологические исследования в Афганистане (Г. Ф. Дебеч) и Монголии (И. М. Золотарева и А. А. Воронов) — странах, ранее почти не изученных в этом отношении, а также совместное советско-финское антропологическое обследование населения Финляндии (от Института участвовала Н. В. Шлыгина).

Особо важное значение для укрепления международного научного сотрудничества имел VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, состоявшийся в сентябре 1968 г. в Японии. Советская делегация на конгрессе была весьма представительной (46 человек, из которых 12 — сотрудники Института). Участие советской делегации в конгрессе имело большое значение не только для ознакомления советских ученых с современным состоянием зарубежной этнографии и антропологии, но и способствовало поднятию престижа советской науки и пропаганде марксистско-ленинских идей. Доклады советских делегатов получили высокую оценку участников конгресса; эти доклады не только зачитывались, но их тексты, переведенные на иностранные языки, широко распространялись⁶.

Весьма плодотворной была работа славистов Института на VI Международном съезде славистов (Прага, август).

Выяснению современного состояния научных исследований за рубежом и ознакомлению зарубежных ученых с нашими трудами способствовало участие сотрудников Института в различных международных и национальных конференциях (И. Р. Григулевича на Кубе в Международном конгрессе культуры, С. И. Брука и С. А. Токарева в ФРГ в работе конференции по историко-этнографическому атласу Европы, Ю. В. Бромлей в США в конференции «Природа и функции этнографических традиций», Т. В. Лукьянченко в Финляндии в конференции северных стран по народной культуре саамов, В. В. Бунака в ГДР в конференции «Половой диморфизм у человека», М. М. Герасимова в ГДР—ЧССР—ВНР в конференции по теме «Лесс—перигляциал—палеолит Средней и Восточной Европы», В. В. Гинзбурга, Т. А. Жданко, Д. И. Тихонова, Б. И. Вайнберг и других сотрудников в г. Душанбе в Международной конференции по кушанской проблеме).

Развитию деловых контактов с зарубежными учеными весьма способствовала работа наших зарубежных коллег в Институте, куда в 1968 г. было принято на стажировку, в аспирантуру и для проведения научных исследований 17 человек. Кроме того, в течение года Институт посетило более 100 иностранных гостей, причем особенно много зарубежных ученых побывало в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде.

В 1968 г. сотрудник Института Д. А. Ольдерогге был удостоен почетной международной премии имени императора Эфиопии Хайле Селассие I. В этом же году Н. Р. Гусева была удостоена премии им. Джавахарлала Неру.

⁵ См.: Н. В. Новиков, Научная конференция «Фольклор и этнография», «Сов. этнография», 1968, № 5, стр. 143—149. В этом же номере журнала опубликована по этой теме статья К. В. Чистова.

⁶ См.: Ю. П. Аверкьева, С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, «Сов. этнография», 1969, № 1, стр. 3—11.

В 1968 г. было проведено 27 заседаний Ученого совета Института. На них рассматривались насущные проблемы этнографической и антропологической наук. Так, в докладе Ю. В. Бромлей о VIII МКАЭН не только была охарактеризована работа советской делегации на этом конгрессе, но и показано состояние современной зарубежной этнографии и антропологии за рубежом.

Специальное заседание Ученого совета состоялось в связи с 150-летием со дня рождения К. Маркса. На этом заседании было прослушано и обсуждено 5 докладов, в которых поднимались узловые вопросы этнографической науки: Ю. В. Бромлей выступил с докладом «О соотношении взглядов Маркса на периодизацию истории докапиталистических обществ и развитие общины», И. А. Кривелев — «Маркс и некоторые проблемы этнографии», А. В. Ефимов — «Маркс о типах колоний», Ю. П. Аверкиева — «Маркс и современная американская этнография», А. М. Хазанов — «Маркс и проблемы разложения первобытного общества».

На специальном заседании Ученого совета 21 марта был отмечен Международный день борьбы против расизма. В заседании приняли участие представители различных институтов и общественности Москвы. Выступили сотрудники Института этнографии АН СССР (Ю. В. Бромлей, А. В. Ефимов, Г. Ф. Дебец, А. Д. Дридзе), Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, Института Латинской Америки АН СССР, Института Африки АН СССР, Института международного рабочего движения и газеты «Правда».

С состоянием этнографической науки в Иране членов Ученого совета познакомил М. С. Иванов, сделавший доклад о своей поездке в эту страну. И. Р. Григулевич охарактеризовал работу Конгресса культуры, состоявшегося в конце 1967 — начале 1968 г. в Гаване.

В 1968 году на заседаниях Ученого совета Института было поставлено на защиту 8 докторских и 14 кандидатских диссертаций; кроме того, одна кандидатская диссертация была защищена на секции Ученого совета Ленинградского отделения Института.

Диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук защитили сотрудники Института С. М. Абрамзон, Г. М. Василевич, Р. Ф. Итс, Д. И. Тихонов, Л. А. Файнберг, О. И. Шкаратан; на соискание ученой степени кандидата исторических наук — Е. А. Алексеенко, Т. А. Бернштам, О. Р. Будина, В. И. Васильев, А. Д. Дридзе, В. А. Липинская, Т. В. Лукьянченко, А. Е. Панян, И. П. Труфанов, кубинский этнограф Лопес Вальдес.

Как и в прошлые годы, материалы исследований сотрудников Института используются для практики социалистического строительства. Особенно плодотворна в этом отношении работа коллектива сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера, исследования которого широко применяются при решении различных хозяйственных и культурно-бытовых вопросов.

В 1968 г. продолжалась работа по сбору археологических, этнографических и исторических данных, которые могут быть использованы при освоении земель древнего орошения в Средней Азии и Казахстане.

Сотрудники Института дают много консультаций работникам государственных учреждений, а также отдельным гражданам.

Коллектив Института ведет большую научно-популяризаторскую работу. Это публикация популярных книг, брошюр и статей, чтение лекций, выступления по радио и телевидению, участие в создании фильмов, выставок и т. д. Особенно велики заслуги в пропаганде этнографических знаний Музея антропологии и этнографии, который в течение года посетило более 250 тысяч человек.

М. С. Кашуба

80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

М. К. АЗАДОВСКОГО

24 декабря 1968 г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР состоялось заседание восточнославянского сектора, посвященное 80-летию со дня рождения одного из крупнейших советских фольклористов профессора М. К. Азадовского.

В. М. Жирмунский во вступительном слове отметил, что М. К. Азадовский начал свой путь как полевой фольклорист, и это наложило отпечаток на всю дальнейшую его деятельность — он знал фольклор не только как исследователь, но и как собиратель. Сибирь была его фольклорной лабораторией. По окончании Петербургского университета М. К. Азадовский предпринял ряд экспедиций по Сибири, результатом которых явились книги «Ленские причитания» (Чита, 1922) и «Русская сказка. Избранные мастера». I—II. Вступит. статья, ред. и коммент. М. К. Азадовского (М.—Л., 1932), основанные на понимании народного творчества как живого художественного материала.

В. М. Жирмунский говорил о незаурядном организационном таланте М. К. Азадовского, проявившемся как в его собирательской, редакторской и педагогической деятельности в Сибири (издание журнала «Сибирская живая старина», организация экспедиций, студенческих кружков), так и позднее в Ленинграде (сотрудничество в журнале «Советская этнография», заведование кафедрой фольклора в университете, заведование сектором фольклора в ИРЛИ, издание журнала «Советский фольклор», работа во Всесоюзном географическом обществе). В заключение В. М. Жирмунский дал высокую оценку вклада М. К. Азадовского в историю и теорию фольклора.

И. Я. Айзеншток в докладе «Посмертные публикации работ М. К. Азадовского» отметил, что в этих изданиях ярко и выразительно прозвучали идеи, воодушевлявшие исследователя в продолжение многих лет. В двухтомной «Истории русской фольклористики» широко раскрыта борьба общественных тенденций в изучении русского народного творчества. «Статьи о русской литературе и фольклоре» собрали воедино значительную часть фрагментов другой сводной работы ученого, сильно его увлекавшей, — о фольклоризме творчества русских писателей. Самая проблема «фольклоризма» была поставлена М. К. Азадовским значительно шире и глубже, нежели это делалось кем-либо из его предшественников и современников. Докладчик подчеркнул заслуги друзей и учеников М. К. Азадовского — В. М. Жирмунского, Б. Н. Путилова, Э. В. Померанцевой, В. Ю. Крупнянской и особенно его вдовы, Л. В. Азадовской, в деле публикации научного наследия ученого.

На заседании был заслушан ряд докладов, тематика которых соответствовала основным направлениям научной деятельности М. К. Азадовского.

В докладе «Проблема былины в славистике первой половины XIX века» Б. Н. Путилов показал, как в европейской (и русской в том числе) фольклористике первой половины XIX в. складывались научные представления о составе и своеобразии славянского народного эпоса и о месте в нем русских былин. В связи с этим докладчик рассмотрел взгляды ученых и деятелей славянского возрождения на такие памятники, как сербские юнацкие песни, украинские думы, «Слово о полку Игореве» и былины, и отметил, что историческая точка зрения на эпос славянских народов и на отдельные его жанры стала выявляться к концу 1940-х — началу 1950-х годов.

К. В. Чистов выступил с докладом «П. И. Мельников-Печерский и И. А. Федосова». Докладчик подчеркнул, что писатель широко пользовался современной ему этнографической и фольклорной литературой и вместе с тем многое наблюдал и записывал сам. Например, текст причитания и комментарий к нему в главе 8-й второй части романа «В лесах», опубликованного в журнале «Русский вестник» (в январе — марте 1872 г., т. е. до выхода в свет I тома известного сборника Е. В. Барсова «Причитания Северного края» (которым было положено начало научного изучения причитаний в русской фольклористике), свидетельствует еще о нечетком понимании жанра причитаний, его обрядовой и поэтической функции. Тексты же причитаний, комментарий к ним, изображение похоронного обряда и образ воплощения Устиньи Клещихи в 11 главе второй части, опубликованной в июне 1872 г. (т. е. через месяц после выхода в свет I тома сборника Е. В. Барсова), ясно говорят о внимательном чтении сборника, усвоении барсовской трактовки причитаний и обряда. Шесть причитаний из этой главы представляют собой мастерски осуществленный монтаж отрывков из текстов, записанных от И. А. Федосовой, особенно из «Плача о дочери», в котором, как и в романе П. И. Мельникова-Печерского, речь идет о гибели незамужней девушки от тайной беременности. Свобода обращения писателя с источником и точность передачи народной манеры заставляют думать о том, что П. И. Мельников-Печерский хорошо знал устную традицию. Вместе с тем тексты причитаний в романе и описание похоронного обряда не могут быть использованы для характеристики быта и фольклора заволжских сел. Они должны рассматриваться как своеобразный сплав севернорусского материала, почерпнутого из книги Е. В. Барсова, и собственных впечатлений писателя, накопленных в годы постоянных разъездов по Нижегородской губернии.

Н. В. Новиков в докладе «У истоков русского сказковедения» напомнил об одном забытом или, вернее, полужабытом и явно недооцененном в нашей науке тексте сказки-небылицы о крестьянине и медведе, записанном в 1525 г. в Риме итальянским ученым-историком Павлом Иовием Новокомским со слов Дмитрия Герасимова — толмача и посла царя Василия III.

Впервые в русской литературе эта сказка-небылица была опубликована в статье А. Н. Веселовского «Сравнительная мифология и ее метод», а впоследствии перепечатана в подстрочных примечаниях в книге С. В. Савченко «Русская народная сказка. История собрания и изучения» (Киев, 1914, стр. 62).

Сопоставляя данный текст с русскими сказками позднейшей записи, докладчик пришел к заключению, что именно с Павла Иовия (первая четверть XVI в.), а не с С. Коллинза (60-е годы XVII в.), как это принято в нашей науке, и должны датироваться первые из дошедших до нас записей русской народной сказки.

Теме «М. К. Азадовский в журнале „Советская этнография“» было посвящено выступление Г. Г. Шаповаловой. Она отметила, что в журнале «Этнография» (позднее «Советская этнография») с именем М. К. Азадовского связаны 22 публикации, из которых 14 принадлежат его перу и 8 публикаций о нем (рецензии и обзоры Ю. М. Соколова, С. Ф. Ольденбурга и др.). В этом небольшом количестве публикаций нашло отражение идеи М. К. Азадовского, определившие весь его творческий облик и полу-

чившие дальнейшую разработку в его многочисленных трудах и научной практике. Это, прежде всего, проблема изучения сказки и эпоса, затронутая в статье «С. Ф. Ольденбург как фольклорист» и в рецензии на немецкий сборник русских сказок («Russische Volksmärchen» из серии «Die Märchen der Weltliteratur»). К ней примыкает проблема личности сказителя и его места в творческом процессе, в пересоздании сказки. Видное место в научном творчестве Азадовского занимала также проблема связи и различия литературы и фольклора. Он призывал фольклористов направить все свои усилия на выяснение различия в методах создания литературных и фольклорных произведений.

Огромное значение придавал М. К. Азадовский экспедиционной работе, считая, что подлинный научный вывод можно сделать лишь при внимательном изучении вариантов, записанных в экспедициях. При этом он требовал фронтальной записи всего фольклорного материала, уделяя особое внимание новым явлениям — советскому фольклору. Неутомимая научно-педагогическая и организационная деятельность М. К. Азадовского привели к тому, что имя его стало достоянием истории нашей науки, а его деятельность — одной из блестящих глав советской фольклористики и этнографии.

Заседание поддержало ходатайство Иркутского государственного университета о присвоении имени М. К. Азадовского одной из улиц Иркутска, — родного города ученого и установлении стипендии имени М. К. Азадовского для студентов-филологов.

Г. Г. Шаповалова

К 60-ЛЕТИЮ

ЛЕОНИДА ИВАНОВИЧА ЛАВРОВА

Исполнилось 60 лет со дня рождения крупного специалиста по истории и этнографии народов Северного Кавказа и Дагестана, доктора исторических наук Леонида Ивановича Лаврова. Л. И. Лавров родился в 1909 г. в кубанской станице Медведовской, откуда его семья переехала в станицу Пашковскую. Здесь прошла юность Леонида Ивановича. В 1927 г. он переезжает в Ленинград и поступает в университет, где учится до 1931 г., совмещая учебу с работой. Однако только в 1935 г. ему удалось экстерном окончить Ленинградский университет по отделению этнографии и получить высшее образование. До этого Л. И. Лавров работал на заводе в качестве чернорабочего, преподавал в начальной и средней школе и четыре с половиной года служил в рядах Красной Армии.

Еще в школьные годы Леонид Иванович проявлял большой интерес к истории и этнографии народов Кавказа, в частности адыгских народов, с бытом которых он, выросший на Кубани, был знаком с детства. В 1920-х годах он совершил свои первые научные поездки по районам северо-западного Кавказа и собрал ценные этнографические данные, которые позже легли в основу его работ, посвященных различным вопросам истории и этнографии населения этого края. В университетские годы на формирование научного мировоззрения Леонида Ивановича оказали большое влияние такие выдающиеся ученые-кавказоведы, как Н. Я. Марр, И. А. Орбели, А. Н. Генко, Г. Ф. Чурсин.

С 1936 г. Леонид Иванович Лавров стал младшим научным сотрудником кавказского кабинета Института этнографии, где он работает до настоящего времени. В 1937 г. вышла в свет первая его печатная статья «Из поездки в Шапсугию летом 1930 г.».

С первых дней Великой Отечественной войны Леонид Иванович пошел добровольцем в народное ополчение, командовал взводом и ротой на Ленинградском фронте, был дважды ранен. С 1942 по 1945 г. Л. И. Лавров преподавал военную топографию и военную историю в военных училищах. В 1946 г. он был демобилизован из армии и вернулся к своей прежней научной работе. В декабре того же года им была защищена кандидатская диссертация на тему «История абазинского народа», работать над которой он начал еще в довоенные годы.

Интенсивная научная деятельность Л. И. Лаврова сочеталась с преподавательской и большой организационной научной работой. В 1949—1951 гг. он читал в Ленинградском университете курс лекций по истории и этнографии Кавказа. С 1952 по 1954 г. он возглавлял Дагестанскую экспедицию Института этнографии, объединявшую большую группу научных сотрудников, занимавшихся главным образом изучением проблемы национальной консолидации народов Дагестана. На основании собранного экспедицией материала был написан коллективный обобщающий труд о Дагестане — «Народы Дагестана» (1955), а также много статей и очерков, посвященных как монографическому описанию отдельных народов и этнографических групп, так и различным теоретическим вопросам истории и этнографии этого края. До появления трудов сотрудников экспедиции многие народы и этнографические группы Дагестана были не описаны в научной литературе.

С 1957 по 1961 г. Л. И. Лавров заведовал сектором народов Кавказа Института этнографии, а также возглавлял Адыгейскую экспедицию. Это был напряженный пе-

риод подготовки и издания большого двухтомного коллективного труда «Народы Кавказа» (в серии «Народы мира. Этнографические очерки»).

Весьма разносторонни и обширны научные интересы юбиляра. Леонид Иванович опубликовал более 90 научных работ, посвященных различным вопросам истории, этнографии, археологии, истории языков и эпиграфики Северного Кавказа и Дагестана. До 1950-х годов внимание ученого было сосредоточено главным образом на изучении народов северо-западного Кавказа (адыгейцев, кабардинцев, черкесов, абазин, балкарцев), которым он и после посвящал обстоятельные исследования. В эти и последующие годы он пишет очерки истории хозяйства и форм жилища у народов северо-западного Кавказа: «Формы жилища у народов северо-западного Кавказа до середины XVIII в.» (1951), «Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.» (1952). Затем Л. И. Лавров выполняет серию работ по этногенезу абхазо-адыгских народов, карачаевцев и балкарцев: «О происхождении народов северо-западного Кавказа» (1954), «Адыги в раннем средневековье» (1955), «Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории» (1956), «Происхождение балкарцев и карачаевцев» (1959) и др.

Леонид Иванович занимается также проблематикой доисламских верований народов Северного Кавказа (1959), исследованием дольменов северо-западного Кавказа (1960). Его внимание привлекают проблемы монгольского нашествия на Северный Кавказ в 1237—1240 гг. (1966), вопросы этнической истории адыгских племен: абадзехов, шапсугов и т. п.

С 1947 г. Л. И. Лавров одновременно занялся исследованием истории и этнографии народов Дагестана, главным образом лакцев, лезгин и рутульцев. Произведенные в течение ряда лет экспедиционные изыскания дали возможность Леониду Ивановичу написать об этих народах историко-этнографические статьи, вошедшие в упомянутый сборник «Народы Дагестана», а также опубликовать ряд других работ, например «Рутульцы в прошлом и настоящем», и статьи по общим теоретическим вопросам («О причинах многоязычия в Дагестане», 1951 г.), где автор впервые связывает факт существования многоязычия с наличием эндогамии.

Результатом многолетней работы Л. И. Лаврова явилось исследование эпиграфических памятников Северного Кавказа и Дагестана X—XX вв. Созданный им труд объемом более 40 авт. л. включил около 700 арабских, турецких и персидских надписей, собранных и переведенных в большинстве самим автором; он был издан в двух томах в 1966 и 1968 гг. Тем самым впервые в научный оборот был введен новый источник, что имеет большое значение. Однако монография Л. И. Лаврова — не только свод эпиграфических памятников. Используя свои широкие знания по истории народов Северного Кавказа и Дагестана, Леонид Иванович дает в монографии обширные комментарии: некоторые из них вылились в специальные исследования, посвященные различным историко-этнографическим проблемам. Таковыми являются очерк истории Табасарана, этюд о нашествии монголов на Дагестан и Северный Кавказ, данные о шамхальском феодальном владении с доказательством лакского происхождения династии шамхалов и т. п. Эта работа была с успехом защищена им в 1967 г. в качестве докторской диссертации.

Много времени Л. И. Лавров уделяет подготовке молодых специалистов-этнографов по Кавказу. Сотрудники-кавказоведы видят в лице Леонида Ивановича высококвалифицированного разностороннего специалиста, всегда готового поделиться своими знаниями. Все товарищи и друзья по работе поздравляют Леонида Ивановича Лаврова с днем его славного юбилея и желают ему доброго здоровья и новых больших творческих успехов.

Б. А. Калоев, Г. А. Сергеева, А. Г. Трофимова.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЦЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПРИБАЛТИЙСКО-СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ

Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Artiklite kogumik, Tallinn, 1965, 265 стр. с иллюстрациями, резюме на немецком и русском языках¹.

Latviešu kultūrvēsturiskie sakari ar slāvu tautām (pes arheoloģijas, etnogrāfijas un antropoloģijas materiālem), «Arheoloģija un etnogrāfija», VIII, Rīgā, 1968, 215 стр. с иллюстрациями, резюме на русском языке².

Проблемами исторически сложившихся этнических взаимоотношений и культурных связей прибалтийских и славянских народов археологи, антропологи и этнографы Прибалтики стали планомерно заниматься лишь в советский период. При буржуазном строе значительная часть этих вопросов вообще не исследовалась и не освещалась в печати, а те, которые исследовались, получали тенденциозную окраску. Советскими учеными в первые послевоенные годы была проделана большая работа по разоблачению порочных антинаучных концепций буржуазных авторов и приняты необходимые организационные меры к развертыванию комплексных исследований по проблемам этногенеза и этнической истории народов Прибалтики.

Размаху этих исследований и их методологической зрелости значительно способствовало дружеское объединение усилий ученых центральных научных учреждений Академии наук СССР и институтов прибалтийских республиканских академий. В ходе творческих контактов был разработан перспективный план многолетних полевых исследований в области археологии, антропологии и этнографии и план публикаций. В течение ряда лет проводились совместные полевые работы в рамках созданной в 1952 г. по инициативе Института этнографии АН СССР Балтийской антрополого-этнографической экспедиции (с 1955 г. — Комплексной прибалтийской объединенной экспедиции).

Рецензируемые сборники «Из истории славяно-прибалтийскофинских отношений» и «Культурно-исторические связи латышей со славянскими народами», как и ряд других публикаций по данной проблеме, в значительной мере представляют собой реализацию замыслов, намеченных в те годы. Оба сборника могут служить примером комплексной разработки проблем. Они включают статьи, построенные на археологических, антропологических, этнографических и лингвистических материалах. Во вводных статьях сборников обосновывается значимость разрабатываемых проблем, выявляется положительная роль сотрудничества советских ученых. Во введении к латвийскому сборнику дан также небольшой критический обзор некоторых работ латышских буржуазных авторов.

Сборник «Из истории славяно-прибалтийскофинских связей» подготовлен под редакцией ныне покойного академика АН Эстонской ССР Х. А. Моора и археолога Л. Янитса. Роль Х. А. Моора — крупного исследователя народов Прибалтики — особенно велика в изучении данных проблем. Ему принадлежит и большая заслуга в организации комплексности этих исследований. По инициативе Х. А. Моора была, в частности, создана в 1960 г. Комиссия по координации изучения проблемы славяно-прибалтийскофинских отношений, в которую вошли представители как республиканских научных учреждений, так и Института этнографии АН СССР. В сборнике публикуются исследования, подготовленные при содействии этой комиссии.

¹ Сб. «Из истории славяно-прибалтийскофинских отношений», Таллин, 1965.

² Сб. «Культурно-исторические связи латышей со славянскими народами (по археологическим, этнографическим и антропологическим материалам)», «Археология и этнография», VIII, Рига, 1968.

Открывается сборник статьей М. Х. Шмидехельм «Курганные могильники в Линдора и других местах юго-восточной Эстонии». В основу статьи легли материалы тщательно выполненных Х. А. Моора и М. Х. Шмидехельм раскопок кривичских курганов в Линдора, позволившие подвести некоторые итоги изучения эстонских длинных погребальных насыпей. Дневниковые и графические данные, помещенные в статье, исчерпывающе и квалифицированно характеризуют каждый из линдорских курганов. Это дало возможность М. Х. Шмидехельм отметить место памятника среди синхронных восточноевропейских древностей, определить его дату (VI—VIII вв.) и заявить о несомненном присутствии балтских элементов в эстонских длинных курганах.

К сожалению, автором не выявлялись прибалтийскофинские элементы в длинных курганах псковской группы, в которую входят и эстонские. А такие элементы здесь бесспорно есть. В частности, разнообразные сооружения из камней находят ближайшие аналогии в эсто-ливско-водских могильниках, а не среди восточнолитовских курганов, как полагает М. Х. Шмидехельм. Прибалтийскофинской по происхождению является также подожженная зольная прослойка, наблюдаемая в длинных курганах псковских кривичей. В длинных курганах, расположенных на древней балтской территории, конструкции из камней и зольные прослойки в основании, как правило, отсутствуют.

Проблеме происхождения двух прибалтийскофинских племен посвящена статья Х. А. и А. Х. Моора «Из этнической истории води и ижоры». Авторы, проанализировав данные различных наук — археологии, истории, этнографии, лингвистики и антропологии, воссоздают картину этногенеза води и ижоры и их взаимоотношений со славянами и соседними племенами. Археологические материалы дали возможность Х. А. и А. Х. Моора доказать местное происхождение исследуемых племен, а также проследить миграционные волны. В заключении статьи детально анализируются процессы смещения водско-ижорского населения со славянами и славянизация води и ижоры.

К. Ю. Марк в статье «Антропология населения восточной Эстонии XI—XVIII веков» исследует полученные эстонскими учеными новые краниологические материалы, позволившие детально реконструировать историю сложения антропологического состава восточноэстонского населения. Для XI—XV вв. автор выделяет на территории Эстонии два антропологических типа — долихокранный высоколицый и брахикранный низколицый, которые своими корнями бесспорно уходят в первобытную эпоху — к неолитическому населению ямочно-гребенчатой керамики и к племенам культуры боевых топоров. От названных антропологических типов ведут свое происхождение западнобалтийский и восточнобалтийский антропологические типы, выделяемые в Эстонии в настоящее время.

Представляется, что происхождение брахикранный (лучше, мезокранный) низколицего антропологического типа в северо-восточных районах Эстонии, где имеются и каменные могильники, однотипные с западноэстонскими, и водско-славянские курганы, действительно обусловлено в значительной степени миграцией населения из более восточных территорий. Что касается юго-восточной Эстонии, то здесь подобный антропологический тип, по-видимому, был свойствен местному прибалтийскофинскому населению, а не обусловлен метисацией эстов с кривичами, как полагает К. Ю. Марк. Кроме водской коллекции, краниологическая серия из Отепя очень близка к серии черепов из Кивтского могильника восточной Латвии (см. рецензируемую ниже статью Р. Я. Денисовой), где до прихода латгалов жили те же западнофинские племена, что и на юго-востоке Эстонии.

В трех статьях сборника суммируются результаты лингвистических исследований. П. А. Аристе в статье «Водь в топонимике» приходит к выводу о проникновении на территорию Эстонии двух разновременных волн води: первой — в XIII и второй — в XVIII вв. По мнению автора, водская топонимика обнаруживается и в Латвии: датируемая XIV в. вблизи местечка Сунтажи и XV в. — в окрестностях г. Бауска. Появление в этих местах поселений с водскими названиями П. А. Аристе объясняет принудительным расселением водских военнопленных, пригонявшихся Ливонским орденом из русских земель.

Автор указывает также на проникновение в русский язык водской топонимики, распространенной на коренной территории расселения води в пределах Ленинградской области.

М. Я. Муст в статье «Русско-эстонское двуязычие в северо-восточной Эстонии» затрагивает чрезвычайно интересный вопрос о процессах языковой ассимиляции и формировании своеобразных говоров в среде этнически разнородного населения окраинной части Эстонии. Речь идет о пространстве к северу от Чудского озера, бывшем приходе Ййзаку (ныне часть Кохтла-Ярвского района). В этой наиболее поздно заселенной местности наряду с эстонцами, пришедшими с севера и запада, издавна обитали, как теперь можно считать установленным, водь, ижора и русские (выходцы из окрестностей Пскова и Новгорода). Длительное взаимодействие различных языков и диалектов привело, с одной стороны, к поглощению некоторых из них (водского, ижорского), и с другой — к созданию своеобразного смешанного эстонско-русского говора. Автор характеризует основные черты этого говора и выявляет в нем элементы того и другого языка. Сопоставляя материалы по поколениям, М. Муст устанавливает время последовавшего перехода данной этнической группы на эстонский язык, воспринятый от жителей соседних районов Эстонии. В статье характеризуются особенности этого эстонского разговорного языка как переходного говора, имеющего общие черты со

всеми соседними диалектами, а также сохраняющего следы сильного влияния русского языка.

Статья Т. Г. Строгановой «К характеристике русских говоров северо-запада» посвящена изучению особенностей русского языка в области Восточного Причудья, или так называемого «Гдовского острова». Автор указывает на диалектную сложность очерченного региона, обусловленную спецификой этнических процессов: этническим взаимодействием двух восточнославянских племенных групп — кривичей и словен, а также контактами с неславянским (финно-угорским) населением. Анализируя конкретный материал, Т. Г. Строганова выделяет различные по направлению локализации языковые явления. Их основу, по мнению автора, составляют северовеликорусские говоры, в прошлом испытывавшие на себе интенсивное влияние говоров другого типа — южновеликорусских. Помимо этого, в окрестностях Пскова подмечен специфический диалект, выделенный автором в особую псковскую подгруппу северо-западных говоров. В его формировании, как отмечает Т. Г. Строганова, большое место принадлежит неславянским элементам.

В статье Х. Г. Тампере «Особенности народного календаря в северо-восточной Эстонии» характеризуются представления жителей бывшего прихода Ййзаку о явлениях природы, которые они связывают с народным календарем. Автор привлекает и некоторые материалы об общественных и семейных традициях и празднествах. При изложении содержания и народного осмысления того или иного явления Х. Т. Тампере прослеживает черты, типичные и для других групп эстонцев, или сближающие культуру жителей Ййзаку с культурой русских.

По мнению автора, основные календарные даты, отмечавшиеся в Ййзаку, соответствовали общеэстонскому народному календарю, представляя его восточный вариант.

Из календаря соседнего русского населения в календарь эстонцев Ййзаку вошли некоторые престольные праздники (Дмитриев и Михайлов день). Это отличает календарь ййзакских эстонцев от общеэстонского календаря. Много русских черт прослеживается также в свадебной и похоронной обрядности эстонцев Ййзаку. Автор правильно отмечает наличие в календаре и семейных обрядах ййзакских эстонцев отдельных черт, распространенных на значительно более обширной территории (в юго-восточной Эстонии, на Ижорском плато, в восточной Финляндии, Карелии, северо-западных русских районах), объясняя это общностью исторического развития живущих там народов, а также постоянными контактами и непрерывными процессами взаимной ассимиляции. Таковы, например, обряды осенних жертвоприношений (Мартынов и Катеринин день), отправление «бабьего праздника» и другие.

* * *

В сборнике о культурно-исторических связях латышей со славянскими народами вслед за введением идут две обзорные историографические статьи: Я. Граудониса, И. Лозе, Э. Мугуревича, Э. Шноре — «Полевые археологические исследования в Советской Прибалтике» и Г. Строда «Латышская советская этнография за 25 лет (1940—1965)». Обе эти статьи по своему содержанию выходят за пределы проблем, рассматриваемых в сборнике.

Изложение конкретных материалов в сборнике начинается также с археологических статей.

Две статьи — Я. Граудониса «О связях населения Латвии в эпоху раннего металла» и Е. Цимермане «Текстильная керамика на территории Латвии и вопрос о ее связи с дьяковской культурой» несколько расширяют тематику сборника, так как анализируют связи древних обитателей Латвии с дославянским населением будущих восточнославянских территорий. Я. Граудонис показывает, что культурные связи между древним населением Прибалтики и других восточноевропейских территорий в значительной степени отражают этнические взаимоотношения. Отдельные типы вещей, особенно те, которые связаны с первобытным искусством или культовыми традициями, распространяются главным образом внутри однородных этнических ареалов. Возникает вопрос о раннем финно-угорском слое в Прибалтике и в более восточных областях. В последнее время появились работы П. Н. Третьякова, О. Н. Бадера и А. Х. Халикова, в которых раннеэнеолитическое население лесной полосы Восточной Европы (за исключением Прикамья) атрибутируется как дофинно-угорское, а расселение финно-угров связывается с распространением водосовской культуры. Между тем карты Я. Граудониса показывают тесную связь прибалтийской культуры неолита с волго-окской культурой ямочно-гребенчатой керамики. И если прибалтийская культура признается финно-угорской (для отрицания этого у исследователей нет оснований), то нельзя игнорировать возможность финно-угорской атрибуции волго-окской ямочно-гребенчатой керамики.

На основе всестороннего анализа текстильной керамики, собранной из нескольких десятков памятников Латвии, Е. Цимермане показывает своеобразие этой посуды и ее местное происхождение. Работа Е. Цимермане является первым серьезным опытом по исследованию локальных различий внутри обширного ареала текстильной керамики. Выделение латвийского варианта текстильной керамики позволило исследователю говорить об особой этнической группе древнего прибалтийского населения, занимавшего современную Латвию.

По статье Е. Цимермане можно сделать два замечания. Выделенный вариант текстильной керамики лучше называть не латвийским, а восточнолатвийским, поскольку исследуемый в статье материал в основном происходит из памятников той части Латвии, где отсутствуют каменные могильники. Текстильная керамика из каменных могильников Латвии, как и из поселений, расположенных в ареале этих памятников, единична. Не исключено, что текстильную керамику этой территории, объединяемой с Эстонией, в один ареал однородными погребальными памятниками (каменными могильниками), со временем удастся соединить с эстонским вариантом этой посуды. Полагаем, что памятники Придаугавы с находками текстильной керамики следует считать не балтскими, а смешанными балто-прибалтийскофинскими. Небольшой процент посуды с текстильными отпечатками на этих памятниках не противоречит такому выводу — в памятниках Псковской земли и на городищах Верхнего Подвинья находки текстильной керамики также немногочисленны.

Для археологов-славистов и исследователей прибалтийских древностей большой интерес представляет статья В. Уртана «Связи населения Латвии со славянами во второй половине I тысячелетия». В первой части этой работы анализируются памятники кривичско-латгальского пограничья и исследуются взаимоотношения кривичей с латгалами. В. Уртан впервые собрал и подытожил все материалы по длинным курганам Латвии, которые известны в 13 пунктах. Исследователь прав, что деление валлообразных курганов на длинные и удлинённые, производимое иногда археологами, нецелесообразно. Вместе с тем включение в число рассматриваемых памятников овальных курганов безусловно ошибочно. В частности, в Латышонках в таких курганах вместе с захоронениями по обряду кремации открыты труположения Х в.

В. Уртан подразделяет круглые курганы восточной Латвии на конусообразные, полусферические и сегментовидные. Аналогичные по форме курганы имеются на всей древнерусской территории, но хронологического различия между ними нет. Между тем В. Уртан полагает, что конусообразные курганы являются наиболее ранними из круглых, сопоставляет их с новгородскими сопками и датирует VI—IX вв. Однако каких-либо конкретных материалов для такой датировки конические курганы в Пасиене и Скрипчине не дали. Сопоставление их с сопками новгородских словен, по нашему мнению, не оправдано. Сопки отличаются от обычных круглых курганов не конической формой, а присутствием в основании каменной обкладки и на вершине — площадки, близкой к горизонтальной. Сопок в Латвии не обнаружено, а конусообразные курганы, как и в областях древней Руси, по-видимому, относятся к IX—X вв.

В курганах с труположениями, исследованных в восточной Латвии, последовательно обнаруживаются латгальский ритуал (мужские захоронения ориентированы головой к востоку, женские — в обратном направлении) и латгальский вещевого инвентаря. По-видимому, в результате смешения кривичей с балтами в XI—XII вв. победу здесь одержал балтский этнический компонент.

С конца X в. среди труположений латгальских грунтовых могильников появляются единичные трупосожжения женщин, по мнению В. Уртана, — славянок (жен латгалов). Более вероятной является прибалтийскофинская атрибуция этих трупосожжений. В пользу этого говорят антропологические материалы, выявляющие заметную роль местного прибалтийскофинского компонента в генезисе населения северо-восточных районов Латвии. К тому же в конце X в. ритуал кремации умерших у славян доживал последние десятилетия, на смену ему пришел обряд труположения.

Трудно согласиться с интерпретацией могильника в Цирнаве, состоящего из плоских курганов с крупными камнями, как памятника этнически смешанного населения (новгородские словены, латгалы и финно-угры). Ничего словенского в этих курганах нет. Вещевой материал их латгальский, а присутствие камней в конструкции погребальных насыпей сближает их не с памятниками словен, а с каменными надмогильными сооружениями прибалтийских финно-угров.

Описывая жальники северо-восточной Латвии (Шкильбени, Даниловка), В. Уртан называет их водскими памятниками. Между тем картография новгородских жальников противоречит такому мнению — основная часть жальников сконцентрирована в старых словенских районах, они почти отсутствуют в местах, где водь зарегистрирована письменными источниками, зато их много на востоке Новгородчины, где водь никогда не жила. Поэтому более обоснованным представляется положение А. А. Спицына и других исследователей о словенской принадлежности жальников.

Во второй части статьи В. Уртана анализируются предметы второй половины I тысячелетия, попавшие на территорию Латвии из славянских земель или через посредство славян и, наоборот, предметы, импортированные из Латвии в славянские земли. Представляется, что часть предметов, привлеченных исследователем для анализа связей между древним населением Латвии и славянами, не отражает таковых. Это, в частности, предметы с выемчатой эмалью, арбалетовидные фибулы V—VI вв., шейные гривны V в. В третьей четверти I тысячелетия значительная часть Верхнего Поднепровья и Подвинья была занята еще балтоязычными племенами, и эти предметы свидетельствуют об этническом единстве Латвии и Поднепровья.

В статье А. Зарини «Черты общности в тканях латгалов и славян XII—XIII вв.» исследуется целый ряд одинаковых элементов, наблюдаемых при изучении древних тканей этих племен. Автор справедливо отмечает, что общие элементы не всегда являются результатом взаимных связей. В частности интересно наблюдение А. Зарини о сходстве техники изготовления и композиции латгальских клетчатых вилайне и встре-

чающихся у славян западных районов Волго-Окского междуречья тканей в клетку. Автор правильно интерпретирует эту общность древними культурно-этническими связями внутри балтского ареала. С другой стороны, трудно согласиться с выводом А. Зарина, что распространение горизонтального ткацкого станка у латгалов — следствие их торговых и культурных связей с западными славянами. В древней Руси, с которой латгалы находились в более тесных взаимоотношениях, горизонтальный ткацкий стан появился не позже, чем в Польше³.

Значительный краниологический материал второй половины I и начала II тысячелетия, собранный латышскими исследователями, позволил Р. Я. Денисовой нарисовать в статье «Антропологические особенности восточных латышей в связи с их этнической историей» убедительную картину формирования раннесредневекового и современного населения Латгалии. Для эпохи раннего средневековья исследователь выделяет четыре антропологических типа, из которых три локализируются в восточных районах Латвии. Это — массивный долихокранный тип с высоким и широким лицом, характерный для основной массы латгалских могильников, мезокранный тип со средневысоким, широким и несколько уплощенным лицом, известный по Кивтскому могильнику и сходный с сериями черепов из прибалтийскофинских погребений восточной Эстонии и Водской пятины и, наконец, грацильный мезокранный тип с лицом средней высоты и ширины, представленный в серии из могильника селов в Леясдупеле. Автор сопоставляет последнюю серию со славянскими курганными черепами Верхнего Поднепровья, что формально справедливо. Однако вывод Р. Я. Денисовой, что происхождение этого антропологического типа латышей связано с более восточными и юго-восточными территориями, представляется преждевременным. Археология пока не располагает какими-либо материалами, позволяющими допустить миграцию верхнеднепровского населения в область селов.

В. П. Алексеев в статье «Краниология латгалов в связи с вопросами их происхождения» публикует данные по серии черепов из могильника XVIII в. под Лудзой и, анализируя их в сравнении с другими краниологическими и антропологическими материалами, ставит вопрос о происхождении у латгалов монголоидного компонента. Автор показывает, что монголоидная примесь отсутствует у средневековых латгалов и выявляется только позднее, когда латышское население впитало в себя местный финский этнический элемент. Вопрос этот рассматривается В. П. Алексеевым на фоне взаимоотношения европеоидного и монголоидного компонентов у древнего населения лесной полосы Восточной Европы.

Статья К. Курцалта «О топонимах первобытных погребений и поселений восточной части Латвийской ССР» является первой попыткой анализа географических названий в зависимости от расположенных по соседству археологических объектов. Названия, локализуемые близ памятников III тысячелетия до н. э., автор относит ко времени индоевропейского языка-основы, некоторые топонимы близ погребений бронзового века — к периоду функционирования балтского языка-основы и т. п. Такое сопоставление заманчиво. Однако в этом случае тот или иной вывод может быть подсказан археологическим заключением.

Следующая статья сборника — «Балты в Средней Европе в доисторическое время» — написана К. Турнвальдом. В Центральной Европе автор обнаруживает топо-гидронимы, которые сопоставляются с названиями исторических балтских территорий и объясняются из древнепрussкого, литовского и латышского языков. К балтским относятся также и некоторые этнонимы древних авторов. К. Турнвальд приходит к выводу, что балты некогда достигали Чехословакии, среднедунайских областей и даже доходили до Адриатики. В заключение автор обращается к археологическим данным и относит к балтам тшинцеую, лужицкую и иные среднеевропейские культуры эпохи бронзы.

Дискуссионный характер этой статьи бесспорен, что и отметили в примечании к ней один из редакторов сборника Г. Строд и рижский филолог А. Янсонс. Представляется, что К. Турнвальд явно увлекся поисками балтизмов. Некоторые названия, упомянутые в статье, могут быть интерпретированы на основе иных, небалтских материалов. Балтская атрибуция лужицкой, тшинцекой и других среднеевропейских культур археологически не может быть оправдана.

Этнографическая часть сборника открывается статьей А. А. Алсупе «Культурно-исторические связи латышского и славянских народов по материалам текстильных изделий и орудий ткачества XIX и XX вв.», являющейся частью подготовленной к печати монографии автора о латышском народном ткачестве.

А. А. Алсупе характеризует подмеченные ею у балтских и славянских народов общие черты в орудиях и приемах труда, связанных с домашним производством тканей, а также в технике изготовления тканей и их орнаментике.

Анализируя материал, автор выделяет две группы явлений, свидетельствующих о культурной общности балтов и славян — одна имеет более широкий регион распространения и проявляется уже на ранних этапах исторического развития балтских и славянских народов (XII в.); другая преимущественно ограничена территориями восточной Латвии и смежной полосой расселения восточных славян и возникает в значительно более поздний период (XVII—XIX вв.). К первой группе явлений автор относит типы

³ См. Б. А. Колчин, Новгородские древности. Деревянные изделия, М., 1968. стр. 68—72.

ткацких станов, бытовавших у балтов и славян, способы подготовки основы, приемы измерения ее ширины, типы челноков и т. д. и объясняет их общность сходными экологическими условиями, одинаково отразившимися на формировании материальной культуры этих народов. Вторая группа характеризуется общими чертами, обнаруживающимися в деталях ткацких станов и их терминологии, в технике ткачества, типах орнамента и т. д., что обусловлено, по мнению автора, культурным взаимодействием латышей, русских, белорусов, отчасти поляков, расселенных в непосредственной близости и находившихся в постоянных хозяйственных и культурных контактах друг с другом. А. А. Алсупе безусловно права, выделяя именно эти два главных фактора, определяющих общность культурных явлений, связанных с развитием ткачества, но вряд ли возможно с той определенностью, как это сделано в статье, разграничить воздействие на анализируемые явления каждого из факторов.

А. Крастыня в статье «Черты народного строительства восточной Латвии (Латгалии) в XIX — начале XX в.» знакомит с материалами, свидетельствующими о культурных связях латышского и русского народов в области сельской архитектуры. Опираясь на собственные полевые материалы и некоторые публикации Института этнографии АН СССР, широко исследовавшего жилище восточной Латвии и пограничных районов РСФСР и БССР, автор подтверждает высказанные ранее в печати положения о близком родстве крестьянского жилища латышей восточной Латвии с жилищами русских, белорусов и поляков. Составными частями этого жилища были изба с печью русского типа (глинобитной на деревянном опечье) и холодные неотопливаемые сени, к которым по другую сторону нередко пристраивалась холодная камора, позднее — вторая отапливаемая изба. Печь в избе стояла в углу при входе и была обращена устьем к противоположной продольной стене избы. По диагонали от печи находился чистый угол. Такая планировка, известная в литературе под названием украинской и белорусской, типична и для северо-западных русских районов.

Из общего комплекса вопросов, связанных с жилищем, основное внимание автор уделял конструктивным элементам, планировке и устройству отопительной системы. Интересны соображения А. Крастыня о специфике жилища у различных социальных групп крестьян.

Разделяя в целом выводы автора об основных направлениях развития восточного типа жилища Латвии во второй половине XIX — начале XX в., мы не видим основания к сближению одной из его разновидностей — избы с прирубом (трисенкой) с жилыми постройками центральной и западной Латвии. Изба с прирубом, получившая распространение в восточной Латвии в начале XX в., типична именно для русского зодчества.

Статья А. А. Завариной «Материальная культура русского старожильского населения Латгале во второй половине XIX — начале XX в.» является первой сводкой оригинальных полевых материалов автора. Из русского населения Латвии, крайне неоднородного по своему происхождению и времени расселения, автор исследует старообрядцев, поселившихся в восточной Латвии в XVII—XVIII вв.

Основываясь на материалах переписи населения 1897 г. и некоторых архивных источниках, А. А. Заварина характеризует численность и расселение русских в Латвии и определяет их как выходцев из окрестностей Пскова и Новгорода.

Основное внимание А. А. Заварина уделяет материальной культуре русских старообрядцев — жилищу, одежде, пище. Научную ценность представляет уже само описание этих основных элементов материальной культуры. Этнографических работ, специально посвященных русскому населению Латвии, до сих пор нет. Некоторые весьма фрагментарные сведения о его культуре удавалось почерпнуть лишь из этнографических публикаций последних лет о латышах, где, как и в статьях данного сборника, для сопоставления приводились материалы о русских.

Выводы автора о характере хозяйственных и культурных контактов русских и латышей согласуются с основными положениями, ранее высказанными по этому поводу исследователями этнографии латышей. Так, А. А. Заварина безусловно права, утверждая, что влияние русских на формирование культуры восточных групп латышей наиболее отчетливо выявляется на материале жилища и строительной техники. В остальных областях культуры, в частности в качестве, пище, наблюдаются многие черты, заимствованные русскими от латышей.

Заслуживает внимания и другой вывод автора о более ранней у русских, чем у окрестного латышского населения, ломке традиционных форм быта. Русские, в отличие от латышей восточной Латвии, как справедливо отмечает А. А. Заварина, в силу ряда причин постепенно превратились из землепашцев в крестьян-отходников и ремесленников. Эти особенности экономического развития русских прямым образом сказались на трансформации их быта. В статье последовательно прослеживается процесс урбанизации русского сельского населения и выявляется его специфика среди различных социальных групп крестьян.

Автор отмечает, что процесс урбанизации тормозился старообрядческой церковью, стоявшей на страже сохранения изоляции и замкнутости быта ее пастыи. Последнее нередко приводило к вычурным сочетаниям тех или иных весьма консервативных черт быта с их модернизованными формами. Особенно отчетливо это проявлялось во внешнем облике мужчин и женщин из старообрядческой среды (в их прическах, костюме и т. п.).

Небольшая статья Дз. Вискна «Быт и традиции латышей в Советском Союзе в 20—30-е гг. XX в.» затрагивает вопрос, ранее совершенно не освещавшийся в литературе.

В статье приводятся малоизвестные данные о численности латышей в СССР в те годы, их социально-профессиональном составе; сообщается о большой и плодотворной работе местных органов Коммунистической партии и Советского правительства в области просвещения и культурно-бытового обслуживания латышского населения; характеризуется активное участие латышей — рабочих, колхозников, интеллигенции — в развитии экономики и культуры Советской страны в период построения социализма; рассказывается о преобразовании быта латышей в условиях расселения в инонациональной среде, а также отмечается сохранение в их быту некоторых прежних традиций.

Дз. Вискна правильно подчеркивает, что в развитии латышской советской культуры большое значение имел этот начальный период 1920—1930 гг., когда примерно одна десятая часть латышского народа жила и трудилась в братской семье советских народов. Нельзя не согласиться с автором, что вопрос о жизни, труде и быте латышей в Советском Союзе в те десятилетия, когда в Латвии господствовал буржуазный строй, заслуживает дальнейшего всестороннего исследования и освещения в печати.

Л. Думпе в статье «Некоторые вопросы взаимовлияния духовной культуры латышей и русских в период социализма и строительства коммунизма» использовала материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г., некоторые данные ЦСУ ЛатвССР и Министерства культуры ЛатвССР, периодическую печать за 1940—1965 гг., а также данные анкетного опроса по различным вопросам культуры, проведенного сектором философии Института истории АН ЛатвССР и редакциями республиканских газет. В начале статьи сообщается о современном национальном составе Латвийской республики в сопоставлении с данными о национальном составе 1935 г. Отмечая рост удельного веса инонационального населения в республике (преимущественно русских, автор указывает на все возрастающую роль русского языка как второго языка общения.

Далее автор рассматривает основные формы культурных связей латышей с другими братскими народами Советского Союза. Статья насыщена многими интересными цифровыми показателями, удачно сведенными в таблицы, и может служить ценным источником при исследовании этих вопросов. Например, приводятся данные о числе молодежи латышской национальности, обучающейся в вузах за пределами республики, о количестве переводной латышской и русской художественной литературы, вышедшей в Латвии за период 1951—1964 гг., и латышской художественной литературы и т. п.

Особое внимание Л. Думпе уделяет новым формам культурного общения, развившимся в условиях советского строя: декадам латышской литературы и искусства в Москве, неделям латышской литературы в РСФСР и русской в Латвийской ССР, фестивалям театров и кино, различным конкурсам, вечерам и встречам трудящихся Латвии с деятелями культуры и искусства братских республик и т. п.

В статье отмечается и все большее проникновение русской духовной культуры в жизнь латышского народа. Это заметно сказывается на репертуаре коллективов художественной самодеятельности, в частности на репертуаре традиционных праздников песни.

Подводя итоги всему сказанному, хотелось бы еще раз положительно оценить выход в свет данных сборников и выразить уверенность в том, что разработка затронутых в них проблем будет продолжена.

В. В. Седов, Л. Н. Терентьева

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ЭТНОГРАФИЯ»

ВЕНГЕРСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ЗА 1959—1968 гг.

Журнал «Ethnographia» Венгерского этнографического общества является одним из старейших журналов по этнографии в Венгрии. В 1969 г. исполняется 80 лет со дня его основания. За этот долгий период по страницам журнала можно проследить весь путь развития венгерской этнографической науки и различных направлений в ней. Опубликованные в журнале статьи и заметки, посвященные этнографическому описанию венгерского народа, дают также читателю представление о трансформации всей жизни венгерского общества, прежде всего духовной и материальной культуры крестьян.

Журнал «Ethnographia» представляет несомненный интерес и для ученых других стран, так как на современной венгерской территории, расположенной в среднем течении Дуная, издавна селились самые различные народы, и сложная этническая исто-

рия венгерского народа отражает многие процессы взаимовлияний племен и народов, разных и по языку, и по хозяйственному укладу своей жизни, и по культуре.

В небольшой статье трудно дать обзор журнала за все 80 лет, поэтому мы ограничимся здесь лишь кратким обзором важнейших научных статей и материалов за последнее десятилетие, с 1959 по 1968 г., обращая внимание, в первую очередь, на те основные проблемы, которые разрабатывались в последние годы венгерскими этнографами и фольклористами и которые представляют интерес и для советского читателя.

Журнал выходит четыре раза в год. Материал в нем располагается по четырем отделам: статьи; краткие сообщения; этнографические известия, отчеты; рецензии и библиографические обзоры. К каждой статье прилагаются два коротких резюме на русском и немецком языках. Очень жаль, однако, что краткие сообщения и заметки, содержащие обычно оригинальный полевой и архивный материал, остаются недоступными для тех, кто не знает венгерского языка.

За последние годы все большее место в журнале отводится статьям теоретического и методологического характера. В них ставятся вопросы о предмете этнографической науки, о рамках ее исследования и специфических методах изучения явлений, отличных от методов смежных дисциплин — социологии, истории, географии. В этом отношении интересна статья Ш. Демётёра «Основные вопросы этнографической исследовательской работы в Венгрии» (1961, стр. 86—97). Автор считает главной задачей этнографии изучение этнической специфики народа, описание традиционной народной культуры. Важной задачей венгерских этнографов, по его мнению, является четкая и подробная характеристика венгерской национальной культуры, которая поможет определить ее место среди культур других народов Восточной Европы. Определенные же самих понятий «народ», «нация» — задача философской науки, а не этнографии.

В какой-то мере ответом на эту работу явилась статья доцента кафедры этнографии Будапештского университета Т. Хоффмана «Понятие „народ“ в этнографии» (1962, стр. 1—22). Т. Хоффман подвергает в ней критике «этногенетический» этнографических исследований, считая данное направление разновидностью националистической исторической концепции. По мнению автора, предметом этнографического изучения являются культура и быт масс докапиталистических обществ в их историческом аспекте. И для правильной постановки проблем необходимо прежде всего точно уяснить, что такое «народ» вообще.

Определению предмета и задач этнографии посвящена также статья преподавателя кафедры этнографии Будапештского университета В. Фойгта «Проблемы методологии и терминологии в этнографической науке в Восточной Европе» (1965, стр. 482—500). Он ограничивает задачи этнографии изучением культуры, быта и сознания угнетенных классов в докапиталистической и капиталистической формациях, в то время как исследование современного (социалистического) общества является, по его убеждению, задачей социологии.

Е. Барабаш в статье «Этнографические исследования и письменные источники» (1961, стр. 135—145) высказывает мнение о том, что этнографы должны прежде всего опираться в своих исследованиях на «живой» материал, собранный во время экспедиций, на то, что нельзя найти в письменных источниках, которые могут служить для них лишь вспомогательным средством, главным образом для определения хронологии тех или иных явлений.

В статье В. Фойгта «Структурно-типологические методы исследования народного эпоса» (1964, стр. 36—46) подвергается критике структурализм в фольклористике. Вместо него автор предлагает использовать в фольклорных исследованиях историко-типологический метод.

Несомненная заслуга журнала — все большее внимание к вопросам современности. В последние годы на его страницах стало появляться много статей и материалов по современному быту и культуре венгерского народа. Так, описанию современного быта крестьянской молодежи посвящены статьи И. Руйца «Общественная жизнь крестьянской молодежи в долине р. Бодва (1880—1950)» (1965, стр. 572—601; 1966, стр. 93—114) и Д. Мольнара «О молодежи села Коняр (Восточная Венгрия)» (1967, стр. 592—597). В них подробно описывается (по материалам, собранным авторами во время полевых исследований) одежда молодежи, повседневная жизнь, поведение, обычаи, семейные отношения.

Работа М. Бороща «Об укладе жизни и культуре бахчевников-испольщиков села Чань» (1959, стр. 579—621) знакомит читателей с прошлой и настоящей жизнью своеобразной группы венгерских крестьян — бахчевников-испольщиков, которые раньше временно, на сезон, переселялись из родного села на бахчи землевладельцев, а сейчас продолжают заниматься своей сезонной работой на бахчах сельскохозяйственных кооперативов.

Очень важным разделом работы венгерских этнографов, также нашедшим отражение на страницах журнала, является изучение культуры и быта венгерских рабочих и других социальных групп венгерского народа. Этнограф И. Катона уже почти четверть века занимается изучением этнографии венгерских рабочих-землекопов с целью всестороннего исследования культуры и быта этой группы рабочих. За рецензируемый период в журнале появились его статьи о фольклоре землекопов —

«Землекопы, сочиняющие и пишущие народные стихи» (1960, стр. 552—556), об их рабочих инструментах — «Тачка землекопа и работа с ней» (1962, стр. 512—530; 1963, стр. 13—36), «Двуколка землекопов и работа на ней» (1961, стр. 56—83).

А. Шельмеци-Ковач темой своих исследований избрал быт мельников в Северной Венгрии («Жизнь мельников в районе горы Матры в конце XIX в.», 1967, стр. 189—201).

Работа Э. Шольмоша рассказывает о быте венгерских рыбаков на Дунае (1959, стр. 407—430). В ней приводятся сведения об истории рыбацких объединений (цехов), о рыболовных снастях, о способах рыбной ловли и их зависимости от морфологии реки.

Однако, несмотря на некоторые удачные попытки изучения современной жизни всех социальных групп венгерского населения, основное внимание этнографов по-прежнему сосредоточено на исследовании традиционной исторической этнографии венгерского народа. Подавляющая часть рецензируемых работ содержит материалы (большей частью оригинальные, полевые) по всем разделам материальной и духовной культуры венгерских крестьян.

Мы рассмотрим эти статьи, сгруппировав их по традиционным разделам этнографической науки: земледелие, скотоводство, ремесла, пища, жилище, народный транспорт, духовная культура, фольклор.

Ряд статей рассматривает вопросы землевладения и землепользования в венгерской деревне в прошлом. К их числу относятся две статьи известного исследователя истории земледелия в Венгрии М. Беленшши «Применение однопольной системы и формирование двух- и трехполья в средневековой Венгрии» (1960, стр. 81—104) и «Распространение переложного хозяйства в Венгрии» (1964, стр. 321—349). Автор указывает на распространение трехпольной системы в Венгрии с XIII в., а также на то, что переложная система существовала в этой стране вплоть до XIX в. наряду с двух-трехпольным хозяйством. Это объясняется тем, что при переложной системе можно было получать высокие урожаи, не удобряя землю.

К этой тематике примыкают статьи, повествующие о формах коллективного народного труда в прошлом в венгерской деревне. В своей работе «Использование сельских земель в селе Нирадонь после освобождения крепостных» (1965, стр. 435—445) Т. Беллона рассказывает о координации работ советом сельских землевладельцев в селе Нирадоне (Северо-Восточная Венгрия) во второй половине XIX в. О некоторых формах коллективного труда в области Сабольч-Сатмар при сельскохозяйственных работах пишет в своей заметке А. Яно. Он, в частности, подробно описывает коллективную обработку конопли женщинами. Сводной работой о различных формах коллективного труда является большая статья Л. Сабо «Исследование народных форм коллективного труда» (1967, стр. 219—237). В статье описаны все виды коллективных работ, бывавшие в венгерской деревне после 1848 г.

Исторический характер носит работа Ш. Гимеши «Капитализм и крестьянское хозяйство в Венгрии» (1968, стр. 149—161), в которой рассматриваются вопросы о месте кустарных промыслов крестьян в капиталистическом хозяйстве и о положении сельского хозяйства Венгрии в период между двумя мировыми войнами.

В ряде статей венгерских авторов приводятся интересные материалы о способах обработки земли и о земледельческих орудиях. Здесь следует прежде всего отметить несколько статей одного из лучших исследователей сельскохозяйственных орудий венгерских крестьян А. Такача: «Посадочные палки в Венгрии» (1963, стр. 350—370) — об особой форме палок, применяемых для посадки кукурузы и картофеля; «Серпы для косыбы в Венгрии» (1967, стр. 1—21; 1963, стр. 474—491) — о различных типах серпов, которыми до XVIII в. жали зерновые культуры. В других работах этого же автора рассказывается о некоторых старых способах обработки земли: «К вопросу об обработке пашни на засеках» (1964, стр. 233—246), «Некоторые характерные черты подсежного земледелия в Гёчей» (1964, стр. 489—522), «Подсеки и инструменты подсеки в Ершеге и в области реки Верхней Рабы» (1966, стр. 12—48).

Интересное исследование представляет статья Т. Хоффмана о развитии тока в средневековой Венгрии «*Norgem tok — сарай?*» (1959, стр. 171—206). И. Мольнар дает описание старого способа молотбы ручным цепом в Трансильвании.

На страницах журнала публикуются также материалы о способах хранения зерна и различных типах зернохранилищ. Д. Надь описывает все виды зернохранилищ в окрестностях города Орошхазе (1963, стр. 84—104). К статье Н. Икван «Подземные зернохранилища в Венгрии» (1966, стр. 343—377) приложены даже карты распространения разных типов подземных зернохранилищ и маршрутов странствующих мастеров, строящих такие зернохранилища.

Несколько помещенных в журнале статей описывают технику выращивания характерных для сельского хозяйства венгров культур — стручкового перца, табака, капусты. Такова, например, работа И. Балинта «Выращивание стручкового перца в окрестностях города Сегеда» (1959, стр. 139—170), Л. Такача «Развитие табаководства в Венгрии во время крепостничества» (1959, стр. 207—251), И. Энеди «Значение капусты в жизни населения села Хайдухадхаз» (1962, стр. 404—429). Подробную характеристику овощеводства в городе Кечкемет дает М. Борошш в статье «Овощеводство на песчаной почве города Кечкемет» (1962, стр. 202—228). Автор описывает технику выращивания различных овощей; инструменты, применяемые при этом; технику сортировки; рассказывает о торговле овощами. Он подчеркивает влияние на развитие

овощеводства в этом крае немецких садоводов, прибывших сюда во второй половине XIX в.

Богатое поле для исследования представляет венгерское виноделие и виноградарство, истоки которого восходят к античным и восточным традициям. Особенно следует отметить работу сотрудника научно-исследовательской группы по этнографии при Венгерской Академии наук И. Винце «Способы и средства изготовления вина в районе Хедькёз» (1960, стр. 1—25), в которой подробно описаны все местные инструменты по сбору и обработке винограда, способы изготовления вина.

Много места на страницах журнала отведено изучению одной из старейших отраслей сельского хозяйства венгров — животноводству. Тематика таких статей разнообразна: среди них есть материалы о быте пастухов (И. Балог, «Перепись пастухов области Сабольч в 1796 г.», 1959, стр. 219—312; Т. Себени, «Пастушество в области Чик», 1962, стр. 54—48; И. Тимаффи, «Западные венгерские пастушеские палки с бубенцами», 1963, стр. 161—177), о разных методах содержания скота (Я. Зольми, «Полтора века содержания скота в селе Черхатшурань», 1960, стр. 57—71; Э. Боржак, «Яловое стадо», 1964, стр. 555—577), наконец, о заготовке и хранении сена (Н. Иквэй, «Работа по заготовке сена и кормов в Земпленском подгорье», 1962, стр. 26—50) и т. п.

Большая работа Э. Таркань-Сюча «Выжженные знаки собственности на животных в Венгрии» (1965, стр. 187—199, 359—410) посвящена анализу знаков собственности на животных и основана на исследовании большого архивного и полевого материала.

Такое обилие работ по различным отраслям сельского хозяйства венгров объясняется тем, что все эти темы должны быть отражены в подготавливаемом целом коллективном ученых венгерском этнографическом атласе.

Для атласа же собирается материал и по народной кулинарии венгров. Ш. Дёмётёр опубликовал с целью подготовки к составлению атласа статью о сладких лепешках, которые еще совсем недавно употребляли вместо хлеба население Задунайского края и Большой Венгерской равнины. Он подробно описывает рецепт их выпечки и прилагает к статье карту их распространения (1960, стр. 45—57). Анализируя рукописные поваренные книги XVI—XVIII вв., Ф. Шрам ставит вопрос о взаимовлиянии между народными и «господскими» блюдами («Рукописные поваренные книги XVI—XVIII в.», 1961, стр. 265—276 и «Рукописная поваренная книга К. Шимаа», 1964, стр. 578—598). Э. Кишбан дала обзор этнографической литературы о различных способах выпечки и сортах хлеба в Западной Европе. Большой научный интерес представляет статья профессора Дебреценского университета Б. Гунды «Растения, используемые для сывороточной закваски молока в Карпатах» (1967, стр. 161—175). В ней автор описывает особый способ закваски сыра у карпатских пастухов (венгров, румын).

Многие венгерские этнографы занимаются изучением истории венгерских народных ремесел. Из опубликованных в журнале по этой тематике работ особенного внимания заслуживает большая монография сотрудника Венгерского этнографического музея М. Крес по гончарству — «Гончары, кувшинщики и горшечники» (1960, стр. 297—377). Автор описывает гончарное ремесло по всей Венгрии, выделяет ряд гончарных центров, показывает распространение различных форм посуды в разных областях. К статье приложены карты. Об искусстве плетения различных изделий из соломы, рогами и ивовых прутьев рассказывает на страницах журнала Ж. Чалога (1962, стр. 302—322).

Подробно излагаются венгерскими учеными и материалы по разным видам народного транспорта. И. Балог пишет о некоторых типах конской упряжи в Венгрии («Конные упряжки в городе Дебрецене в XVIII—XIX вв.», 1965, стр. 161—186), Ш. Бодо — о типе ярма в Хайдушэге (1966, стр. 538—635), Л. Тимаффи — о хомуте, который распространился в Венгрии сравнительно недавно и до прошлого столетия не был здесь вообще известен («Куметы на Малой Венгерской равнине», 1967, стр. 171—180).

Народное жилище — один из наиболее изученных разделов венгерской этнографии. Однако за последние годы в журнале было опубликовано только две статьи по этой теме. Профессор Будапештского технологического университета Л. Варга в статье «Современные исследования по венгерскому народному зодчеству» (1962, стр. 177—196) подводит итоги многолетнего исследования сельских домов в Венгрии и намечает задачи в этой области на будущее. Он обращает внимание читателей на необходимость бережного отношения к памятникам народного зодчества, говорит также о переносе наиболее ценных из них в создающиеся в Венгрии музеи под открытым небом. Описание сельских домов в Хайдушэге (Восточная Венгрия) дается в статье И. Данко (1964, стр. 58—94). Автор прослеживает историю развития средневенгерского типа дома гайдуков с момента их поселения в данной области (1606 г.) до начала XIX в.

Большую группу статей составляют работы ведущих венгерских этнографов и фольклористов по духовной культуре венгров, причем особенно много внимания уделяется описанию обычаев и обрядов, связанных с календарным циклом народных праздников. Ш. Дёмётёр сообщает об интересном обычае ставить на рождественский праздничный стол так называемый «хлеб Луци» — блюдо из проросших пшеничных

зерен. Автор считает этот обычай отголоском древних языческих времен. Интересный материал о веселых святочных гуляниях в Трансильвании (Румыния) дает Г. Вамсер («Данные к карнавальным обычаям в районе Чик», 1959, стр. 393—405). О карнавальных шествиях на масленицу пишет А. Палади-Ковач в статье «Народный карнавальный обычай в районе города Эгер» (1968, стр. 241—251).

Очень интересна статья Ф. Шрама «Огонь в Иванов день» (1965, стр. 547—556). В Венгрии обычай зажигания костров в ночь накануне Иванова дня не столь широко распространен, как у соседних народов. Первое описание этого обычая относится к 1723 г. в области Комаром, хотя, по мнению автора, обряд существовал в некоторых областях страны гораздо раньше.

Об узорах раскрашенных пасхальных яиц, которые создавались в течение многих столетий и часто имели определенную символику, пишет Я. Золтаи в своей заметке «О раскрашенных пасхальных яйцах в Орманьшаге» (1962, стр. 454—458).

З. Уйвари (город Дебрецен) занимался исследованием роли отдельной личности в сохранении и развитии народных обычаев. На основе анализа обширного этнографического материала он в своей статье «Роль индивидуума в народном обычае» (1965, стр. 501—520) приходит к выводу, что сохранение и передача народных обычаев от поколения к поколению обеспечивают отдельные индивидуумы, они же часто создают и новые варианты старых обычаев. В некоторых статьях исследуются отдельные элементы того или иного обычая, а также символическое значение каких-либо предметов или цвета в обряде. Такова, например, статья И. Данко «Символика яблока в Венгрии» (1962, стр. 558—586) или статья Ж. Эрдели «Материалы и символика цвета в венгерской народной поэзии» (1961, стр. 173—199). Наконец, следует отметить в этом же разделе еще одну интересную статью — работу Ю. Габор «Кумовское блюдо» (1963, стр. 230—258). Автор анализирует здесь один из любопытных обычаев, распространенный преимущественно среди венгерских девушек — обмениваться так называемым кумовским блюдом при заключении дружбы. Эта церемония сопровождается песнями, мелодии и тексты которых приведены в статье. Автор сравнивает этот обычай с аналогичными обычаями у румын, белорусов, русских.

Две статьи рецензируемого журнала содержат материал по древним народным верованиям: А. Сендрей в статье «Вопрос о связи дней солнцестояния и магической защиты животных» (1959, стр. 313—343) говорит о некоторых приемах симпатической магии, применявшейся вплоть до недавнего времени населением в дни первого выгона скота на пастбища (в день св. Георгия, 24 апреля). Э. Почь в статье «Связывание и развязывание узла в венгерских народных верованиях» (1963, стр. 564—607) сообщает о магических действиях, суть которых заключалась в попытке путем симпатической магии воздействовать на злых духов и заставить их повиноваться человеку.

Самую многочисленную группу статей составляют исследования в области венгерского фольклора. Сюда относятся труды как по устному народному творчеству венгерского народа, так и по музыкальному фольклору.

В центре внимания таких известных венгерских фольклористов, как Д. Ортутай, Ш. Эрдес и других стоят народные сказки, так как исследование их дает широкую возможность для многих сравнительно-исторических и типологических обобщений.

Некоторые статьи, опубликованные в журнале, посвящены анализу какого-то одного типа сказки. Так, Г. Кишш («Венгерская редакция сказок типа № 301» (1959, стр. 253—268) разбирает варианты венгерских сказок о волшебной короле. Автор собрал 82 варианта этой сказки. Из аналогичных сказок других народов наиболее близки к этим вариантам сказки румын. Анализ другой венгерской сказки дает в статье «Венгерская редакция сказки типа *AaTh* 449x/A» Л. Дег. Исследуя все варианты сказки «Собака царя», она приходит к выводу, что данный тип сказки венгры заимствовали с Украины.

В целом ряде сказок секлеров в Трансильвании одну из главных ролей играет белый конь. В интересной заметке Д. Дяллан «Роль белого коня в преданиях секлеров» (1962, стр. 387—394) автор высказывает предположение, что в сказках этого типа сохраняется память о древнем тотеме секлеров — белом коне. Автор предполагает, что даже имя этой загадочной по своему происхождению группы происходит от тюркского слова *сююл* — секюл, обозначающего коня.

Некоторые исследователи венгерской сказки большое внимание уделяют изучению репертуара отдельных сказочников и характера исполнения ими сказок. Так, об одном сказочнике из Трансильвании рассказывается в статье И. Фараго «Хавашский сказочник Миня Курчи» (1967, стр. 239—262). В статье ставится проблема бытования и рассказывания сказок среди двуязычного населения села. Ту же проблему затрагивает в своей статье «Проблемы двуязычного сказочничества» (1967) Ш. Домокош. Он приводит примеры того, как сказитель румынского села Мехкерек (область Бекеш в Венгрии) изменяет отдельные черты быта, характер героев в зависимости от того, на каком языке он рассказывает сказку — венгерском или румынском. На драматургических приемах исполнения сказок отдельными сказителями остановился в своей работе «Драматургия в исполнении сказки» (1964, стр. 521—556) И. Шандор.

Довольно много опубликовано в последние годы статей по изучению народных исторических преданий венгров. В них отражены наиболее важные события в истории страны.

Ш. Балнт исследовал исторические предания только в одной области — на юге страны. В статье «Из исторических преданий Сегедского края» (1963, стр. 38—83) он приводит много бытующих среди населения преданий и рассказов об исторических событиях и знаменитых исторических деятелях венгерского государства, начиная с древнейших времен Аттилы и Арпада и кончая событиями, случившимися в тяжкий период турецкого ига (XI—XII вв.).

Фольклорист И. Ференци на протяжении многих лет собирал предания и легенды о восстании Ф. Ракоци в XVIII в. Выдержку из его большой работы представляет опубликованная в «Ethnographia» в 1966 г. статья «История, устное предание, сказание», где он приводит тексты преданий, сохранившиеся у различных народов, принимавших участие в национально-освободительной борьбе под руководством Ракоци, — у румын, словаков, украинцев и венгров.

В рецензируемый период на страницах журнала была опубликована большая монография известного венгерского фольклориста Л. Вардяша по истории венгерской народной баллады («Исследования по истории народной баллады в средние века», 1960, стр. 163—274, 379—519; 1962, стр. 206—250). В этом большом исследовании автору удалось проследить бытование всех жанров баллад в Венгрии и пролить свет на историю, происхождение и развитие баллады. В первой части своей работы Л. Вардяш анализирует баллады, занесенные в страну переселенцами-валоннами в XII—XIV вв., поселившимися в основном на севере Венгрии. Автор опубликовал 19 баллад французского происхождения с картой их распространения. Во второй части работы анализируются пережитки древней сибирской героической эпик в венгерских балладах.

В некоторых статьях исследуются только отдельные баллады или типы баллад. Так, Ш. Домокош в статье «Красавица Юлиана» (1959, стр. 13—60) исследует 51 вариант одной из баллад, бытовавших у венгров-секеев в Трансильвании, и делает вывод, что первоначальный ее текст был создан одним человеком. В том же номере журнала об этой же балладе пишет Н. Феттих, который прежде всего старается выявить в тексте баллады традиционные местные черты.

Ш. Эрдес изучал одну из новых баллад, сложенную в селе Пеннге, рассказывающую о трагической гибели девушек этого села, утонувших в реке в 1905 г. По предположению автора, здесь произошло возрождение и новое осмысление одной старой баллады, близкой по содержанию к происшедшей трагедии.

В ряде статей обсуждаются теоретические вопросы фольклористики, в частности происхождение и закономерность развития отдельных жанров. И. Криза, например, в статье «Роль сходных элементов в народной балладе» (1965, стр. 221—242) пытается проследить взаимосвязь между внутренним развитием баллады (которым управляют свои законы) и внешними влияниями. Д. Ортутан в напечатанных в журнале в 1965 г. тезисах доклада «Основные закономерности устного народного творчества» широко ставит вопрос о закономерностях развития отдельных жанров устного народного творчества и о роли отдельных индивидуумов и коллективов.

Сокровища венгерской народной поэзии, собранные многими поколениями ученых, давно требуют строгой научной систематизации. Поэтому неудивительны и некоторые попытки разработать общий принцип каталогизации и систематизации жанров фольклора.

Одна из таких попыток представлена в работе В. Фойгта «Проблема каталогизации устных народных преданий» (1965, стр. 200—220). В работе И. Мона «Систематика и типология текста народных песен» (1959, стр. 563—578) проделана такая же работа по систематизации песен.

Венгерских фольклористов, как и ученых других стран, волнует будущая судьба народного творчества. Несколько лет назад в Венгрии была проведена дискуссия на эту тему, основные положения которой были изложены в сообщении М. Иштвановича (1965): Эта дискуссия продолжается и в наши дни. О большом значении фольклора, как неиссякаемого источника всех видов искусства, говорит Л. Петер в своей заметке «К вопросу о фольклоре» (1968, стр. 161—168).

Наряду с серьезными исследованиями в области устного народного творчества, в Венгрии не прекращаются работы по изучению музыкального фольклора, инициатором которых был известный венгерский композитор Золтан Кодай. На страницах рецензируемого журнала за последние десять лет появилось немало работ по народной музыке, особенно таких, которые связаны с изучением народной песни. Полный песенный репертуар одной деревни в Северной Венгрии приведен в опубликованных в журнале главах большой работы И. Боршаи «Мелизм и варьирование в песнях одной деревни в горах Матры» (1959, стр. 269—290). А. Лайош изучал архаические особенности мелодики песен в области Боршод. В его статье «Архаические особенности мелодики народных песен Северного Боршода» (1960, стр. 580—597) прослеживаются такие архаические особенности народной венгерской музыки, как пентатония, когда широко распространена в народных песнях. Исследование древней пентатонической гаммы проводится в работе Г. Люкё «Пентатоническая гамма» (1962, стр. 277—298). Автор утверждает, что пентатоническая гамма — самостоятельная и ни в коем случае не является сокращением какой-нибудь более широкой, например хоптатонической гаммы. Изучение этой гаммы очень важно и для выяснения некоторых вопросов этногенеза венгерского народа. По мнению Г. Люкё, для того чтобы установить законы пентатоники, необходимо провести исследование бытующей еще и сейчас на

родной музыки маринцев и других родственных по языку и культуре венграм финно-угорских народов.

Б. Шароши в статье «Венгерская флейта» (1962, стр. 590—607) знакомит читателей с одним из видов народных музыкальных инструментов типа флейты, так называемым фуруя.

За рецензируемый период опубликованы две статьи по исследованию венгерских народных танцев. О. Сентпаль («Формальный анализ венгерских народных танцев», 1961, стр. 3—52) проанализировал 300 народных танцев, в том числе 36 хороводных танцев девушек. В приложениях к его статье приведены списки деревень, где были собраны танцы, а также примеры некоторых танцев, записанных с помощью специальных знаков. Старый венгерский танец с оружием описывает Б. Андрашфальви в статье «О венгерских танцах с оружием, напоминающих дуэль» (1963, стр. 58—81).

Венгерские исследователи занимаются не только изучением быта и культуры венгров, но также и этнографией национальных меньшинств, живущих в стране. Так, этнографические исследования ведутся среди немецкого населения. Статья И. Баннер и Д. Мештера «Народные традиции немцев села Элек (Южная Венгрия)» говорит о народных обычаях на масленицу у немцев, переселившихся в село в 1724—1734 гг. из окрестностей городов Бамберга и Вюрцбурга. С интересом читается статья О. Петерди об уровне жизни немцев-крепостных в селе Баконьпетерд в начале XIX в. (1965, стр. 341). Рождественские обычаи сербов, переселившихся с Балкан в окрестности Будапешта совсем недавно, описывает М. Кишш (1964, стр. 98—120). Э. Фюзеш исследует своеобразные хозяйственные постройки южнославянской этнической группы — шокцов. Часто встречающиеся у них амбары на полозьях сходны с такими же хозяйственными постройками румынских пастухов в Южной Трансильвании, переселившихся также с Балкан («Амбары на полозьях в Венгрии», 1964, стр. 1—35).

К сожалению, гораздо менее изучена одна из самых интересных и многочисленных этнических групп Венгрии — цыгане, письменные сведения о которых имеются уже в XV в. В 1961 г. умер крупный специалист по истории и этнографии цыган Венгрии Камилл Эрдеш (в 1962 г. в журнале опубликованы некролог и полная библиография его работ). После этого появилась лишь одна статья о цыганах-ремесленниках Ф. Богдала («Металлическое ремесленное производство у цыган области Боршод — Абадуй — Земплен», 1965, стр. 521—546).

В журнале «Ethnographia» печатаются работы и тех этнографов, которые занимаются этнографией различных стран мира. Многие из опубликованных статей имеют большой научный интерес хотя бы уже потому, что основаны на оригинальных полевых и архивных материалах. Так, статья Г. Мартинна «Особенности эфиопских танцев и их основные типы» написана по результатам полевых работ венгерской экспедиции 1965 г. на территории северной и средней части Эфиопии. Был собран материал из 17 селений этой пестрой по своему национальному составу (свыше 70 народностей) страны.

Некоторый этнографический материал был собран во время поездки автора этого обзора на Памир в 1956 г. в составе Памирской археологической экспедиции. В журнале было опубликовано его сообщение «Этнографические наблюдения во время работ Памирской археологической экспедиции» (1962, стр. 103—125). Несколько заметок написано для журнала тем же автором после его поездок в Монгольскую Народную Республику в 1961—1964 гг. («Молочная водка, пут и скребло» — в 1967 г.; «Монгольский кузнец» — в 1965 г. и др.).

Ряд небольших заметок, обзоров и рецензий опубликован по кавказскому фольклору и этнографии М. Ишвановичем, который учился в Грузии в аспирантуре и не раз ездил туда в научные командировки. В 1960 г. им было написано для журнала небольшое сообщение «Грузинские верования и суеверные истории». В журнале напечатан также подробный отчет о годовой командировке профессора Б. Гунды к индейцам США (1967 г.).

Венгерские ученые активно участвуют и в разработке проблем общей этнографии. Значительный интерес представляют в этом отношении статьи Я. Ланга по первобытным верованиям. На основе анализа и обобщения большой научной литературы им было написано исследование о тотемизме — «Основы и сложение тотемизма» (1963, стр. 376—400), где он излагает свою трактовку происхождения тотемизма. В статье «Понятие души у первобытных народов» (1964, стр. 419—431) тот же автор выступает с критикой теории анимизма Тэйлора. Тщательно исследовав обширный этнографический материал, он приходит к выводу, что источниками для возникновения понятия души послужили реальные явления: отражения в воде, тень, сновидения. Перу Я. Ланга принадлежит также исследование по первобытному праву — «Коллективное наследование права землепользования по женской линии у отсталых земледельческих народов» (1967, стр. 32).

Большое значение для развития этнографической науки имеют многолетние исследования венгерского этнографа В. Диосеги в области шаманизма. Некоторые результаты своих полевых работ и исследований он опубликовал на страницах рецензируемого журнала. Таковы, например, статьи «К вопросу о шаманской вере северо-восточных тувинцев» (1959, стр. 77—137) и «Следы самоедской культуры в шаманизме народностей Восточных Саян» (1963, стр. 434). В этих работах В. Диосеги высказывает мнение о том, что черты шаманизма у всех народностей Восточных

Саян были едины и что в древности они имели одну общую культуру, родственную с культурой самодийцев, бывших обитателей Восточных Саян.

Откликом на большую монографию В. Диосеги «Следы шаманской веры в венгерских народных верованиях» явилась статья археолога Д. Ласло, в которой он поставил под сомнение вопрос о том, были ли шаманы у древних венгров («О фигуре венгерского талтоша», 1959). О следах шаманизма у румын написал статью Г. Люкё («Шаманские элементы в румынских заговорах», 1961, стр. 112—132). Автор приходит к выводу, что некоторые черты шаманизма распространились у предков румын под влиянием азиатских этнических групп (куманов и пр.).

На страницах журнала довольно часто публикуются работы иностранных авторов в венгерском переводе. Печатаются также статьи этнографов-венгров из Югославии, Румынии и Швеции.

Значительную часть каждого выпуска журнала занимают обзор этнографической литературы и рецензии. За 10 лет в журнале было опубликовано свыше 400 рецензий на книги и журналы, из них, естественно, преобладающее большинство на венгерские работы. Много рецензий написано и на работы советских этнографов. Советские издания рецензировали главным образом фольклористы М. Иштванович и И. Хеди, и поэтому, в связи с интересами самих рецензентов, среди рецензируемых советских работ преобладают общие работы по фольклору и труды по фольклору и этнографии кавказских народов.

Большое признание получили в Венгрии работы С. А. Токарева и Е. М. Мелетинского. На основе трудов последнего на страницах журнала в 1967 г. была проведена целая дискуссия о происхождении героического эпоса. Работам советских фольклористов посвящена специальная статья И. Крызы «Новые достижения исследований по русской балладе» (1964, стр. 437—450). В статье подробно излагаются взгляды В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, В. М. Жирмунского и Д. Л. Балашова.

Венгерские этнографы, занимающиеся вопросами этногенеза венгерского народа и его восточноевропейскими и азиатскими связями, живо интересуются работами советских этнографов, особенно тех, которые изучают этнографию финно-угорских народов, родственных венграм по языку и отчасти по культуре. За последние годы установился тесный контакт между венгерскими и советскими учеными, что также нашло отражение на страницах рецензируемого журнала. В журнале неоднократно выступали советские авторы. В 1959 г., например, была опубликована статья В. Н. Чернецова «Западносибирские наскальные изображения». Откликом на эту работу явилась статья Г. Люкё, который нанес наскальные изображения, изданные В. Н. Чернецовым, на звездную карту и установил соотношения между этими изображениями и небесными телами. По мнению Г. Люкё, эти изображения были изготовлены в начале осеннего охотничьего периода во время жертвоприношений («Изображение мифа лосиной звезды на наскальных рисунках Урала», 1962, стр. 432—443).

Венгерские ученые всегда уделяли большое внимание изучению финно-угорских народов. Так, на страницах журнала появлялись статьи о первом венгерском путешественнике к хантам и манси А. Регули в 1843—1846 гг. (Я. Кодолани, «Памяти А. Регули», 1959) и о сравнительных финно-угорских исследованиях (Г. Люкё, Следы угорской тотемистической экзотамии в венгерском фольклоре, 1965). В опубликованном на страницах журнала тексте доклада Д. Ортутаи на II Международном конгрессе финно-угроведения в Хельсинки в 1965 г. автор говорит о задачах сравнительной финно-угорской фольклористики. Третий выпуск журнала за 1967 г. и первый за 1968 г. почти целиком посвящены вопросам изучения культуры финно-угорских народов. Все эти вопросы скоро станут предметом обсуждения на предстоящем III Международном конгрессе финно-угроведения в Таллине (1970 г.).

Как видно из изложенного материала, на страницах журнала «Ethnographia» за последние 10 лет было опубликовано большое количество интересных работ как выдающихся венгерских этнографов и фольклористов, так и молодых, начинающих авторов. Журнал дает объективную картину развития этнографической науки в Венгрии. Нам остается только поздравить главного редактора журнала Ласло К. Ковача, всю редколлегию и всех авторов со славной годовщиной, 80-летием журнала и пожелать им дальнейших творческих успехов.

И. Эрдели

НАРОДЫ СССР

В. И. Брудный. *Обряды вчера и сегодня*. М., 1968, 200 стр.

В книге В. И. Брудного «Обряды вчера и сегодня», вышедшей в издательстве «Наука», рассматриваются актуальные вопросы развития обрядности. Эта проблема получила в наши дни широкий общественный резонанс и привлекла внимание ученых ряда гуманитарных дисциплин. Исследованию обрядности как одной из форм общественного поведения человека посвящен ряд работ последних лет¹.

¹ См., напр.: П. П. Кампарс, Н. М. Закович, Советская гражданская обрядность, М., 1967; сб. «Вопросы преодоления пережитков прошлого и становления новых обычаев и традиций», вып. I, Улан-Удэ, 1968.

Книга В. И. Брудного обращена в основном к современности; главная ее тема, как следует из авторской аннотации, «рассказ о тех обрядах, которые получили распространение недавно, за последние два десятилетия» (стр. 2). Исследованию новой обрядности посвящена самая большая по объему IV глава — «Обряды народа — для народа». Вместе с тем автор затрагивает и некоторые другие проблемы. Так, уделяется внимание происхождению обрядности (гл. I), ее соотношению с религией (гл. I и II). Во II главе описываются некоторые старые обряды восточных славян (святки, семик, масленица, «игрища купальские», а также обряды, связанные с рождением ребенка, свадьбой, похоронами, поминками). В III главе книги говорится о становлении новой обрядности в послереволюционный период; в V главе речь идет о воздействии обрядности на психологию людей и некоторых практических вопросах, связанных с развитием обрядности в современный период. Как видно из приведенного перечня, в книге затрагивается обширный круг серьезных вопросов. Их разрешение при небольшом объеме книги — задача достаточно сложная.

Приятно отметить, что автор рецензируемой работы является одним из энтузиастов исследования новой обрядности и хорошо знает предмет, о котором пишет. Основные материалы, которыми В. И. Брудный пользуется, относятся к населению РСФСР (преимущественно русскому), а также Украины и Прибалтики. Большое внимание уделяется Украинской ССР, где, как отмечает автор, «в последнее время особенно широко идет процесс возрождения лучших народных традиций, обычаев и обрядов» (стр. 92).

В. И. Брудный учитывает вышедшую по интересующему его вопросу литературу и, опираясь на нее, а также используя архивные и другие материалы, стремится представить общую картину развития новой обрядности.

Автор предлагает свою классификацию основных современных «обрядовых действий», выделяя: а) массовые народные праздники — проводы зимы, встреча весны, лета, праздники урожая; б) лично-бытовые обряды — имянаречения, бракосочетания, похоронные; в) лично-гражданские — совершеннолетия, вручения паспорта, проводы в армию, г) лично-трудовые — посвящение в рабочие, чествование ветеранов, юбилеи и проводы на пенсию. Он исключает из этого числа праздники общесоюзатрудовые, так как, по его мнению, «эта группа праздников является специфической формой политической демонстрации успехов коммунистического строительства, которая выходит по своей природе за рамки того, что мы понимаем под термином „обрядность“, „обрядовые действия“, хотя эти праздники с „чисто“ обрядовыми роднит многое» (стр. 85).

Думается, что предложенная классификация будет принята далеко не всеми, однако подход автора к классификации, стремление подчеркнуть характер отношения обрядности к личности человека представляются нам интересными.

В IV главе, посвященной современным обрядам, отмечается, что особую роль в развитии новой обрядности сыграло заседание идеологической комиссии при ЦК КПСС в ноябре 1963 г. Оно дало толчок к разработке вопроса о новых гражданских обрядах, в результате чего безрелигиозная обрядность начала успешно развиваться и широко и вглубь по всей Советской стране (стр. 83, 84).

Обзор современных праздников в книге начинается с зимних, так называемых календарных праздников. Описывая, как проходил праздник «Проводов зимы» в одном из сел Курской области, В. И. Брудный утверждает, что сохранение местных старинных обрядовых форм не только не помешало новой смысловой нагрузке праздника, а еще более углубило ее, сделало праздник целенаправленным, ярким, запоминающимся.

Правда, само описание праздника свидетельствует о значительной переработке и смешении традиций. Здесь мы сталкиваемся с использованием отдельных, и при этом очень различных, традиционных персонажей и действий: Деда Мороза, Снегурочки, скоморохов, сжигания чучел, костров и пр. В данном случае речь может идти о вкраплении в празднование отдельных традиционных обрядовых элементов, придающих ему красочность. Это бросится в глаза любому неспециалисту даже при самом беглом сравнении «Проводов зимы» со старой масленицей, описанной в книге несколькими страницами ранее.

В то же время праздник «Проводы зимы» действительно имеет современную форму, и это проявляется прежде всего в том, что он сохраняет многое от «статута» митинга и общих праздничных торжеств. Празднование разбивается на три части: 1) торжественная часть с присутствием руководителей (в данном случае руководителей колхоза), 2) концерт и 3) — как дополнение к первым двум частям) массовые увеселения — катания на тройках, хороводы, сжигание чучел (стр. 87).

В книге рассматриваются отдельные традиционные элементы праздника «Проводы зимы» в других местах: подробно описано проведение его в Петрозаводске (стр. 87—88), Саранске (стр. 88—89) и т. д.

Автор горячо защищает возродившийся на Украине (на новой основе) «обряд щедрования». Он считает, что возражения против «щедривок» — «явный пережиток взгляда на обряды как на форму только религиозную, результат непонимания природы обрядов, а отсюда игнорирование их народной традиционной сути» (стр. 92).

В книге детально охарактеризован праздник весны на Украине (стр. 92—94), в проведении которого отчетливо заметны многие приметы современности. Уделяется

в работе также внимание летним обрядовым праздникам (русская березка, купальская обрядность).

Среди осенних праздников выделяется праздник урожая. Так, мы узнаем, что в Воронежской области праздник урожая открывается коротким митингом, на котором подводятся предварительные итоги летних сельскохозяйственных работ. По окончании выступлений происходит церемония чествования и награждения отличившихся передовиков. После митинга устраивают праздничный обед, а затем колхозное гуляние. В. И. Брудным описывается и празднование дня урожая на Украине, где этот праздник имеет давние традиции. Как отмечает автор, на Украине проведение дня урожая более разработано, чем в других областях.

Суммируя описание сезонных праздников, В. И. Брудный приходит к следующему выводу: «Современные народные обряды производственного цикла в массе своей не только вобрали в себя многие лучшие элементы стародавних обычаев, но и продолжают традиции, сложившиеся уже в советское время, возникшие с первых дней Советской власти. Современные народные обряды во многом содействуют развитию этих традиций в соответствии с сегодняшней действительностью, в духе требования практики коммунистического строительства» (стр. 142). Этот вывод нам кажется правильным, хотя, возможно, и чересчур оптимистическим².

Как видим, вместо предложенного автором более правильного, на наш взгляд, термина «массовые народные праздники», он затем употребляет старый термин «обряды производственного цикла». Ранее календарные праздники были праздниками производственного цикла. Сейчас же они могут быть названы так лишь условно.

В книге подробно рассматриваются обряды, связанные с личной жизнью человека — «спутники личной жизни». Здесь мы встречаем описание ритуала имянаречения, торжественной регистрации брака, траурной обрядности, а также обряда совершеннолетия, посвящения в рабочие, земледельцы, проводы в Советскую Армию, юбилеи людей труда. По мнению автора, наиболее распространена обрядность, связанная с рождением ребенка (стр. 14).

Много страниц отводится современной свадьбе. Дается «обобщенное», по терминологии автора, описание русской свадьбы (по материалам Курской, Ульяновской, Липецкой, Волгоградской, Орловской областей и Краснодарского края), украинской свадьбы, бытуемой в Киевской, Сумской, Винницкой, Донецкой, Одесской и других областях Украины, и варианта, распространенного в некоторых селениях Западной Украины. В этом последнем, как замечает В. И. Брудный, еще «много суеверных деталей, не созвучных нашему времени» (стр. 147).

«Синтезированное» автором описание свадьбы несомненно имеет своим источником сельскую свадьбу, хотя в книге и не говорится об этом. Мы имеем в виду, конечно, традиционные свадебные элементы: сваты, смотрины, «смотрение хозяйства», участие большого коллектива в самой свадьбе. Последнее просто невозможно в городах и особенно в больших. Здесь речь явно идет о селениях, где люди живут в большей близости друг к другу, лучше знают друг друга, чем в городе, и где традиции «общественного» проведения свадеб еще сильны. Конечно, официальная часть, ритуал, соблюдаемый при этом в «Домах счастья», в основном одинаковы в деревне и городе, в село они пришли из города и повторяются там лишь с некоторыми вариациями.

В книге говорится о погребальном обряде и распространении в последнее время гражданских поминальных обрядов. Потребность в таких обрядах, безусловно, велика. Не случайно и то, что они нередко приурочиваются ко Дню Победы. В канун этого дня, как известно, происходит торжественное возложение венков от организаций на братские могилы погибших воинов. В этот день все советские люди стремятся отметить память погибших в Великой Отечественной войне.

В последней, V главе «Старое и новое — рядом» В. И. Брудный, как бы подводя итоги своих изысканий, говорит об основных чертах новой обрядности: «Социалистическая обрядность отличается своей органической связью с жизнью, с практикой коммунистического строительства, со всем строем и укладом жизни советских людей» (стр. 179, выделено автором книги).

Раздел «О чем молчат популяризаторы» (V глава) посвящен критике недостатков современной обрядности и форм ее проведения. В заключение В. И. Брудный предлагает вместо названий обрядов «новые», «гражданские», «современные», «безрелигиозные», «советские» назвать их все социалистическими, так как, пишет он, «наши обряды являются одной из форм проявления социалистической культуры, они — важное средство коммунистического воспитания трудящихся. По форме — народные, национальные, традиционные, по содержанию — социалистические...» (стр. 188).

На наш взгляд, автор справедливо ставит вопрос о необходимости глубокого изучения общественной природы, социальных функций обрядности (в том числе обязательно и обрядности религиозной). «Внедрять надо не обряды среди людей, — пишет В. И. Брудный, — а внедрять в обряд... все самое ценное и прогрессивное из прошлого и настоящего, сливать это в единый сплав» (стр. 175).

² При оценке таких новых общественных явлений необходим более осторожный подход. И в этом отношении нельзя не согласиться с журналом «Новый мир» (№ 6, 1969, статья А. Петухова «Бумажные цветы»).

Отсюда, как нам кажется, следует вывод и о необходимости пристального изучения имеющегося наследия—старой обрядности, подготовки работ и исследований по народной обрядности восточных славян и других народов нашей Родины. Пока же нет даже простых сводок материалов по этой проблеме, не говоря уже об исследованиях, выполненных на современном уровне. И здесь, несомненно, должны сказать свое слово этнографы. Всестороннее знание старых обрядов, «исходного» материала, безусловно, будет способствовать успеху той работы, за которую ратует автор.

К недостаткам рецензируемой книги относится отсутствие дифференцированного подхода к изучаемым явлениям. Не всегда выделена социальная среда, в которой бытует описываемый обряд (город, деревня, рабочие, крестьяне), что весьма важно для его изучения. Отсутствует и крайне необходимый здесь социологический аспект исследования новой обрядности. Это не дает возможности автору даже поставить вопрос о том, какая категория населения (по полу, возрасту, социальной и профессиональной принадлежности) и в какой степени принимает участие в новой обрядности, какие из обрядов уже вошли в быт, а какие из них еще не вышли из разряда «опытных», отмечающихся локально, спорадически, в единичных случаях. Встречаются и некоторые опечатки (например, на стр. 156, журнал «Этнографическое обозрение» назван «Этнографический обзор»). Имеются в книге и отдельные неточности (так, примечания озаглавлены «Ссылки на источники», хотя имеются в виду не источники, а литература).

Следует отметить, что небольшой объем работы порой обусловил чрезмерную краткость изложения отдельных вопросов. Поэтому особенно досадно, что автор допускает повторы (см., например, стр. 117 и стр. 188, где в одних и тех же выражениях говорится о том, что социалистическая обрядность является средством коммунистического воспитания трудящихся).

Не украшают книгу и отдельные небрежные выражения. Так, на стр. 113 говорится, что обряды сегодня помогают человеку «уярчать» жизнь. Хотя слово «уярчать» и взято в кавычки, от этого оно не становится благозвучнее. Если дочитать абзац до конца, то станет ясным, что оно и не совсем уместно, ибо в перечень обрядности, «уярчающей» жизнь, попадает и «поминавшие близких». Деревья почему-то «сажают» (стр. 119), хотя справедливости ради надо сказать, что в книге употребляется и правильная форма этого глагола — «сажают» (стр. 118) и т. д.

В целом книга В. И. Брудного будет интересна специалистам, так как в известной последовательности и под определенным углом зрения обобщает опыт бытования новой обрядности. Помимо указанного обобщения, в книге содержатся критические замечания и рекомендации, которые окажутся полезными для практических работников.

Л. М. Сабурова

В. В. Востров, М. С. Муканов. *Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX—XX в.)*. Алма-Ата, 1968, 255 стр.

Этническая история включает в себя исследование комплекса сложных исторических проблем, среди которых вопрос о родо-племенном составе и расселении различных народов представляет значительный научный интерес. Для решения этих сложных проблем необходимо привлечение данных этнографии, археологии, лингвистики, топонимики, исторической географии, источниковедения.

Родо-племенной состав и расселение казахов — наиболее слабо изученные разделы истории казахского народа. Это, конечно, не означает, что проблема вообще выпала из поля зрения исследователей, труды которых вышли в последние годы. Однако эта тема рассматривается попутно, в связи с решением других важных проблем истории¹. Этот пробел восполнен рецензируемой монографией В. В. Вострова и М. С. Муканова.

Разработкой данной проблемы авторы занимались много лет. Ими проделана работа по изучению и обобщению архивных и малоизвестных опубликованных источников. Авторы использовали различные рукописные материалы и очень ценные полевые исследования экспедиций отдела этнографии ИИАЭ АН КазССР за время с 1955 по

¹ М. Вяткин, *Очерки по истории Казахской ССР*, Алма-Ата, 1941; Н. Г. Аполлова, *Присоединение Казахстана к России*, Алма-Ата, 1948; Х. М. Адильгиреев, *К истории образования казахского народа*, «Вестник АН КазССР», 1951, № 1; Т. А. Жданко, *Очерки исторической этнографии каракалпаков*. М.—Л., 1950; С. А. Аманжолов, *Вопросы диалектологии и истории казахского языка*, Алма-Ата, 1959 и др.

1965 г. Среди них — различные варианты родословных шежере, записанные со слов казахов аксакалов и отражающих историю отдельных племен и родов. Собирается значительный материал, позволяющий привести в систему многочисленные ураны (боевой клич) и тамги (родовой знак).

В монографии данные различных источников взаимно проверяются и скрупулезно анализируются. Так, генеалогические предания используются только в том случае, если они подтверждаются материалами исторических хроник, восточными источниками, сибирскими летописями и исследованиями востоковедов. По своему содержанию книга является насыщенной и многоплановой. Круг вопросов, который решается в ней, гораздо шире темы монографии.

Расселение казахских племен и родов на территории Казахстана в XIX — начале XX в. рассматривается в соответствии с административным делением Казахстана, введенным на основании реформы 1891 г. Материалы располагаются по административно-территориальному признаку — областям и уездам. Исследованию расселения казахов по областям в книге предшествует историческая справка о количестве населения соответствующих районов на основании «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.». Историческая справка знакомит также с перечнем крупных населенных пунктов и военных укреплений (с указанием динамики дислокации важнейших административных центров), с географией границ уездов; в ней имеется краткое указание на основные занятия населения по уездам. В ней приводится подробное перечисление родов того или иного жуза, входящих в данный уезд, отмечается место расположения зимовок, весенних, летних и осенних пастбищ; прослеживается подробный маршрут кочевания различных родовых объединений. Для каждого уезда составлена специальная схема, где условными обозначениями отмечаются районы кочевания различных родов по временам года. Здесь в дискуссионном порядке ставится вопрос о термине «жуз». Авторы дают историографию этой сложной проблемы и отмечают, что до сообщения Тевкелева в 1731 г. упоминаний о разделении казахов на жузы в литературе не содержалось. Касаясь полемики, которая шла и идет по данной проблеме, авторы вслед за В. В. Бартольдом акцентируют внимание на географо-экономическом факторе, политико-экономических моментах, общности языка и культуры в процессе образования племенных союзов — жузов и придают главное значение данным лингвистики. В результате в книге лингвистические материалы довлеют над политико-экономическими, хотя в опубликованных трудах имеются интересные разработки по данной проблеме².

Вывод авторов о том, что «жуз» не является «сотней», а частью, ветвью «единого народа, связанного многими элементами политической, экономической, языковой и культурной общности» (стр. 15), является убедительным.

Заслуживает также внимания объяснение числа жузов существованием трех обособленных естественно-географических центров Казахстана, которым соответствовали и древние этнические образования из определенных групп родственных племен: 1) Семиречье, где вокруг племени усунь происходило объединение группы других племен (дулат, канглы, жалаир, алап и др.) — Старший жуз; 2) район Сырдарьи, северного, восточного и центрального Казахстана, где в VIII—XI вв. сложился кипчакский союз племен, куда вошли такие племена, как кипчаки, аргыны, найманы, керей, уаки, конраты, т. е. племена Среднего жуза; 3) западные казахские земли, где формировался алшынский союз племен, легший в основу Младшего жуза.

Вопрос об этом этническом триумвирате В. В. Востров и М. С. Муканов связывают с процессом консолидации прежних разрозненных родов и племен, выступающих теперь уже как единое этнополитическое целое, и с истоками древней военной организации тюрков, которая хорошо исследована в трудах Ю. А. Зуева³. Выводы авторов о том, что «триальная система с наличием трех групп близких в этническом, языковом и хозяйственном отношении племен могла быть основой, на которой возникли три казахских жуза» (стр. 16), представляются достаточно обоснованными. Время возникновения казахских жузов рассматривается в связи с причинами их сложения и хронологически относится авторами ко второй половине XV в., а завершение процесса их формирования — к концу XV в.

В книге исследуется история образования Старшего жуза и воссоздается более подробный, по сравнению с созданными ранее П. И. Рычковым, Ч. Ч. Балыхановым, В. В. Радловым, Н. Аристовым, Н. Абрамовым и другими учеными, перечень родословной его племен.

При всей ценности и значительном вкладе, которую рецензируемая монография вносит в советскую историографию, бросается в глаза недостаточное использование богатейших источников XVIII—XIX вв., имеющихся в архивах Москвы, Ленинграда, Омска, Оренбурга. Следует отметить также чрезмерное внимание, которое уделяется авторами вариантам родословных, записанных ими (и частично С. А. Аманжоловым) в различных местах Семиречья во время полевых работ. Но так как авторы сумели отобрать из легендарных и полуполулегендарных сведений наиболее достоверные, им, несмотря на ограниченную источниковедческую базу, удалось воссоздать наиболее

² Н. Г. Аполлова, Указ. раб.

³ Ю. А. Зуев, Происхождение тюрков по материалам древнетюркских легенд, Канд. дисс., Алма-Ата, 1967, стр. 159—177.

полную и точную картину племенного состава Старшего жуза (куда входили племена дулат, албан, суан, сэры-уйсун, сргели, ксты, ошакты, чапрашты, чанышкы или катанган, кангла, жалаир) и его эволюцию к концу XIX—началу XX в. В целом описание родо-племенного состава Старшего жуза очень ценное и при всей спорности привлекаемых источников очень важно. Так как большинство племен и родов Старшего жуза существовало задолго до его образования и каждый имел многовековую историю, вопрос об их географическом расселении авторами опущен. Это же можно сказать и в отношении племен Младшего жуза. В то же время для Среднего жуза границы расселения племен и родов, входящих в него, указываются вполне определенно, но нигде не сказано, к какому хронологическому периоду следует их отнести и на данных каких источников основываются авторы. Ссылки на Сибирские летописи XV—XVI вв. и на материалы реконгосцировочных съемок, сделанных в XIX в. офицерами Генерального штаба, хронологически несопоставимы, а границы расселения до присоединения Казахстана к России и позже резко отличаются. Авторы ссылаются на картографический материал, схемы и сведения других ученых, указывая при этом, что эти источники требуют к себе осторожного, критического отношения, серьезного анализа и его проверки. В то же время из поля зрения авторов выпали важнейшие политико-административные изменения, происшедшие в Казахстане в XIX в. на основании законодательных актов 1822, 1824, 1838, 1844, 1868 и 1891 гг., которые внесли кардинальные изменения в политическую организацию казахского общества. А ведь меняющаяся сетка административного деления имела прямую связь с расселением казахских племен. Введение внутренней и внешней дистанчной системы в Младшем жузе так же, как и областной и волостной системы в Среднем жузе, нарушили исконные маршруты кочевников из-за регламентации региона кочевков внутри только что определенной административной единицы. Кстати, этот процесс усиливался в связи с колонизацией Казахстана и переселенческой политикой царского правительства. Именно это вызвало изменения в районах кочевания.

В книге очень тщательно, в основном на полевых материалах прослеживается генеалогическая структура. Составлен ряд интересных схем и таблиц. К ним можно отнести таблицу родословной структуры адаев (стр. 88), родословной племен Старшего жуза (стр. 26—27) и наиболее крупных родовых объединений (стр. 45, 47, 61, 67, 72, 75, 77 и др.).

К достоинствам монографии следует отнести разработку тамговых знаков по всем трем жузам.

В ряде случаев достаточно подробно прослеживается иммиграция племен в период, предшествовавший присоединению Казахстана к России. В этом отношении заслуживает внимания разработка маршрута миграции племен керей из Среднего жуза в Старший, а затем окончательное закрепление этого племени на территории Младшего жуза. В то же время это не сделано для таких племен Младшего жуза, как чумекей, байбакты, маскар. Ссылаясь на то, что Букеевская орда есть часть отделившихся племен Младшего жуза, авторы правомерно отмечают появление в числе родов Букеевской орды новых родовых подразделений. Но надо помнить, что маршруты кочевания казахов Букеевской орды не были постоянными в продолжение всего XIX в. К сожалению, авторы не использовали имеющийся архивный материал по этому вопросу (ЦГА КазССР, ф. 4).

Дореволюционные ученые исследовали только основные подразделения казахов: жуз, племя, род, подрод (отделение). Между тем у казахов существовала очень сложная градация подразделений на различные группы. Желательно было бы, чтобы в дальнейшей своей работе авторы продолжили изучение не только главных (жуз, племя, род), но и более мелких родовых подразделений.

В заключение отметим, что монография В. В. Вострова и М. С. Муканова, впервые обобщившая и научно объяснившая многочисленные материалы по истории происхождения казахских племен и родов и их расселения, является шагом вперед на пути изучения проблем этногенеза казахского народа, сложения единого казахского языка, национальной культуры, а также связи казахов с русским народом и соседними тюркскими народами.

В. Я. Басин, Н. Е. Бекмаханова

Б. Тилавов. *Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок*. Душанбе, 1967, 122 стр.

Работа Б. Тилавова «Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок» представляет собой заметное явление в развитии таджикской фольклористики.

Пословицы и поговорки издавна занимали особое место среди жанров как таджикского, так и персидского фольклора. Общее пренебрежение, с которым знатоки и ценители старой персидско-таджикской литературы на протяжении веков относились к народным произведениям, не коснулось пословичного творчества народа. В течение столетий народные пословицы находились в теснейшем взаимодействии с письменной литературой, прежде всего поэзией, образуя подвижные взаимообогащающие связи с изре-

чениями книжного происхождения: поэтическими афоризмами, суфийскими дидактическими сентенциями, выражениями, оторвавшимися от басенного и притчевого контекста. Уже ранние из дошедших до нас памятников средневековой персидско-таджикской литературы (X в.) фиксируют народные пословицы и поговорки. С середины XVII в., когда были составлены два крупных сборника персидско-таджикских пословиц и поговорок, началось их собирание, принявшее в XIX в. систематический, а с 1930-х годов и научный характер.

В настоящее время в Таджикистане накоплен и опубликован большой документированный, в ряде случаев научно систематизированный материал по пословичному творчеству таджиков. Изучение же таджикских пословиц было начато только в последние годы. Б. Тилавов, скромно представляющий читателю свою книгу как первые шаги в монографическом освещении таджикских пословиц, дал целостное исследование, в котором впервые коснулся широкого круга специальных вопросов, выходящих за рамки, обозначенные в заглавии книги.

Б. Тилавов учитывает весь опромный накопленный материал по таджикским и персидским пословицам: около ста сборников и частных публикаций; два крупных неизданных собрания, хранящихся в фонде восточных рукописей Академии наук Таджикистана и в рукописном фонде Института языка и литературы имени Рудаки; свыше пятисот таджикских народных пословиц, собственноручно записанных автором у выходцев из крестьянской среды в Пенджикенте, Самарканде и Душанбе. Столь широкий учет материала позволяет Б. Тилавову высказать ряд полезных соображений о классификации пословиц (глава III, стр. 29—48).

Проведенная автором научная классификация таджикских пословиц и поговорок по историческому и тематическому принципу показывает перспективность такого рода работы. Выявленные при этом отличия по месту, времени, социальным признакам и источникам происхождения (заимствования из письменной литературы, вариации афоризмов видных деятелей, заимствования из фольклора других народов) могут дать в руки исследователей богатый быто- и нравоописательный материал.

Весьма любопытны выявленные Б. Тилавовым отличия между живыми пословицами и поговорками южных районов Таджикистана, созданными в основном в крестьянской среде, и пословицами и поговорками северных районов (Фергана, Зеравшан), в которых, как показывает автор, больше отражается городская жизнь, сильнее влияние узбекского и русского фольклора; прозаические пословицы и поговорки, популярные в северном Таджикистане, совсем не характерны для южного.

Дробная тематическая классификация пословиц дает возможность получить ценную информацию о философско-этических воззрениях, общественном строе и идеологии классовой борьбы, семейном укладе и обычаях, развитии материальной культуры и т. п., т. е. о многих наиболее характерных сторонах национальной истории народа.

Хорошо аргументирована и точка зрения Тилавова на соотношение двух терминов — *зарбулмасал* и *мақол*, которыми ныне в таджикском фольклоре определяют пословицы и поговорки. Он не разделяет вместе с В. Асрори существующего мнения, сложившегося, видимо, благодаря аналогии с особенностями русского фольклора, что *зарбулмасал* — это пословицы (т. е. средство доказательства, законченное суждение), а *мақол* — поговорки (главным образом средство показа, отличающееся незавершенностью умозаключения). Б. Тилавов показывает явную непоследовательность в подобном употреблении терминов и дает оригинальное, заслуживающее внимания, их толкование (глава II, стр. 24—28). По его мнению, *зарбулмасал* (ар. *зарб ал-масал*) — буквально «удар пословицей» — подразумевает приведение иносказания в речи, которое может быть и пословицей (например, *Аз чумчук тарси, арзан накор* — «Воробья боишься, проса не сей»), и поговоркой (например, *Аз болои шутур алаф медавравад* — «Косит траву [сидя] на верблюде»). Особенность *мақол* (от арх. *кавл* — речение, слово) — в прямом выражении мысли, обычно без иносказания; суждение здесь может иметь вполне законченную форму: *Хазор дӯст кам аст, як душман бисёр* («Тысяча друзей — мало, один враг — много»), *Дӯстон — оинаи яқдигаранд* («Друзья — друг другу зеркало»).

Заслугой автора является и библиографический указатель, приложенный к книге (330 названий работ на русском, таджикском, арабском, персидском, татарском, узбекском и других языках, в том числе 94 названия публикации таджикских и персидских пословиц и поговорок). Критический обзор публикаций дан во вводной очерке (стр. 7—14), где автор характеризует более 30 крупнейших сборников. Исчерпывающая полнота и четкая систематизация библиографического раздела книги делает его самостоятельным полезным пособием для широкого круга фольклористов.

Однако главная ценность работы Б. Тилавова заключается в художественном анализе таджикских пословиц и поговорок. Автор шел здесь еще непроторенными путями. Поэтическая форма пословиц и поговорок изучена очень мало. О поэтических особенностях таджикских и персидских пословиц, если не считать беглых замечаний В. Асрори, З. Вохидова, М. Шаки, Р. Амонова, не написано ничего.

Б. Тилавов проводит художественный анализ таджикских пословиц в трех аспектах: основные художественные приемы, формально-поэтические средства выразительности и лексико-грамматические особенности.

Отмечая, что таджикские пословицы сложены преимущественно в стихотворной форме, Б. Тилавов подходит к их рассмотрению как к своеобразному жанру народной

ии. Первостепенный интерес представляет раздел, посвященный ритмической и звуковой организации таджикских пословиц. Проведенный анализ выявил богатство метрических форм; при явном преобладании количественной метрической системы (аруз) и силлабической, Тилавов нашел в пословицах метры, близкие к силлабическим и тоническим. Собственно народные пословицы, написанные арузом, как показывает автор, относятся к самым простым, преимущественно исконно иранским размерам: рамалу, аккарибу, рубай. Тилавов прослеживает также своеобразие рифмовки в пословицах, не зависящей от графики и носящей исключительно звуковой характер, приемы ифа (рефрена), аллитерации и консонанса. Этот небольшой раздел (стр. 62—74) представляет собой новое слово в таджикской фольклористике, а может быть, и в анском литературоведении.

Особыми художественными приемами, широко применяемыми в народных пословицах, Б. Тилавов считает поэтический образ, эпитет, сравнение, метафору, олицетворение, гиперболу, иронию, параллелизм, детально рассматривая каждый из этих приемов. Здесь мы также обязаны автору многими интересными наблюдениями. Тилавов показывает, что естественное, как сама природа, поэтическое мастерство народа закономерно образом проявилось и в выборе литературно-художественных средств.

Образ, составляющий центральный элемент пословичной поэтики, носит чистое и конкретное, зримое изображение. Застывшие образы, столь характерные для поэтики литературных жанров, так же как и неизменно повторяющиеся эпитеты типа *ахи тобон* (ясный месяц), *сарви равон* (стройный кипарис), почти не встречаются в народных пословицах. Стремление к максимальному лаконизму, заложенное в самой специфике пословичного жанра, обуславливает употребление неполных сравнений: называется только предмет и образ с опущением признака сравнения и связующего слова, например: *Ба ош пайиша нашав* — «Не будь мухой над пищей». Пословица избегает употребления сложных метафор (*истиораи пайиша*) типа *пои ақл* («нога разума»), *лашти сабр* («рука терпения»), как и вообще чисто риторических фигур (*санъатҳои тилизом*), выработанных классической риторикой персидско-таджикского стиха в целях нарочитой демонстрации версификаторского техницизма.

Работа Б. Тилавова насыщена иллюстративным материалом; пословицы, подкрепляющие авторское изложение, сопровождаются толкованием, русским переводом и часто эквивалентом. Все это делает книгу полезной для многих специалистов по иносказанию фольклору.

З. Н. Ворожейкина

«Орочские сказки и мифы» (составители — В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева). Новосибирск, 1966, 233 стр.

Рецензируемая книга — начало трилогии, задуманной авторами. Во второй том войдут остальные фольклорные материалы по орочам вместе с орочно-русским словарем, а третий том должен представлять собой монографию, посвященную фонетике и грамматике орочского языка. В ней, как указывают авторы, будет сделана попытка решить вопрос о месте орочского языка среди генетически родственных ему тунгусо-маньчжурских языков (стр. 3).

Перед нами фактически первая научная публикация фольклора орочей — одного из интереснейших малых народов Дальнего Востока. Орочей всего около 500 чел. В основном они сосредоточены в бассейне р. Тумин в Советском районе Хабаровского края. По характеру традиционной культуры орочи — пешие охотники и рыболовы. Ныне они работают в кооперативно-промысловых хозяйствах, рыболовецких колхозах и различных учреждениях.

По вопросу о происхождении орочей нет единой точки зрения. Поэтому публикация орочского фольклора представляется важной не только для лингвистов, но также для историков и этнографов: это новый и притом достаточно достоверный, документированный источник истории бесписьменного народа.

До В. А. Аврориной и Е. П. Лебедевой собранием и публикацией орочского фольклора мало кто занимался. Три небольших текста на орочском языке были в свое время приложены к статье В. И. Цинциус «Очерк морфологии орочского языка»¹; шесть сказок, пять молитв и одно шаманское заклинание, переведенные с орочского на английский, были опубликованы в 1957 г. в Швейцарии И. А. Лопатинским, сделавшим свои записи в 1924 г. Несовершенство самой записи и неточности перевода лишают эту публикацию научной значимости.

Рецензируемая книга состоит из предисловия и введения, справки о транскрипции орочского языка, самих фольклорных текстов, комментариев к ним, а также сведений о текстах и сказителях. Фольклорный материал разбит на восемь разделов: сказки о животных, бытовые сказки, героические сказки, родовые мифы и представления, тотем-

¹ «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», 1949, № 98.

мические мифы, космогонические мифы, мифы о духах-хозяевах природы и шаманские мифы. Ороцкий текст приведен параллельно с переводом на русский язык. Сборник содержит 58 произведений ороцкого фольклора.

Во введении даются общие сведения об орочах — их численности, расселении, самоназвании и названиях, а также о самом «объеме этнической единицы, именуемой орочами» (стр. 9). Это далеко не праздный вопрос, учитывая дискуссию, которая велась на эту тему исследователями вплоть до конца 1920-х годов. Достаточно сказать, что даже такой авторитет в области этнографии Дальнего Востока, как Л. И. Шренк, рассматривал орочей и удэгейцев как один народ. До сих пор русские старожилы Приморья не отделяют один народ от другого, именуя удэгейцев и орочей «ороченами». Во введении затронуты также важные для истории орочей вопросы об их происхождении и о существовании у них в прошлом оленеводства. Как известно, Л. Я. Штернберг считал орочей — по большинству составляющих их этнических компонентов — бывшими оленеводами, утратившими оленеводство. Составители книги придерживаются иного мнения: они полагают, что орочи «никогда не были оленеводами» (стр. 13). Это свое утверждение В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева основывают на том, что орочи с самого начала своего существования как особого народа уже не были оленеводами. Вероятно, это так и есть, однако вопрос об историческом сложении орочей как единого целого нуждается в специальной разработке, иначе трудно объяснить, почему они носят название, сближающее их с оленеводами — эвенками и эвенами (по-эвенкийски «орон» — домашний олень), и почему орочей до недавнего времени смешивали с их соседями — удэгейцами, в языке и культуре которых много следов былой связи с тунгусами.

Авторы высказываются в пользу того, что «единым самоназванием народности, во всяком случае, на протяжении последнего полувека, является *орочи*» (стр. 14). Действительно, утверждения отдельных авторов о том, что в прошлом у орочей существовало самоназвание *нани*, ныне не подтверждается свидетельствами самого населения. В 1967 г. нам лишь в одном случае удалось получить подтверждение этого факта. Одна орочка, живущая среди удэгейцев по р. Самарге, назвала себя *кяка*, т. е. применила по отношению к себе термин, употребляемый для орочей удэгейцами. Учитывая гетерогенность орочей, можно предполагать, что отдельные их группы могли называть себя по-разному. Поэтому заявление В. А. Аврорина и Е. П. Лебедевой, что «нет и никогда не было оснований именовать орочей *кэкар* и т. п.», нам кажется недостаточно аргументированным.

В изображении социальной структуры орочей авторы стоят на общераспространенной точке зрения, приписывающей многочисленным фамилиям орочей значение родовых названий. «Орочи, как мужчины, так и женщины, от рождения принадлежат к определенному роду», — пишут авторы. И далее: «Родовые названия употребляются теперь и как фамилии, сохраняя при этом свое первоначальное назначение. Поэтому среди орочей большое число однофамильцев» (стр. 14).

Действительно, у орочей много отдельных фамилий, но носители каждой из них весьма малочисленны. Наиболее распространенная фамилия *Акунка* в настоящее время охватывает не больше 20 семей и одиночек. Большинство современных ороцких фамилий ограничивается одной — двумя-тремя семьями или отдельными представителями. К таким фамилиям принадлежат *Ауканка*, *Бисянка*, *Быхинька*, *Эхэмунка* и др. Как правило, ороцкие фамилии образованы от названия местности, в которой селились орочи, и, по-видимому, представляют собой названия небольших территориальных подразделений прежних родов, названия которых, вероятно, не сохранились. После присоединения Приморского края к России численность орочей никогда не превышала 500 чел., и если считать каждую ороцкую фамилию родом, то окажется, что в среднем ороцкий род должен был состоять из 15—20 чел., что неестественно мало даже по сибирским масштабам.

Характеризуя ороцкий род, авторы введения называют два его основных признака — экзогамия и взаимопомощь (стр. 14). Однако в действительности экзогамия у орочей не ограничивалась «родом» (фамилией), а распространялась на целый ряд других «родов», образуя экзогамное объединение, *духа*. С точки зрения рода такое объединение трудно объяснить, и нигде в Сибири, кроме Амура и Приморья, не встречается. Характерна расплывчатость объединений этого типа. В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева называют пять *дух* у орочей, а В. Г. Ларькин — шесть², причем их состав несколько иной. К этому нужно добавить, что в составе ороцких *дух* имеются также представители удэгейских, нанайских, ульчских и других фамилий. Таким образом, прерогативы рода у орочей в сущности ограничиваются одной «родовой взаимопомощью» (стр. 14), которую трудно отделять и отличать от взаимопомощи семейной, соседской и т. д.

Нам представляется правильным вывод авторов о том, что объединение типа *духа* образовалось путем дробления первоначальных родов (стр. 19). Однако мы думаем, что эти первоначальные роды распадались не на дочерние роды, образующие «экзогамную фратрию», а на территориальные группы, о чем свидетельствуют их названия. К тому же дочерние отпочкования от старых родов становятся в конце концов самостоятельными экзогамными родами, а у орочей мы не наблюдаем этого.

² В. Г. Ларькин, Орочи, М., 1964, стр. 75.

Предания орочей связывают происхождение ряда фамилий с расселением нескольких родных братьев. Сами орочи (как и удэгейцы) считают, что поводом для создания отношений *духа* служили браки на вдовах. В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева характеризуют такие браки как левират (стр. 19). Но ведь левират допускается лишь в пределах одного рода, иначе он как общественный институт теряет свой смысл. Если это так, т. е. если мы сталкиваемся здесь со случаем левирата, то мы должны допустить, что оба мужа вдовы принадлежали к одному и тому же роду, хотя и носили разные фамилии. Данное обстоятельство лишний раз убеждает нас в том, что орочские фамилии — это не отдельные роды, а группы в составе какого-то старого рода или родов.

Между тем сами орочи и удэгейцы дают иную трактовку бракам на вдовах. Поскольку дети женщины от разных мужей считались между собой братьями и сестрами, они не должны были вступать во взаимные браки и, хотя носили разные фамилии (от разных отцов), образовывали экзогамную группу *духа*. Таков смысл неоднократно дававшихся мне объяснений. Если признать эти объяснения достоверными, а у нас нет оснований не считать их таковыми, то концепция левирата отпадает, как отпадает и концепция «стадии разложения патриархально-родового строя» у орочей (стр. 14). Скорее это пережитки стадии перехода от материнской родовой организации к отцовской, когда родство еще считалось по женской линии, но дети уже принадлежали к роду отца.

Наличие у орочей в недавнем прошлом материнского рода подтверждается рядом других важных признаков, в том числе терминологией родства. В краткой рецензии мы, к сожалению, не можем на этом останавливаться подробно. Отметим только, что орочи терминологически выделяют младшего брата матери и наделяют его особыми функциями, чего не делается в отношении старших и младших братьев отца.

Тексты, приведенные в книге, безукоризненны по техническому и научному исполнению. Большую ценность для этнографа представляют родовые мифы и предания, в которых рассказывается о происхождении отдельных «родов». Фольклор ярко демонстрирует смешанное происхождение орочей. Так, в предании о «роде» Бисянка говорится, что «это люди, приехавшие с Сахалина. Когда Бисянки жили еще на Сахалине, неизвестно, кем они были — айнами или орочами» (стр. 179). В преданиях «рода» Еминка часто упоминаются встречи с эвенками (стр. 175—177).

Характерно «Старинное предание» из раздела «Космогонические мифы». Орочи представлены в нем как потомки одной пары, дети которой были отосланы отцом «в новое место, чтобы другой род получился. Стали они особым родом и тут же начали просить девочек со стороны, чтобы завести себе свойственников. После этого люди стали жить отдельными родами» (стр. 196).

Выход в свет книги «Орочские сказки и мифы» — событие большого значения. Она содержит новый и интересный материал по истории и этнографии орочей, дает богатую пищу для размышлений. Изданная Сибирским отделением издательства «Наука» книга скромно, но красиво оформлена и может служить образцом для подобного рода изданий.

В. А. Туголуков

Popular Beliefs and Folklore Traditions in Siberia. Budapest, 1968, 498 p., М.

Этот превосходно изданный и богато иллюстрированный том представляет собою перевод на английский язык книги под аналогичным названием¹, вышедшей на немецком языке в 1963 г. Английский перевод выполнен под наблюдением профессора Калифорнийского университета Стэфена П. Дана и его следует признать весьма совершенным. Единственным недостатком перевода являются некоторые расхождения в системе транслитерации имен собственных, принятая также в серийном издании «Переводы из русских источников» Арктического института Северной Америки, где тоже публикуется большое количество этнографических работ по Сибири.

Как следует из введения, написанного Б. Гунда, сборник посвящен памяти известного венгерского этнографа Антала Рэгули и подготовлен к столетию со дня его смерти. Этот выдающийся исследователь, отдавший жизнь изучению этнографии, языка и фольклора финно-угорских народов, не успел выполнить всей намеченной им программы, но его работы способствовали появлению в Венгрии плеяды блестящих фольклористов и этнографов, собравших ценный материал, преимущественно по обским уграм. С деятельностью Антала Рэгули знакомит читателя вводная статья Яноша Кодолана.

Сборник состоит из тридцати различных по объему статей. Среди авторов — девять ученых из Венгрии, пятнадцать из СССР, два из Швеции, один из ГДР и один из Чехословакии. Значительная часть статей содержит совершенно новые данные, собранные в результате полевых исследований. Особенно приятно отметить среди авторов молодых исследователей, выросших из среды тех самых народов Сибири, которые еще

¹ «Glaubenswelt und Folklore der Sibirischen Völker», Budapest, 1963.

в недавнем прошлом служили лишь объектами изучения. Это — манси Е. И. Ромбан деева, нивх Ч. Таксами и др.

Уже первое издание книги привлекло к себе внимание со стороны европейских ученых, о чем можно судить по достаточно многочисленным отзывам в периодической печати². Все они очень положительно оценивают новую книгу по этнографии Сибири. Некоторые из отзывов довольно обстоятельны, например обширная, хотя и весьма спорная рецензия Лаури Хонко, который по одному лишь ему понятному принципу разделил статьи сборника на исследования и неисследования.

По тематике сборник довольно разнообразен и охватывает многие стороны традиционных представлений как целого ряда сибирских народов, так и генетически близких к Сибирью венгров и саамов (лопарей). Не менее чем в трети статей разбираются вопросы, связанные с шаманством. Здесь, видимо, сказались интересы редактора сборника В. Диосеги, который является крупнейшим специалистом по этой проблематике. Статьи расположены по этническому принципу (с запада на восток). Поэтому том открывается статьей Э. Манкера о культе сейдов и шаманских бубнах у саамов (лопарей), преимущественно шведских. Хотя статья короткая и носит довольно общий характер, она вполне укладывается в сборник, который без саамского материала был бы неполным. Следующие две статьи посвящены венгерскому шаманству, до недавнего времени крайне слабо отраженному в этнографической литературе. В первой из них «Пережитки тотемизма в традициях венгерских *táltos*» автор ее Б. Гунда приводит обширный и хорошо систематизированный материал. Несколько более спорна статья И. Балажа «Техника приведения в транс у венгерских шаманов», особенно в той части, где автор ищет объяснения анализируемым терминам в скифо-сарматском материале.

Следующие десять статей посвящены угорским и самодийским народам Западной Сибири. Основное лишь на тех, которые, как мне кажется, представляют наибольший интерес. К ним, несомненно, принадлежит статья Е. И. Ромбандеевой «Обряды и обычаи у манси, связанные с рождением ребенка». Автор, сама манси, происходит из района с хорошо сохранившимися народными традициями. В силу этого она приводит такие сведения, которые совершенно недоступны для стороннего наблюдателя и особенно мужчины. В статье В. Мошинской приводятся интересные и вполне убедительные этнографические интерпретации антропоморфных изображений и масок, относящихся к I тысячелетию до н. э. и происходящих с территории Нижнего Обь-Иртышья. В этом же разделе можно упомянуть сводку Б. Кальмана об «Очищающих обрядах на медвежьем празднике у обских угров» и краткие публикации старых материалов Я. Кодолини. Описание хантыйского связанного амбарчика, по данным Яноша Янко (1898 г.), и публикацию хантыйской сказки из рукописного архива А. Кастрена, подготовленную ныне уже покойным В. Штейницем. Нельзя обойти молчанием и краткое, но яркое описание энецких похорон из архива Г. Д. Вербова — молодого одаренного исследователя, погибшего при защите Ленинграда.

Особенно следует отметить посмертную статью А. А. Попова, блестящего полевого исследователя и глубокого знатока якутского, долганского и нганасанского шаманства, «О том, как нганасан Сэрепти Дяруоскин стал шаманом». Личные рассказы о становлении шаманов представляют собой ценнейший источник для понимания анимистических мировоззрений и, в частности, шаманства — этого во многих отношениях еще непонятого и малоисследованного явления. Записи, сделанные покойным А. А. Поповым, представляют собой превосходный образец того, что мог сделать вдумчивый и тактичный исследователь, владевший к тому же местными языками.

Весьма интересный анализ терминов, связанных с шаманством у различных самодийских народов, сделан в обстоятельном исследовании П. Хайду. Автор приходит к выводу о существовании у самодийцев пережитков трехчленного деления шаманов, основанного на степени их силы, способности и, отчасти, направленности. Хотя П. Хайду приводит действительно очень большой материал, который он блестяще разбирает, согласиться с ним все же довольно трудно. Прежде всего устанавливаемые им термины неадекватны у различных народностей, и вообще сколько-нибудь четкое деление шаманов можно установить разве лишь для энцев. Так же сомнительно предположение о существовании в прошлом специального шаманского костюма у ненцев. На основании своих собственных наблюдений (1929—1930 гг.) могу утверждать, что у ямальских ненцев костюма не было, как никогда, очевидно, не было его и у обских угров. Наличие костюма у восточных групп следует скорее всего приписать воздействию более развитых форм тунгусского и кетского шаманства, тем более, что сам автор отмечает, что порядок получения деталей костюма у селькупов близок кетскому. В противоположность этому, у западных групп самодийцев, а именно у ненцев и у обских угров, бубен имели не только шаманы. Еще лет тридцать назад бубны можно было найти в каждом чуме и в каждом доме. Мне встречались у манси даже детские игрушечные бубны. Вместе с тем ни о каком упадке шаманства в те годы не могло быть и речи. Наоборот, видимо, в начале XX в. в районе Северной Сосьвы (на Лядине) появился новый тип шаманского камлания — в темном доме, который, по словам манси, проник

² См. рецензии в журналах: «Tribus» (1964), «Bibliotheka Orientalis» (1964), «Fin-nisch-Ugrische Forschungen» (1964), «Zeitschrift für Ethnologie» (1964), «Ethnos» (1965), «Bulletin of the School of Oriental and African Studies» (1965).

к ним с востока, причем очень многие этот вид шаманства не признавали. Мне думается, что ошибочность выводов автора обусловлена прежде всего априорным признанием единообразия шаманства у различных групп народов Сибири. Такого единообразия никогда не наблюдалось. У большей части обских угров, у ненцев, отчасти селькупов и пян-хасова шаманство имело локальный, преимущественно непрофессиональный характер. Оно не знало сложных ритуалов и костюма, если не считать женской ягушки, которую шаман надевал во время камлания. Но ягушки надевали и все присутствовавшие. В противоположность этому, у тунгусо-маньчжурских, тюркских и монгольских народов, а также у кетов существовали очень сложные формы шаманства с костюмом, сложным ритуалом посвящения, шаманским фольклором и т. д. Это-то шаманство и оказало воздействие на наиболее восточные группы уральских народов, что отчетливо вытекает и из анализа терминов «шаман», блестяще проведенного Петером Хайду. Так, при анализе двух терминов из трех, бытующих у самодийцев, оказалось, что один из них — алтайского, а другой тунгусо-маньчжурского происхождения. Невольно возникает вопрос, не происходит ли и третий, наиболее общий термин «tádibé» («шаман») от тюрко-монгольского корня, подобно венгерскому «áltos».

В следующей статье Е. А. Алексеенко приводит описание медвежьего праздника у кетов. Автор достаточно подробно и полно описывает обряды, связанные с медведем, что представляет большую научную ценность, особенно учитывая скудность сведений о кетах в этнографической литературе. Однако с некоторыми выводами автора согласиться нельзя. Вслед за Б. Васильевым, и даже в большей степени, чем последний, Е. Алексеенко рассматривает обряды, связанные у кетов с медведем, в плане общесибирских охотничьих культов (стр. 189), причем относит их к ранней «Евразийско-Американской (по Б. Васильеву) стадии», в противоположность позднейшей «Аинской» стадии. В то же время приводимые автором данные свидетельствуют о глубоком своеобразии кетских «обычаев, резко отличающихся как от угорских, с одной стороны, так и от аинско-амурских — с другой. Не приходится сомневаться, что перед нами не две или три стадии развития одного явления, а три комплекса обрядов, различных по своему происхождению и этнической принадлежности.

Следующие несколько статей посвящены вопросам шаманства у некоторых народов Алтая и Саян. Наиболее крупными являются довольно близкие по содержанию работы Л. П. Потапова «Шаманский бубен у различных групп алтайских народов» и В. Диосеги «Проблема этнической однородности карагасского шаманства». Обе работы построены на собранных авторами полевых материалах, отличающихся большой полнотой и детальностью. Обе статьи, помимо основной тематики, содержат ценный материал по этнической истории Алтая и Саян. Столь же высоко следует оценить небольшую статью С. И. Вайнштейна «Церемония оживления шаманского бубна у сойотов», работу Г. М. Василевич о становлении шамана у эвенков и ее же записи эвенкийских шаманских песен.

Очень интересны и статьи, посвященные тунгусо-маньчжурским народам, среди которых особенно следует отметить работу В. Диосеги об амулетах у нанайцев. Автор выделяет три категории амулетов, связанные с медведем, тигром и леопардом и отличающиеся одна от другой по могуществу воздействия на больного. Очень хороша и опубликованная В. А. Аврориным нанайская сказка «О сороковом брате и его жене еноте». В этом издании автор дает и нанайский текст, что значительно повышает ценность публикации. Следует отметить также статью Ч. Таксами «О старинных религиозных обрядах и запретах у нивхов». Нивх по происхождению, автор за время своих работ на Амуре и Сахалине (1956, 1957) сумел собрать в высшей степени интересный материал, касающийся уже почти исчезнувших обрядов, связанных с лечением болезней и промысловыми действиями.

Среди статей по общим вопросам, вошедших в данный сборник, следует отметить посмертную работу И. Паулсена «О сохранении костей животных в охотничьих обрядах некоторых североевразийских народов». Автор приходит к выводу, что в основе этих обрядов лежало представление примитивного охотника и собирателя о своем единстве с природой. И. Паулсен заключает, что это своеобразное отношение примитивного человека к природе, а особенно к животным, уже было отмечено «широко известным русским исследователем А. А. Поповым, который определил его под термином „ассимилятизм“». Заслуживает упоминания и публикация В. Матюшенко великопленных анималистических скульптур, относящихся ко II тысячелетию до н. э., обнаруженных им при раскопках в низовьях Томи.

Материал, посвященный в сборнике эскимосам, к сожалению, совершенно недостаточен. Очень краткий и предельно общий очерк Г. А. Меновщикова едва ли дает читателю что-либо новое. От такого глубокого знатока эскимосского языка и фольклора, каким является Г. А. Меновщиков, можно было бы ожидать значительно большего. Довольно банальна по разработке и привлекаемому материалу статья О. Нагодила «О культе матери в Сибири». Трудно согласиться и с некоторыми его выводами, в частности с предположением, что представление о солнце в образе женщины у народов Сибири «могло возникнуть под воздействием посторонней, возможно китайской, религии». Неудачна и статья Г. Юсупова «О пережитках тотемизма в культе предков казанских татар». Не говоря уже о том, что эта работа совершенно выпадает из тематики сборника, едва ли допустимо толковать тотемизм столь расширенным образом и видеть его пережитки в фамилиях типа Волков, Соловьев, Бурундуков и т. д.!

Приятно отметить небольшую, но хорошо написанную статью Л. Мандоки о названиях звезд, преимущественно у алтайских народов. Автор приходит к выводу, что тюркский термин, обозначающий Венеру, очень древнего происхождения и восходит к общеалтайскому корню. С этим можно связать то значение, которое Венера играла в религиозных представлениях алтайских народов.

В целом «Народные верования и фольклорные традиции Сибири» — превосходная книга, которая, надо думать, прочно займет место в основном фонде этнографической литературы. Можно лишь пожелать, чтобы за этим томом последовали и другие.

В. Н. Чернецов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

H. P. Phillips. *Thai peasant personality. The patterning of interpersonal behavior in the village of Bang Chan*. Berkeley and Los Angeles, 1966, 231 p.

В 1966 г. вторым изданием (первое издание вышло в 1965 г.) Калифорнийский университет выпустил книгу американского этнографа — сотрудника департамента антропологии этого университета Герберта П. Филлипса «Личность тайского крестьянина». Это первое монографическое исследование по психологии тай Таиланда.

Хотя автор касается вопросов, относящихся к области психологии, и применяет методику, принятую у ряда американских психологов, однако главной своей задачей он считает углубленное этнографическое изучение тайского общества.

Для составления программы исследования и интерпретации собранного материала, относящегося к психологии тайского крестьянина, автору был необходим достаточно большой этнографический материал. Выбор Филлипса не случайно пал на жителей деревни Банчан: ни одна из деревень Таиланда не привлекала к себе такого пристального внимания со стороны этнографов, как Банчан. Здесь в течение ряда лет работала группа ученых из Корнельского университета, опубликовавших несколько солидных этнографических работ о банчанцах. Сам Филлипс провел в Банчане 22 месяца (начиная с зимы 1956 г.) и помимо личных наблюдений получил данные опроса 111 информаторов — жителей этой деревни.

Филлипс не задавался целью дать полную характеристику психологии тайских крестьян, он ограничил свою задачу рассмотрением типичных черт психики жителей деревни Банчан, проявляющихся в сфере их взаимоотношений. Большое внимание уделено в книге Филлипса вопросам теории и методики кросс-культурных исследований (т. е. таких исследований элементов культуры конкретного народа, которые позволяют сравнивать их с подобными элементами культуры любого другого народа).

В первой главе (стр. 14—38) приводятся сведения о Банчане. Эта деревня расположена в 31 км к северо-востоку от Бангкока. В административном отношении Банчан не представляет собой единого целого: он состоит из семи поселков (мубан), входящих в две общины (тамбон), попавшие в два разных района провинции Прананон. Населяющие его 1776 чел. (по переписи 1956 г.) считают себя односельчанами из-за наличия одного монастыря и школы. Во всех отношениях — по образу жизни, социальной структуре, религиозной практике, идеологическим и эстетическим установкам жители Банчана не отличаются от жителей тысяч других тайских деревень Центрального Таиланда.

Во второй главе (стр. 39—95) дается описание психических черт тайских крестьян, определяющих характер их отношений друг с другом. Эта глава написана на основе данных, извлеченных из литературы о тай и проверенных личными наблюдениями Филлипса в Банчане.

Филлипс считает, что тай следуют заповеди «избегай открытого конфликта» и стремятся извлечь из социальных контактов как можно больше удовольствия. По мнению автора, критерием ценностей той или иной деятельности в глазах тай является возможность, занимаясь ею, «отвести душу» (к таким видам деятельности они относят сбор урожая в группе взаимопомощи, участие в различного рода обрядах и т. п.).

Находясь в Банчане, Филлипс размышлял над характеристикой тайского общества, данной Ф. Эмбри, и в результате своих наблюдений за отношениями банчанцев полностью с нею согласился. «Первое, что отличает тайскую культуру от Запада или Японии и Вьетнама, — писал в 1950 г. Эмбри, — это индивидуалистичное поведение людей. Чем дольше живешь в Таиланде, тем больше поражаешься полному и безусловному отсутствию регулярности, дисциплины, регламентации в тайской жизни. В отличие от Японии, Таиланду не хватает точности и дисциплины, в отличие от американцев, тай не доставляет уважения к порядку, чувства времени... Даже, признавая те или иные обязательства, тай не допускают чрезмерной перегрузки ими человека. Тай относятся свободно к принятым ими обязательствам и поступают по собственному усмотрению, а не под давлением общественного мнения»¹.

¹ F. Embry, Thailand — a loosely structured social system, «American Anthropologist», vol. 52, 1950, p. 182.

Филлипс попытался разобраться в причинах отсутствия жесткой регламентации в общественной практике тай. Проанализировав отношения внутри семьи, он пришел к выводу, что уже на этом уровне проявляется индивидуалистичность тай, отсутствие духа сплоченности. Никакие ритуалы не призваны подчеркивать святость семьи как социальной единицы. Все афоризмы относительно семейных отношений касаются лишь двусторонних отношений между индивидами. Ничего священного, по мнению Филлипса, нет для банчанцев в узах, связывающих мужа и жену, родителей и детей (в случае нужды они могут быть расторгнуты, а дети отданы в другую семью).

Источник «вольных» отношений между членами тайского общества Филлипс видит в том предпочтении, которое они как буддисты отдают своей индивидуальности, а также убежденности, что главным авторитетом для человека является он сам. Другие люди нужны ему лишь для более легкого достижения своих целей. На этом, считает Филлипс, и держится «гладкое» действие социальной системы тай.

В последующих главах автор пытается проверить с помощью техники психологических тестов устанавливаемые им на основе этнографических описаний и своих полевых наблюдений типичные черты психики тайского крестьянина.

Тест на «завершение фразы» используется как способ сбора сведений о психических состояниях личности, который якобы помогает преодолеть неловкость, испытываемую, как правило, индивидом при попытке постороннего человека проникнуть в его внутренний мир. Он основан на том, что человеку предлагается закончить начатую фразу (как оказывается, человек делает это с легкостью, испытывая почти потребность в завершении начатой мысли) и тем самым ответить на замаскированный вопрос. Филлипс, в полном упоении от этого метода, заявляет, что им можно исследовать все — «от капусты до королей» (стр. 128). В своей книге он применил этот универсальный, по его мнению, инструмент для выявления важнейших моментов психологии тайских крестьян и установления тем самым культурной специфики тай.

Этим методом удается, по его убеждению, фиксировать реакцию информаторов на воображаемые ситуации, их предрасположение к тем или иным действиям, но не буквальное описание их образа действий в реальной жизни.

Всего было подготовлено 144 вопроса и информаторы были разбиты на две группы, каждой из которых предлагалось ответить на 72 вопроса. Вопросы касались наиболее важных, с точки зрения Филлипса, явлений в психической жизни большинства тай: агрессивность, предрасположение к зависимости и отношение к авторитету. Все вопросы были разделены на легкие, которые задавались в начале и конце интервью, и трудные, которые задавались в середине.

Ради экономии времени Филлипс набрал информаторов из числа жителей, проживающих только в двух (из семи) поселках, входящих в Банчан. Всего было приглашено 111 информаторов, относящихся к различным по возрасту, полу, религии, социальному положению группам населения. Методом случайной выборки было отобрано 64 % информаторов, остальные были отобраны «долевым» методом — так появились среди информаторов монахи (семь человек), учителя (двое), бывшие военнослужащие.

Признавая, что между индивидами могут быть достаточно большие различия, автор не рассматривает их, чтобы не отвлекаться от главной задачи — выяснения культурного типа тай. Это обязывает его к исследованию (и объяснению психологического подтекста) ответов всех информаторов на каждый пункт программы (а не каждого информатора по всем пунктам).

Филлипс отмечает, что большинство исследований национального характера основано на допущении психологического единообразия в рамках одной культуры, т. е. априори принимается положение, которое фактически нуждается в доказательстве. Считая такой подход слишком упрощенным, Филлипс предостерегает и от другой крайности — преувеличения разнообразия психологических моделей у представителей одного народа. Истина, по его мнению, посередине — имеются как сферы психикокультурных проявлений с высокой степенью однородности, так и сферы с высокой степенью разнородности. Задача исследователя — определить эти сферы.

Результаты анализа каждого пункта программы опроса излагаются Филлипсом в виде таблицы с указанием числа и содержания полученных ответов и процентного соотношения разных ответов.

Глава V (стр. 143—199) содержит 29 таких таблиц и комментариев к ним. К теме «Отношение к авторитету» относится несколько таблиц, в которых приводятся окончания фраз следующего содержания: «Когда вышестоящее лицо сказало ему: Сделай это, он...»; «Если отданное вышестоящим приказание неверно, он...»; «Лучший способ обращения с подчиненным — это...». Обобщая данные таблиц, Филлипс приходит к выводу, что в области «отношения к авторитету» ярко проявляется психическая однородность информаторов.

«Предрасположение к зависимости» — так называется следующий раздел программы (стр. 156—165). Банчанцы, по данным Филлипса, принимают как должное то, что всякий контакт между людьми имеет обязательно двусторонний характер, являясь своего рода контрактом между независимыми лицами, отношения же зависимости — частный случай его. Автор сомневается в том, что банчанцы могут разделять западное представление о негативных сторонах зависимости. Это не означает, однако, по его мнению, что банчанцы вовсе не признают зависимости. Повиновение старшему дер-

жится на добровольном признании своей зависимости от него. Эту зависимость низший по положению воспринимает как двусторонние отношения между собой и высшим. Зависимый остается зависимым только до тех пор, пока это удовлетворяет его запросы. Таким образом, в действительности «высший» оказывается зависимым от «нижнего».

Для выяснения отношения к родителям (являющегося, по мысли Филлипса, концентрированным проявлением «зависимости») были заданы вопросы: «Когда он думает о своей матери, он думает о...» (табл. 8, стр. 157) и то же об отце (табл. 9, стр. 158). Ответы показали, что почти все банчанцы думают о той пользе, которую родители приносят своим детям, и долге детей по отношению к ним.

Ряд вопросов касался качеств, которыми должен обладать близкий друг (табл. 10, стр. 160); реакции на дурные речи со стороны того, кого считали другом (табл. 11, стр. 161), на антипатию со стороны окружающих.

Следующий раздел программы — «Ориентация на других» (стр. 165—174) предполагал выяснить представление жителей Банчана о желательной форме отношений между людьми. В главе II автор уже касался этой темы, но то были результаты наблюдений со стороны, и важно было выяснить путем сравнения с опросными данными, насколько правильно были расставлены акценты.

При всем разнообразии ответы на вопросы по этой теме сводились по существу к следующему: жители Банчана придают особое значение тем качествам людей, от которых зависят их отношения с другими людьми. К неприятностям, возникающим при общении, банчанцы относятся сдержанно, как к привычной и неизбежной психологической нагрузке.

Анализ ответов на вопросы, относящиеся к разделу «Чувство беспокойства и реакция на кризисы» (стр. 174—181), приводит автора к заключению, что в беспокоящей ситуации банчанцы будут сохранять внутреннее психическое равновесие.

Далее идет раздел «Агрессивность: причины и реакции» (стр. 184—193). Анализ агрессивности в Банчане сравним, по мнению автора, с анализом «секса» в современной американской культуре, так как категория агрессивности представляет в одно и то же время и наиболее очевидную, и наиболее запутанную область психической жизни банчанцев. Самое очевидное — это то, что жители Банчана не могут переносить открытого проявления враждебности. Они предпочитают скорее не иметь вообще контактов с человеком, чем иметь отношения с оттенком враждебности.

Один житель объяснил Филлипсу, что он и его друг потому любят друг друга, что никогда не имеют разногласий: «Если бы между нами не было согласия, мы не любили бы друг друга». На вопрос Филлипса, неужели друзья не могут иногда расходиться во взглядах, этот человек ответил, что с ним и его другом этого не случается никогда, что это бывает только с пьяницами и курильщиками опиума и что в случае возникновения каких-либо противоречий дружбе пришел бы конец (стр. 185). Этот же крестьянин сказал то же самое и о своих отношениях с женой: «Мы не ссоримся с нею. Если бы мы ссорились, мы должны были бы расстаться» (стр. 185).

Отвергая открытое выражение агрессивности, банчанцы прибегают к косвенным способам излияния злых чувств — например, сплетничанию. Есть и превращенные в ритуал способы выражения враждебности, причем сама их «формализованность» помогает держать враждебность в определенных рамках. Так, всем понятно, устанавливает Филлипс, отчего среди ночи исчезает буйвол, а на следующий день к его владельцу приходит посредник, чтобы договориться о цене за возвращение животного. Все отлично знают также, что означает, если называют собаку именем находящегося поблизости человека. Последний в качестве реванша должен украсть у обидчика лодку и вернуть ее лишь через несколько недель (стр. 186). В редких случаях обращаются к магии, еще реже — к самоубийству с целью причинить боль другому (супругу, например).

По материалам опроса автор пытается установить тенденцию жителей Банчана к обуздыванию, необнаружению агрессивных склонностей. Постоянное стремление к подавлению в себе агрессивности, боязнь стать объектом ее проявления со стороны других свидетельствуют, по мнению Филлипса, о постоянной озабоченности банчанцев не быть застигнутым врасплох проявлением чьей-либо враждебности, потенциальная возможность которой всегда существует.

Только три банчанца выразили готовность открыто ответить на обиду обидой (т. е. выругать тех, кто досаждают им), другие три одобрили такое обращение с обидчиками, но усомнились в своих способностях к этому.

Последний раздел этой главы озаглавлен «Доминантные стремления и желания» (стр. 193—199). Филлипс пишет, что на основании его полевых наблюдений, ему представлялось наиболее частой формой озабоченности банчанцев беспокойство по поводу их взаимоотношений с другими людьми. Однако опросный материал не подтвердил этого и показал, что сами деревенские жители считают наиболее важным стремление к богатству и респектабельности, которые составляют рутину деревенской жизни.

Наиболее желанными, с точки зрения банчанцев, являются практические вещи: деньги, общественное положение, обильная еда. («Мы, люди, родились, чтобы находить, чем наполнить наши рты и желудки», — сказал один банчанец.)

Гораздо меньшее количество информаторов придает первостепенное значение в жизни религии. В целом и в этой сфере психической жизни тайских крестьян наблюдается тенденция к единообразию при незначительных отклонениях от стереотипа.

Итоги работы подведены в заключительной, шестой главе «Уроки из тайской культуры» (стр. 200—208).

Суммируя данные о специфике тайской культуры, содержащиеся в предшествующих главах, Филлипс видит в ней образец социальной системы, которая благополучно функционирует, а члены общества удовлетворительно контактируют друг с другом, несмотря на малую predisposedность с их стороны к состоянию зависимости и малую потребность в общении.

Филлипс утверждает, что психическая изоляция является нормой для жителей Банчана, что потребность в уединении, свойственная людям вообще, в рамках тайской культуры обострилась благодаря действию ряда факторов (буддийская этика, методы воспитания детей, особенности социального устройства). Это обстоятельство, считает он, свидетельствует о том, что установка на контакты с другими людьми как средство получения индивидом высшего психического удовольствия, присущая людям на Западе, не имеет универсального характера. Филлипс делает вывод, что западное общество допускает большую ошибку, не замечая того громадного психического удовлетворения, которое можно черпать из состояния психической изоляции, открывающего наилучшие возможности для развития заключенного в людях творческого начала: «Разве комитет, семья, племя, соседи написали когда-нибудь симфонию, поэму, даже басню?!», — восклицает он (стр. 207).

Этими рассуждениями завершается монография Филлипса о личности тайского крестьянина. Попытаемся ответить на вопрос, насколько ценным представляется нам исследование Филлипса.

Не подлежит сомнению большое значение изучения этнической психологии как одного из факторов, влияющих на этническое развитие народа, на формирование его культуры.

Начало научного изучения психологии тай Таиланда, которое положено рецензируемой книгой, не может не радовать этнографов и историков, изучающих культуру, быт, историю этого народа, так как оно позволяет приподнять покровы таинственности с некоторых областей их внутренней жизни, в которые до сих пор не удавалось проникнуть взгляду исследователя.

Филлипс посвятил свою работу психологии тайских крестьян, фактически же его исследование касается всех деревенских жителей, так как в число информаторов попали не только крестьяне Банчана, но и монахи, и учителя.

Вызывает недоумение то обстоятельство, что в своей работе, столь очевидно заостренной на этническом своеобразии психики тай, автор проявил некоторую небрежность в отношении этнической принадлежности своих информаторов. Так, он пишет, что обращался с просьбой войти в число опрашиваемых к проживающему в Банчане китайцу, но получил отказ. Он сообщает, что ему не хотелось, чтобы при случайной выборке попало слишком много мусульман, но при этом он не говорит, к какой этнической общности они относятся (стр. 119—120). Хотя и без специального уточнения ясно, что жители Банчана в большинстве своем являются, конечно, тайцами, тем не менее возможна и интонациональная «примесь»; почему автор не сделал даже попытки ее исключить — непонятно. Не ясно также имущественное положение опрашиваемых, хотя изучалось социально-дифференцированное общество.

Монография Филлипса относится к этнопсихологическим исследованиям, широко представленным в современной буржуазной этнографии. Основная цель, которую преследуют этнографы, занимаясь психологическими изысканиями, состоит в выявлении тех особенностей в психике изучаемых ими народов, которые связаны с их этнической принадлежностью и которые в совокупности образуют то, что принято называть «национальным характером». Этнопсихологическая школа исследований культуры и личности в американской этнографии сложилась под влиянием неофрейдистских концепций, сформулированных в работах Э. Сепира и Р. Бенедикт в 1920—1930-х годах, особого расцвета достигла она в годы второй мировой войны². Г. П. Филлипс относится к той части нового поколения американских этнографов, взгляды которых на культуру как производное психики индивидов, их поиски психического начала в социальном выдают их приверженность идеям основоположников этнопсихологической школы. Филлипс критически отзывается о работах, авторы которых исходят в своих психологических изысканиях из описания общественных институтов, формирующих личность, и оставляют в стороне человеческие индивиды, являющиеся «прибежищем» личности. По его мнению, именно личность (а не семья, монастырь, школа, деревенская община и т. п.) должна быть основным объектом не только психологических, но и этнографических и социологических исследований. Этой установке он и следует в своей работе.

В центре исследования Филлипса стоит индивид, личность тайского крестьянина. Вся его работа подчинена выяснению того, как психика индивидов влияет на общество, однако мало внимания уделено другой стороне вопроса — как общественное развитие влияет на психику личности. Такое исследование, разумеется, также не лишено интереса, так как если, согласно взглядам советских ученых, психологическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных

² Ю. П. Аверкиева, О некоторых этнопсихологических исследованиях в США, сб. «Современная американская этнография», М., 1963, стр. 65—66.

внутри и ставших функциями личности и формами ее структуры³, значит изучение личности в конечном счете проливает свет на характер общества, отражающийся в особенностях психического склада его членов. Аспект межличностных связей, избранный Филлипсом в качестве предмета исследования, помогает наглядно представить отношение личности к окружающей ее социальной среде. Однако важно было бы показать классовую принадлежность изучаемой личности.

Программа исследования, основные пункты которой являются данью стереотипам, сложившимся в американской этнопсихологии (обращение к исследованию состояний агрессивности, склонности к подчинению и зависимости), и интерпретация автором собранного материала вызывают серьезные возражения.

Главный вывод автора — о глубоком индивидуализме тай — представляется явным преувеличением. Сам же он отмечает, что любимое занятие деревенских жителей — беседы друг с другом, которыми они заполняют большую часть своего досуга. Люди, стремящиеся извлечь из общения с ближними максимум удовольствия, naturalmente таким образом, чтобы не причинять другим беспокойства, вряд ли заслуживают того, чтобы их называли индивидуалистами. Иное дело — меньшая (чем в западном обществе) степень принуждения со стороны общества по отношению к личности. Она является продуктом своеобразного исторического развития тайского общества, во всей полноте еще не раскрытого историками и этнографами.

На наш взгляд, приведенный Филлипсом материал отнюдь не дает права и для изображения тайских крестьян как людей, одержимых агрессивными чувствами. Для характеристики присущих им качеств напрашиваются другие слова: мягкость и миролюбие, гордость и чувствительность, а отсюда — бескомпромиссность и нетерпимость к обидам и злу, но при этом — сдержанность ради сохранения «хорошего тона», некоторая пассивность.

Автору не свойственна историчность при оценке социальных явлений. Разный «дух», присущий обществу тайскому и американскому, он пытается объяснить разной психикой составляющих общество индивидов, совершенно игнорируя различия в уровне и характере общественного развития американцев и тай. Вместе с тем общество тай представляется на страницах его книги как социально-однородное.

Внимание Филлипса было сосредоточено на наиболее типичных и своеобразных чертах психики тайских крестьян, проявляющихся во взаимоотношениях. Он не ставил целью дать объяснение расхождениям в психических установках информаторов — это дело будущих исследований.

Несмотря на отмеченные недостатки, на вопрос Филлипса, обращенный к читателю, — добавляет ли подобный вид исследований новое измерение к традиционному этнографическому подходу, можно ответить утвердительно. Книга Филлипса, безусловно, достойна внимания со стороны тех, кому небезразличны теория и методика этнопсихологических исследований и опыт их конкретного применения, и при критическом к ней отношении может много дать исследователям этнографии тай Таиланда.

Е. В. Иванова

³ Л. С. Выготский, Развитие высших психических функций. М., 1960.

Ichiro Hori. *Folk religion in Japan*. Tokyo, 1968.

Автор рецензируемой книги Итиро Хори — крупнейший авторитет в области истории религии и народных верований Японии. Такие его работы, как двухтомное «Исследование истории японской народной религии» или «Социальная роль религии в Японии»¹, хорошо известны и получили высокую оценку в научной литературе Японии. К сожалению, до последнего времени ученые за пределами этой страны (не считая немногих специалистов) были лишены возможности ознакомиться со взглядами Хори, поскольку, за исключением нескольких небольших статей², ни одна из его работ не была переведена на иностранные языки.

Книга «Народная религия в Японии», в основу которой положены лекции, прочитанные Итиро Хори в Чикагском университете в 1965 г., в известной степени восполняет этот пробел. Это вообще первая книга по данному вопросу на одном из европейских языков. Содержание книги далеко выходит за рамки темы, указанной в ее названии. Практически мы имеем дело с попыткой дать очерк общего развития религии в Японии.

¹ «Вага куни минкан синко си-но-кэнкю», тт. 1, 2, Токио, 1953, 1956; «Нихон сюкё-но саякитэки якувари», Токио, 1963.

² Важнейшая из них: Ichiro Hori, On the concept of Hijiri (Holy Man), «Nippon», 1958, № 2, 3.

Для подхода Хори к проблеме характерно, что он рассматривает религию Японии как единое целое, явившееся результатом смешения и взаимодействия на протяжении длительного времени синтоистских, буддийских, конфуцианских, даосских элементов и различных примитивных верований. Мысль о взаимопроникновении и взаимовлиянии различных элементов как о решающем факторе формирования японской религии проодит красной нитью через всю книгу.

Говоря об общих чертах, присущих религиям Японии вообще, Хори указывает, во-первых, на связанные с традиционными семейными отношениями почитание родителей и культ предков; во-вторых, на концепцию *он* (благодарение со стороны вышестоящего) и *хоон* (благодарности за благодеяния); в-третьих, на заимствование и смешение различных религиозных традиций; в-четвертых, на веру в кровное родство людей и богов и, следовательно, сопричастность людей миру богов; и, наконец, на возможность исповедования нескольких религий одновременно в пределах одной семьи и даже одним лицом (стр. 10—13). Эта сжатая характеристика охватывает наиболее существенные черты религиозных представлений японского народа.

Под термином «народная религия» Хори подразумевает «ряд обрядов и церемоний, которые проникли глубоко в сознание простых людей, поддерживаются и передаются ими из поколения в поколение». «Народная религия», — указывает Хори, — важна как для понимания духовной жизни народа, так и его общественной психологии» (стр. 19). По словам автора, «даже сегодня большинство японского народа находится под влиянием народной религии как в своей социальной, семейной и личной жизни, так и в производственной деятельности. Люди чувствуют — сознательно или бессознательно, что их повседневная жизнь требует разного рода обрядов, праздников, церемоний и связанных с ними магии и запретов» (стр. 2). Если положение о характерной для японцев приверженности к обрядовой стороне сопровождается в подавляющем большинстве случаев полным или почти полным безразличием к религиозной догме, не вызывает возражений, то трудно согласиться с тем, что народная религия продолжает оказывать влияние на «большинство японского народа».

Высокие темпы экономического развития, быстрый рост городского населения в послевоенные десятилетия привели к увеличению числа лиц, освободившихся от традиционных религиозных представлений. Поэтому указанные слова Хори можно отнести скорее лишь к сельскому населению, к населению небольших городков и к недавно переселившимся в промышленные центры выходцам из деревни. Это и понятно, поскольку народная религия базируется на традиционной социальной культуре — семейных отношениях, деревенской общинной организации, которая в ходе индустриализации и быстрого сокращения сельского населения страны постепенно разрушается.

Далее Итиро Хори исследует органическую связь между народными верованиями и традиционной социальной структурой. Этой теме посвящена особая глава «Японская социальная структура и народная религия».

Очень интересна концепция Хори о существовании двух традиций в народной религии Японии. По мнению Хори, «Сущность японской народной религии заключается во взаимодействии двух систем верований: малой традиции, базирующейся на кровных или тесных общинных узах, и большой традиции, привнесенной извне» (стр. 49). Под малой традицией Хори подразумевает местные культы, среди которых преобладает культ предков, а также развитый синтоизм, под большой традицией — такие высокоразвитые религиозные и философские заимствования, как конфуцианство, даосизм, буддизм. «Эти две системы смешивались в течение веков и японская народная религия развивалась как единое целое из взаимодействия многих отдельных элементов» (стр. 50).

Затем Хори подробно останавливается на вопросе о патронимической организации *додзюку* — группе семей, связанных родственными отношениями, культе предков семьи и *додзюку*, эволюции этого культа в культ божества-покровителя деревни по мере возвышения отдельных *додзюку*, дальнейших изменениях и этого культа под влиянием заимствований из так называемой «большой традиции».

Значительный интерес представляет раздел о влиянии народных верований на повседневную жизнь сельского населения. Этот раздел написан на материалах, собранных в одной из деревень префектуры Нагано (стр. 63—68). Следует отметить, что народные верования продолжают играть известную роль в общественной жизни не только в таком отдаленном районе, о котором пишет Хори, но подчас и в местностях, расположенных в сравнительной близости к крупнейшим промышленным центрам. Об этом, в частности, свидетельствует проведенное несколько лет назад германским ученым Германом Омсом исследование культа предков в поселке Нагасава, непосредственно примыкающем к мегаполису Токио — Йокогама³. В исследовании Г. Омса хорошо показано, как изменение состава населения Нагасава вследствие притока туда рабочих, занятых на ближайших промышленных предприятиях, ведет к ослаблению влияния местных культов.

Большое место в книге И. Хори уделяется истории взаимного влияния «большой» и «малой» традиций в религии Японии. Этот процесс Хори прослеживает на конкрет-

³ Н. О. oms, The religion of the houshelod: a case study of ancestor worship in Japan, «Contemporary Religions in Japan», 1967, № 3, 4.

ном примере эволюции одной из школ буддизма — амидаизма. Смешение последнего с анимистическими и шаманскими элементами породило так называемый *нэмбуцу* (обычай многократного произнесения «священного имени» Будды Амида во имя спасения своей души), получивший чрезвычайно широкое распространение среди японского народа уже в начале нынешнего тысячелетия.

Этот «народный буддизм» — так Хори называет окрашенные в буддийские тона народные верования, не связанные с ортодоксальными представлениями буддизма, — развивался в значительной степени благодаря деятельности *хидзири* — странствующих проповедников, появившихся уже в IX—X вв. «*Хидзири*... стали наиболее популярными религиозными лидерами в сельских общинах начиная с периода Хэйан и до нового времени... Их влияние на простой люд Японии настолько сильно и глубоко, что нельзя говорить о японских народных верованиях и народной религии, не учитывая деятельности *хидзири*» (стр. 139).

Специальная глава книги посвящена «культу гор» — верованиям, связанным с обожествлением гор, которые также получили очень широкое распространение в Японии. Хори указывает, что «культ гор в Японии... представляет собой типологическое подобие шаманских верований арханческого периода в других частях света, в которых выделяются такие мотивы, как магический жар, вознесение на небеса, нисхождение в иной мир... Эти мотивы полностью относятся к священным горам, которые являются как объектами культа, так и местом религиозной практики» (стр. 178). Остатки «культа гор» сохраняются и по сей день во многих сельских районах страны.

В связи с «культом гор» Хори затрагивает вопрос о деятельности *ямабуси* — горных аскетов, которые еще в конце прошлого века играли важную роль в религиозной жизни японской деревни. Перед революцией 1868 г. свыше 90% деревенских святилищ в северной и северо-восточной Японии обслуживали *ямабуси*. Влияние *ямабуси* объяснялось, по-видимому, тем, что традиции *сюэндо*, к которой они принадлежали, заимствовала множество элементов из древних шаманских верований, даосской магии, конфуцианской этики, но больше всего — из эзотерического буддизма, проникнутого мистикой школы мантраяны. Можно сказать, что наиболее почитаемыми в народе были именно те группы и школы, которые легко воспринимали различные религиозные элементы в соответствии с основной тенденцией в истории японской религии.

Важное место на всех этапах истории религии Японии занимало шаманство. Как указывает Хори, для Японии характерно распространение двух видов шаманизма: так называемый тип арктической истерии и полинезийский тип. Шаманки (в Японии подавляющее большинство лиц, практикующих шаманство, — женщины) первого типа встречаются на Хоккайдо и некоторых отдаленных островах. Ко второму типу принадлежат *итако* на северо-востоке Хонсю. Хори указывает, что *итако* все еще проявляют значительную активность (стр. 185). Справедливость этого замечания подтверждают исследования последних лет. Так, лектор университета Комадзавы Такаэми Такасэ, который в конце 1968 г. провел обследование поселков Камихирата и Симохирата, расположенных в административных границах г. Камаиси в префектуре Иватэ, рассказывает, что там имеется свыше десятка *итако*, выполняющих и по сей день «важные социальные функции»⁴, которые заключаются в вызывании духов умерших и сверхъестественных существ и передаче их воли.

Для японского шаманизма характерно то же, что и для других примитивных религиозных институтов Японии: он значительно трансформировался под влиянием буддизма и других заимствований. В свою очередь, последние испытывали на себе его воздействие. «Без такого взаимовлияния традиций, — подчеркивает Хори, — невозможно бы распространение буддизма в массах» (стр. 199).

Живучесть шаманских традиций Хори иллюстрирует на примере так называемых новых религий — религиозных движений, возникавших одно за другим начиная с первой половины XIX в. Касаясь лишь бегло социальных причин этого явления, Хори акцентирует внимание на шаманских элементах «новых религий». Характерно, что большинство основателей новых религиозных учений как в прошлом, так и в самое недавнее время, и даже в послевоенный период привносили элементы шаманства в свои верования.

Очень интересна характеристика, которую Хори дает «новым религиям» — основным религиозным течениям современной Японии. «Хотя основатели (новых религий) провозглашали себя мессиями и утверждали возможность установления царя на земле, они не стали практическими социальными реформаторами. Крушению надежд, разочарованию, беспомощности они дали индивидуальный выход в индивидуальном спасении. Поэтому новые религии в Японии играют консервативную роль, способствуя сохранению status quo и предотвращению социальной революции». Хори далее отмечает, что указанные черты не являются чем-то специфичным только для японских «новых религий»: много сходного можно найти в современных американских культах, новых религиозных движениях в Африке, Индонезии и других районах мира (стр. 251).

Книга Хори богата документальным и справочным материалом, многочисленными ссылками на работы современных японских исследователей религии и этнографов.

⁴ Газ. «Иомиури» от 9 февраля 1969 г.

Она, бесспорно, представляет интерес не только для тех, кто изучает историю религии, но и для этнографов, социологов, специалистов в области фольклора и всех, кто стремится разобраться в духовной жизни японского народа.

Г. Е. Комаровский

НАРОДЫ АМЕРИКИ

G. Valcárcel. *Perú mural de un pueblo. Apuntes marxistas sobre el Perú prehispanico*. Lima, 1965, 416 p.

Книга видного деятеля Перуанской коммунистической партии, известного перуанского журналиста и поэта Густава Валькарселя посвящена важным методологическим вопросам истории древнего Перу — одной из интереснейших цивилизаций во всей мировой истории.

Работа содержит предисловие, вступление и восемь глав: «От доклассовых обществ к империи», «Структура империи», «Производительные отношения в Тауантинсуйу», «Аграрные отношения в империи», «Налоги», «Положение женщины», «Классовый характер государства и права инков», «Первые стадии феодализма», библиографию и карту инкской империи. Это первое крупное марксистское исследование об обществе инков, поскольку другие советские и зарубежные историки и этнографы-марксисты до сих пор ограничивались либо общей характеристикой этого общества, либо освещением отдельных сторон его жизни¹.

Главная заслуга автора заключается в том, что несмотря на скромные цели книги — «служить лишь починим в деле изучения главных из выдвинутых проблем», ему удалось на основе данных исторических и лингвистических источников (хроники, первые словари кечуа, труды крупнейших перуанистов XIX—XX вв.) дать яркую картину древнего Перу и поставить ряд заслуживающих пристального внимания проблем, связанных с генезисом, характером общественного строя и историческим значением государства инков — Тауантинсуйу.

Автор отказался от широко принятого рассмотрения последнего в рамках рабовладельческой формации. По его мнению, в обществе инков начался переход от рабовладельческого строя типа древневосточной деспотии к феодальному, прерванный испанским завоеванием (стр. 73).

Согласно представлениям автора, инкское общество делилось на два главных класса — крупных сеньоров, собственников земли «первоначальных латифундистов» и крестьян-общинников (аутуруна). На вершине социальной пирамиды находился сам инка (или, вернее, верховный инка), первый землевладелец, за ним следовали вильякуму (верховный жрец), орехоны (вышая инкская знать) Куско, составлявшие «эмбриональную ткань феодального организма», жрецы и воины высшей иерархии и, наконец, кураки — местная знать из покоренных племен (стр. 249, 369, 372). Инка дарил им за верную службу земли, а некоторым куракам даже разрешал — на правах частной собственности — пользоваться своими прежними именами и крепостными. Общинники обрабатывали земли инки, храмов и местной знати, ухаживали за господским скотом — ламами и альпаками (так называемая минга), трудились в государственных лесах, рудниках, на плантациях коки, на строительстве дорог, каналов и плотин, дворцов, а также складов продовольствия (так называемая мита), платили подати натурой и людьми. В остальное время они работали на своих парцеллах (топо), которые им ежегодно предоставляла община-айлью. Необходимую одежду и сельскохозяйственный инвентарь общинники изготавливали для себя сами. Специальное законодательство охраняло права феодалов на землю и крепостных, частную собственность на орудия и средства производства. С появлением прослойки ремесленников — как полагает автор — стала возрастать экономическая роль крупных городов, выступавших первоначально лишь как административные центры. Однако в условиях

¹ См., например: Х. К. Мариатеги, *Семь очерков истолкования перуанской действительности*, М., 1963 (глава «Религия Тауантинсуйу» и отдельные замечания в других местах); «Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка», М., 1957 (глава о государстве инков); Г. А. Попов, *Культура точного знания в древнем Перу*, Пг., 1923; А. А. Сидоров, *Искусство древней Америки*, М.—Л., 1937 (гл. «Искусство стран Южной Америки»); А. Ф. Ш у л ь г о в с к и й, *Индейцы Перу и современная цивилизация* (взгляды Х. К. Мариатеги на индейский вопрос и их значение для современности), М., 1964. Некоторые материалы по этим проблемам имеются в книге: «Народы Америки», т. II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1959.

раннего феодализма в Перу господствовало замкнутое натуральное хозяйство, без сколько-нибудь развитых отношений обмена (стр. 368—370).

Довольно подробно излагаются вопросы социальной структуры общества инков. Особенно ценные сведения приводятся о трех специфических категориях населения (или, по определению автора, «субклассах») — янакунах, митимайя и аклья. Янакуна, работавшие на господ, только а кров, пищу и одежду, по мнению автора, явились «плодом дани людьми с завоеванных народов», «также существовали янакуна, ставшие ими вследствие уклонения от миты или исполнения какой-либо уголовной санкции» (стр. 228). Значительным количеством янакуна владели инки Куско, знатные лица — кураки, жречество и военная и административная аристократия (стр. 229). Показывается социальная неоднородность митимайя среди которых были как люди, выселяемые из родных мест за нелояльное отношение к господству инков, так и целые семьи, переселявшиеся во вновь покоренные области в качестве опоры этого господства, а также люди, направляемые для колонизации малонаселенных и необжитых местностей (стр. 237). Дань людьми с покоренных племен породила, по мнению автора, и другую интересную социальную категорию — аклья, которую в нашей исторической и этнографической литературе иногда сопоставляют с весталками древнего Рима или средневековыми монахинями. Автор выделяет две категории в этой своеобразной социальной прослойке женщин: 1) вечные затворницы, служившие у господ и в храмах; 2) временные наложницы инки и знати, а, возможно, и жрецов. При этом он показывает, что внутри обеих групп существовала социальная дифференциация. В первой мамакуны (старшие аклья) и служанки, а во второй — привилегированные, получавшие в качестве «вознаграждения» дома, участки, земли, имения и пр., и временные и пожизненные служанки в столице и главных городах (стр. 207—210).

Особая глава посвящена индейской общине. В ней прослеживается эволюция от первобытной родовой общины до территориально-экономической общины, составившей социальную базу Тауантинсуйу и дожившей в таком виде до наших дней (стр. 85—87).

Подробно рассматривается вопрос о податях и повинностях. Автор показывает, что они платились инке, жрецам, местным «идолам», знати, высшим и средним чиновникам и даже мумиям царей и государственным «святыням». Это были различные формы принудительного труда общинников, натуральные налоги разнообразных видов — от золота до солдатской обуви и от початков кукурузы до хищных зверей — и, наконец, дань людьми (стр. 191—192). В территориальном отношении подати и повинности распадалась, по мнению автора, на три вида: 1) всеобщие подати (принудительные работы на землях инки и храмов, участие в мите для нужд государства или знати, подати людьми и натурой); 2) региональные или местные (работы на землях, в домах местной знати — курак, или в местных храмах; натуральные налоги); 3) мирские повинности (бесплатная обработка участков вдов, сирот, стариков, инвалидов, больных и отсутствующих «тягловцев» и заготовка продовольствия для общины на случай стихийных бедствий) (стр. 193—194).

Автор дает высокую оценки роли государства инков в мировой истории. Используя самые лучшие из достижений предшествующих культур (стр. 355), государство инков превратилось в начале XVI в. в самую обширную и самую развитую в экономическом и военном отношении державу доколумбовской Америки, простиравшуюся от Южной Колумбии до Среднего Чили и северо-западной части Аргентины (стр. 54, 78, 376—377). При этом оно вобрало в себя множество племен и народов. Согласно данным хрониста Хосе де Акосты, в ней насчитывалось 700 различных языков и диалектов (стр. 93). Подчеркивается, что для своего времени государство инков представляло самую прогрессивную социальную организацию в древней Америке (стр. 76). И даже гибель этой державы под ударами испанских завоевателей не могла зачеркнуть достигнутых инками результатов: «Государство Тауантинсуйу погибло, но не погибла культура индейских масс. Многие из последней было утрачено навсегда... Но другая часть (этой культуры) сопротивлялась испанцам в течение веков и будет жить, пока сохраняются национальности и народы Перу, древней и мужественной страны» (стр. 355)².

Большое внимание в книге уделено материальной и духовной культуре, обычаям и быту древних перуанцев. Приводятся сведения о бесспорно лучшей для того времени системе дорог, двух магистральных и многочисленных вспомогательных, с мостами (интересно описание одного из способов переправы людей через пропасти в корзинах, постоянным дворам (порой на высоте 4 тыс. м), и о блестяще организованной курьерской службе, позволявшей передавать срочные сообщения за минимальные сроки, напр., из Куско в Кито на расстояние 2 тыс. км всего за 10—15 дней (стр. 91). Приведен ряд восторженных оценок этих дорог со стороны совре-

² Испанские власти использовали ряд институтов общества инков (мита и др.) и сохранили на целые столетия многие из их методов ведения хозяйства, например, в земледелии, в горном деле и выплавке металлов. Надолго сохранилась и память о Тауантинсуйу среди покоренного населения. Недаром вплоть до 1923 г. руководители всех индейских восстаний в Перу принимали имя Тупак-Амару, последнего правителя инков.

менников завоевания и позднейших исследователей. Вот что, например, писал Эрнандо Писарро (брат завоевателя Перу): «По правде говоря, во всем христианском мире не сыскать таких прекрасных дорог» (стр. 91).

Касается автор и вопроса о письменности древних перуанцев. Автор полагает, что перуанские петроглифы, знаки и рисунки на дереве, на коврах и погребальных холстах, на керамике, а также узелковое письмо кипу, скрывают «секрет доалфавитной письменности, которую до сих пор никто не смог разобрать» (стр. 103). Интересна также авторская дифференцировка кипу на два вида: 1) для подсчетов, 2) для информационных целей (история, право, религия и пр.) (стр. 115).

Заслуживают внимания также отдельные сведения о состоянии просвещения и науки в царстве инков, приводимые автором: свидетельство Сармьенто де Гамбоа о созыве инкой Пачакути «историков» со всего царства для того, чтобы выслушать их рассказы о прошлом и дать задание «зарисовать» на больших «досках» всю историю инков (стр. 117), и сообщение другого, менее известного хрониста — Мартина де Моруа о школах мальчиков в столице империи, где обучали языку кечуа, кипу, истории инков и их завоевательных войн и пр. (стр. 105).

Что же касается собственно этнографических сведений, то особенно большой интерес представляют сообщаемые автором материалы о браке и семье. Приводятся сведения о суровых наказаниях за прелюбодеяние и кровосмесительные связи, но интересно, что в понятие последних не входили браки между братьями и сестрами. Автор показывает, что моногамия практически существовала лишь для угнетенных классов (стр. 208). Каждый верховный инка имел не менее 700 женщин в услужении и для «развлечения» (по свидетельству Сьесы де Леона, стр. 207). Аристократы получали женщин в качестве награды или милости от инки, в наследство от отцов и братьев и т. п. (стр. 277—278).

Наконец, представляют немалый интерес утверждения автора, опирающиеся на сообщения хронистов, о редкости человеческих жертвоприношений в империи инков: они существовали, но ограничивались исключительными случаями, такими как смерть инки, приход к власти нового государя, в случае если царствующий инка тяжело заболел или лично отправлялся на войну (стр. 211, 226).

Однако, наряду с несомненными достоинствами, книга содержит некоторые ошибки и недочеты, главным образом методологического характера.

Не совсем правильно, на наш взгляд, изложен процесс гегезиса государства инков. По мнению автора, оно возникло как следствие серии завоевательных войн, а не как следствие классовых противоречий, зародившихся в лоне родового общества (стр. 316). Но в то же время автор называет конфедерацию племен кечуа «эмбрионом Тауантинсуйу», тем самым противореча самому себе.

Хотелось бы более убедительного обоснования автором мнения о феодальном характере общественного строя инков. Справедливо отвергнув старые взгляды о наличии у инков рабовладельческого строя, он утверждает, что единственным (!) отличием социальной ситуации в древнем Перу от классического феодализма было отсутствие собственного хозяйства у крестьян.

Малоубедительной и к тому же весьма противоречивой представляется нам трактовка янакуна как полурабов и одновременно как тип древнего люмпен-пролетариата (стр. 229).

Устарелыми являются представления автора об отсутствии рыночных отношений в обществе инков. В главе о письменности не использованы работы боливийского ученого Д. Ибарра Грассо.

Но все это ни в коей мере не может поколебать общей положительной оценки книги. Написанная с марксистских позиций, яркая книга Г. Валькарселя, несмотря на некоторые недочеты и противоречия, заслуживает перевода на русский язык и была бы интересна для широкого круга советских читателей — специалистов этнографов и медиэвистов, студентов, преподавателей истории в средней школе и вообще всех, интересующихся древней историей Нового Света. Это тем более желательно, что за последние сорок лет у нас не издано ни одной крупной научной работы о древнем Перу, не говоря уже о том, что хроники на русский язык не переводились вовсе, так же как и сколько-нибудь серьезные труды крупнейших зарубежных перуанистов (даже сокращенный и крайне неудовлетворительный перевод превосходной работы У. Прескотта о завоевании Перу³ давно уже стал библиографической редкостью), а главный эпос древнего Перу — «Апу-Ольянтай» имеется только в переводе с немецкого⁴.

Н. В. Русинов

³ В. Прескотт, Завоевание Перу, кн. I, СПб., 1886.

⁴ «Олланта», Древнеперуанская драма из времен инков, пер. Ф. Б. Миллера, «Русский вестник», т. 129, 1877, май, стр. 149—217.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Абдуллаев Т. Мискарлик — чеканка по меди. [О нар.-прикл. искусстве Узбекистана]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 8, с. 36—37.

Абдуллаев Ш. Ш. и Зевелев А. И. В. И. Ленин и исторические судьбы народов Средней Азии. М., «Знание», 1968. 47 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «История и политика КПСС», 6).

Аведова Н. А. Резное дерево. [О традиц. узб. резьбе по дереву]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 8, с. 41—43.

Азимджанова С. А. Работы узбекских востоковедов. [Обзор]. «Вестн. АН СССР», 1968, № 2, с. 73—75.

Акрамов Н. М. Социально-экономическая история народов Средней Азии VI—VII вв. в трудах В. В. Бартольда. «Уч. зап. Душанб. пед. ин-та», т. 58 (Кафедра истории СССР), 1968, с. 3—36. Библиогр. в примеч.: с. 28—36.

Алиева М. Женские образы в уйгурских сказках. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1968, № 4, с. 52—56. Резюме на каз. яз.

Алескеров Ю. Н. Самарканд. Страницы истории. Ташкент, «Узбекистан», 1967. 224 с. с илл.; 2 л. илл.

Рец.: Устименко И. На перекрестке истории. «Звезда Востока», 1968, № 2, с. 202—205.

Алиходжаева О. Мастерство заргавров. [О нац. традициях в ювелирном искусстве Узбекистана]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 8, с. 29—30.

Альбаум Л. И. и Агзамходжаев Т. Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом. [Сурхандарьин. обл.]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 8, с. 56—58.

Амантыев О. Труд Мухаммеда Казима «Наме-йи алам ара-йи Надири» как источник по истории туркмен и Туркмении первой половины XVIII века. «Уч. зап. Туркм. ун-та», вып. 52, 1968, с. 47—55.

Амантыев О. Туркменистан первой половины XVIII в. в описании Мухаммеда Казима. [С публикацией отрывков из I тома «Наме-йи алам ара-йи Надири»]. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1968, № 4, с. 18—25. Библиогр.: 5 назв.

Амонов Р. Таджикская народная лирика. Душанбе, «Дониш», 1968. 412 с. с нот. илл. (АН ТаджССР. Ин-т яз. и литературы им. Рудаки). Библиогр.: с. 407—411 и в подстроч. примеч. На тадж. яз.

Аннанепесов М. О двух концепциях

в изучении хозяйства туркмен в XVIII—первой половине XIX в. [Историко-геогр. обзор]. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1968, № 1, с. 80—90. Библиогр. 28 назв.

Арипов Ф. Из истории формирования кадров рабочих узбеков. (Основные материалы по истории и этнографии заводов с.-х. машиностроения). Ташкент, «Фан», 1968. 135 с. с илл. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии). На узб. яз.

Ахмедов Б. К исторической географии Гератского вилайета эпохи Навои. «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 9, с. 52—56. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ахмедов М. Юнус Раджаби. [Мастер нар. муз. искусства]. Очерк о жизни и деятельности. Ташкент, «Укитувчи», 1967. 107 с. с илл. и нот.; 1 л. портр. На узб. яз.

Ахунова М. А. Успехи исторической науки в Узбекистане. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 11, с. 31—38.

Базаров О. и Маджидов Р. Проявление пережитков ислама и пути их преодоления. Душанбе, «Ирфон», 1968. 72 с. На тадж. яз.

Бакиев О. Вопрос о формах землепользования на территории Таджикистана в освещении русских востоковедов (1866—1917 гг.). «Изв. АН ТаджССР». Отд.-ные обществ. наук, 1967, № 4, с. 78—85. Резюме на тадж. яз.

Бакиров Ф. Суд, шарнат и обычаи в царском Туркестане. Ташкент, «Фан», 1967. 48 с. На узб. яз.

Басилов В. Н. Некоторые пережитки культа предков у туркмен. «Сов. этнография», 1968, № 5, с. 53—64. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Басилов В. Я. О сущности и формах взаимоотношений царской России и Казахстана в XVIII в. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1968, № 5, с. 26—34. Резюме на каз. яз.

Баяров Т. Формы проявления религиозных пережитков в селе (на материалах Куна-Ургенского района). «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1968, № 2, с. 47—52.

Бегалиев С. О поэтике эпоса «Манас». Фрунзе, «Илим», 1968. 53 с. (АН КиргССР. Ин-т яз. и литературы).

Бердимурадов И. Культура сельского быта. Ашхабад, «Туркменистан», 1968, 58 с. На туркм. яз.

Блиннов Г. Глиняные сказки Хамро Рахимовай. [О творчестве мастера узб. нар. игрушки]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 8, с. 45—46.

Блинов Г. Золото и то, и это. [О нар. мастерах-керамистах Узбекистана. Очерк]. «Дружба народов», 1968, № 7, с. 173—180.

Блинов Г. Расписные дойры [К. Рахимов]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 5, с. 48—49.

Брюллова-Шаскольская Н. В. На Аму-Дарье. (Этногр. экспедиция в Керкинский окр. ТССР): «Памятники Туркменистана», № 3, 1967, с. 30.

Бубнова М. А. К истории добычи полезных ископаемых на Памире. [По материалам археол. данных и письмам источников]. «Изв. АН ТаджССР». Отд-ние обществ. наук, 1968, № 3, с. 64—68. Резюме на тадж. яз.

Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. В 5-ти т. Редколлегия: ...А. Х. Маргулан (отв. ред.) и др. Т. 4. Предисл. А. Х. Маргулана. Алма-Ата, «Наука», 1968. 782 с. с илл.; 1 л. портр. (АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова). Указатели геогр., именной, предм. и этнический: с 753—776. В кн. также: Воспоминания о Ч. Ч. Валиханове.

Валов В. С. Изменения в размещении населения Таджикской ССР за период 1926—1959 гг. «Вестн. Моск. ун-та». География, 1968, № 2, с. 73—80 с табл. Резюме на англ. яз.

Васильева Г. П. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане. «Сов. этнография», 1968, № 1, с. 3—17. Резюме на англ. яз.

Волчанский А. Ф. К вопросу о формировании класса колхозного крестьянства в Киргизии. «Сб. статей аспирантов кафедр обществ. наук Кирг. ун-та», вып. 2, 1967, с. 71—77.

Вопросы истории физической культуры и спорта в Узбекистане. Сб. статей. Под общ. ред. Р. И. Исмаилова и А. И. Яроцкого. Ташкент, «Фан», 1968. 236 с. (М-во высш. и сред. спец. образования УзССР. Узб. гос. ин-т физ. культуры. Труды ин-та. Вып. 4). Библиогр. в конце статей.

Востров В. В. и Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов. (Конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, «Наука», 1968. 256 с. со схем.; 2 л. схем. (АН КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова).

Вредные и полезные дикорастущие растения Бухарского оазиса. Сб. статей. Отв. ред. Х. Х. Гузаиров. Ташкент, «Фан», 1968, 106 с. с илл. (М-во высш. и сред. спец. образования УзССР. Бухар. гос. пед. ин-т им. С. Орджоникидзе. Серия «Ботаника». Вып. 1). Библиогр. в конце статей.

Вышкинд Ф. Г. и Орляничник М. Ф. О системе расселения на землях нового орошения Узбекистана. «Строительство и архитектура Узбекистана», 1967, № 12, с. 40—42.

Гафарова М. К. Роль социалистической культурной революции в духовном росте женщин Советского Востока. «Уч. зап. Душанбин. пед. ин-та», т. 57 (Кафедры обществ. наук), 1968, с. 29—51. Библиогр. в подстроч. примеч.

Гельдыханов М. Географические термины, связанные с гидрогеографией Туркменистана. «Проблемы освоения пустынь», 1967, № 6, с. 80—83. Резюме на англ. яз. Библиогр.: 7 назв.

Гулямов Я. Г. Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии. «Обществен. науки в Узбекистане», 1968, № 8, с. 5—13. Резюме на узб. яз.

Джамгерчинов М. К изучению Киргизии XVI—XVIII вв. «Труды Кирг. ун-та». Серия историч. наук, вып. 10, 1967, с. 3—11.

Додихудоев Х. Современный исмаилизм и его реакционная сущность. Душанбе, «Дониш», 1967. 47 с. (АН ТаджССР. Отд-ние философии). На тадж. яз.

Дурдыев Х. Заговорили струны дутара. Очерки [о нар. певцах и акынах Туркменистана]. Ашхабад, «Туркменистан», 1967. 107 с. с илл. На туркм. яз.

Елкин К. Охотничье хозяйство Казахстана. «Охота и охотничье хоз-во», 1968, № 3, с. 10—12.

Ерлашова С. Народное декоративное искусство Средней Азии и Кавказа. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 2, с. 38—39.

Ершов Н. Н. К истории развития этнографической науки в Таджикистане. «Сов. этнография», 1968, № 4, с. 87—92. Библиогр. в подстроч. примеч.

Ершов Н. Керамика Таджикистана. [По материалам одного из выставок. Москва. Авг.-сент. 1967 г.]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 1, с. 37—38.

Есбергенов Х. и Жарылкаганов А. А. С. Морозовой 70 лет. [Этнограф]. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1968, № 3, с. 92.

Зияев Х. Узбеки в Сибири. (XVII—XIX вв.). Ташкент, «Фан», 1968. 74 с. с илл. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

Зоринян Э. и Саурова Г. Туркменский ковер. [О нац. худож. традициях в орнаменталистике ковров]. «Ашхабад», 1968, № 1, с. 69—72.

Ильясов А. И., Каррыев А. К. и Росляков А. А. Историческая наука в Туркменистане за годы Советской власти. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1967, № 5, с. 52—66.

Иноятв Х. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. М., «Прогресс», 1967. 237 с. староараб. пагин. На араб. яз.

Ионов П. Крылатые кони. [О коневодстве в Туркм. ССР]. «Культура и жизнь», 1968, № 2, с. 33.

История, археология и этнография Средней Азии. Сб. статей. К 60-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР д-ра историч. наук проф. С. П. Толстова. Ред. коллегия: А. В. Виноградов и др. М., «Наука», 1968. 367 с. с илл. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

История Киргизской ССР. В 2-х т. Ред. коллегия: ...Б. Д. Джамгерчинов (глав. ред.) и др. Т. I. Авт.: Д. Ф. Винник, А. Ф. Бурковский, А. П. Окладников и др.

Фрунзе, «Кыргызстан», 1968. 708 с. с илл.; 13 л. илл. (АН КиргССР. Ин-т истории).

История Кыргызской ССР. Ред. коллегия: ...К. К. Каракеев (глав. ред.) и др. Фрунзе, «Кыргызстан», 1968. (АН КиргССР. Ин-т истории).

Т. 2. Кн. 1. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма. (1917—1937). 532 с. с илл.; 1 л. портр. Библиогр. обзор: с. 9—34.

Т. 2. Кн. 2. Киргизия в эпоху социализма и строительства коммунизма. 426 с. с илл.; 2 л. илл.

История Узбекской ССР. В 4-х т. Глав. ред. коллегия: Р. Х. Аминов и др. Переизд. Ташкент, «Фан», 1967—1968. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

Т. 1. С древнейших времен до середины XIX века. 1967. 771 с. с илл.; 11 л. илл. и карт.

Т. 2. От присоединения узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции. Отв. ред. Х. З. Зияев. 1968. 662 с. с илл.; 2 л. карт. Библиогр.: с. 597—615. Вспом. указатели: с. 616—659.

Т. 3. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в Узбекистане. (1917—1937 гг.). 1967. 708 с. с илл. и портр.; 1 л. портр.

Т. 4. Период завершения строительства социализма и переход к коммунизму (1938—1965 гг.). 1968. 583 с. с илл. Библиогр.: с. 553—561. Вспом. указатели: с. 562—581.

Ред.: 1) Ильясов С. И., Хасанов А. Х. и Усенбаев К. У. Обобщающий труд по истории узбекского народа. «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 10, с. 49—50; 2) Маргулан А. Х., Кадырбаев М. К. и Басин В. Я. Значительный вклад в советскую историографию. «Вестн. АН КазССР», 1968, № 10, с. 68—73.

Калилаханов Т. Акын-Сара. [К биограф. нар. каз. поэтессы. 1878—1916]. «Простор», 1968, № 6, с. 101—103 с портр.

Камалов С. О развитии исторической науки в Советской Каракалпакии. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 11, с. 39—43. Библиогр. в подстроч. примеч.

Кандидов В. М. Использование народных обычаев и традиций в идеологической работе 20-х годов. «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 6, с. 56—58.

Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе, «Илим», 1968. 102 с. (АН КиргССР. Отд-ние общей тюркологии и дунгановедения).

Караханов М. К. Население Средней Азии за 100 лет. «Изв. Узбекист. геогр. о-ва», т. 10, 1967, с. 85—88.

Карыев Б. А. Символ дружбы, братства и совместной борьбы. [Сравнит. анализ туркм. и азербайдж. версий эпоса «Кер-оглы». XVI—XVII вв.]. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1968, № 2, с. 61—69. Библиогр.: 22 назв.

Каскабасов С. А. К вопросу о сказочном юннорате. «Изв. АН КазССР». Се-

рия обществ., 1968, № 5, с. 63—66. Резюме на каз. яз.

Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходженском уезде. Отв. ред. А. Мухтаров. Душанбе, «Дониш», 1968. 152 с. (АН ТаджССР. Ин-т истории им. А. Дониша). Библиогр.: примеч.: с. 138—151.

Киргизские народные лирические песни. Сост. А. Токомбаева и Б. Кебекова. Фрунзе, «Илим», 1967. 690 с. (АН КиргССР. Ин-т яз. и литературы). На кирг. яз.

Книга Советского Туркменистана. Сводная библиогр. 1920—1960. Сост. М. Кувадова, В. Панова, А. Пирлиев. Кн. 2. Вспомогательные указатели. Ашхабад, 1968. 93 с. (Гос. ком. Совета Министров Туркм. ССР по печати. Гос. книжная палата ТуркмССР). Часть текста и переплет на туркм. яз. Кн. I вышла в 1965 г.

Книга Советской Киргизии. Сводная библиография. 1924—1938. Сост. К. Акыйбаева и А. К. Цепилова. Фрунзе, 1967. 219 с. (Ком. по печати при Совете Министров КиргССР. Кирг. гос. книжная палата). Текст парал. на кирг. и рус. яз.

Кокобаев М. К. Лексико-этнографический очерк жилища западных поселений Горькой линии. «Филол. сб. М-ва высш. и сред. спец. образования КазССР», вып. 6—7, 1967, с. 434—441.

Кокобаев М. К. Резные украшения жилища западных поселений Горькой линии.— В кн.: Материалы межвузовской научно-теорет. конференции. Алма-Ата. 16 сент. 1967 г. Алма-Ата, 1968, с. 28—30.

Крамаренко Л. Керамика и фарфор Ташкента. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 8, с. 32.

Кудимова Е. П. Узбекистан. Библиогр. указатель литературы. 1961 г. Ташкент, «Узбекистан», 1967. 838 с. (Гос. б-ка УзССР им. А. Навои).

Легенды о Навои. Алишер и соловей.— Мудрый Навои.— Стихи не стареют. Из узб. фольклора. Запись предисл. М. Мурадова. Пер. с узб.: Г. Гафурова. «Звезда Востока», 1968, № 1, с. 140—144.

Литвинский Б. А. и Зеймаль Т. И. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии. (К интерпретации сцены дароносцев из Аджина-Тепе). «Сов. этнография», 1968, № 3, с. 106—112.

Литвинский Б. А. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии. «Изв. АН ТаджССР». Отд-ние обществ. наук, 1968, № 3, с. 42—51. Резюме на тадж. яз.

Лунин Б. В. Библиографический указатель литературы по археологии, истории, этнографии, философии, праву Узбекистана, вышедшей в свет в 1966 году. «Обществ. науки в Узбекистане», 1967, № 12, с. 21—32; 1968, № 1, с. 31—50.

Лунин Б. В. Из опыта историко-краеведческой работы в Средней Азии и Казахстане (20—30-е годы). «История СССР», 1968, № 5, с. 190—199. Библиогр. в подстроч. примеч.

Лунин Б. В. История и памятники материальной культуры кушанского периода в советской литературе. (Библиогр. указатель). «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 8, с. 65—82.

Лунин Б. В. К описанию народного рыбного промысла каракалпаков. (По материалам из архива Н. И. Веселовского). «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1967, № 3—4, с. 113—119.

Лунина С. Б. Юбилей ученого. К 70-летию со дня рождения и 50-летию науч. деятельности археолога М. Е. Массона. «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 2, с. 80—81 с портр.

Магауни М. Напевы кобыза. Каз. языки и жырау XV—XVIII вв. Алма-Ата, «Жазушы», 1968. 156 с. с портр. Библиогр.: 150—155. На каз. яз.

Мамбеков Ю. Облик села Хила. [Ленинский район Ошской обл.]. Фрунзе, «Кыргыстан», 1967. 56 с. с илл. На кирг. яз. Мантык — истребитель тигров. [Очерки об охоте на тигров в Средней Азии и Казахстане]. М., «Наука», 1968. 192 с. с илл. АН СССР. Путешествия по странам Востока. Сост. И. Б. Шишкин.

Массон М. Е. Средневековые мастерские по штампованной безглазурной керамике Мерва. [На материале археол. находок]. Изв. АН ТуркмССР. Серия обществ. наук, 1968, № 3, с. 17—26 с табл. Библиогр.: 4 назв.

Материалы и исследования по истории реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Сб. статей. Вып. 1. Науч. ред. З. А. Нильсен. Ташкент, Изд-во худож. лит., 1967. 160 с. с илл. (М-во культуры УзССР. Глав. упр. по охране памятников матер. культуры). «Список изд. работ З. Н. Засыпкина»: с. 9 (18 назв.) и библиогр. в примеч. в конце статей. Посвящается памяти Б. Н. Засыпкина.

Махмудов К. Гостеприимство. (Этические и эстет. моменты узб. гостеприимства). Автор послесл. Муаллиф. Ташкент, «Еш гвардия», 1967. 95 с. На узб. яз.

Мешкерис В. А. Согдайская школа юрорастапки в кушанскую эпоху. «Изв. АН ТаджССР». Отд-ние обществ. наук, 1968, № 2, с. 3—21. Резюме на тадж. и англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч. Моджеков Я. К вопросу о брачно-семейных отношениях в условиях Туркменистана. «Изв. АН ТуркмССР». Серия обществ. наук, 1967, № 6, с. 20—27. Библиогр.: 6 назв.

Муканова Т. А. Молочная пища казахов. (По материалам XIX—начала XX в.). «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1968, № 5, с. 35—39. Резюме на каз. яз.

Муллажанов И. и Ташбеков Э. Население Узбекской ССР. Справочник. Ташкент, «Узбекистан», 1967. 69 с. с граф. карт. На узб. яз.

Мулладжанов И. Великий Октябрь и демографические изменения в Узбекистане. «Коммунист Узбекистана». 1967, № 11, с. 81—87.

Мурадова М. Э. О национальном своеобразии туркменских пословиц и поговорок. «Уч. зап. Туркм. ун-та», № 46, 1966, с. 55—60.

Мурадова М. Э. Типологическое сходство туркменских и русских пословиц.

«Уч. зап. Туркм. ун-та», вып. 49, 1967, с. 5—10.

Мусабеков О. От патриархально-феодалных к социалистическим аграрным отношениям [в Киргизии]. Фрунзе, «Кыргызстан», 1968, 110 с.

Наджимов Г. Воспитание на революционных и трудовых традициях. [Опыт идеол. работы среди молодежи]. «Парт. жизнь» (Ташкент), 1968, № 1, с. 77—82.

Наджимов Г. Отношение марксизма-ленинизма к народным традициям. Ташкент, «Узбекистан», 1968. 160 с. На узб. яз.

Назарова С. Культура и быт села. Душанбе, «Ирфон», 1967. 55 с. На тадж. яз.

Народная музыка в Казахстане. Сб. статей, посвящ. 50-летию Великой Октябрьской соц. революции. Сост. В. П. Дернова. Алма-Ата, «Казахстан», 1967. 269 с. с нот. Библиогр. в примеч.: с. 261—268.

Население и хозяйство Узбекистана. Сб. статей. Отв. ред. Ф. В. Ковальчук. Ташкент, «Фан», 1967. 99 с. (М-во высш. и сред. спец. образования УзССР. Ташк. гос. пед. ин-т им. Низами. Уч. зап. Т. 74).

Насырова М. Я. и Байбекова Ф. И. Узбекистан. Библиогр. указатель литературы. 1961. Ташкент, «Узбекистан», 1967. 287 с. (Гос. б-ка УзССР им. А. Навои). На узб. яз.

Неразник Е. Е. Новые материалы по гончарному ремеслу в древнем Хорезме. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1968, № 2, с. 55—61. Резюме на каракалп. яз.

Ниязбеков С. Б. Октябрьская революция и торжество ленинской национальной политики в СССР. [Доклад на Юбилейной сессии АН КазССР, посвящ. 50-летию Великой Октябрьской соц. революции. Окт. 1967 г.]. «Вестн. АН Каз. ССР», 1967, № 11, с. 8—21. [К 50-летию Советской власти].

Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана. [Алф. указатель]. Сост. Р. В. Каменецкая. «Сов. этнография», 1968, № 3, с. 165—177.

Ноткин И. И. Искусство древних. [Архит. памятники Хивы]. Ташкент, «Узбекистан», 1968. 45 с. с илл.; 4 л. илл.

Обельченко О. В. Лявандакская пряжка. (К истории ранних кушан). «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 8, с. 53—56.

От средневековья к вершинам современного прогресса. Об ист. опыте развития народов Сред. Азии и Казахстана от докапиталист. отношений к социализму. Отв. ред. М. Джунусов. М., «Прогресс», 1968. 421 с. с илл. (АН СССР. Ин-т философии). Авт. глав: М. Джунусов, М. Сужиков, М. Хакимов. На англ. яз.

Подушкин Н. П. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1968, № 5, с. 71—75. Резюме на каз. яз.

Полушкина Л. Е. Возрастные изменения костей стопы, кисти и предплечья у девушек Таджикистана. «Труды Тадж. мед. ин-та», т. 79, 1967, с. 6—11.

Пословицы туркмен Каракалпакии. Сост., подгот. к печати и вступит. статью написал С. Аразкулиев. Ред. Б. Мамедязов. Ашхабад, «Ылым», 1968. 94 с. (АН ТуркмССР. Ин-т яз. и литературы им. Махтумкули). На туркм. яз.

Пьянков И. В. «Саки». (Содержание понятия). «Изв. АН ТаджССР». Отд-ние обществ. наук, 1968, № 3, с. 12—19. Резюме на тадж. яз.

Рассудова Р. Я. Следы общинно-военной организации у узбеков. «Сов. этнография», 1968, № 5, с. 111—116. Библиогр. в подстроч. примеч.

Расцвет традиций и национальных обычаев узбекского народа. Ташкент, 1966. 28 с. с илл. (Узб. о-во дружбы и культурной связи с зарубежными странами. 50-летию Великой Октябрьской соц. революции посвящается). На испан. и франц. яз.

Рахманова Л. Новые документы по истории хозяйства джуйбарских шейхов. [Феодалное землевладение в Бухаре в XVI—XVII вв.]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 6, с. 65—66.

Романов Ю. И. Обсуждение советской историографии Средней Азии и Казахстана в Алма-Ате. «История СССР», 1968, № 6, с. 220—221.

Сагитов С. И. К вопросу о локализации легендарной местности Жидели-Байсуи по данным ботаники. «Сов. этнография», 1968, № 1, с. 130—133. Библиогр. в подстроч. примеч.

Сайдвакасов Г. и Сабитов Р. Уйгурские бенты. Собрали и сост. Г. Сайдвакасов и Р. Сабитов. Вступит. статья М. Алиевой. Алма-Ата, «Жазушы», 1968. 118 с. На уйгур. яз.

Сатпаева Ш. Западноевропейские ученые и писатели XIX века о Казахстане. [К истории обществ.-полит. и культурных связей Европы и Казахстана]. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1968, № 1, с. 43—49. Резюме на каз. яз.

Саурова Г. Молодость древнего искусства. [Ковроделие в Туркм. ССР]. «Памятники Туркменистана», № 4, 1967, с. 26—28.

Саурова Г. Современный туркменский ковер и его традиции. Под ред. Н. В. Черкасовой. Ашхабад, «Ылым», 1968. 164 с. с илл. (АН Турм. ССР. Ин-т истории им. Ш. Батырова). Библиогр.: с. 162—163.

Сенигова Т. Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня. (По материалам археол. исследований). «Сов. археология», 1968, № 1, с. 208—225.

Соколова А. Возрождение древних традиций. [О нац. традициях в худож. ремеслах Узбекистана]. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 8, с. 39—40.

Соломатина А. В. Узбекская легенда о Ленине в публикации Ю. Фучика. «Народы Азии и Африки», 1968, № 2, с. 117—120.

Султаньяев О. А. Именные конструкции в казахской топонимике Кокчетавской области. «Уч. зап. Уральского ун-та», № 49. Серия филол., вып. 3, 1967, с. 64—70.

Сушанло М. Значение новой письменности для развития культуры советских дунган. «Уч. зап. Тартуского ун-та», вып. 201. Труды по востоковедению, 1968, с. 304—311. Резюме на эст. и нем. яз.

Сыдыков Т. Об изучении казахского фольклора. «Изв. АН КазССР». Серия обществ., 1968, № 2, с. 59—61. Резюме на каз. яз.

Таджиков З. М. К вопросу о соотношении метрики стихосложения с метроритмической напева в таджикских песнях. «Изв. АН ТаджССР». Отд-ние обществ. наук, 1968, № 2, с. 84—94. Резюме на тадж. и англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Тахиров Ф. Некоторые проблемы некапиталистического пути развития Таджикистана. «Уч. зап. Тадж. ун-та», т. 1, 1958 с. 191—200.

Тезисы выступлений на научной конференции по теме «Великий Октябрь и коренные преобразования в Центральном Казахстане». Караганда. 1967. Караганда 1967. 112 с.

Темирханов Л. К истории распространения ислама среди хазарейцев. «Сб. науч. работ аспирантов Тадж. ун-та», вып. 5, 1967, с. 321—327.

Темирханов Л. О некоторых спорных вопросах этнической истории хазарейского народа. «Сов. этнография», 1968, № 1, с. 85—94. Резюме на англ. яз.

Тлеумуратов М. О существовании письменной исторической традиции у каракалпаков. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1968, № 1, с. 55—58. Резюме на каракалп. яз.

Толстова Л. С. Данные исторического фольклора и топонимии о происхождении этнографической группы «митан». (По материалам экспедиции на сред. Заравшан). «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1968, № 2, с. 48—55. Резюме на каракалп. яз.

Туркменский музей краеведения. Ашхабад. Путеводитель Ашхабад, «Ылым», 1968. 41 с. с илл. (М-во культуры ТуркмССР).

Туркменский юмор. Сб. Пер. с туркм. Сост. Б. А. Каррыев, А. К. Кекилов, М. К. Косаев. Предисл. Б. Каррыева. Ашхабад, «Туркменистан», 1967. 238 с. с илл.

Турсунов Е. Об отношении волшебной сказки к бытовой в казахской устно-поэтической традиции. «Изв. АН КазССР». Серия обществ. 1968, № 5, с. 53—58. Резюме на каз. яз.

Турсунова М. М. С. Знаменский и Ч. Ч. Валиханов в экспедиции 1864 года по присоединению Кокандского ханства к России. [Материалы альбома и дневника рус. революц. демократа худож. М. С. Знаменского]. «Простор», 1968, № 3, с. 84—91.

Узбекское народное творчество. Много-томное изд. Редколлегия: Айбек и др. Анекдоты. 2-е переработ. изд. Сост. Х. Зарифов. Ташкент, Изд-во худож. лит., 1968. 379 с. На узб. яз.

Узбекское народное творчество. Много-томное издание. Ред. коллегия: Айбек и др. Гулер. Узб. нар. песни Ферганы. Сост.

и авт. послесл. Х. Раззаков. Илл.: К. Алиев, Г. Маковская. Ташкент, Изд-во худож. лит., 1967. 249 с. с илл. На узб. яз.

Умаров А. Респиси Чингиза Ахмарова. [Традиции нац. фресковой живописи в творчестве узб. художника]. «Искусство», 1968, № 1, с. 30—33.

Урунходжаев М. О религии ислама. Ташкент, Объедин. изд-во ЦК КП Узбекистана, 1968. 30 с. (О-во «Знание» УзССР. № 51). На узб. яз.

Усман бахши Мамат оглы. Шахдархан. (Дастан). Записал М. И. Афзалов. Подгот. и вступит. статья Т. Ашурова. Ташкент, «Фан», 1968. 79 с. (АН УзССР. Ин-т яз. и литературы им. А. С. Пушкина. Узб. нар. дастаны). На узб. яз.

Усупбеков Ш. Воспитательное значение пословиц и поговорок. Фрунзе, «Мектеп», 1967. 32 с. с илл. (М-во нар. образования КиргССР. Респ. ин-т усовершенствования учителей). На кирг. яз.

Утемисов А. О быте рыбаков Муйнакского района. [По материалам этногр. экспедиции]. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1968, № 3, с. 51—53.

Хамраев А. Х. К 70-летию М. Е. Массона. [Археолог]. «Вестн. древней истории», 1968, № 2, с. 218—219 с портр.

Ханазаров К. Х. Об одном аспекте дальнейшего сближения наций в СССР. [О росте межнац. браков]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 6, с. 23—26. Резюме на узб. яз.

Хасанов А. Некоторые сведения об образовании Киргизской народности. «Труды Кирг. ун-та». Серия историч. наук, вып. 10, 1967, с. 16—23.

Хасанов М. А. Материалы по народной поэзии советских дунган. Фрунзе, «Иттиф», 1968. 51 с. (АН КиргССР. Отд-ние общей тюркологии и дунгановедения). На дунган. яз.

Хасанов М. А. Образы женщин в дунганских бытовых сказках. «Изв. АН КиргССР», 1968, № 2, с. 24—28.

Хидоятов Г. О чем умолчал господин Р. Вайдинатх. [По поводу работы инд. историка «Образование Советских среднеазиатских республик. Исследование советской нац. политики (1917—1936 годы)», изд. в Дели в 1967 г.]. «Коммунист Узбекистана», 1968, № 9, с. 71—79.

Ходжайов Т. К. К этнической истории Маздахана в III—VIII вв. «Вестн. Каракалп. филиала АН УзССР», 1967, № 3—4, с. 94—100. Резюме на каракалп. яз.

Хромов А. Л. Некоторые проблемы топонимического исследования Таджикистана. «Изв. АН ТаджССР». Отд-ние обществ. наук, 1968, № 1, с. 68—76. Резюме на тадж. яз.

Хушвахтов И. Д. Формирование интернациональной экономической общности народов Средней Азии. «Изв. АН ТаджССР». Отд-ние обществ. наук, 1967, № 3, с. 3—12. Резюме на тадж. яз.

Хушвахтов Х. Национальное своеобразие [таджикского искусства]. «Искусство», 1968, № 9, с. 7—8.

Центральный архив Туркменской ССР. Ашхабад. Ташаузский филиал. Справочник. Сост. М. П. Буйдивис. Ашхабад, «Туркменистан», 1967. 64 с. (Архивное упр. при Совете Министров ТуркмССР).

Чичикин Ю. Н. Охота на пернатую дичь в Киргизии. Фрунзе, «Кыргызстан», 1968. 42 с. с илл. (Гос. ком. лесного хоз-ва Совета Министров КиргССР).

Чичикин Ю. Н. Охотничьи угодья Киргизии. Фрунзе, «Кыргызстан», 1967. 85 с. с илл. (Гос. ком. лесного хоз-ва Совета Министров КиргССР). Библиогр.: с. 84.

Чотонов А. Народные традиции и их воспитательное значение. Фрунзе, «Кыргызстан», 1967. 104 с. На кирг. яз.

Что означает ваше имя? Ташкент, «Фан», 1968. 99 с. На узб. яз. Перед загл. авт.: Я. Менаджиев, Х. Азаматов, Д. Абдурахманов, Э. Берматов.

Шеломенцева З. С. Словарь названий жителей Киргизской ССР. (Краткий). Фрунзе, «Мектеп», 1968. 56 с.

Шермухамедов С. Искусство Узбекистана вчера, сегодня, завтра. [О развитии декоративно-прикл. искусства. «Декоративное искусство СССР», 1968, № 8, с. 2—11.

Эралиев З. З. К вопросу историографии дружбы народов Узбекистана и Киргизии. «Сб. работ аспирантов Кирг. ун-та», вып. 3, 1967, с. 18—24. Библиогр. в подстроч. примеч.

Эрматов М. Этногенез и формирование предков узбекского народа. Ташкент, «Узбекистан», 1968. 199 с. Библиогр.: с. 186—198.

Юлдашев М. Ю. Интересный документ по истории хивинского крестьянства XIX века. [О дафтаре по сбору земельного налога (солгут) за 1843 г.]. «Обществ. науки в Узбекистане», 1968, № 1, с. 28—30.

Юнусова Н. З. Декоративная вышивка Ура-Тюбе начала XIX — конца XX в. «Изв. АН ТаджССР». Отд-ние обществ. наук, 1968, № 2, с. 62—73. Резюме на тадж. и англ. яз.

Юсупов Х. К происхождению туркмен-огурджалинцев. «Сов. этнография», 1968, № 2, с. 106—113. Библиогр. в подстроч. примеч.

Якубов Г. Положение женщины-таджички до Великой Октябрьской социалистической революции. «Уч. зап. Душанб. пед. ин-та», т. 58 (Кафедра истории СССР), 1968, с. 37—75. Библиогр. в примеч.: с. 72—75.

Якубовская С. И. Народы Советского Востока в образовании и развитии СССР. (Историогр. обзор). «Народы Азии и Африки», 1967, № 6, с. 88—99. Библиогр. в подстроч. примеч.

Авторефераты

Абрамзон С. М. Киргизы в их этногенетических и историко-культурных связях с народами сопредельных стран. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Л., 1967. 39 с. (АН СССР. Ин-т этнографии

им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Список работ. авт.: с. 36—39 (37 назв.).

Амантыев О. Труд Мухаммеда Қазима (Наме-йи алам ара-йи Надири) как источник по истории Туркменистана первой половины XVIII в. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Ашхабад, 1968. 23 с. (АН ТуркмССР. Ин-т истории им. Ш. Батyroва).

Ашуров Т. Опыт исследования приемов создания юмора и сатиры в узбекских народных дастанах. (На основе дастанов «Гороглы»). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Ташкент, «Фан», 1967. 16 с. (АН УзССР. Ин-т яз. и литературы им. А. С. Пушкина).

Бижанов М. Казахстан второй четверти XVIII века в трудах и записках русских исследователей. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Алма-Ата, 1968. 32 с. (АН КазССР. Объедин. учен. совет по обществ. наукам).

Исмаилов Б. Материальная и духовная культура сельскохозяйственных рабочих Узбекистана. (На материалах совхозов Андижан. обл.) Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Ташкент, 1967. 47 с. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

Камалов С. Социально-экономическое и политическое положение каракалпак в XVIII—XIX веках. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Ташкент, 1967. 40 с. (Каракалп. филиал АН УзССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Н. Давкараева). Список работ автора: с. 39—40.

Маджисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX—начале XX века. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Душанбе, 1968. 39 с. (Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина).

Мамбетуллаев М. История орошения Каракалпакской АССР (1937—1965 гг.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Ташкент, 1967. 22 с. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

Мукашева Р. Р. Социально-экономическое развитие Средней Азии и торговые пути, проходившие через нее (VI—II вв. до н. э.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М., 1968. 22 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра древней истории).

Ниязов А. Развитие социалистической культуры Узбекистана в период завершения строительства социализма и перехода к строительству коммунизма (1946—1965 гг.). (На материалах Андиж. обл.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Ташкент, 1968. 30 с. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

Ташбаева Т. Об основных формах феодальной эксплуатации в сельском хо-

зяйстве Узбекистана в конце XIX—начале XX в. (Ист.-этногр. очерк). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Ташкент, 1968. 26 с. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

Ташев Х. Культура и быт животноводов Зарафшанской долины (конец XIX—60-е гг. XX в.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Ташкент, 1968. 44 с. (АН УзССР. Ин-т истории и археологии).

Турсунова М. С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. (Вопросы соц.-экон. и полит. истории). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Алма-Ата, 1967. 19 с. (АН КазССР. Объединен. учен. совет по обществ. наукам).

Шермухамедов Б. Таджикская детская народная поэзия. Душанбе, 1967. 26 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. (Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина). Список работ автора: с. 25—26.

Юсупов Х. Приузбойские туркменские племена позднего средневековья (XIV—XV вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. М., 1968. 15 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Рецензии

Аргынбаев Х. и Дильмухамедов Е. [Рец.]: Шаленов У. Х. Казахи низовьев Аму-Дарьи. (К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв.) Ташкент, «Фан», 1966. 335 с. «Сов. этнография», 1968, № 3, с. 147—149.

Едыгенов Н. и Пан Н. [Рец.]: Книга, освещающая путь культурного строительства в Казахстане. [Сулейменов Р. Б. и Бисенов Х. И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов. (История строительства советской культуры Казахстана. 1917—1965 гг.) Алма-Ата, «Наука», 1967. 424 с.] «Изв. АН КазССР. Серия обществ.», 1968, № 5, с. 76—77.

Кисляков Н. А. [Рец.]: Культура и быт казахского колхозного аула. Отв. ред. А. Х. Маргулан и В. В. Востров. Алма-Ата, «Наука», 1967. 304 с. «Сов. этнография», 1968, № 1, с. 181—184.

Кузьмина Е. Е. [Рец.]: Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана. [Гулямов Я. Г., Исламов У. и Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, «Фан», 1966. 267 с.] «Сов. археология», 1968, № 2, с. 302—309.

Юдин В. П. [Рец.]: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., «Наука», 1964. 215 с. «Изв. АН КазССР. Серия обществ.», 1968, № 1, с. 64—71.

Составитель Р. В. Каменецкая

ЦВЕТАНА РОМАНСКА

4 марта 1969 г. в Софии скончалась известная исследовательница славянского фольклора профессор Цветана Романска. Ее смерть — огромная утрата не только для болгарской науки, но и для всей славянской фольклористики и этнографии. Цветана Романска была неутомимым собирателем, выдающимся ученым и талантливым преподавателем, вырастившим многих болгарских научных работников и преподавателей.

Цветана Романска родилась 29 декабря 1914 г. в Софии, там же в 1937 г. окончила историко-филологический факультет университета по отделению славянской филологии, после чего специализировалась в течение двух лет в Карловом университете (Прага). В 1939 г. она защитила в Праге докторскую диссертацию «Апокрифы о богородице и болгарские народные песни». Возвратившись на родину, Цв. Романска начала преподавать в Софийском университете, где она работала непрерывно в течение 30 лет. За эти годы Цв. Романска прочитала многочисленные общие и специальные курсы, в том числе по славянскому фольклору, русскому фольклору, болгарскому фольклору, славянской этнографии, болгарской этнографии, общей этнографии. Параллельно Цв. Романска вела научную работу в Этнографическом институте Болгарской Академии наук, где с 1962 г. возглавила секцию фольклора. В 1960-е годы болгарские фольклористы под руководством Цв. Романской провели много экспедиций по выявлению современного состояния эпоса и по записи быличек. Собранные материалы по юнацкому эпосу подготовлены к печати и, надо надеяться, что они в ближайшее время увидят свет. Большое внимание Цв. Романска уделяла изучению быта и фольклора казаков-некрасовцев, русского населения с. Казашко близ Варны¹.

Новой страницей в истории болгарской фольклористики явились работы Цветаны Романской о творческом начале и личности певца в этнической традиции (см., в частности, статьи о деде Мано и пазарджикских певцах, отце и сыне).

Для преподавания фольклора в болгарских вузах большую роль сыграли хрестоматии Цв. Романской по болгарскому и славянскому фольклору. В последней из них значительное место занимают образцы фольклора восточных славян. Во многих статьях Цв. Романска последовательно на различном материале ставила вопрос о межславянской фольклорной общности.

Цв. Романска была членом различных международных ассоциаций и комиссий, принимали участие в съездах славистов (в Москве, Софии, Праге), в фольклористических конференциях и конгрессах в Афинах, Будапеште, Ростове, Либлице, Тиране и др., в IX, XI, XIII и XIV конгрессах фольклористов Югославии и т. д. Ее выступления всегда привлекали внимание. Общительная, доброжелательная, остроумная Цв. Романска пользовалась уважением и любовью не только своих учеников и ближайших товарищей по работе, но и многих ученых Европы.

Э. В. Померанцева, Ю. И. Смирнов

¹ Э. В. Померанцева, Фольклорная работа Цветаны Ст. Романской, сб. «Народная устная поэзия Дона», Ростов-на-Дону, 1963, стр. 404—407.

- Апокрифите за Богородица и българската народна песен. «Сборник на Българската академия на науките», кн. XXXIV, 1940.
- Стилни похвати на патриарх Евтимий. «Сборник на Българската академия на науките», т. XXXVII, № 2, 1942.
- Ф. Л. Челаковски и славянското народно творчество с особен оглед към българските народни песни и пословици. «Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет», т. XI, 1944—1949.
- Всеславянските хрестоматии на Франтишек Л. Челаковски и тяхната българска част. «Списание на Българската академия на науките», кн. LXXI, 1950.
- Дядл Мано — автор и изпълнител на народни песни от с. Маслово, Софийско. «Известия на ЕИМ», т. I, 1953.
- Принос към изучаването на българския партизански бит и фолклор (по материали от Плевенско и Ловешко). София, 1954 (совместно со Ст. Стойковой).
- Общи особености на българските и сръбските народни хайдушки песни. «Славистичен сборник», т. II, София, 1958.
- Българските народни пословици с историческа тематика в сравнение с пословиците на останалите славянски народи. Сб. «Славянская филология», т. III, М., 1958.
- Българско народно поэтично творчество (хрестоматия). София, 1958; 2-е изд., 1964.
- Фолклорът на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско. «Годишник на Филологическия факултет», т. 53, 1958.
- Постижения и задачи на съвременната българска фолклористика. «Език и литература», кн. 4, 1958.
- Риболовът на русите-некрасовци в с. Казашко, Варненско. «Годишник на Филологическия факултет», т. 54, № 1, 1960.
- Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско. «Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Ст. Романски», София, 1960.
- Чешко-български речник. София, 3-е переработ. изд., 1961.
- Славянски фолклор. Очерци и образци. София, 1963.
- Към въпроса за произхода, разпространението, мотивите и развитието на песните за Крали Марко у южните славяни. Сб. «Славянская филология», т. V, София, 1963.
- Преданията за Крали Марко във фолклора на южните славяни (обща характеристика). Сб. «Славистични студии», София, 1963.
- Българските народни исторически предания. «Българско народно творчество», т. XI, София, 1963.
- Песни на двама народни певци — баша и син от с. Лютово, Пазарджишко. СбНУ, кн. 50, София, 1963.
- Българските народни пословици със социална тематика в сравнение с пословиците на останалите славянски народи. «Рад XI-ог конгреса Савеза фолклориста Југославије у Мостару и Требиније од 16.VIII до 23.IX.1962», Сарајево, 1963.
- Към проучването на българския детски фолклор. Приспивни песни (совместно с Г. Веселиновым). «Известия на ЕИМ», кн. VII, София, 1964.
- Съвременната българска фолклористика — състояние и постижения, задачи и перспективи. «Език и литература», 1964, кн. 4.
- Към въпроса за проучването на българския работнически фолклор. «Народно stvaralаштво», св. 12, Београд, 1964.
- Неке опште особине песама о Краљевићу Марку које су записане у новије време на Далматинским отоцима и у Бугарској. «Рад XI-ог конгреса Савеза фолклориста Југославије у Новом Винодолском. 1964», Загреб, 1964.
- Българската народна песен. София, 1965.
- K charakteristice Jiřího Polívky jako vědce-folkloristy. sb. «Strážnice 1964—1965», Brno, 1966.
- Българските народни песни — някои техни характерни особености и сходствата им с народните песни на останалите славянски народи. Сб. «Славистични изследвания», София, 1968.
- Тенетични връзки и типологични сходства на българския юнашки епос със сърбохърватски юнашки песни, руските былини и украинските епически песни. «Славянская филология», т. XI, София, 1968 (совместно с Р. Ангеловой, Т. Живковым и С. Стойковой).

СЕРГЕЙ РУФОВИЧ СМІРНОВ

Наша историческая наука понесла невосполнимую утрату — 25 мая 1969 г. скончался доктор исторических наук Сергей Руфович Смирнов, виднейший историк и этнограф-африканист, один из создателей современной школы советской африканистики.

С. Р. Смирнов родился 28 октября 1909 г. в дер. Бутурлиновка Воронежской области в семье земского врача. Рано потеряв родителей, он уже в восемнадцатилетнем возрасте, после окончания двух курсов педагогического техникума в г. Торжке, начал свою трудовую деятельность как учитель в школах Дальнего Востока, Сибири и Казахстана. Эта работа во многом предопределила такие характерные черты всей последующей научной деятельности Сергея Руфовича, как высокая требовательность к себе, строгость и ясность изложения материала и большое внимание к подготовке квалифицированных специалистов.

В 1934 г. впервые в нашей стране производился набор студентов в африканский сектор филологического факультета Ленинградского государственного университета. Одним из шести первых студентов-африканистов стал С. Р. Смирнов. По окончании курса в 1939 г. он поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Но далеко не сразу удалось ему начать самостоятельную научно-исследовательскую работу.

В июне 1941 г. С. Р. Смирнов ушел добровольцем в действующую армию и участвовал в боях по защите Ленинграда. В ноябре того же года он был отозван из армии для продолжения занятий в аспирантуре. В декабре 1946 г. С. Р. Смирнов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Восстание махдистов в Судане», а в январе 1947 г. начал работать в Институте этнографии.

Еще во время обучения в аспирантуре определилось одно из главных направлений научных интересов С. Р. Смирнова — этническая история и процессы национальной консолидации населения Северо-Восточной Африки. В частности, народов Судана. Труды Сергея Руфовича всегда были этнографичными в самом лучшем и самом широком смысле этого слова. Для них характерен всесторонний учет всех факторов истории этноса, всех явлений и связей, определявших его развитие. В своей книге «Восстание махдистов в Судане» (1950), в таких работах, как «Образование и пути развития северосуданской народности» (1956), «Роль государства махдистов в становлении северосуданской нации» (1960), наконец, в капитальном исследовании «История Судана. 1821—1956» (1968; этот труд был защищен как докторская диссертация в 1967 г.) он убедительно показал историческую закономерность национально-освободительной войны народов Судана в последней четверти прошлого века и ее огромное воздействие на сложение северосуданской нации. При этом особое внимание С. Р. Смирнов обратил на ту роль, которую сыграло освободительное движение в укреплении национального самосознания, в возникновении традиций национальной государственности — этой проблеме он посвятил свой доклад для II Международного конгресса африканистов (Дакар, 1967).

Как и в области изучения этнических процессов, протекающих в Судане, С. Р. Смирнов был пионером в общем этнографическом изучении этой страны. Ему принадлежат посвященные Судану и Египту главы первого в мировой науке сводного этнографического описания Африки — «Народы Африки» (1954) в серии «Народы мира». В 1961 г. эта работа в дополненном и переработанном виде была опубликована в ГДР на немецком языке.

Изучение национально-освободительной борьбы народов африканского континента логически привело Сергея Руфовича к исследованию такой проблемы, как влияние различных форм колониальной администрации на формы и интенсивность этой борьбы. В работах по Судану, в статье «Английская политика косвенного управления в Юго-Восточной Нигерии» (1950), в докладе «Сущность косвенного управления», написанном для XXVI Международного конгресса востоковедов (Дели, 1964), он на огромном фактическом материале показал истинное содержание системы «косвенного управления», ее хищнический и глубоко враждебный подлинным интересам африканских народов характер. Эти исследования послужили немаловажным вкладом в разоблачение империалистической пропаганды. Проблема «косвенного управления» интересовала Сергея Руфовича до последних дней жизни: он не раз говорил о своем желании посвятить ей специальную монографию. Можно только глубоко сожалеть о том, что неожиданная смерть помешала ему реализовать этот интереснейший замысел.

Вклад С. Р. Смирнова в советскую африканистику нельзя ограничить только написанными им самим работами, какими бы ценными они ни были. Не меньшую роль сыграл он и как редактор больших коллективных трудов, таких, как Энциклопедический справочник «Африка» (1963), «История Африки в XIX — начале XX в.» (1967), «Новейшая история Африки» (1964; второе издание — 1968). Последняя из этих книг была переведена на английский и французский языки. Широкий и благожелательный отклик, который эти работы получили за рубежом, и в частности в странах Африки, свидетельствует о высоком научном уровне советской африканистики, созданию и укреплению которой С. Р. Смирнов отдал столько сил и труда. С момента создания в 1959 г. Института Африки АН СССР он бесменно возглавлял в нем Сектор истории, а практически — целое научное направление: изучение истории народов африканского континента.

Не один раз С. Р. Смирнов достойно представлял советскую науку на международных научных конгрессах и конференциях. Он входил в состав советских делегаций на XXV Международном конгрессе востоковедов (1960, Москва), I Международном конгрессе африканистов (1962, Аккра), VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (1964, Москва), Международной конференции «Судан и Африка» (1968, Хартум). В 1965 г. С. Р. Смирнов был представителем Академии наук СССР на сессии Восточно-Африканской академии в Найроби. На этих собраниях ученых, так же как и во время своих полевых поездок в Сомали и Судан, он выступал как подлинный полпред советской передовой науки, решительно борясь с любыми попытками исказить историю Африки.

С. Р. Смирнов неустанно заботился о пополнении рядов африканистики, этой сравнительно молодой у нас отрасли науки, новыми кадрами. Он был прекрасным воспитателем и умел собрать вокруг себя коллектив способных и самостоятельно мыслящих людей. При этом большой заслугой Сергея Руфовича было то, что он придавал важное значение обучению и воспитанию не только советских, но и африканских исследователей. Он активно сотрудничал с молодыми суданскими историками, обучавшимися в нашей стране; некоторые из них успешно защитили диссертации и продолжают вести научную работу у себя на родине. Он задумал Сомалийскую экспедицию, в подготовку которой вложил столько сил и энергии. К глубокому нашему прискорбию, Сергей Руфович не сможет сам участвовать в этой экспедиции.

Успехи С. Р. Смирнова в подготовке научной молодежи в немалой степени объяснялись, помимо его огромного научного авторитета и широчайшей эрудиции, исключительным обаянием его личности. Он обладал глубокой человечностью и неизменной доброжелательностью по отношению к людям. Человек очень мягкий и деликатный, интересный и остроумный собеседник, всегда умевший подняться над частностями, он бывал непоколебимо тверд, как только дело касалось принципиальных вопросов. Ни один из нас, знавших Сергея Руфовича много лет, не сможет припомнить случая, когда бы он отступил от столь характерных для него строжайшей объективности и партийности в науке. Таким был Сергей Руфович Смирнов. Таким он и останется в нашей памяти.

Группа товарищей

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ С. Р. СМИРНОВА

Восстание махдистов в Судане. КСИЭ АН СССР, вып. IV, М., 1948.

Английская политика «косвенного» управления в юго-восточной Нигерии. «Сов. этнография», 1950, № 3.

Восстание махдистов в Судане. ТИЭ АН СССР, т. VI, М., 1950.

Восточный Судан. В кн.: «Народы Африки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1954.

Египет. Там же.

Образование и пути развития северосуданской народности. «Африканский этнографический сборник», I, ТИЭ АН СССР, т. XXIV, М., 1956.

Октябрь и великие перемены в странах Востока. «Сов. этнография», 1957, № 6 (совместно с Г. А. Нерсесовым).

Судан. В кн.: «Арабы в борьбе за независимость», М., 1957.

Образование Республики Судан. «Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958.

Образование суданской народности и пути ее развития. КСИЭ АН СССР, вып. XXVIII, М., 1958.

Поездка в Республику Судан. «Сов. этнография», 1958, № 6.

Voyage en République Soudanaise. «Les Africanistes russes parlent de l'Afrique», Paris, «Présence Africaine», 1960.

Роль государства махдистов в становлении северосуданской нации. «XXV' Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.

Африка накануне 1956 г. «Африка 1956—1961», М., 1961 (совместно с В. Б. Луцким).

Ägypten. «Die Völker Afrikas. Ihre Vergangenheit und Gegenwart», Bd. I, Berlin, 1961.

Die République Sudan. «Die Völker Afrikas. Ihre Vergangenheit und Gegenwart», Bd. I, Berlin, 1961.

Period Division of Africa's Contemporary History. «I International Congress of Africanists. Papers presented by the delegation of the USSR», М., 1962 (также на франц. яз.).

Первый Международный конгресс африканистов. «Народы Азии и Африки», 1963, № 3.

Сущность косвенного управления (на примере Судана). «XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1963 (на русском и английском яз.).

Судан. «Новейшая история Африки», М., 1964.

« Проблемы истории Судана (1821—1956). Автореф. докторской дисс., М., 1966.

Судан. «История Африки в XIX — начале XX в.», М., 1967.

State Formation in the Course of Liberation Wars. «II International Congress of Africanists. Papers presented by the delegation of the USSR», М., 1967 (также на франц. яз.).

История Судана (1821—1956). М., 1968.

Судан. «Новейшая история Африки», изд. 2-е, исправл. и дополн., М., 1968.

Introduction. «A History of Africa. 1918—1967», М., 1968 (совместно с другими).

The Sudan. «A History of Africa. 1918—1967», М., 1968.

Statehood Formation in the Course of the Mahdist Uprising. International Conference «Sudan and Africa», Khartoum, 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Покшишевский (Москва). Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения . . .	3
М. Н. Губогло (Москва). О влиянии расселения на языковые процессы . . .	16
Р. Л. Неменова (Душанбе). Сложение таджикского населения Варзоба . . .	31
Г. А. Носова (Москва). Картографирование русской масленичной обрядности (на материалах XIX — начала XX века) . . .	45
Д. Е. Еремеев (Москва). Особенности образования турецкой нации . . .	57
Р. Л. Карнейро (Нью-Йорк). Переход от охоты к земледелию . . .	68
Дискуссии и обсуждения	
Л. В. Хомич (Ленинград). О содержании понятия «этнические процессы» . . .	79
Сообщения	
Л. С. Соловей (Тирасполь). К вопросу о национально-смешанных семьях в Молдавии . . .	88
В. П. Пачулия (Сухуми). Туризм и национальные традиции . . .	91
М. А. Дэвлет (Москва). О брахикранном компоненте в составе населения таггарской культуры . . .	94
В. А. Новикова (Ленинград). Современное изучение бенгальского фольклора в Индии и Пакистане . . .	98
Поиски, факты, гипотезы	
Я. Бурнан, Б. Моухова (Прага). Взгляд в этрусский микромир . . .	106
Научная жизнь	
Е. В. Иванова, А. М. Решетов (Ленинград). Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1968 года . . .	119
Д. Д. Тумаркин (Москва). Вторая Всесоюзная конференция океанистов и австраловедов . . .	126
Хроника	
М. С. Кашуба (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1968 году . . .	130
Г. Г. Шаповалова (Ленинград). 80 лет со дня рождения М. К. Азадовского . . .	139
Б. А. Калоев, Г. А. Сергеева, А. Г. Трофимова (Москва). К 60-летию Леонида Ивановича Лаврова . . .	141
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
В. В. Седов, Л. Н. Терентьева (Москва). Ценные исследования о прибалтийско-славянских культурных связях . . .	143
И. Эрдели (Будапешт). Обзор журнала «Этнография» Венгерского этнографического общества за 1959—1968 гг. . . .	149
Народы СССР	
Л. М. Сабурова (Ленинград). В. И. Брудный. Обряды вчера и сегодня . . .	156
В. Я. Басин, Н. Е. Бекмаханова (Алма-Ата). В. В. Востров, М. С. Мука- нов. Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX—XX в.) . . .	159
З. Н. Ворожейкина (Ленинград). Б. Тиладов. Поэтика таджикских народ- ных пословиц и поговорок . . .	161
В. А. Туголуков (Москва). Орочские сказки и мифы . . .	163

Народы зарубежной Азии

Е. В. Иванова (Ленинград). Н. Р. Phillips. Thai peasant personality	168
Г. Е. Комаровский (Москва). Ichiro Hori. Folk Religion in Japan	172

Народы Америки

Н. В. Русинов (Петрозаводск). G. Valcárcel. Perú: mural de un pueblo. Apuntes marxistas sobre el Perú prehispanico	175
--	-----

Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана

<u>Цветана Романска</u>	178
<u>Сергей Руфович Смирнов</u>	185

На первой странице обложки: таджичка (ягнобка) из кишлака Зуманд (долина реки Варзоб). Фото З. А. Широковой (см. статью Р. Л. Неменовой)

SOMMAIRE

V. V. Pokchichevski (Moscou). Les processus ethniques dans les villes de l'U. R. S. S. et quelques problèmes de leur étude	3
M. N. Gouboglo (Moscou). De l'impact de la repartition géographique sur les processus linguistiques	16
R. L. Niéménova (Douchanbé). La composition des populations tadjik du Varzob	31
G. A. Nossova (Moscou). Fixation cartographique du rituel russe de «maslénitsa» (carnaval de printemps) — d'après les matériaux du XIXe — début XXe siècles	45
D. Ye. Yeréméiev (Moscou). Particularités de la formation de la nation turque	57
R. L. Carneiro (New York). Le passage de la chasse à l'agriculture	68

Discussions et deliberations

L. V. Khomitch (Léningrad). De la substance du concept des «processus ethniques»	79
--	----

Communications

L. S. Soloviey (Tiraspol). Sur les familles à ethnie mixte en Moldavie	88
V. P. Patchoulia (Soukhoumi). Tourisme et traditions nationales	91
M. A. Devlet (Moscou). Sur le composant brachicrane des populations de la civilisation de Tagar	94
V. A. Novikova (Léningrad). Etudes modernes du folklore bengal à l'Inde et au Pakistan	98

Recherches, faits, hypotheses

J. Burian, B. Mouhova (Prague). Un regard sur le microcosme etrusque	106
--	-----

Vie scientifique

Ye. V. Ivanova, A. M. Réchetov (Léningrad). Une session sur les résultats des travaux archéologiques et ethnographiques sur le terrain en 1968	119
D. D. Toumarkine (Moscou). Deuxième conférence nationale des océanistes et des australisants	126

Chroniques

M. S. Kachouba (Moscou). Travaux de l'Institut de l'Ethnographie en 1968	130
G. G. Chapovalova (Léningrad). Le 80e anniversaire de M. K. Azadovski	139
B. A. Kaloïev, G. A. Serguëieva, A. G. Trofimova (Moscou). Pour le 60e anniversaire de Léonide Ivanovitch Lavrov	141

Critique et bibliographie

Articles de critique et aperçus

V. V. Sédov, L. N. Térentiëva (Moscou). Etudes de valeur sur les contacts culturels balto-slaves	143
I. Erdely (Budapest). «Ethnographia», revue de la Société ethnographique hongroise (1959—1968)	149

Peuples de l'U. R. S. S.

L. M. Sabourova (Leningrad). V. I. Broudny. Les rites, hier et de nos jours	156
V. Ya. Bassine, N. E. Bekmakhanova (Alma-Ata). V. V. Vostrov, M. S. Moukanov. Composition clanique et tribale et repartition des Kazakh (fin de XIXe—XXe siècles)	159
Z. N. Voroeïkina (Léningrad). B. Tilavov. La poétique des proverbes et dictons tadjiks populaires	161
V. A. Tougoloukov (Moscou). Contes et mythes des Grotchi	163
V. N. Tchernetsov (Moscou). Popular beliefs and folkrole tradition in Siberia	165

Peuples de l'Asie étrangère

Ye. V. Ivanova (Léningrad). H. P. Phillips. Thai peasant personality. The patterning of interpersonal behaviour in the village of Bang Chan	168
G. E. Komarovski (Moscou). Ichiro Horf. Folk religion in Japan	172

Peuples de l'Amérique

N. V. Roussinov (Pétrozavodsk). G. Valcàrcel. Perú: mural de un pueblo. Apuntes marxistas sobre el Perú prehispanico	175
--	-----

Nouvelles publications sur les peuples de l'Asie Centrale et du Kazakhstan	178
--	-----

Tsvétana Romanska	185
-------------------	-----

Sergueï Roufovitch Smirnov	187
----------------------------	-----

Sur la couverture: une femme Tadjik (Yagnobienne) du village de Zoumand (vallée du Varzob). Cliché: Z. A. Chirokova (v. l'article de R. L. Niëmenova).

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 14/VII-1969 г.	T-13856	Подписано к печати 6/X-1969 г.	Тираж 2135 экз.
Зак. 5760	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Печ. л. 16,8.	Бум. л. 6 Уч.-изд. листов 20,6

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанные литературно, в готовом для печати виде, подписанные автором. И текст, и ссылки обязательно должны быть напечатаны на машинке с одной стороны листа через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, служебный и домашний телефоны.

2. Объем статей не должен превышать 24 стр., рецензий — 8—10 стр. К статьям должно быть приложено краткое резюме ($\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ стр.).

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная по всей статье.

4. Порядок ссылок на монографии: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), место и год издания, страница.

5. Порядок ссылок на статьи в журналах и сборниках: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), название журнала или сборника (в кавычках), год издания, том, выпуск или номер, страница. Все названия журналов и сборников давать без сокращений.

6. Помещенные в одной сноске ссылки на различные работы разделяются точкой с запятой.

7. Классики марксизма-ленинизма цитируются по последнему изданию.

8. Если в статье имеется несколько ссылок на одну и ту же работу, то во всех случаях, кроме первого, после фамилии автора надо писать: Указ. раб. Если в статье имеются ссылки на несколько работ одного автора, то во всех повторных ссылках надо после фамилии автора давать полное название работы без выходных данных.

9. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастное на белой глянцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора и номер иллюстрации. Подписи под рисунками должны быть напечатаны на машинке на отдельной странице в двух экземплярах.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Готовятся к печати книги:

ОДЕЖДА НАРОДОВ СИБИРИ

Сборник статей. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.
20 л. 1 р. 60 к.

Сборник включает в себя ряд статей, исследующих одежду самодийской группы, кетов, нивхов и других народов Сибири. Авторы на многочисленных полевых материалах и на материалах коллекций ленинградских этнографических музеев показывают принципы раскроя и способы шитья мужской, женской и детской одежды, ареалы типов одежды, ее изменения, приспособленность к различным хозяйственным занятиям, значение для выяснения вопросов этногенеза и т. п. Статьи иллюстрированы.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ, КУЛЬТУРЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У НАРОДОВ СЕВЕРА.

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.
19 л. 1 р. 50 к.

В сборнике освещаются этнические процессы у многих народов, населяющих Север европейской части СССР, Западной Сибири, Туруханского края, низовья Оби, Таймырского, Эвенкийского национальных округов, бассейна Нижнего Амура.

С достаточной полнотой отражены изменения в хозяйстве, культуре, быту, семейных отношениях, происшедших после Великого Октября у ненцев, нганасан, долган, эвенков, селькупов, хантов, манси и др.

РУССКИЕ

Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма.

(Середина XIX — начало XX в.)

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.
20 л. 1 р. 45 к.

Настоящее издание является дополнением к ранее изданному Историко-этнографическому атласу «Русские». В него вошли новые исследования по важнейшим разделам материальной культуры русского народа — украшениям к жилищам (внутренняя планировка, отделка, меблировка и наружные украшения крестьянского дома), украшениям одежды — вышивка, узорное ткачество и т. д.

В приложении дается подробная библиография, разработка карт и таблиц, помещенных в атласе, указатель архивных материалов и другие данные, связанные с составлением атласа.

Книга богато иллюстрирована.

Заказы на книги посылайте в магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига» (Москва, В-463, Мичуринский проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Москва, ул. Горького, 8; ул. Вавилова, 55/5; Ленинград, Литейный пр., 57; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Новосибирск, Красный пр., 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Ташкент, ул. Карла Маркса, 28; ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, пр. Октября, 129; Кожмунистическая ул., 49; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Иркутск, ул. Лермонтова, 303; Душанбе, проспект Ленина, 95; Куйбышев, проспект Ленина, 2.

«АКАДЕМКНИГА»